ПРАВИЛА
АДВОКАТСКОЙ ПРОФЕССІИ
ВЪ РОССІИ.

ОПЫТЪ СИСТЕМАТИЗАЦІИ ПОСТАНОВЛЕНІЙ СОВѢТОВЪ ПРИСЯЖНЫХ ПОВѢРЕННЫХЪ ПО ВОПРОСАМЪ ПРОФЕССІОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ.

Составилъ

ЧЛЕНЪ СОВѢТА ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ ОКРУГА МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ

А. Н. МАРКОВЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
у А. Н. Маркова—Москва, Хлѣбный пер., д. № 9.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой.
Большая Никитская, д. Шапошниковой

1913 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя
Общий взгляд на задачи адвокатуры [1-19][1]
Компетенция Советов присяжных поверенных [20-100]
Отношение присяжных поверенных к Совету и сословию [101-137]
Занятия и действия, несовместимые со званием присяжного поверенного [138-175]
Обязательное жительство присяжных поверенных в пределах округа [176-188]
Недопустимые способы приобретения дел [189-227]
Ведение дел присяжными поверенными [228-587]

1. Принятие дел [228-276]
2. Значение доверенности и пользование ею [277-321]
3. Приобретение прав доверителей по их тяжбам (нарушение 400 ст. Учр. Суд. Уст.) [322-332]
4. Переход на сторону противника (нарушение 402 ст. Учр. Суд. Уст.) [333-346]
5. Мировые соглашения по делам доверителей [347-359]
6. Недостаточное знание законов [360-366]
7. Неявка в заседание Суда [367-388]
8. Медленность ведения дел [389-409]
9. Пропуск срока на подачу жалобы [410-419]
10. Розыск ответчиков, имущества должников и т.п. [420-429]
11. Разные случаи при участии присяжных поверенных в процессе [430-483]
12. Отношение к противникам по делу [484-512]
13. Ведение дел по праву бедности [513-542]
14. Участие присяжных поверенных в делах о несостоятельности [543-552]
15. Участие присяжных поверенных в бракоразводных делах [553-562]
16. Участие присяжных поверенных при исполнительных действиях [563-575]
17. Отказ от ведения дел [576-587]

Защита по уголовным делам [588-708]
Наблюдение присяжных поверенных за находящимися у них в производстве делами и канцелярией [709-727]
Отношение присяжных поверенных к доверителям [728-787]
Хранение вверенной тайны [788-799]

[1] Для удобства пользования все фрагменты книги Маркова пронумерованы. Здесь и далее цифры в квадратных скобках означают номер соответствующего фрагмента

Сообщение доверителям отчета и сведений по делам [800-821]
Удержание принадлежащих доверителям документов [822-836]
Удержание денег [837-857]
Ведение расходов по делам доверителей [858-869]
Расчет с доверителями [870-883]
Вознаграждение присяжных поверенных по делам [884-934]
Обеспечение договоров о вознаграждении [935-942]
Аванс при заключении договора о вознаграждении [943-950]
Чрезмерное вознаграждение [951-959]
Вознаграждение при ведении дел об увечьях [960-971]
Вознаграждение по делам уголовным [972-985]
Определение размеров вознаграждения Советом и взыскание его судебным порядком [986-997]
Отношение к Суду и должностным лицам [998-1040]
Отношение к товарищам [1041-1090]
Взаимные отношения между присяжными поверенными и их помощниками [1091-1108]
Поведение присяжных поверенных вне профессиональной деятельности [1109-1148]
Разъяснения Советов присяжных поверенных по разным случаям, не вошедшим в предыдущие главы [1150-1189]
Участие присяжных поверенных в печати [1150-1156]
Участие присяжных поверенных при заключении сделок [1157-1168]
Участие присяжных поверенных в дуэлях [1169-1170]
Незаконное обращение к лицам за содействием в делах [1171-1175]
Отсутствие у помощников присяжных поверенных свидетельства на ведение дел [1176-1180]
Разные случаи [1181-1189]

От составителя

«Прежде всего адвокат должен поставить себе за правило хорошо ознакомиться с обязанностями своей профессии и определить свои силы» (maitre Mollot. Regles de la profession d'avocat, т. 1, стр. 23)

«Незнание своих профессиональных обязанностей может привести адвоката к такого рода действиям, за которые, без всякого с его сторо-

ны предосудительного умысла, он может подвергнуться дисциплинарному взысканию» (maitre Mollot. Regles de la profession d'avocat, т. 1, стр. 24)

«Помощники, готовясь быть присяжными поверенными, должны как можно раньше усвоить себе традиции этого сословия, проникнуться мыслью о своей солидарности с ним, принять к сердцу его интересы» (К.К.Арсеньев. Заметки о русской адвокатуре, стр. 37, изд. 1875 г.)

Содержание настоящей книги объемлет собою многолетний труд Советов присяжных поверенных, как представительных органов присяжной адвокатуры в России. Само собою разумеется, что наибольшее количество этого труда, этого творчества по созданию и выработке этических норм адвокатского поведения приходится на долю старейших по времени открытия Советов, каковыми являются С.-Петербургский, Московский и Харьковский; но и более молодые Советы – Иркутский, Казанский, Новочеркасский, Одесский и Саратовский уже успели внести и свою лепту в этот кодекс морали адвокатской профессии.

Русская адвокатура приближается к полувековому периоду своего существования. Если для истории адвокатуры в России этот период является сравнительно с другими странами небольшим, если для истории наша адвокатура еще молода и не может дать такого обширного материала, как адвокатура Западной Европы, то в области своего самоопределения, в сфере творчества этических норм и выработки норм поведения она дала настолько обильный материал, что в данный момент является полная возможность не только наметить, но и ясно определить тот внутренний облик адвоката в России, ту идеализацию его прав и обязанностей, тот взгляд на его общественное служение, которые родились, развились, выросли и окрепли в среде самой адвокатуры, без всякой посторонней указки, а лишь в силу присвоенных законом этому сословию независимости, самоуправления и самосохранения своего достоинства. Все, что создано до настоящего времени адвокатурой при посредстве ее Советов в сфере этических требований по отношению к своим членам, является не только выражением ее взглядов в прошлом и в данный момент, но и основой будущего ее развития в деле охраны ею своей чести, достоинства и укрепления доверия к ней общества.

Выработанные начала адвокатского поведения и деятельности найдут, конечно, в будущем еще более широкое развитие и применение, когда вся адвокатура будет объединена Советами и, я бы сказал, не только этими отдельными Советами, но рядом с ними единым Высшим в Империи Советом, назначением которого было бы согласование деятельности этих Советов. Серьезное значение Советов присяжных поверенных и их авторитет в сословии были отмечены еще в 1871 г. в среде самой же адвокатуры, а именно – в записках комиссии присяжных поверенных Московского округа, рассматривавшей вопрос об участии присяжных поверенных в разрешении вопросов общего интереса. Вот что изображено было в этой записке: «Центром нашего сословия должен быть Совет, составленный из уважаемых товарищей наших. В адвокатских корпорациях всех свободных государств Совет всегда является представителем чести и достоинства сословия. Он блюдет чистоту обычаев, он хранит предания о славных днях корпорации, о лучших его деятелях, он поддерживает тот элемент в обществе, который держит в равновесии весы правосудия, весьма часто подверженные колебаниям человеческих страстей».

Нормальная, правильная деятельность членов адвокатуры неразрывно связана с существование Советов. Где нет Советов, говорит К.К.Арсеньев в “Заметках о русской адвокатуре”, там нет и сословия. Адвокат, будучи независим, тем не менее должен в каждый момент своей деятельности сознавать, что он не отдельная частица какой-то огромной “*совокупности*”, имеющий общее с другими адвокатами только однородность заработка, но что он член целого “*сословия*”, целой “*корпорации*”, объединяющей всех ее членов, направляющей их и в то же время охраняющей их честь и достоинство. Адвокат в своей деятельности всегда должен помнить, что за ним стоят не отдельные единицы собратьев по профессии, до которых ему может и не быть никакого дела, а стоит целое сословие, как нечто единое, мощное, достоинство которого он должен оберегать; сословие, которое в лице избранных самими адвокатами Советов располагает достаточной силой заставить каждого из своих членов руководиться в своей деятельности и поведении не личными только мотивами своего благополучия и соображениями достоинства и чести целого сословия и установленными им правилами и традициями.

Первой задачей при составлении настоящего сборника было стремление путем систематизации постановлений Советов показать, чего достигло сословие присяжных поверенных в России за время своего существования в области своего самоуправления и создания

этических правил для своих членов. Все правила, мнения, общие положения, сентенции, нашедшие место в этом сборнике выработаны Советами не абстрактно, не в виде канцелярского творчества и измышления, они вылились из сознания самого сословия и являются продуктом его самоопределения и установившихся в среде сословия взглядов, формулированных избранными сословием представительными органами его – Советами. Вырабатывались эти правила самой жизнью сословия по мере доходивших до разрешения Советов отдельных случаев из многосторонней и разнообразной деятельности присяжных поверенных и их помощников. Правила эти создались и живут в целом сословии, к ним прислушиваются, с ними знакомятся по отчетам присяжные поверенные и тех округов, где еще нет Советов; эти правила строгой морали составляют внутреннюю силу сословия и его могучее орудие против раздающихся иногда нападок на адвокатуру. Существованием такой строгой морали, доходящей иногда до ригоризма, и объясняется то несомненное явление, что общество как в первое время существования адвокатуры в России, так и до настоящего времени относится с высоким доверием к сословию присяжных поверенных; а если иногда доверие это и нарушается отдельными членам, что нечуждо и другим учреждениям и организациям, то само сословие находит в себе силы и достойно покарать нарушителя и восстановить попранное им доверие. Подтверждением этому могут служить те созданные сословием строгие правила поведения, каких не существует ни в одной свободной профессии, которые я и попытался систематизировать, в виде до некоторой степени адвокатского кодекса, в настоящем сборнике.

Другой целью выпуска в свет этого сборника было желание пойти навстречу давно сознанной в сословии потребности и неоднократно выражаемым присяжными поверенными пожеланиям иметь для руководства систематизированный сборник правил и мнений Советов, объемлющих профессиональную деятельность адвоката. Кроме того, приступая к составлению сборника, мне казалось, что потребность в нем в настоящее время особенно сказывается как в виду накопившегося большого и разнообразного материала, так и в виду значительного увеличения в последние годы численного состава адвокатуры. Если в первые годы ее существования, при незначительном числе членов ее и при большей их сплоченности, традиции сословия могли усваиваться путем изустной передачи и справками в небольшом количестве отчетов Советов, то в данное время такой способ усвоения создавшихся в сословии традиций и правил адвокатской этики является уже крайне затруднительным. Между тем, усвоение этих традиций как для стажеров, готовящихся

войти в сословие, так и для членов, уже состоящих в нем, является весьма необходимым, чтобы предупредить возможные в их деятельности, хотя бы и добросовестно возникающие ошибки и облегчить им разрешение сомнений при обсуждении вопросов, связанных с достоинством носимого ими звания, на которые сплошь и рядом приходится присяжному поверенному наталкиваться в своей профессиональной деятельности.

Настоящий сборник касается, главным образом, одной сферы деятельности Советов, а именно – дисциплинарной и притом постольку, поскольку в них выражены нормы поведения присяжных поверенных. Составление сборника было начато с рассмотрения деятельности Московского Совета, почему при рассмотрении отчетов других Советов приходилось брать только такие постановления их, которые или не встречались в практике Московского Совета, или, хотя и встречались, но обсуждаемые случаи были разрешены иначе или обсуждены с других точек зрения. Этим и объясняется то, что в сборнике несколько чаще встречаются постановления Московского Совета.

Я не счел себя вправе сводить собранные в этом сборнике взгляды Советов по вопросам адвокатской этики к определенным, строго кодифицированным нормам и тезисам, полагая, во-первых, что освещенные мотивами эти нормы и мнения будут иметь более жизненное значение, указывая тот моральный источник, из которого они возникли, а во-вторых, что подобная кодификация, если бы она являлась и необходимой, не должна быть делом одного лица, а может быть выработана коллективно или съездом присяжных поверенных или съездом представителей Советов.

Излагая постановления Советов, я старался избегать указания на то, какими дисциплинарными взысканиями сопровождались те или иные отступления членов сословия от требований адвокатской этики, находя, что цель этого сборника заключается не в том, чтобы указать, какой каре подвергается присяжный поверенный за нарушение обязанностей профессии, а в том, чтобы указать, какие обязанности лежат на присяжных поверенных и какие условия от этих обязанностей вызывали осуждения Советов.

Каждое мнение, правило, постановление Совета сопровождено мною указанием того отчета, из которого оно взято. Первые цифры, большею частью дробью, означают год отчета, следующее число – страницу его. Что касается некоторых московских отчетов, имеющих несколько нумераций страниц, то мною указаны части этих отчетов, соответствующие первой, второй и т. д. нумерациям страниц. Если под постановлением Совета встречается ссылка на несколько

отчетов, то первая дата относится к помещенному в сборнике постановлению, остальные же указывают отчеты, в которых помещены постановления, аналогичные или касающиеся вопросов из той же области, которой касается печатаемое постановление Совета.

Отдавая оценку этого труда на суд общества и главным образом на суд товарищей по профессии, я счел бы поставленную мною при издании задачу исполненной, если бы настоящий сборник мог удовлетворить тех, кто видел в издании свода постановлений Советов насущную потребность для адвокатуры, и если бы читатель – не адвокат мог составить по этой книге истинное представление о том, каких взглядов на свои обязанности и на свое общественное служение держалась и продолжает держаться присяжная адвокатура в России в течение почти полувекового своего существования.

А.Н.Марков

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЗАДАЧИ АДВОКАТУРЫ

[1] Не все то, что не запрещено законом и потому не влечет за собою кары для поверенного вообще, дозволительно присяжному поверенному. (Мск. 92/93-76, ч. 2).

[2] Каждая корпорация сильна своей сплоченностью, сознанием общности своих интересов на почве профессионального труда; вне этого нет сословия, нет корпорации: есть группа лиц, более или менее значительная, механически друг с другом связанных, в сущности, друг другу чужих, посторонних. (Мск. 07/08-302, ч. 3).

[3] По идее законодателя (ст. 354 Учр. Суд. Уст. и ее мотивы), сословие присяжных поверенных должно представлять собою самое верное ручательство нравственности, знания и честности убеждений при защите вверенных ему интересов тяжущихся, обвиняемых и других лиц, участвующих в деле. В целях достижения столь высокого идеала учрежден корпоративный надзор, служащий средством к водворению и поддержанию между поверенными чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности перед правительством и обществом. (Одес. 907-6).

[4] Еще в начале 1871 года Петербургский Совет высказал, что при учреждении сословия присяжных поверенных законодательная власть имела целью организовать среду сведущих людей, отличающихся, кроме специальных познаний, такими нравственными каче-

ствами, которые могли бы служить достаточной гарантией вполне добросовестного отношения их не только к интересам доверителей, но и к самому правосудию. Законодатель, очевидно, не желал, чтобы эти лица служили исключительно частным интересам, пользуясь для этой цели всякими средствами (Макалинский, ст. 256). Московский Совет всегда разделял этот взгляд, и ныне находит, что учреждение сословия присяжных поверенных имеет более обширную задачу, чем служение одним частным интересам, задачу, состоящую в том, чтобы организовать среду людей, которые действовали бы на этом поприще в интересах общества и правосудия, не защищали бы заведомо безнравственных домогательств и пользовались бы только законными и честными средствами. Совет в своей прошлой деятельности неуклонно держался этого принципа и даже подвергал строгому взысканию за более или менее серьезные от него отступления. Так, за заведомо безнравственное оспаривание вполне справедливого иска, хотя возражения и были юридически обоснованы, Совет запретил присяжному поверенному практику. (Мск. 03/04-11).

[5] Учреждая сословие присяжных поверенных, законодатель напутствовал его пожеланием, чтобы оно «представляло из себя самое верное ручательство нравственности, знания и честности убеждений»; установленный над ним надзор должен был служить «средством к водворению и поддержанию между поверенными чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности перед правительством и обществом» (комментарии к ст. 354 Учр. Суд. Уст.). Памятуя завет Великого Законодателя, наша присяжная адвокатура, в лице своего представительства, зорко следит за каждым неверным шагом, за самомалейшим уклонением своего сочлена от того пути, который указует ему достоинство его звания; стоит только пробежать отчеты наших Советов, чтобы убедиться, что такой суровой и беспощадной дисциплины не знает ни одна корпорация, ни одно сословие в России. Всякий член общества знает теперь, что присяжный поверенный есть лицо, доверие к которому обеспечивается уже самым его наименованием, что в случае нарушения этого доверия, если и не «ископают сицевому язык созади», то во всяком случае сделают этот язык для такой сферы его деятельности более неприложимым. (Мск. 99/900-134, ч. 1).

[6] Профессия присяжного поверенного не есть только средство для кормления; закон, общество и сама корпорация наша видят в ней благородную арену для подвигов высокого общественного служения. Регулировать свою профессиональную деятельность од-

ними только соображениями меркантильного характера ни один уважающий себя присяжный поверенный не будет. (Мск. 02/03-385, ч. 2).

[7] Задача адвокатуры сводится не только к ведению процессов, но и к их предупреждению, а участие ее в делах ценно не только благодаря профессиональным знаниям, но и по ее умеряющему влиянию на ход процесса и устранению страстности, которую вносят сами стороны в борьбу за торжество своих экономических расчетов. (Одесса, 908-190).

[7а] Присяжный поверенный по обязанностям своего звания должен содействовать всеми силами примирению спорящих родственников и употреблять свои знания на это и отнюдь не разъединять родственников. Противные этому правилу действия присяжного поверенного в высшей степени неблаговидны и заслуживают полного порицания.[2]

[8] Лицо, принадлежащее к присяжной адвокатуре, не должно допускать таких поступков, которые нарушают установленный законом порядок, даже и в таких случаях, когда это вызывается только желанием добросовестно исполнить свою обязанность. (С.-Пб, 10/11-486).

[9] Совет вправе требовать как от присяжных поверенных, так и от лиц, вступающих в присяжную адвокатуру, серьезного знания законов и умения разобраться в них, ибо звание присяжного поверенного должно гарантировать лиц, поручающих свои дела, в том, что в присяжном поверенном они найдут человека, знающего законы и разрешающего спорные вопросы с законной точки зрения, а не по обывательским соображениям о возможности и целесообразности, без всякого знакомства с законом. (Мск. 08/09-167, ч. 2).

[10] Присяжные поверенные как в своей профессиональной деятельности, так и в своей частной жизни должны всегда оставаться носителями идеи права и законности и уважения к чужим правам. Для охраны своих или доверительских интересов они могут пользоваться самыми разнообразными средствами, но лишь такими, которые указаны в законе. Они могут прибегать к содействию соответ-

---

[2] Это правило, к сожалению, в сборник Маркова не вошло. Опубликовано в «Двадцатипятилетие московских присяжных поверенных. Сборник материалов, относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты», М., 1891, стр. 129.

ствующих властей, но не должны присваивать себе функций, не предоставленных им законом, не должны делать того, что составляет обязанность и право тех или иных властей. Для принятия же мер, связанных с оскорблением других лиц, с нарушением неприкосновенности личности, с лишением кого-либо свободы и т.п., присяжные поверенные, даже при обращении к содействию властей, должны соблюдать исключительную осторожность и крайнюю щепетильность. Как служители закона, они должна понимать высокую ценность гражданских благ, должны понимать, что неправомерное посягательство на них совершенно недопустимо. (С.-Пб., 09/10-633).

[11] Деятельность поверенного основывается на оказываемом ему доверии и без этого доверия она немыслима; доверие же это надо заслуживать и не терять; это доверие должно быть оказываемо всякому члену сословия, как таковому, и потому тот, кто своими поступками это доверие подрывает, виновен не только перед доверителем, но и перед самим собою и перед всем сословием. Общественная задача адвокатуры есть служение правде, и по существу этого общественного служения личность адвоката должна быть таковой, чтобы каждому своему слову он мог требовать доверия. Когда во Франции адвокат возвращает доверителю документы, он не должен брать от доверителя расписки, ибо если бы впоследствии по этому поводу и возник какой-либо спор, простого утверждения адвоката о том, что документы возвращены, совершенно достаточно. Таково доверие и Суда, и общества к адвокатуре; это доверие опирается, конечно, на соответствующую этику и не может быть обмануто. Такое же общественное положение и такая же этика должна быть и у более молодой русской адвокатуры. С этой точки зрения люди, считающие возможным сообщать ложные сведения доверителю и Совету, должны считаться в среде присяжной адвокатуры случайным инородным телом. (Харьк. 06/07-218).

[12] Адвокату прежде всего необходимо вести себя как порядочному человеку, никогда не утверждать чего-нибудь противного истине, не унижать себя лживыми изворотами, не позволять себе ни малейшего обмана. (Мск. 77/78-51).

[13] На присяжном поверенном лежит прежде всего обязанность защищать честь, достоинство и привилегию того сословия, к которому он принадлежит. Вместе с тем, он обязывается охранять и свое личное достоинство. Он должен считать для себя за правило, что всякое нападение на сословие есть нападение лично на него, и,

наоборот, что всякое посягательство на него, как члена адвокатуры, есть посягательство на все сословие. В точности следовать этому правилу присяжный поверенный может лишь тогда, если всегда и со всеми будет держаться корректно и совершенно независимо. По справедливому замечанию Молло, независимость адвоката есть одновременно и право и обязанность адвоката. Как обязанность, независимость предписывает присяжному поверенному исполнять свой профессиональный долг, не взирая на лиц, с которыми имеет дело; как правом, присяжный поверенный должен пользоваться независимостью в сношении с другими лицами и в частности с магистратурой. В сношениях этих он должен быть приличен и скромен. К суду он должен относиться с особым уважением, как к творцу правосудия, перед лицом которого он, как присяжный поверенный, является лишь посредником и защитником интересов своего доверителя. Но это уважение к суду ни в коем случае не должно нисходить до заискивания перед судьями, до угодничества, до пренебрежения своим достоинством и своими правами. Присяжный поверенный не должен упускать из виду, что он отправляет одну из существенных функций правосудия, что он подготовляет своими разъяснениями правильное решение дел и в этом смысле является «душой правосудия» – органом, столь же важным в деле последнего, как и судья. Поэтому он не только вправе, но и обязан охранять достоинство носимого им звания и свои права, как представителя в суде, от всяких посягательства, вне всякой зависимости от того, от кого посягательства эти исходят. Звание судьи также обязывает, и если судья, забывая свой долг, вместо того, чтобы охранять достоинство и права лиц, имеющих с ним дело, сам позволяет их нарушение, то присяжный поверенный не только вправе, но и обязан принять законные меры к тому, чтобы поставить такого судью в границы приличия и законности. Он может в видах этого все кажущиеся ему неправильные действия судьи отметить в протоколе заседания и опротестовать их в установленном порядке, не останавливаясь, в случае надобности, даже перед жалобой в порядке надзора или суда. Боязнь, что требование о занесении слов председателя в протокол может вызвать со стороны последнего бестактность, свидетельствует о таком малодушии поверенного, которое совершенно не приличествует члену присяжной адвокатуры. Адвокат должен быть скромен и корректен, но он должен обладать бесстрашием и энергией в отстаивании своего личного достоинства и своих прав. Смущаться возможностью бестактности судьи и только на этом основании поступаться своими законными интересами член присяжной адвокатуры не имеет права. Совершенно неосновательно поверенному полагать, что он имеет

право безразлично относиться к мнению судьи о нем, как о частном лице и члене сословия. Он может игнорировать мнение судьи о нем, пока оно составляет личное достояние последнего, но раз это мнение в форме оскорбительной судья выразил в публичном заседании, поверенный не имеет права относиться к этому безразлично, он должен защищаться против бестактности и неуместных выходок со стороны судьи. От этой обязанности не освобождает соображение относительно возраста и болезненности судьи, ибо суд существует вовсе не для того, чтобы болезнь и старость могли проявлять в нем свои слабые стороны. Кто стар и болен настолько, что не может владеть собою, тот имеет все основания оставить судейское кресло и передать его тому, кто умеет и может быть приличен и корректен. (Каз. 08/09-121).

[14] Когда присяжному поверенному предъявлено обвинение, он должен принять все меры к тому, чтобы опровергнуть и доказать его неправильность. Присяжный поверенный должен беречь свою честь и всеми силами ограждать ее от клеветнических нападок. Присяжный поверенный роняет свое достоинство, если он не проявляет достаточной энергии и решительности, когда его чести угрожает опасность. Всякое равнодушие или небрежность в таких случаях заслуживает строгого порицания и осуждения. Способ борьбы с клеветой и ограждения чести указываются обстоятельствами каждого данного случая. (Мск. 03/04-398, ч. 2).

[15] Человеку грубому, невоспитанному, мало понимающему свои отношения к суду, к доверителям, к товарищам, к Совету, а в лице его и ко всему сословию, человеку, небрезгующему злословием и клеветой, как орудием борьбы со своим бывшим патроном и другими неугодившими ему товарищами и этим рекламирующему себя перед обществом, человеку, спускающемуся до сыска политической неблагонадежности своих противников и раскрытия имени авторов произведений, помещенных в печатном органе без подписи, и не гнушающемуся в своих личных видах оперировать и на суде, и в печати непроверенными и бездоказательными фактами, не место в среде присяжной адвокатуры, ибо не подлежит сомнению, что правильное нормальное существование и деятельность адвокатской корпорации, как нравственного единения, невозможны, немыслимы без дисциплины и порядка, а об этих условиях не может быть, конечно, и речи, если члены этой корпорации усвоят себе подобные правила поведения в отношении к суду, к своим доверителям, к сво-

им товарищам, к Совету, которому они подчинены, и в лице Совета ко всей корпорации присяжных поверенных. (Каз. 10/11-83).

[16] Представляя к делу массу писем, брошюр и других документов, присяжный поверенный, видимо, желал обрисовать себя, как человека искренних ультра-консервативных убеждений, вынужденного вступить в принципиальную борьбу с представителями другого лагеря, с «проповедниками свободы личности», как он их называет. Как суд дисциплинарный, Совет считает себя обязанным совсем изъять из круга своих исследований все то, что касается религиозных, политических и иных убеждений сторон, ибо убеждения человека – это уже святая святых, посягать на которую никакая власть не может. Было бы актом величайшего неправосудия, если бы на приговор суда оказывали какое-либо влияние религиозные или политические убеждения заинтересованных в деле лиц. Равным образом не может Совет ставить на счет присяжному поверенному участие его в той борьбе, которая по данному поводу велась и в рамки которой желал бы присяжный поверенный замкнуть все обстоятельства рассматриваемого дела. Борьба, да еще принципиальная, – это такое законное и естественное явление социального быта, без которого была бы немыслима никакая общественная эволюция, невозможен был бы и человеческий прогресс. И если в такую борьбу втягиваются люди либеральных профессий, то такое явление можно только приветствовать. Сословие присяжных поверенных по самой природе вещей должно выделять из себя готовые кадры наиболее испытанных и способных борцов за высокие общественные идеалы, ибо нет такой профессии, которая так же близко соприкасалась бы со всеми сторонами нашего быта и воочию убеждалась бы в его истинных потребностях и нуждах; если прибавить к этому культивируемую в нашем сословии привычку к публичному слову и приобретаемую в судебных состязаниях боевую опытность, то доминирующая роль адвокатуры во всякой борьбе, захватывающей общественные интересы, совершенно понятной. Так стоит дело до тех пор, пока не возникает вопроса о способах и приемах самой борьбы. Принадлежа к сословию, в котором чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности пред правительством или обществом составляют необходимейшие условия самого его существования, присяжный поверенный не может забывать о них не только при отправлении своих профессиональных обязанностей, но и в общественной своей деятельности и даже в частной жизни. Забывая о них, он тем самым вынуждает корпоративный суд призвать его к ответу. (Мск. 03/04-466, ч. 2).

[17] Уважение к существующим законам есть первый долг присяжного поверенного в его профессиональной деятельности, и всякое действие, направленное к обходу закона, представляется несогласным с назначением присяжного поверенного и несоответствующим его знанию. (С.-Пб. 92/93, 15).

[18] Присяжный поверенный никогда не должен прибегать для защиты интересов своих доверителей к средствам безнравственным. Присяжные поверенные должны своим образом действий убедить обращающееся к их содействию общество, что оно никогда не должно ожидать от них иного способа защиты вверенных им интересов, как способа законного и нравственного. (С.-Пб. 81/82, 86).

[19] В корпорации присяжных поверенных одновременно и совместно могут действовать люди самых различных и даже противоположных политических убеждений; они одинаково будут служить честью и украшением корпорации, если только добросовестно, с умом и талантом будут исполнять свои адвокатские обязанности. (С.-Пб. 82/83, 13).

КОМПЕТЕНЦИЯ СОВЕТА ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ

[20] «Учреждая сословие присяжной адвокатуры, – высказывал Совет в одном из своих решений (отчет Совета 1900 г., стр. 114), – законодатель даровал ему самоуправление, без которого немыслимы его независимость и свобода. Единственным законным органом его самоуправления является Совет, обязанный иметь за подведомственными ему присяжными поверенными такой надзор, который служил бы «средством к водворению и поддержанию между ними чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности перед правительством или обществом» (комментарии к ст. 354 Учр. Суд. Уст.). Этими программными словами само собой определяются уже границы возложенной на Совет обязанности надзора: всюду, где только признает он необходимым принять меры к водворению или поддержанию между присяжными поверенными чувства правды, чести и нравственной ответственности перед правительством или обществом, дисциплинарная власть Совета вступает в свои права. В этом отношении он не стеснен никакими ограничениями, ни внешними, ни внутренними. Отсюда следует, что не только профессиональная, но и всякая другая общественная деятельность

присяжного поверенного, даже его частная жизнь могут дать повод ко вмешательству дисциплинарной власти Совета; такой повод может возникнуть иногда даже среди самой интимной, семейной обстановки. Такие деяния, например, как жестокое обращение с женой, нанесение ей побоев, присвоение ее капитала, должны подлежать ведению Совета, так как при констатировании этих деяний виновный в них не может носить звания присяжного поверенного». (Мск. 03/04-463, ч. 2; 87/88-106; 09/10-106, ч. 3).

[21] Ведению Совета, как суда дисциплинарного, подлежит не только профессиональная деятельность присяжного поверенного, но и все его поступки, могущие дурно влиять на нравственную оценку его личности, ослабить доверие к нему общества, словом, уничтожить достоинство носимого им звания. В таких широких пределах неоднократно определяло дисциплинарную власть Совета и общее собрание кассационных департаментов Сената (реш. от 16 ноября 1872 г. и № 5 1876 г.). Очевидно, что правильность высказываемых присяжными поверенными в судебных речах, деловых бумагах и заключениях мнений о силе и значении известного закона, о применении его к данному случаю не может подлежать контролю Совета, ибо и ошибочное мнение, но высказанное, как честное убеждение, не может дурно влиять на нравственную оценку личности, ронять достоинство звания. Непогрешимость в суждениях недоступна человеку, и присяжный поверенный обязан исполнять законы по крайнему своему разумению. Если распространить контроль Совета и на правильность мнений, то большинство судебных дел, в которых со стороны истца и ответчика участвовали присяжные поверенные, оканчивалось бы дисциплинарным производством в Совете, так как присяжный поверенный проигравшей стороны подлежал бы дисциплинарной ответственности, как высказавший суждения, признанные судом неправильными. Только суждения, противные правилам нравственности, или выраженное в суждениях грубое незнание основных форм процесса и бесспорных основных положений материального права могут влечь за собой дисциплинарную ответственность для присяжного поверенного, их высказавшего, так как суждения, противные правилам нравственности, или же грубое незнание основных юридических положений подрывают доверие общества, влияя дурно на нравственную оценку лица. (Мск. 84/85-148).

[22] Вопрос о том, могут ли подлежать обсуждению Совета поступки членов сословия присяжных поверенных, совершенные ими в сфере не профессиональной их деятельности, а частной жиз-

ни, Совет всегда разрешал утвердительно, исходя из того положения, что личность человека, его характер и нравственные качества не могут быть дробимы по отдельным сферам его деятельности, что поступки, совершенные в сфере частной жизни данного лица, могут оказаться несовместимыми с достоинством и честью того же лица, как члена сословия, а потому и вызвать со стороны Совета порицание или даже и дисциплинарное взыскание. (Мск. 02/03-202, ч. 2).

[23] Ходатайство присяжного поверенного о возвращении Окружному Суду его сообщения не может подлежать удовлетворению. Ст. 367 Учр. Суд. Уст. возлагает на обязанность Совета «рассмотрение жалоб на действие присяжных поверенных и наблюдение за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей»… Получив сообщение суда о действиях присяжного поверенного, Совет в силу приведенной статьи не может не войти в рассмотрение указанных действий; в интересах как данного лица, так и сословных он должен или установить наличность вины, или отстранить незаслуженные нарекания. (Мск. 94/95-19, ч. 1).

[24] Заявление присяжного поверенного о том, что жалоба, адресованная на имя председателя Окружного Суда, не подлежит рассмотрению Совета, следует признать не заслуживающим уважения, так как по 367 ст. Учр. Суд. Уст. дисциплинарные производства о присяжных поверенных могут быть возбуждаемы не только по жалобам заинтересованных лиц, но и по собственному усмотрению Совета, причем закон совсем не определяет способа, посредством которого доходят до Совета сведения, вызвавшие возбуждение дисциплинарного производства по усмотрению Совета. (Мск. 96/97-87).

[25] Совет в дисциплинарном порядке может обсуждать действия присяжных поверенных в смысле допустимости или недопустимости их с точки зрения адвокатской этики, независимо от жалобы тех или иных лиц на эти действия, также и на основании дошедших о них до Совета сведений, каким бы путем они до Совета ни дошли. (Каз. 08/09-91).

[26] Совет признает, что действия бывшего присяжного поверенного Варшав. Окр. должны подлежать, на основании ст. 384 Учр. Суд. Уст., рассмотрению Московского Совета присяжных поверенных, так как дела эти производились в судебных установлениях Московского Округа, и что добровольный выход присяжного пове-

ренного из сословия не устраняет необходимости рассмотрения в дисциплинарном порядке его профессиональных проступков. (Мск. 93/94-13).

[27] Совет нашел, что просьбы жалобщиков оставить жалобы их без рассмотрения не подлежат удовлетворению, так как проступки присяжного поверенного, о коих доведено было до сведения Совета, такого характера, что если бы о них Совет узнал не из жалоб заинтересованных лиц, а из другого источника, проступки эти подлежали бы рассмотрению Совета в порядке надзора за деятельностью присяжных поверенных. Не может Совет оставить эти жалобы без рассмотрения и по тому поводу, что сам присяжный поверенный заявил о сложении с себя звания присяжного поверенного. Совет не может удерживать присяжного поверенного в сословии, раз он заявляет просьбу об отчислении его, но Совет не может также выпустить из сословия присяжного поверенного, не обсудив предварительно дисциплинарных о нем производств, ибо такой образ действий Совета открывал бы возможность для безнаказанности присяжных поверенных за проступки, совершенные ими за время принадлежности их к сословию. (Мск. 96/97-46).

[28] Просьба присяжного поверенного об отчислении его из сословия присяжных поверенных не может стеснять Совет ни в обсуждении жалоб, на него вступивших ранее его отчисления из сословия, ни в принятии тех или других дисциплинарных мер взыскания, если он того заслуживает. Хотя по закону звание присяжного поверенного не есть звание пожизненное, и всякий свободно может сложить оное по своему произволу, тем не менее, раз потерявший это звание по суду в одном судебном округе теряет возможность его приобретения во всех судебных округах Империи (примеч. к ст. 368 Учр. Суд. Уст.). Равным образом, сложивший с себя звание даже добровольно в случае последовавшей затем просьбы о принятии в сословие удостаивается этого звания лишь после тщательной поверки всех сведений о нравственной его личности. В виде сего и в данном случае Совет признал необходимым прежде исполнения просьбы присяжного поверенного об отчислении его из сословия обсудить жалобы, на него вступившие, чтобы тем самым, если бы жалобы эти оказались основательными, лишить его возможности вступить в сословие присяжных поверенных другого округа. (Мск. 87/88-144)

[29] Совет признал неправильным возражение NN о том, что в момент совершения вменяемого ему в вину поступка он не состоял еще присяжным поверенным округа С-Пб. Судебной Палаты, и что по месту совершения означенного проступка он является подсудным Окружному Суду. Что касается первого обстоятельства, то из содержания 357 ст. Учр. Суд. Уст., согласно которой Совет избирается «для надзора за всеми состоящими в этом округе поверенными…» вытекает, что Совету принадлежит дисциплинарная власть над лицами, состоящими в числе присяжных поверенных его округа в момент возбуждения дисциплинарного производства, причем закон не указывает, чтобы компетенция его ограничивалась лишь теми действиями присяжных поверенных, которые совершены во время состояния их в этом звании, и не распространялась бы на проступки, совершенные ими до вступления в сословие; такое положение противоречило бы существу сословной организации и задачам Совета, как органа, обязанного охранять и поддерживать достоинство сословия. Нельзя допустить, чтобы проступок, совершенный членом сословия и по существу своему подлежащий рассмотрению Совета, остался без обсуждения только по тому формальному основанию, что он совершен присяжным поверенным еще до поступления его в сословие. Своими решениями Совет обязан поддерживать в сословии чувства чести и достоинства, а потому вправе высказываться по поводу тех или иных поступков лиц, вступивших в корпорацию, когда бы эти поступки совершены ни были, раз только по существу своему подлежат рассмотрению Совета. Только при этом условии Совет и может уяснить этим лицам, какие требования предъявляет к ним сословие, и каким этическим правилам они обязаны подчиняться, если желают оставаться в его среде. Допущение противного взгляда могло бы привести к результатам, коренным образом противоречащим интересам сословия, пришлось бы признать, что Совет не имеет права принять никаких мер против присяжного поверенного даже в том случае, когда обнаруживается, что раньше вступления его в сословие он совершил такой позорящий его поступок, который не совместим с достоинством приобретенного им звания и делает его нетерпимым в среде сословия. (С.-Пб. 09/10-392).

[30] То обстоятельство, что присяжный поверенный был уполномочен присутствующими в здании судебных установлений присяжными поверенными, составлявшими большинство местной адвокатуры, предложить товарищу удалиться из комнаты присяжных поверенных при суде, не может служить оправданием, так как никакое большинство не может присвоить себе права оскорблять

человека и, приняв подобное поручение, присяжный поверенный должен нести личную ответственность за совершенный проступок. Не может служить оправданием и ссылка на то, что он совместно с другими считал недостойным звания адвоката приемы, допущенные присяжным поверенным N при одной из уголовных защит. Какого бы мнения он ни был о присяжном поверенном N и о его приемах защиты, это не давало ему права на оскорбление, выразившееся в просьбе удалиться из помещения, двери которого должны были быть открыты для лица, носящего значок присяжного поверенного. Если присяжный поверенный находил, что N совершил проступок, как адвокат, или общественный деятель, он должен был понимать, что для обсуждения этого проступка есть законный путь – путь дисциплинарного суда или гласной критики. Та форма протеста, которую он избрал, форма оскорбления, в особенности недопустима для присяжного поверенного, который должен знать, что нельзя выносить приговор, не выслушав обвиняемого, и что оскорблять нельзя даже осужденного. На основании изложенного Совет постановил: разъяснить присяжному поверенному неправильность его действий. (С.-Пб. 09/10-394).

[31] Присяжный поверенный не считал себя обязанным уведомить о переходе на государственную службе не только своих доверителей, дела которых он вел, но и Совет присяжных поверенных, орган того сословия, к которому сам принадлежал. Не подлежит сомнению, что подобное небрежное отношение к своим обязанностям, профессиональным и сословным, не может быть одобрено Советом, судом бывших товарищей. Оставляя адвокатуру, присяжный поверенный обязан был уведомить всех своих доверителей и притом заблаговременно, дабы они имели возможность приискать себе поверенных. В свою очередь в виду несообщения Совету о поступлении на государственную службу он значился в списках присяжных поверенных, и таким образом, на него могла быть возложена та или иная сословная обязанность. Совет мог назначить его для ведения чужих дел лиц, пользующихся правом бедности; суд мог назначить казенным защитником, что весьма возможно, повлекло бы за собой то или иное нежелательное последствие.

Ввиду всего изложенного, не говоря уже о простом уважении к органу того сословия, к которому бывший присяжный поверенный принадлежал, обязывавшем его уведомить об уходе из адвокатуры, Совет считает себя обязанным отнестись с упреком к своему бывшему товарищу, проявившему столь явную небрежность, и посему

Совет определил: бывшего поверенного признать заслуживающим предостережения. (Мск. 03/04-45, ч. 2).

[32] Независимо от дела, производящегося в Совете, Коммерческий Суд рассмотрел действия помощника присяжного поверенного в дисциплинарном порядке и, не находя в них умысла, но признавая их некорректными по отношению к суду и товарищу, определил воспретить помощника присяжного поверенного практику в Коммерческом Суде на четыре месяца.

Ввиду этого определения Совет прежде всего остановился на обсуждении вопроса о дисциплинарной подсудности помощников присяжных поверенных, состоящих присяжными стряпчими. 36 и 37 ст. Устава Судопроизводства Торгового предоставляют Коммерческому Суду по своему усмотрению принимать лиц в число присяжных стряпчих и исключать из числа таковых, но ни о каких других мерах дисциплинарного взыскания статьи эти не говорят, тем более в отношении помощников присяжных поверенных. Между тем, статья 357 Учр. Суд. Уст. гласит, что Совет Присяжных Поверенных создан «для надзора над всеми состоящими в том округе поверенными», а п. 2 ст. 367 Учреждения Судебных Установлений, разъясненной Правительствующим Сенатом (Соед. Прис. Пр. Сен. 15 июля 1895 г. и Общ. Собр. Пр. Сен. 80 г. № 6 и 1885 г. № 13) к обязанностям и правам Совета относит рассмотрение жалоб на действия присяжных поверенных и их помощников и наблюдение за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей. Из редакции статьи этой видно, что Совет есть орган, рассматривающий в дисциплинарном порядке все дела, затрагивающие профессиональную деятельность присяжных поверенных и помощников. «Надзор и власть Совета присяжных поверенных, – говорит Правительствующий Сенат, – над своими сочленами необходимы для водворения и поддержания между ними чувств чести и правды и для поддержания к ним доверия частных лиц, вверяющих им ограждение и защиту своей чести, прав и имущественных интересов». (Общ. Собр. Пр. Сен. 1870 г. № 5). Если такова задача Совета, никому, кроме него, не может быть предоставлено судить профессиональные действия присяжных поверенных и их помощников. Более того, адвокатская деятельность есть общественное служение и покоится на доверии окружающих. Поэтому всякое деяние адвоката, где бы ни совершенное, раз оно колеблет достоинство адвоката, должно быть предметом суждения органа, главная задача которого – блюсти сословную честь и карать всякое отклонение от поведения, предписываемого законом и обще-

ственными интересами. «Так как, – говорит Правительствующий Сенат, – обязанность Совета… простирается не только на соблюдение присяжным поверенным интересов своих доверителей и порученных его защите подсудимых, но и на все его поступки, могущие иметь влияние на степень доверия к нему со стороны общества, то Совет тем самым не может быть лишен права обсуждения… не относящихся к адвокатской деятельности действий присяжного поверенного». (Общ. Собр. Пр. Сен. 1876 г. № 5).

Итак, помощники присяжного поверенного, как и присяжные поверенные, подлежат суду Совета за всякие проступки, где бы таковые совершены ни были, а также за действия, хотя бы и выходящие за пределы адвокатской сферы. Совет есть суд специальный, смотрящий на проступок с точки зрения достоинства адвоката, и он может рассмотреть в дисциплинарном порядке даже дело, уже рассмотренное в порядке уголовном. Вот как Правительствующий Сенат говорит по этому поводу: «Совет Присяжных Поверенных, в качестве места, надзирающего за действиями всех поверенных округа, обязан, между прочим, принимать к своему наблюдению и обсуждение действий присяжных поверенных даже и в тех случаях когда эти действия могли бы подвергнуться или подверглись обсуждению в общем уголовном порядке, но почему-либо представлялись предосудительными для лица, состоящего в звании присяжного поверенного» (реш. Общ. Собр. Кас. Деп. 1882 г. № 31 и реш. Соед. Прис. 1-го и 2-го Кас. Деп. Сен. за 1887 г.).

Но явилось бы юридической неправильностью рассмотрение одного и того же проступка разными судами в одном и том же порядке, уголовном или дисциплинарном: в этом случае могли бы столкнуться два различных приговора, и за один проступок лицо могло бы подвергнуться двойному наказанию. Это было бы нарушением основных процессуальных законов и справедливости.

Полагая бесспорным право Совета рассмотреть проступок помощника присяжного поверенного, совершенный им в качестве присяжного стряпчего, Совет необходимо должен признать, что нет места для признания этого же права за Коммерческим Судом. Самая мера взыскания, принятая Коммерческим Судом, указывает на отсутствие дисциплинарной власти его над помощниками присяжных поверенных, состоящими присяжными стряпчими. Имея лишь дискреционное право исключать из числа присяжных стряпчих, Коммерческий Суд ввиду содержания вины, не мог в данном случае осуществить его и прибег к мере, применение которой предоставляется только Совету Присяжных Поверенных.

Вследствие изложенных соображений Совет признал себя не только вправе, но и обязанным приступить к рассмотрению действий помощника присяжного поверенного и по рассмотрении дела подверг его взысканию. (Мск. 03/04-484).

[33] Уполномоченные жаловались Совету на неисполнение присяжным поверенным предложения Совета и оставление их в полной неизвестности о положении дела Общества. Ввиду принадлежности обвиняемого присяжного поверенного к другому судебному округу, Совет остановился на обсуждении вопроса о подсудности Харьковскому Совету настоящей жалобы. В этом отношении Совет нашел, что подсудность Совету дисциплинарных дел о присяжных поверенных определяется вообще на основании подведомственности присяжных поверенных (ст. ст. 1051, 1062, 1063 и 1078 Учр. Суд. Уст., изд. 1876 г.), что изъятие из общего правила установлено в 1078 ст. того же закона только для того случая, когда присяжный поверенный ходатайствует в судах, состоящих в чужом округе, и что для применения к данному делу особенной, исключительной подсудности должна быть установлена наличность упомянутого обстоятельства. К жалобе упомянутых уполномоченных крестьянского общества не может быть применена исключительная подсудность на основании места совершения проступка, во-первых, потому что поводом к жалобе этой послужило несообщение присяжного поверенного своему доверителю сведений о положении дела, а не какие-либо неправильные действия, совершенные поверенным в округе Харьковской Судебной Палаты. Несообщение же доверителю сведений о положении дела не может быть уравниваемо с упомянутым в 1078 ст. ходатайством в чужом округе, предполагающем положительные действия со стороны поверенного, которые одни только и могут быть обсуждаемы по отношению к условиям места совершения. Совет постановил жалобу передать на распоряжение Московского Совета. (Харьк. 82/83-156-157).

[34] Надзор за действиями присяжного поверенного, совершенными вне его судебного округа, принадлежит только Совету присяжных поверенных того места, где действия совершены, а при отсутствии Совета – местному Окружному Суду. Приведенными правилами о подсудности не устанавливается изъятия для случая, когда о действиях своих, совершенных вне своего округа, сообщает сам присяжный поверенный Совету своего округа. (Харьк. 83/84-164).

[35] Суждение о том, насколько правилен отчет, и насколько он удовлетворяет требованиям отчета, который обязан давать управляющий делами, а не присяжный поверенный по ведению судебных дел, – должно подлежать ведению суда гражданского, а не Совета Присяжных Поверенных, как суда дисциплинарного, ибо все те действия, по поводу которых требуется детальный отчет, суть действия управляющего хозяйственными и финансовыми делами, а не действия присяжного поверенного в качестве деятеля по судебным делам; 2) точно также не может Совет воспользоваться и правом определить размер гонорара, ибо все совершенные действия не относятся к числу судебных действий по ведению дел, так как присяжный поверенный действовал в данном случае как управляющий, а не как поверенный по судебным делам. (Мск. 10/11-208 ч. 3).

[36] Совет признал неподсудными себе как денежные иски к присяжным поверенным, так и требования, вытекающие из частной непрофессиональной сделки их с жалобщиками. (С.-Пб. 83/84-33 и 34).

[37] Всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений, за исключением случая определения вознаграждения присяжных поверенных (п. 6, 367 ст. Учр. Суд. Уст.). Тем не менее Совет, будучи призван к наблюдению за точным исполнением присяжными поверенными установленных правил, не может оставлять без внимания жалобы лиц, хотя бы и не состоящих доверителями присяжного поверенного, на неисполнение им гражданских законов (неплатеж долга) или принятых им на себя обязанностей, так как нарушения эти, если они доказаны, могут оказаться подлежащими дисциплинарному взысканию, как отступление от обязательных для присяжного поверенного правил честного по существу и добропорядочного по форме поведения. Всякая такого рода жалоба может дать повод к возбуждению дисциплинарного производства для оценки деяния присяжного поверенного. Но такая оценка возможна только в таком случае, когда факт нарушения обвиняемым известного права или принятой обязанности представляется бесспорным. (Мск. 79/80).

[38] Совет не может смотреть на действия присяжных поверенных только через призму формальности и определять профессиональные отношения своих членов с точки зрения одной формы, закрывая глаза на скрывающуюся за ней действительность. (Мск. 09/10-422).

[39] Право Совета рассматривать те действия, которые совершаются присяжными поверенными не в качестве адвокатов, не подлежит никакому сомнению. Чтобы поддерживать честь сословия, Совет обязан наблюдать и за общественною и за частною жизнью присяжных поверенных. Поступки, заслуживающие порицания, подлежат Совету во всяком случае, совершаются ли они присяжными поверенными во время отправления своих обязанностей, или в качестве тяжущихся по собственным делам, или в качестве частных лиц. (Мск. 77/78-41; 09/10-106, ч. 3).

[40] Совет в своей практике постоянно держался правила, что оба порядка, уголовный и дисциплинарный, рассмотрения дел совершенно независимы друг от друга по своему характеру и назначению. Дело может представляться в высшей степени серьезным по уложению о наказаниях и в то же время современно безразличным в смысле нарушения профессиональной дисциплины. Но и наоборот. Поэтому и закон, предоставляя Совету право «своею» властью подвергать присяжных поверенных взысканию за нарушение принятых ими на себя обязанностей (ст. 368 Учр. Судеб. Установ.), установил совершенно самостоятельное значение как этого рода нарушений, так и ответственности за оные – по отношению к общим преступлениям и к общему порядку их преследования. (С.-Пб. 89/90-95).

[41] Совет нашел, во-первых, что обвинение присяжных поверенных в клевете, как уголовном проступке, само по себе не подлежит компетенции Совета; исследование же заявлений присяжных поверенных на суде, квалифицируемых клеветою, в дисциплинарном порядке, как действий, предосудительных для присяжных поверенных, невозможно без предварительного установления виновности присяжного поверенного в клевете, тем более, что и сам жалобщик оставил за собою право преследовать присяж. пов. в общем порядке за клевету; во-вторых, что оценка правильности или неправильности утверждений присяжного поверенного относительно фактической стороны дела по существу, и неправильность этих утверждений или несоответствие их с законом сами по себе не могут влечь за собою дисциплинарной ответственности. (Мск. 95/96-44, ч. 2).

[42] При обвинении присяжного поверенного в совершении проступка или преступления, обвиняемым отрицаемого, достоверное установление фактической стороны возможно лишь через уста-

новленные законом органы судебной или следственной власти; вводя при подобном обвинении следственную функцию в круг действий дисциплинарного суда, не имеющего ни надлежащих прерогатив власти, ни установленных законом гарантий достоверности свидетельских показаний, в форме, например, присяги, – неизбежно пришлось бы решение суда дисциплинарного ставить в зависимость от ненадлежаще проверенных и, быть может, недостоверных свидетельских показаний, а честное имя членов сословия – в зависимость от случая и произвола. (Мск. 98/99-118, ч. 2).

[43] Ложное обвинение со стороны присяжного поверенного кого-либо в безнравственном или предосудительном поступке, будь оно умышленное или только легкомысленное, представляется несогласным с званием и роняющим его достоинство, и совершенно бессознательная грубая критика, заключающая в себе не критику, а брань, не может быть также допустима со стороны присяжного поверенного. Но суждению о том, имеется ли ложное, ни на чем не основанное обвинение, или же оно является результатом строго обдуманного, основанного на фактах деятельности жалобщиков убеждения, – такому осуждению необходимо должно предшествовать рассмотрение и обсуждение деятельности жалобщиков. Такое обсуждение существенно необходимо как для определения вины или невиновности присяжного поверенного, так и для определения меры наказания. Без рассмотрения же и обсуждения деятельности жалобщиков и определения их виновности или невиновности в действиях, которые им приписывает присяжный поверенный, невозможно определить и виновность или невиновность его. Рассматривать же действия жалобщиков Совет не считает себя вправе. Только суд, избранный по взаимному согласию сторон или коронный суд, имеющий право обсуждать действия обеих сторон, может вынести правильный приговор. При таких условиях Совет, не имея возможности рассматривать дело в полном объеме, не находит возможным войти в рассмотрение вопроса о вине или невиновности присяжного поверенного. (Одес. 908-81).

[44] Принимая во внимание, что N обвиняет присяжных поверенных в деяниях, предусмотренных ст. 353, 354, 362 улож. о нак. ; что расследование указанных деяний возможно лишь через установленные законом органы судебной или следственной власти; что Совет, как суд дисциплинарный, лишен возможности производить следственные действия; что в данном случае обвинения, предъявленные присяжным поверенным, тем менее входят в компетенцию

Совета, что обвиняемыми являются должностные лица, по словам обвинителя, совершившие преступления по должности председателя и кураторов конкурсного управления; что, таким образом, в данном случае предварительное обращение обвинителя к органу правительственной власти, надзирающему за деятельностью означенных должностных лиц, является тем более необходимым, – Совет постановил дисциплинарного производства не возбуждать. (Мск. 900/901-93).

[45] Разрешение общего вопроса о наилучших способах ограждения вверенных присяжному поверенному интересов его доверителя и целесообразности принятия тех или других мер предоставлено свободному усмотрению ведущего дело поверенного. Если Совет допускает возможность своего контроля и дисциплинарной власти в этом отношении, то лишь в тех случаях, когда со стороны присяжного поверенного обнаруживалось по делу или грубое незнание элементарных законов или правил, или небрежное отношение к вверенным интересам, или предосудительное поведение. (С.-Пб. 09/10-275).

[46] Хотя Мировой Съезд отменил ту часть решения мирового судьи, которая касается собственно действий присяжного поверенного, но это обстоятельство, конечно, не устраняет для Совета возможности и даже необходимости войти в обсуждение и оценку действий присяжного поверенного, подавших повод для предъявления к нему такого серьезного обвинения, как обвинение в недостойных присяжного поверенного приемах и способах ведения дела. (Мск. 07/08-61, ч. 3).

[47] Вопрос о том, что может быть признано и что подлежит спору, разрешается поверенным, участвовавшим в процессе, по личному его взгляду на дело, почему проверке Совета подлежать не может. (Мск. 95/96-14, ч. 2).

[48] Совет находит, что обсуждать вопрос о достаточности или недостаточности объяснений поверенного в процессе невозможно, так как вопрос этот совершенно личного, субъективного свойства и проверке подлежать не может. (Мск. 95/96-16, ч. 2).

[49] Юридический взгляд присяжного поверенного относительно применения закона к обстоятельствам каждого данного дела

не подлежит поверке в дисциплинарном порядке. (Мск. 95/96-10, ч. 1).

[50] Действия защитника в уголовном процессе могут подлежать обсуждению Совета, как дисциплинарного суда, только в тех случаях, когда в них обнаруживается явное незнакомство с законом или формами судопроизводства, но отсюда отнюдь нельзя сделать вывода, что Совет обязан во всех случаях рассматривать указания обвиняемого на несобрание защитником кассационных поводов во время судебного следствия, как на обвинение защитника в нарушении его профессиональных обязанностей; занесение в протокол судебного заседания того или другого обстоятельства, имевшего место во время заседания, необходимо предоставить вполне усмотрению защиты потому, что даже при наличности каких-нибудь кажущихся защитнику кассационных поводов защитник может иногда воздержаться от занесения их в протокол на том основании, что эти поводы, в случае оправдания обвиняемого, могут послужить материалом для протеста или жалобы гражданского истца по делу. (Мск. 77/78-78).

[51] Направление дела в гражданском порядке вместо уголовного, всецело завися от воззрения присяжного поверенного на сущность дела, не подлежит проверке со стороны Совета. (Мск. 899/900-65, ч. 2).

[52] Оценку свидетельских показаний надо предоставить индивидуальным свойствам поверенного, его свободному убеждению и не требовать от него очевидных непреложных доказательств основательности его мнения, представление которых почти невозможно. (Мск. 03/04-90, ч. 2).

[53] Совет не оценивает обыкновенно способа и метода ведения дел присяжного поверенного и подвергает их дисциплинарной ответственности лишь тогда, когда обнаруживает в их деятельности проявление невежества или допущение грубых ошибок. Узнав о допущенной ошибке, присяжный поверенный обязан не только сообщить о ней доверителю, но и принять меры к тому, чтобы отсутствие у него намерения обмануть его не подвергалось никакому сомнению. (С.-Пб. 10/11-480).

[54] Совет не может входить в оценку юридических познаний присяжного поверенного, а также входить в рассмотрение правиль-

ности толкования поверенным договоров; только грубое незнание или явная небрежность при ведении дела присяжным поверенным дает повод Совету входить в рассмотрение действий адвоката. (С.-Пб. 09/10-87).

[55] Непрактичность формулировки поверенным исковых требований не может подлежать обсуждению Совета. Степень соответствия исковых требований фактическому и юридическому материалу данного судебного дела, как вопрос искусства, таланта, находчивости составителя искового прошения, не входит в пределы контроля Совета над действиями поверенных, коль скоро они не обнаружены в подаваемых ими бумагах в виде грубых ошибок или явного недостатка знания основных положений права и судопроизводства. (Харьк. 06/07-62).

[56] Обвинение, которое касается только сферы толкования закона и не затрагивает этической области, не подлежит расследованию Совета. (Мск. 08/09-105).

[57] Что касается вопросов о том, правильно ли присяжный поверенный определил значение задаточной расписки, и не давала ли она оснований для предъявления иска о двойном задатке, – то в обсуждение этих вопросов Совет входить не может, ибо дисциплинарный суд – не юридическая консультация и решением спорных вопросов права не занимается. (Мск. 01/02-79, ч. 2).

[58] Совет – не юридическая консультация и проверять взгляды присяжных поверенных на тот или другой юридический вопрос, конечно, не может; единственным исключением из этого общего правила был бы такой случай, когда взгляды адвоката обнаруживали бы его полное юридическое невежество и явное пренебрежение к общепринятым положениям права и действующего законодательства. (Мск. 97/98-186).

[59] Совет пришел к заключению, что хотя правильность или неправильность постановки присяжным поверенным иска, степень ясности и убедительности в изложении состязательных бумаг и юридический взгляд его на дело не могут подлежать оценке Совета, как суда дисциплинарного, тем не менее, Совет полагает, что к обязанности его относится, по возводимому на присяжного поверенного обвинению в небрежном ведении дела по существу, разрешить, в какой мере не только с внешней, но и с внутренней стороны те или

другие действия следует приписать степени понимания возникающих по делу вопросов и убеждению присяжного поверенного или простой его небрежности и промахам в не представляющих для юриста сомнения случаях. (Мск. 96/97-15).

[60] Рассмотрев заявление жалобщицы, в котором она просит жалобу ее оставить без рассмотрения, Совет не считает себя связанным таким заявлением, так как, разрешая дела по жалобам на членов сословия, Совет заинтересован не тем только, чтобы нарушенные интересы жалобщиков были ограждены и восстановлены, но и тем, чтобы действия присяжного поверенного не колебали доверия общества к присяжной адвокатуре, и чтобы присяжный поверенный не компрометировал своими действиями носимого им звания, а потому, к какому бы миролюбивому отношению присяжный поверенный ни пришел со своим доверителем, допущенные им неправильности и проступки не могут остаться безразличными для Совета, который не только вправе, но и обязан, во имя достоинства сословия, рассмотреть их и дать относительно их свое заключение и разъяснение, вне зависимости от соглашения сторон. (Мск. 08/09-20, ч. 4).

[61] Совет заинтересован не только восстановлением нарушенных прав жалобщиков, но главным образом тем, чтобы члены сословия своими поступками не унижали достоинства носимого ими звания и не колебали доверия общества к присяжной адвокатуре. Совет признает себя обязанным принять к своему рассмотрению и дать свое заключение относительно всяких допущенных присяжным поверенным неправильных или неприличных званию действий, хотя бы от жалобщиков поступало заявление о прекращении возбужденного дела или о состоявшемся примирении. (Одес. 910-118).

[62] На обязанности Совета лежит наблюдение за точным исполнением присяжными поверенными законом установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей, сообразно с пользою их доверителей (1 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст.). А потому, коль скоро Совету сделались известными сведения о действиях присяжного поверенного, вытекающих из обязанностей его звания, Совет обязан рассмотреть эти действия во всей их совокупности и по собственному усмотрению определить взыскание с присяжного поверенного, если действия последнего заслуживают взыскания (п. 8 ст. 367 там же). (Мск. 83/84-94).

[63] Домогательства постороннего лица вторгнуться в отношения присяжного поверенного к его доверителям, подвергнуть эти отношения расследованию Совета с целью почерпнуть из такого расследования что-либо для себя полезное должны быть самым решительным образом отклонены Советом, который приступает к рассмотрению отношений присяжных поверенных к их доверителям по просьбам самих последних или самих присяжных поверенных, по сообщениям правительственных учреждений и должностных лиц, а отнюдь не по домогательствам своекорыстно заинтересованных посторонних, третьих лиц. (Мск., 901/902-108, ч. 2).

[64] Совет нашел, что отвод, заявленный присяжным поверенным о неимении у жалобщика права на принесение жалобы, не заслуживает никакого уважения: по закону и по установившейся практике и по самому разуму дисциплинарного производства, о праве жалобы не может быть и разговора, ибо поводы возбуждения дисциплинарного производства не стеснены и не ограничены и в интересах высоты морального уровня сословия не должны быть ограничиваемы какими-либо формальными требованиями. (Харьк. 10/11-48).

[65] По вопросу о том, подлежат ли рассмотрению Совета действия бывшего помощника присяжного поверенного, С.-Пб. Совет, приняв на вид, что по установившейся практике Совет входит в рассмотрение действий бывших членов сословия, вышедших из его состава по собственному желанию, лишь в том случае, когда по тяжести обвинения оно может повлечь за собою исключение из сословия, и что в данном деле никаких предосудительных поступков помощника присяжного поверенного не обнаружено, разрешил этот вопрос отрицательно. (С.-Пб. 10/11-352).

[66] Если присяжный поверенный, согласно просьбы его, должен быть отчислен из сословия присяжного поверенного, то это не освобождает Совет от обязанности его разрешить дисциплинарное дело о нем по существу. (Мск. 02/03-290).

[67] Следуя сложившейся практике, Совет распространяет свою юрисдикцию на лиц, оставивших сословие присяжных поверенных, относительно действий, совершенных ими во время принадлежности к сословию, ибо порядок привлечения к дисциплинарной ответственности обусловливается не положением или званием обвиняемого в данный момент, а свойством тех обязанностей, кото-

рые им были нарушены. (реш. Общ. Собр. Касс. Деп. 1884 г. № 26). (Харьк. 07/08-166).

[68] Совет нашел, что за выбытием из сословия присяжных поверенных на него не может быть наложено дисциплинарной меры взыскания, но тем не менее Совет не может уклониться от оценки профессиональной деятельности его по ведению порученного ему дела, и, признавая, что им допущены совершенно неизвинительные медленность и небрежность в отношении охраны вверенных ему интересов доверителя, постановил: признать, что по действиям своим присяжный поверенный заслуживает предостережения. (Мск. 07/08-22, ч. 3).

[69] Присяжный поверенный, принявший на себя ходатайство по делу, производящемуся в другом округе, подчиняется Совету поверенных того места, где производится дело (ст. 384 Учр. Суд. Уст.); по делам присяжный поверенный имел и должен был иметь ходатайство в округе Киевской Судебной Палаты, а по исполнению решения в деле – в округе Одесской Палаты; все три дела, по которым вступили жалобы, приняты присяжным поверенным в г. Киеве; посему все эти жалобы должны быть рассмотрены Киевским Советом присяжных поверенных, а за отсутствием такового, на основании 378 ст. Учр. Суд. Уст., – Киевским Окружным Судом, и потому Совет признал дела эти подлежащими рассмотрению Киевского Окружного Суда. (Мск. 84/85-101; 90/91-101; 90/91-63).

[70] Согласно 367 ст. Учр. Суд. Уст., Совет приступает к определению следуемого присяжному поверенному вознаграждения лишь в том случае, когда между последним и доверителем его не было заключено письменного о сем условия. (Мск. 97/98-92).

[71] На основании 6 п. 367 Учр. Суд. Уст., рассмотрение Советом размера следуемого поверенному вознаграждения может иметь место только при отсутствии письменного о сем договора, и просьба о возвращении денег поэтому не может заслуживать уважения, за силою 1 ст. Уст. Гр. Суд. (Мск. 83/84-43).

[72] При существовании письменного договора о вознаграждении за ведение дела вопрос о том, обязан ли присяжный поверенный возвратить полученное им за труд вознаграждение или же имеет право удержать его, подлежит решению суда гражданского, а по-

тому Совет полагает, за силою 1 ст. Уст. Гр. Суд., просьбу оставить без последствий. (Мск. 76/77-49).

[73] В виду отсутствия у сторон письменного условия о размере гонорара Совет, на основании 6 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст. и 1 и 6 стат. Врем. таксы, определяет следуемое присяжному поверенному вознаграждение. (Мск. 07/08-3 ч. 3; 90/91-70).

[74] За силою 1 ст. Уст. Гр. Суд., Совет не вправе обсуждать гражданские отношения сторон, определенные письменным договором (ст. 367 Учр. Суд. Уст.п.). (Мск. 96/97-58).

[75] Совет не имеет права присуждать с присяжных поверенных денежные взыскания за причиненные их действиями убытки, даже если бы была доказана неправильность таких действий. (С.-Пб. 90/91-42).

[76] Совет не может входить в рассмотрение вопроса и о том, имеет ли присяжный поверенный право отыскивать с доверителя судебным порядком вознаграждение за ведение его дела, когда присяжный поверенный о разрешении этого вопроса обратился не к Совету, а к Суду, т. е. к учреждению, вполне компетентному. (С.-Пб. 09/10-87).

[77] Просьбы о взыскании убытков не подлежат ведению Совета, за силою 1 ст. Уст. Гр. Суд., но все деньги и документы, полученные присяжным поверенным от жалобщиков, должны быть им возвращены немедленно. (Мск. 93/94-25, ч. 2).

[78] Требование уплаты долга не входит в компетенцию Совета, относясь к области гражданского права и судопроизводства. (Мск. 07/08-77, ч. 3).

[79] Совет не может вмешиваться в отношении кредитора и должника, но если должник, принадлежащий к сословию, не вынужденный тяжелыми материальными условиями, доводит себя до компрометирующего его звание положения, то Совет вправе указать такому товарищу некорректность его действий. (Мск. 03/04-14).

[80] Не имея судебных или административных функций, Совет, бесспорно, не может ни обязывать, ни понудить присяжных поверенных к уплате тем или другим просителям каких-либо денеж-

ных сумм, но тем не менее Совет, в качестве блюстителя адвокатской этики, добрых нравов присяжных поверенных, корректности их отношений с доверителями, вправе давать присяжным поверенным как конкретные указания по каждому данному случаю, так и общие принципиальные этические правила, и эти правила и указания для всех присяжных поверенных, не только в силу подчиненности Совету, но и в силу корпоративной солидарности, единства корпоративного духа и корпоративной чести, должны быть обязательны. (Каз. 08/09-43).

[81] Заставить присяжного поверенного вести дело Совет не имеет ни оснований, ни власти по закону, так как право поверенного отказаться от ведения дела принадлежит ему всегда и во всякое время; если таковой отказ и являлся бы неисполнением принятых на себя обязанностей по договору с доверителем, то доверитель имеет право искать с поверенного возмещения своего ущерба, если таковой от этого отказа последовал, Совету же по закону не принадлежит право присуждения убытков, нанесенных доверителю действиями поверенного. (Мск. 02/03-22).

[82] Заставить поверенного вести дело против желания Совет по закону права не имеет. (Мск. 02/03-342, ч. 2).

[83] Требование жалобщицы, уничтожившей доверенность без вины со стороны присяжного поверенного, понудить его к возвращению договора о вознаграждении за ведение дела, не подлежит ведению Совета, за силою ст. 1 Уст. Гр. Судопр. (Мск. 92/93-73, ч. 3).

[84] Отсутствие у присяжного поверенного полномочий от жалобщика не освобождает Совет от обязанности рассмотреть поданное им прошение. Ст. 367 Учр. Суд. Уст. возлагает на Совет обязанность иметь наблюдение за точным исполнением присяжными поверенными «законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей сообразно с пользою их доверителей». Осведомившись о действиях присяжного поверенного, вызывающих по свойству своему дисциплинарное расследование, Совет не может не выполнить этой возлагаемой на него законом обязанности. (Мск. 97/98-120).

[85] Неуказание жалобщиком, какие именно выражения в поданной присяжным поверенным бумаге он считает неуместными и для себя оскорбительными, не может иметь значения, так как Совет

не лишен по закону возможности и права по собственному усмотрению, независимо от указаний жалобщика или взглядов обвиняемого, признать известные выражения неуместными и оскорбительными, и, как дисциплинарный суд, нисколько не стеснен по закону в своих действиях правилами состязательного порядка. (Мск. 01/02-15, ч. 1).

[86] Факт невручения присяжному поверенному лично повестки не может быть признан уважительной причиной непредставления объяснения. Каждый присяжный поверенный обязан заботиться, чтобы адрес его был известен Совету, и чтобы на время отсутствия из того города, который он избрал местом своего постоянного жительства, адресованные ему бумаги доходили по назначению. Вина в неисполнении этого падает исключительно на самого присяжного поверенного, он сам должен нести все невыгодные последствия своего образа действий. Признать, что невручение ему повестки при изложенных обстоятельствах не дает Совету права разобрать его дело, – значит, создать положение, при котором каждый присяжный поверенный, желающий уклониться от грозящего ему взыскания, может на очень продолжительное время отсрочить рассмотрение поданной на него жалобы. Но такое положение не соответствует ни интересам жалобщиков, ни достоинству присяжной адвокатуры, и потому Совет, руководствуясь 373 с. Учр. Суд. Уст., признает причины неявки присяжного поверенного и непредставление им объяснения неуважительными. (С.-Пб. 09/10-678).

[87] Принимая во внимание, что безвестное отсутствие помощника присяжного поверенного, после подачи им объяснения на жалобу, дает Совету основание отчислить его из состава помощников присяжных поверенных, что это безвестное отсутствие, равно как и фактический выход его из сословия тем не менее никакого влияния на ход возбужденного о нем дисциплинарного производства оказывать не могут, – Совет считает себя обязанным войти в обсуждение дела по существу по тем данным, какие в нем заключаются. (Мск. 03/04-63, ч. 3).

[88] Обвинения, взводимые на присяжного поверенного, могут быть предметом компетенции Совета постольку, поскольку они касаются таких его деяний, которые унижают достоинство носимого им звания и лишают его доверия. Очевидно, что такие деяния, как жестокое обращение с женою, нанесение ей побоев, присвоение ее капитала, должны подлежать ведению Совета, так как при констатировании этих деяний виновный в них не может носить звания

присяжного поверенного. Требование жены присяжного поверенного обязать мужа выдавать ей условленное содержание не может быть удовлетворено в смысле присуждения ей взыскания этого содержания. Такое принуждение, на основании ст. 1 Уст. Гр. Суд., может исходить только от гражданского суда. Совет же может только признать, что неисполнение принятого на себя присяжным поверенным обязательства несовместно с достоинством носимого им звания. (Мск. 83/84-58).

[89] Компетенции Совета подлежат не только профессиональные, но всякие действия присяжных поверенных, не согласные с достоинством носимого ими звания. С этой точки зрения Совет считает подлежащим его компетенции и обсуждению действия присяжного поверенного в качестве гласного думы, если эти действия несовместимы с достоинством присяжного поверенного. (Одес. 1908-80).

[90] Те или другие выражения, употребленные председательствующим при объявлении замечания защитнику, тот или другой тон замечания, как бы все это и по содержанию и по форме ни шло вразрез с общепринятыми понятиями о судебном приличии, обсуждению Совета подлежать не могут, ибо, составляя нарушение обязанности председательствующего на суде, могут быть предметом особой жалобы со стороны присяжного поверенного и, следовательно, предметов особого рассмотрения подлежащего судебного учреждения. (Мск. 86/87-37).

[91] Не входя в рассмотрение вопроса об ответственности присяжных поверенных за действия их, как членов конкурсного управления, так как рассмотрение таковых не подлежит ведомству Совета, Совет, однако же, находит возможным рассмотреть эти упущения с точки зрения соответствия их достоинству звания присяжного поверенного. Обсуждая в этих пределах упущения и имея в виду, что замедление в исполнении ими обязанностей конкурсного управления дает основание к предположению, что содержание под стражей несостоятельного престарелого в течение 492 дней было последствием такой неосмотрительности; что лишение свободы лица, хотя бы и признанного несостоятельным, особенно в преклонных летах, есть лишение самого высшего блага жизни; что по чувству сострадания к несчастию ближнего в действиях присяжного поверенного не должно быть допущено малейшей неосмотрительности, служащей причиной усугубления несчастья. Совет по боль-

шинству голосов определил: присяжным поверенным поставить на вид неосмотрительность действий по ведению конкурса. (Мск. 95/96-55, ч. 2).

[92] Действия присяжного поверенного по званию присяжного попечителя и куратора конкурсного управления, если не указывается на неправильное исполнение им профессиональных обязанностей, подсудны суду, а не Совету. (С.-Пб. 90/91-35).

[93] Ходатайство об утверждении к исполнению духовного завещания лежит на обязанности душеприказчика; присяжный поверенный, как душеприказчик, обязан точно и без замедления исполнять принятые обязательства, хотя бы таковые и не вытекали из его профессиональной деятельности. (Мск. 83/84-58).

[94] Составленное присяжным поверенным в качестве третейского судьи заключение не подлежит проверке Совета, как основанное на неподлежащем ничьему контролю убеждении совести избранного судьи. (Мск. 03/04-181, ч. 2).

[95] В заседании Одесского Военно-Окружного Суда председательствующий объявил присяжному поверенному предостережение по поводу возникших между ним и защитником пререканий при допросе свидетеля. Рассмотрев обстоятельства дела, Совет нашел, что в силу ст. ст. 109, 112, 782 и 786 Уст. В. С., председательствующему, в целях охраны порядка заседания, предоставлена дисциплинарная власть, и мерами взыскания по отношению к сторонам (ст. 112) являются: предостережение и выговор (после чего следует удаление виновного из заседания), т. е. две низшие меры из тех, которые по ст. 368 Учр. С. У. присвоены дисциплинарной власти Совета. Посему дисциплинарное производство Совета может возникнуть лишь там, где проступок присяжного поверенного вызывает необходимость в применении к нему более высокой меры, чем та, которая предоставлена власти председателя (ст. 112 Уст. В. С.). В данном случае председательствующий из двух мер, бывших в его распоряжении, применил низшую, т. е. признал таковую исчерпывающею. Совет усматривает, что при таких обстоятельствах присяжный поверенный понес всю полноту дисциплинарного взыскания, а потому не может вновь привлекаться за то же действие к дисциплинарному же производству. (Одес. 1908-100).

[96] Совет нашел, что съезд мировых судей, вопреки установленному порядку, выразил при открытых дверях порицание присяжному поверенному в резолюции по делу, тогда как по закону, если действия присяжного поверенного, согласно мнению съезда, подлежат дисциплинарной ответственности по определению Совета, съезд должен был рассмотреть эти действия в распорядительном заседании и постановление свое сообщить Совету, не объявляя его вместе с резолюцией по делу в публичном заседании. В таких случаях Совет постоянно относился с просьбами по принадлежности, чтобы подобные постановления делались в распорядительных заседаниях. (Мск. 90/91-22).

[97] Разрешая дело в порядке дисциплинарно и в пределах своей компетенции, Совет не властен ни обсуждать действия председателя суда, ни определять степени обиды, нанесенной присяжному поверенному, который за получением того или другого удовлетворения может обратиться, как это он и сделал, к г-ну Министру Юстиции. Совет обязан лишь обсудить действия присяжного поверенного, не вызвал ли он своим поведением того оскорбления, которое он считает для себя и вполне незаслуженным и в высшей степени тяжким. (Мск. 03/04 -383, ч. 2)

[98] Совет нашел, что обсуждению его могут подлежать лишь действия присяжного поверенного, как лица, Совету подведомственного, и что входит в разбор распоряжений председателя суда, с точки зрения законности этих распоряжений, Совет не может. (Мск. 01/02-189, ч. 2)

[99] Согласно просьбе одного присяжного поверенного о пересмотре дела, по коему он был подвергнут дисциплинарному взысканию, Московский Совет постановил: ввиду вновь обнаруженных обстоятельств, во изменение ранее состоявшегося определения Совета, признать присяжного поверенного не подлежащим дисциплинарному взысканию. (Мск. 90/91-141).

[100] Совет находит, что в круг обязанностей его не входит разрешать присяжным поверенным их сомнения, возникающие у них при ведении или разрешении принятых ими для ведения дел. Принимая на себя ведение дела, присяжный поверенный должен иметь определенный взгляд на то, как ему придется разрешать это дело и приводить присужденное по нему взыскание в исполнение, если же он по легкомыслию принял дело, не выяснив всех отноше-

ний, из которых оно возникло, то это его вина, и он должен сам лично или путем консультации с товарищами разрешить встретившиеся затруднения, а не обращаться за руководством к Совету путем искусственного доведения своего недоразумения на разрешение Совета при посредстве жалобы своего доверителя. (Мск. 10/11-14, ч. 3).

ОТНОШЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ К СОВЕТУ И СОСЛОВИЮ

[101] Совет, на обязанности которого лежит, главным образом, охранение чести и достоинства сословия, не может допустить со стороны отдельных присяжных поверенных дурных и оскорбительных отзывов о целом сословии вообще. Если лицо, носящее звание присяжного поверенного, считает сословие, к которому принадлежит, не заслуживающим уважения, то оно должно оставить это звание. Человек, который публично делает неблаговидные отзывы о сословии и в то же время продолжает оставаться в нем и пользоваться теми выгодами, которые оно дает, заслуживает самого строгого порицания. Если сословие, к которому он принадлежит, дорожит своим добрым именем, то он не может быть терпим в этом сословии. Совет считает необходимым выразить это ясно и определенно, чтобы присяжные поверенные постоянно имели в виду, какого взгляда держится Совет в этом отношении. (Мск. 77/78-42).

[102] Не касаясь права присяжных поверенных бывать или не бывать на тех или иных собраниях вообще, Совет не может, однако, согласиться с правильностью того положения, что посещение Общих Собраний Присяжных Поверенных, созываемых на основании 364 и 365 ст. ст. Учр. Суд. Уст., составляет право присяжных поверенных, которым по своему произволу они могут пользоваться или не пользоваться. Сословие присяжных представляет собой организацию, созданную законом для выполнения определенных целей и задач. Как и всякая наша организация, выполняющая нравственные цели, организация присяжной адвокатуры налагает на лиц, входящих в ее состав, известные специальные обязанности, не лежащие на иных членах общества или гражданах государства. Поэтому из того, что посещения тех или иных собраний вообще зависят от усмотрения лица, имеющего право их посещать, само собой не следует, очевидно, что и присяжные поверенные не обязаны посещать Общие Собрания, как их сословные учреждения, установленные за-

коном в целях организации корпоративного строя присяжной адвокатуры. При таких условиях смешивать посещение «тех или иных собраний» с посещением Общих Собраний Присяжных Поверенных, созываемых на основании 364 и 365 ст. ст. Учр. Суд. Уст., оснований не представляется, и вопрос об обязанности присяжных поверенных посещать эти Собрания должен быть разрешен исключительно с точки зрения специальных обязанностей, лежащих на них, как на членах законом установленного сословия. С этой точки зрения рассматривая обсуждаемый вопрос, следует признать, что к числу первых и важнейших обязанностей присяжных поверенных, как членов сословия, принадлежит обязанность их не только не совершать действий, направленных к разрушению установленной законом сословной организации присяжной адвокатуры, но, наоборот, всемерно способствовать укреплению последней и поддержанию тех органов ее, которые служат законно выразителями интересов всей адвокатской корпорации. Эта обязанность лежит, впрочем, на всяком члене всякого законного сообщества и обусловливается самым фактом его принадлежности к последнему, ибо член корпорации, индифферентно относящийся к судьбе ее и тем более сознательно направляющий свою деятельность к ее разрушению, может считаться членом этой корпорации или по недоразумению, или по преступной небрежности со стороны тех лиц, которым вверена охрана корпоративных интересов сословия. Само собой следует отсюда, что если для корпоративного строя присяжной адвокатуры и для наилучшего выполнения ею лежащих на ней задач закон считает нужным существование Совета, выбираемого на особых для сего Собраниях Присяжных Поверенных, то присяжный поверенный, правильно понимающий свои обязанности в отношении к своему сословию, должен всячески способствовать тому, чтобы Совет, как представительный орган сословия, существовал; чтобы он избирался из лиц, способных поддержать на должной высоте авторитет и достоинство присяжной адвокатуры, и чтобы он правильно в интересах сословия отправлял свои обязанности. А раз это так, то отсюда равным образом следует и то, что присяжный поверенный обязан посещать Общие Собрания, созываемые на основании закона для выбора состава Совета. Эта обязанность лежит на нем в силу самого факта принадлежности его к сословию, обусловливающего собой его специальный долг поддерживать существование своего сословия и его корпоративных учреждений, ибо в этом лежит смысл и оправдание его вступления в сословие. Человеку, индифферентно или враждебно относящемуся к присяжной адвокатуре, как к сословию и к ее учреждениям, нет оснований оставаться в этом сословии, и

приличнее всего заменить значок присяжного поверенного свидетельством на звание частного ходатая по чужим делам, которое оставляет за ним бесспорное право бывать или не бывать на тех или иных собраниях. Посещение Общих Собраний, созываемых в порядке 364 и 365 ст. ст. Учр. Суд. Уст., составляет не только обязанность каждого присяжного поверенного, как члена сословия, но и обязанность весьма важную, ибо безразличное отношение к Совету, как к корпоративному учреждению, в конечном результате может завершиться тем, что Совет может прекратить свое существование, а само собой разумеется, что лица, сознательно или по недоразумению направляющие деятельность свою к такому результату, не имеют права считаться членами той корпорации, которую они сами разрушают. Признавая на этом основании, что присяжный поверенный, в пределах возможности, должен являться в Общие Собрания, созываемые на основании 364 и 365 ст. ст. Учр. Суд. Уст., Совет счел себя вправе рассмотреть вопрос о неявке в Общее Собрание 5 сентября 1910 г. тех присяжных поверенных, которые, проживая в г. Казани, в это собрание не явились, в порядке надзора. (Каз. 10/11-130).

[103] Совет находит: то обстоятельство, что губернатору не принадлежит дисциплинарная власть над присяжными поверенными, стоит, конечно, вне сомнения. Составители Судебных Уставов 1864 года особенно заботились о независимости адвокатуры и необходимостью такой независимости аргументировали, например, недопустимость совмещения с занятием адвокатурой какой-либо платной должности, влекущей за собой подчиненность кому-либо, кроме Совета (см. разъяснения в решении по Общему Собранию Правительствующего Сената 1906 г. № 10). Подчинив присяжных поверенных дисциплинарному надзору только со стороны Совета, они создали лишь один орган государственной власти, управомоченный отменять решения Совета по дисциплинарным делам при наличности принесенной в срок жалобы осужденного или протеста прокурора Палаты, это – Общее Собрание департаментов судебной палаты. При таких условиях ставить присяжного поверенного в необходимость отчитываться перед отдельным должностным лицом, и тем более, не судебного, а административного ведомства, конечно, немыслимо. Это было бы резким посягательством на то независимое положение адвокатуры, которое создано для нас законом… Губернатор осуществлял свою мнимую власть, которая ему по закону не принадлежала. При таких условиях представление объяснений со стороны присяжного поверенного носило характер подчинения

требованию губернатора, а вовсе не свидетельствовало об охоте его объясняться перед каждым встречным. Такой именно случай имеется здесь налицо. Присяжный поверенный в своем объяснении излагает соображения о том, что при некоторых условиях в России и бесспорный вопрос об отсутствии у губернатора дисциплинарной власти в отношении присяжных поверенных может превратиться в спорный. С точки зрения этих соображений, присяжному поверенному именно и надо было воздержаться от объяснений перед губернатором, так как, считаясь с возможностью таких толкований закона, надо быть осторожным, чтобы не создавать нежелательных прецедентов, ибо, если такие нарушения закона станут обычными, и к ним все привыкнут, то этим затруднится отстаивание принадлежащих сословию прав. Соображение о том, что его нельзя лишить права давать объяснения всякому, в данном случае находится в коллизии с правом его не давать объяснений, когда требование этих объяснений не опирается на закон, ибо и личное достоинство и достоинство сословия в данном случае требовало, чтобы надлежаще отстаивалось право на независимость; здесь – тот случай, когда обладатель права с точки зрения этической и сословной не только может, но и обязан это свое право защищать. Признавая поэтому присяжного поверенного виновным в небрежном отношении к вопросу об охранении прав сословия, выразившемся главным образом в том, что он представил письменное объяснение той власти, которая по закону не управомочна требовать этого объяснения, Совет определил присяжному поверенному объявить предостережение. (Харьк. 10/11-204).

[104] Обсудить вопрос о неподчинении помощника присяжного поверенного требованием комиссии помощников, С.-Петербургский Совет нашел, что вопросы, предложенные циркулярно комиссией помощникам, не выходили из той области, которую признавалось полезным исследовать в интересах сословия, и не могли ни ставить помощника в затруднение относительно ответов, ни вызывать его неудовольствие. При таких условиях не может быть никакого сомнения в том, что представление ответов на предложенные вопросы составляло долг каждого члена сословия, сознающего как значение корпоративного устройства, так и пользу такового для сословия вообще и для каждого из членов его в частности. Распоряжение представительного органа сословия о корпоративных нуждах могло быть в свое время предметом критического обсуждения в общих собраниях, причем лицо, несогласное с тем, что принимаемая на общую пользу мера в основании своем целесообразна, имело

право выражать свое мнение, оспаривать предположение в отношении полезности такового и предлагать другие способы к достижению преследуемых корпоративных целей; но раз, что по такому предмету состоялось постановление Общего Собрания членов корпорации, переданное представительному ее органу для исполнения, сопротивление члена сословия требованиям, вытекающим из постановления Общего Собрания, представляется явлением, не только нежелательным в жизни корпорации, но и противным самому строю этой жизни. Независимо от этого неподчинение упомянутых требованиям, исходящим от органа, который несет обязанности, труд и заботы по предметам общественной пользы, составляет проявление неуважения к учреждению корпоративного самоуправления, и с этой стороны поступок помощника присяжного поверенного, достойный уже осуждения, как противный строю корпоративной жизни, заслуживает еще особого порицания, тем более, что и в форме тех заявлений, которые письменно сделал комиссии, он проявил неуважение к этому учреждению. (С.-Пб. 90/91-105).

[105] В сословном дисциплинарном суде могут быть налицо законные основания к отводу. Еще чаще могут быть основания не формального характера, а, так сказать, нравственного. Дружба или приязнь, деловые отношения и многое иное, что смущает судейскую совесть, всегда влечет в Совете присяжных поверенных самоустранение судьи не только от доклада, но и от участия в рассмотрении дела. Так всегда велось и так всегда будет. (Мск. 08/09-349, ч. 3).

[106] Присяжный поверенный, дорожащий своим добрым именем и достоинством, не может отмалчиваться перед Советом на его запросы, как бы ни были незначительны те проступки, которые ставят ему в вину, ибо естественным стремлением каждого присяжного поверенного при подаче на него жалобы должно явиться желание как можно скорее выяснить недоразумение или опровергнуть взводимое против него обвинение, чтобы как можно скорее рассеять малейшее подозрение насчет его непорядочности и снять с себя перед товарищеским судом всякую тень сомнения. Нельзя допустить, чтобы присяжный поверенный мог хладнокровно относиться к подаваемым на него жалобам, и тем более, когда его обвиняют в весьма тяжком проступке, грозящем ему серьезными последствиями. Уклонение присяжного поверенного от объяснений Совету, естественно, должно вести к заключению, что жалоба является действительно основательной, и что этому присяжному поверенному нечего возразить против нее. (Мск. 09/10-619, ч. 3, 08/09-22, ч. 4).

[107] Достоинство присяжного поверенного обязывает последнего немедленно по поступлении жалобы опровергнуть ее, во всяком случае представить сословному суду свои объяснения. Для этого посылается Советом копия жалобы с требованием представить в 7-дневный срок объяснение. Оставление без ответа такого требования Совета свидетельствует о крайне небрежном отношении к своим сословным обязанностям, и подобный образ действий не может не усугубить вины. (Мск. 07/08-383, ч. 3).

[108] Неисполнение помощником присяжного поверенного требования Совета о его явке в заседание недопустимо. Требование это дисциплинарного суда, власть которого опирается на доверие сословия, для членов этого сословия обязательно, и неисполнение его составляет серьезный дисциплинарный проступок. (Мск. 07/08-320, ч. 3).

[109] Совет в целом ряде своих постановлений обязывал присяжного поверенного представить в Совет требуемые от него сведения, обязывал его личной явкой, но ни одно из этих требований не было исполнено. Одна из наиболее ценных и дорогих гарантий адвокатуры – это ее сословная организация, обеспечивающая независимость присяжного поверенного, дающая ему возможность быть истинным служителем правосудия и слугой общества. Охрана сословной организации – прямая обязанность Совета, учреждения выборного, источником власти которого является доверие всего сословия.

В силу этого, Совет не может молчаливо проходить над подобным отношением присяжного поверенного, игнорировавшего все постановления Совета, не может не высказать за это самого строгого осуждения.

Систематическое, несмотря на признание обязательности явки в Совет, непредставление в течение целого года никакого объяснения на жалобу свидетельствует о небрежности присяжного поверенного по отношению к своим сословным обязанностям. (Мск. 1) 09/10-265, ч. 3; 2) 93/94-62, ч. 2; 3) 76/77-67).

[110] Неисполнение двукратных требований Совета без объяснения причин такого неисполнения дает Совету основание предполагать, что обвинение присяжного поверенного вполне справедливо. (Мск. 1) 88/89-64; 2) 93/94-25; 3) 08/09-239).

[111] Молчание перед обвинением, вызвавшим, помимо дисциплинарного, и следственное производство, требующим немедленного и решительного опровержения, не только в личных интересах, но и ради интересов сословия и достоинства носимого звания, представляется обстоятельством, свидетельствующим против обвиняемого и подтверждающим обвинение. Ввиду изложенного, находя действия присяжного поверенного несовместимыми с достоинством носимого им звания, Совет определил: на основании 4 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст. присяжного поверенного исключить из числа присяжных поверенных. (Мск. 1) 93/94-101, ч. 2; 2) 900/901-181, ч. 2).

[112] Совет считает серьезным дисциплинарным проступком со стороны поверенного неисполнение им требования Совета об изложении в письменном виде объяснений поверенного, данных им ранее того словесно. Не говоря о том, что такое неисполнение требований Совета затрудняет производство Совета, исполнение подобных требований по существу обязательно для поверенного, ибо, если по содержанию дела Совет встретил надобность в этих разъяснениях, то поверенный обязан идти навстречу этим требованиям не только потому, что требование Совета, как таковое, для присяжного поверенного обязательно, главным образом, потому, что для присяжного поверенного должно быть дорого полное выяснение дисциплинарного дела и снятие нареканий с него, как с члена сословия; в таком разъяснении не только он лично заинтересован, но заинтересовано и все сословие, так как нарекания на кого-либо из членов сословия отражаются на всем сословии. (Харьк. 06/07-77 и Мск. 91/92-59).

[113] Немедленное и точное исполнение лицами присяжной адвокатуры определений ими же избранного органа, Совета Присяжных Поверенных, представляется безусловно необходимым в интересах поддержания достоинства сословия, являясь одним из основных условий правильного течения сословной жизни. (Мск. 09/10-517, ч. 3; 10/11-350, ч. 3).

[114] Совет многократно и настойчиво указывал на необходимость точного исполнения постановления дисциплинарного суда. Как бы ни было трудно подчас присяжному поверенному осуществить обязанности, возложенные на него решением сословного органа, но во имя собственного достоинства и достоинства сословия он должен напрячь все силы, приложить все старания, чтобы не остаться в долгу перед последним, а в особенности, когда речь идет

о возврате неправильно удержанных денег. (Мск. 09/10-222, ч. 3; 97/98-60).

[115] Неисполнение постановлений Совета присяжным поверенным является серьезным дисциплинарным проступком; оно в корне подрывает самую основу сословного суда и сословного самоуправления. (Мск. 08/09-196, 309, ч. 3).

[116] Совет находит, что присяжный поверенный, который допустил грубое нарушение сословного своего долга – не подчинился постановлению Совета, обнаруживает неуважение к сословному суду. (Мск. 08/09-272, ч. 3).

[117] Присяжный поверенный, на которого возложена Советом обязанность возвратить деньги доверителю, должен немедленно исполнить предъявленное ему требование. Всякого рода в этом отношении отсрочки усугубляют его первоначальную вину. (Мск. 03/04-15, ч. 3).

[118] Совет находит, что оставление доверителя без известий о положении дела в течение продолжительного времени составляет профессиональный проступок. Если к этому присоединяется неисполнение требования Совета, то вина поверенного отягчается еще неповиновением сословному органу. Понудить члена сословия к исполнению своих обязанностей в таком случае Совет может лишь путем постепенного возвышения кары. (Мск. 08/09-278, ч. 3).

[119] Постановлениями Совета от 30 сентября 1896 года и 23 октября 1898 г. присяжный поверенный подвергнут был дисциплинарному взысканию, и вместе с тем, ему вменено было в обязанность возвратить доверителям своим документы и деньги и представить им отчет по делу; присяжный поверенный, как это видно из жалобы, против которой им никаких возражений не представлено, вышеозначенных постановлений Совета не исполнил; посему присяжный поверенный ввиду состоявшихся уже по сему делу постановлений Совета, которыми он подвергнут был дисциплинарному взысканию, подлежит теперь высшей мере дисциплинарного наказания. Совет определяет: воспретить присяжному поверенному практику на 3 месяца. (Мск. 1) 98/99-8, ч. 2; 2) 88/89-132).

[120] Непринятие пакета и бумаг, адресованных из Совета, в грубой форме знаменует собою препятствие их осуществлению Со-

ветом возложенных на него по закону сословных обязанностей. Чувство корпоративной чести и сознание солидарности с сословием повелительно требуют от каждого члена нашей корпорации возможного содействия в правильной жизни адвокатского сословия, и всякое уклонение от этого принципа должно встретить строгое осуждение. (Мск. 07/08-350, ч. 3).

[121] Присяжный поверенный не должен создавать такого положения, при котором бумаги, ему адресованные, остаются невручеными; тем более недопустимо это в отношении бумаг, исходящих от Совета, надзору коего присяжный поверенный подчинен. (Мск. 09/10-472).

[122] Совет нашел, что присяжный поверенный, по возникшему против него дисциплинарному делу, уговорил жалобщиц отказаться от поданной жалобы. Он выдал им вексель, взамен которого получил на руки заявление об оставлении жалобы без рассмотрения с доверительной надписью для подачи в Совет. Такой образ действий присяжного поверенного несовместен с достоинством носимого им звания. Присяжный поверенный по возникшему против него дисциплинарному делу не может, не унижая себя, вступать в сделку с жалобщиком. Вместо ответа по предмету жалобы и разъяснения перед сословным Судом обстоятельств дела, присяжный поверенный предпочел укрыться от грозящего взыскания под покровом заявления жалобщиц об оставлении их жалоб без рассмотрения, добившись этого заявления посредством выдачи в виде эквивалента обязательства на определенную сумму и на определенный срок. (Мск. 03/04-291, ч. 2).

[123] Сословный суд в суждениях своих всегда исходит из естественного предположения о том, что член сословия не может говорить неправду перед судьями – товарищами. И злоупотреблять таким доверием товарищеского суда – значит, не иметь самых элементарных представлений об адвокатской этике и нарушать коренные ее основания. (Мск. 08/09-56).

[124] Всякая неискренность в объяснениях перед Советом является серьезным нарушением обязанностей присяжным поверенным, а тем более неискренность, доведенная до обмана. (С.-Пб. 10/11-652).

[125] Присяжный поверенный в своих объяснениях Совету позволил себе сознательную неправду. Совету хорошо известно, что среди лиц, подведомственных его товарищескому суду, не принято говорить неправду в своих объяснениях перед Советом и потому у него нет основания упрекать себя в том, что решение свое от 31 января 1902 г. по прошению торгового дома он постановил, доверяя объяснениям присяжного поверенного; тем не менее, ошибочность этого решения, как основанного на доверии к заявлениям лица по своему положению, хотя и заслуживающего доверия, но это доверие обманувшего представляется очевидною; а потому Совет признал заявления жалобщика, изложенные как в рассмотренном уже прошении, так и в настоящей жалобе, заслуживающими доверия. (Мск. 03/04 -210, ч. 2)

[126] При определении взыскания Совет принял во внимание неправильное изложение перед Советом помощником присяжного поверенного фактов, которые ему должны были быть хорошо известны, чем выразилось желание умышленно извратить факты с целью ввести Совет в заблуждение, и определил воспретить помощнику присяжного поверенного отправление обязанностей поверенного на три месяца. (С.-Пб. 89/90-55; 82/83-64; Мск. 02/03-119, ч. 2).

[127] Способ защиты перед Советом по дисциплинарному делу, стремящейся к извращению истины неправдивыми, уклончивыми, изворотливыми объяснениями относительно обстоятельств дела, совершенно не соответствует достоинству присяжного поверенного и заслуживает одного из самых строгих взысканий. (С.-Пб. 91/92-258; Мск. 85/86-268).

[128] Совет имеет право ожидать от присяжных поверенных, что в представляемых ими частных копиях бумаг не будет извращения подлинников; действия поверенного должны внушать к себе полное доверие; нельзя допустить, чтобы он вводил Суд или Совет в заблуждение, посему Совет признает представление ему присяжным поверенным, под видом протоколов Мирового Съезда, бумаг, значительно искаженных и не соответствующих действительным судебным протоколам, поступком, крайне предосудительным, который не может оставаться без строго взыскания. (Мск. 90/91-126).

[129] Неуместно приводить в объяснении на жалобу в Совет, оправдываясь в своих действиях, факты, безразличные для дела, но оглашение которых неприятно для жалобщика, факты, которые, ес-

ли и мели место, то должны сохранять семейную тайну. Это крайне непристойно и неприлично; это дает повод заподозрить наличие злого умысла и набросить на себя и свои поступки в высшей степени некрасивую тень. Если чужое дело можно защищать лишь чистыми средствами, то тем более защищать себя, свои дела, свои поступки. (Мск. 07/08-378, ч. 3).

[130] Совет поставил на вид присяжному поверенному, что в поданных в Совет бумагах он прибегает к резким и совершенно неуместным выражениям по отношению к жалобщику. (Мск. 95/96-98, ч. 2).

[131] Имея в виду принятие присяжным поверенным доверенности во время запрещения ему практики, Совет признал присяжного поверенного заслуживающим строгого дисциплинарного взыскания по 3 п. 368 ст. (Мск. 95/96-21, ч. 2).

[132] Сословные сборы представляются необходимыми для содержания канцелярии Совета и библиотеки. Размер их таков, что о тяжести этого товарищеского налога не может быть и речи; сознание, что неуплата сбора возлагает тяжесть несения необходимых расходов на других товарищей, должно побуждать членов сословия быть исправными плательщиками. (Мск. 07/08-194, ч. 3).

[133] Присяжный поверенный, без достаточных оснований уклоняющийся от сословной обязанности вносить сословные сборы, подлежит взысканию в порядке дисциплинарном. (Мск. 08/09-148, ч. 3).

[134] Присяжный поверенный не только не исполнил постановления Совета об уплате недоимки, согласно данной ему рассрочки, но даже не явился в Совет для объяснений и не дал письменного отзыва. Ввиду изложенного Совет определил: объявить предостережение. (Мск. 07/08-188, ч. 3).

[135] Совет нашел, что присяжный поверенный уже в течение многих лет уклоняется от несения сословных повинностей, и размер недоимки возрастает ежегодно на полную сумму сборов. Такое отношение к сословным обязанностям не может быть допускаемо. Нельзя представить себе, чтобы он на протяжении стольких лет не был в состоянии пополнить хоть часть недоимки, хотя внести текущие сборы. Сознание, что он возлагает на других товарищей тя-

жесть несения повинности, должно было внушить иное отношение к своим обязанностям по сословным сборам. (Мск. 07/08-261, ч. 3).

[136] 23 сентября 1883 г. Общее Собрание Присяжных Поверенных приняло и ввело в действие следующие положения: Сборы, установленные в сословии присяжных поверенных на содержание канцелярии Совета и сопряженных с Советом учреждений (библиотеки, кассы пособий и т. под.), вносятся обязательно присяжными поверенными за каждый текущий светский год вперед, не позже 1-го октября. Не внесшим сборов к этому сроку делается напоминание Советом, после чего, если и затем сборы не будут внесены к первому января наступающего года, Совет для взыскания недоимок возбуждает против неплатящих дисциплинарные производства.

По ходатайству присяжных поверенных, отказывающихся от платежа следуемых сборов неимением средств, Совет может либо сложить с них недоимку, либо таковую рассрочить.

В случае уклонения присяжного поверенного от платежа следующих с него сборов и безуспешности более легких мер взыскания, означенных в 1 и 2 п. ст. 368 Учр. Суд. Уст. (1062 ст. 1 ч. 2 Т. Св. Зак. по изд. 1876 г.), Совет может применить по отношению к неплатящему меру, указанную в 3 п. той же 368 ст., т. е. временное запрещение исправлять обязанности поверенного.

Взыскание прекращается, если подвергшийся ему внесет в кассу Совета числящуюся за ним недоимку. (С.-Пб. 83/84-18).

[137] Когда Совет не в состоянии выяснить себе всех обстоятельств дела из данных, имеющихся в его распоряжении, он обыкновенно предлагает присяжному поверенному, о коем производится дело, явиться для личных объяснений в заседание Совета.

Неявка товарища в заседание ставит Совет в такое положение, что он должен считаться с теми объяснениями, которые приводятся жалобщиком и которые остаются неопровергнутыми. (Мск. 05/06-184).

ЗАНЯТИЯ И ДЕЙСТВИЯ, НЕСОВМЕСТИМЫЕ С ЗВАНИЕМ ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО

[138] Ст. 355 Учр. Уст. Суд. воспрещает присяжным поверенным состоять на службе от правительства или по выборам, за исключением лишь почетных или общественных должностей без жалованья (п. 4).

Основанием к такому законоположению, по мнению составителей судебных уставов, была необходимость учредить сословие присяжных поверенных из лиц, совершенно независимых по своему положению от какого-либо административного начальства. И действительно, такая зависимость крайне нежелательна. Будучи чиновником какого-нибудь административного учреждения, присяжный поверенный очень часто может получить от начальства своего предписание, исполнение которого может легко поставить его в противоречие с его убеждениями. Достаточно указать уже на то, что, будучи чиновником хотя бы для деятельности, близко стоящей к адвокатуре, например, для защиты на суде интересов своего ведомства, присяжный поверенный не вправе отказаться от ведения порученного ему начальством дела, ибо такой отказ будет равносилен неисполнению предписания начальства, т. е. будет заключать в себе уголовное преступление (ст. 331 Улож.); между тем, основное право, необходимое для добросовестного исполнения обязанностей присяжного поверенного, есть право отказаться от порученного ему дела, когда оно не согласно с его нравственными убеждениями.

Хотя с первого взгляда представляется, что принятие на себя присяжным поверенным обязанностей юрисконсульта и поверенного по всем делам какого-нибудь учреждения общественного или частного ставит его в такое же положение зависимости от главного управления этого учреждения, но такое сходство положений только кажущееся: присяжный поверенный, юрисконсульт и поверенный учреждения связан с ним единственно отношениями договорными, а не служебными, и хотя может случиться, что постоянный поверенный какого-либо учреждения будет приглашен главным управлением этого учреждения к ведению дела, несогласного с его убеждениями, но в таком случае он не может быть к этому вынужден силою закона, а всегда может отказаться от дела, ему порученного, и если в подобном случае он поступится своими убеждениями из расчета (например, чтобы не потерять своих занятий), или из излишней угодливости, то это будет признаком его корысти или малодушия, но во всяком случае не будет последствием необходимости. Применяя это соображение к занимающему Совет случаю, Совет нашел, что присяжный поверенный состоит чиновником особых поручений VI класса; что хотя должности этой никакого жалования не положено, но тем не менее ей предоставлены права государственной службы (ст. 1534 Уст. Чел. Общ.), а следовательно, и обязанности, с государственной службой сопряженные; что должность эта не принадлежит к числу почетных должностей, занятие которых разрешается присяжным поверенным, что потому занятие такой должности при-

сяжным поверенным противно 4 пун. 355 ст. Учр. Суд. Уст., а потому Совет постановил: предложить присяжному поверенному или сложить с себя звание присяжного поверенного или выйти в отставку из занимаемой им должности. В назначенный срок присяжный поверенный заявил Совету о своем выходе в отставку. (С.-Пб. 85/86-27).

[139] Обсуждая вопрос о возможности совмещения звания присяжного поверенного со службою частною, Совет находит, что при разрешении этого вопроса должна иметь решающее значение та цель, которую преследует законодатель, устанавливая 4 п. 355 ст. Учр. Суд. Уст.; цель эта – создать независимое положение присяжного поверенного и устранить отвлечение его какими-либо посторонними постоянными занятиями от исполнения его прямых обязанностей по должности присяжного поверенного.

Имея в виду такую задачу, Совет признал: 1) частная служба, которая вообще не знает почетных должностей без жалования, обыкновенно налагает несение обязанностей более или менее постоянных, и, при наличности таких обязанностей, конечно, не менее государственной службы лишает служащего «свободы располагать своим временем», которое принадлежит нанимателю-хозяину, тем более исключительно, чем дороже он оплачивает труд нанятого им служащего, и 2) что частная служба создает зависимость служащего от хозяина, и эта зависимость никак не слабее той, в какой состоят чиновники и лица, занимающие общественные должности по выборам, по отношению к начальству: определение и увольнение лиц, занимающих должность в частной службе, их вознаграждение за труд на пользу хозяину хотя и регулируются до известной степени договорами найма, однако, в значительной степени зависят от усмотрения или произвола хозяина-нанимателя, власть которого над его служащими тем шире, чем больше конкуренции в соискании той или другой должности в частной службе. Значение такой зависимости лиц, состоящих на службе частной, признано и в законе, как видно из 86 ст. Учр. Суд. Уст. Таким образом, вообще говоря, частная служба не менее государственной или общественной – выборной, несовместима с правильным и достойным отправлением обязанностей присяжного поверенного.

В частности, относительно службы на железной дороге Совет принял во внимание: 1) что от Правления, как представителя хозяев этой дороги, зависит определение и увольнение всякого рода служащих по обществу, определение их обязанностей, назначение им содержания, пособий и наград (§ 31 Выс. утв. уст. общ. жел. дор.),

причем принятый на службу считается согласившимся на все условия, заранее для всех служащих предписанные правлением дороги (общ. инстр. служащим ст. 3), и 2) что должность «начальника коммерческого отделения» в Правлении дороги по сложности и обширности коммерческой стороны этого предприятия не может оставлять лицу, занимающему эту должность, достаточно досуга для того, чтобы исполнение обязанностей присяжного поверенного могло быть главным призванием того лица.

Во всяком случае, Совет не мог признать приличным и соответствующим достоинству звания присяжного поверенного, чтобы звание это носило лицо, состоящее на службе частного лица и исполняющее постоянные обязанности по заведыванию торгово-промышленным делом. Хотя закон (2 ст. Полож. о Пошл. за Пр. Торг. изд. 1886 г.) и не относит железнодорожных предприятий к «торговым действиям», почему и служащие в таких предприятиях, по тексту закона (54 и след. стат. того же полож.), не причисляются к «приказчикам», тем не менее, несомненно, что в экономическом и бытовом отношении положение агента железнодорожного предпринимателя, по природе его службы, не разнится от положения «приказчика».

По изложенным основаниям, Совет признал должность, которую занимает присяжный поверенный в Правлении железной дороги, несовместимою с званием присяжного поверенного, а потому определил: предложить присяжному поверенному Х сложить с себя звание присяжного поверенного, назначив ему для исполнения сего срок. (Харьк. 86/87-12).

[140] 4 п. 355 ст. Учр. Суд. Уст., признавая несовместимость звания присяжного поверенного с государственною службою, делает, однако, исключение в пользу почетных должностей без жалованья. В законе нет прямого указания на то, какие должности признаются почетными, и одно неполучение жалованья не делает еще должность почетною, но качество это, по мнению Совета, несомненно, должно быть признано за такою должностью, которая, не будучи связана с получением жалованья или денежных наград, возлагает на занимающего ее единственно обязанность оказывать денежную помощь нуждающимся и печься о воспитании, образовании и гигиене нуждающихся или немощных, помещаемых в благотворительные учреждения. При таких занятиях, когда начальство не может возложить на должностное лицо других поручений, не может быть и речи о несовместимости такой должности со званием присяжного поверенного. Получение за такую деятельность наград

неденежных не отнимает у должностей этих их исключительно почетного характера. (С.-Пб. 87/88-23).

[141] В Совете возбужден был вопрос, насколько отвечают положению и достоинству присяжного поверенного принимаемые им на себя обязанности по должности агента страхового общества. Обсуждая этот вопрос, Совет должен был признать за ним характер частичный, ставящий его в зависимость от общего вопроса о так называемом совместительстве. Встречаясь с тем же вопросом в своей дисциплинарной практике, Совет, при отсутствии твердо установленных общих руководящих начал, не считал возможным возлагать всю тяжесть его решения на отдельных лиц, к дисциплине привлекаемых, и если по некоторым делам суждения его принимали форму категорическую, то это было лишь в тех ярких случаях, когда несоответствие побочных занятий присяжного поверенного его профессиональному достоинству било уже в глаза. К числу таких случаев настоящий, конечно, отнесен быть не может, хотя, с другой стороны, совмещение занятий страхового агента с званием присяжного поверенного вряд ли может быть признано желательным в силу тех условий, в которые поставлена у нас страховая агентура, и которые так далеки от условий, обязательных для присяжной адвокатуры. Достаточно уже того, что те самые качества, которые в страховом агенте будут считаться положительными, в присяжном поверенном будут признаны отрицательными. Погоня за доверителями и самая широкая реклама, создающая успех страхового, как и всякого иного коммерческого предприятия, в присяжной адвокатуре служили бы несомненным признаком ее деморализации и упадка. Совместить в одном лице противоположные свойства, какими должен обладать страховой агент и присяжный поверенный поэтому вряд ли представляется возможным. (Мск. 92/93-384, ч. 2).

[142] Вступление на должность агента страхового общества, несомненно, ставит присяжного поверенного в подчиненное и зависимое положение от Правления страхового общества, стесняя свободу поверенного даже в выборе им принимаемых к своему ведению дел, так как известно, что, по условиям некоторых страховых обществ, делаясь агентом страхового общества, присяжный поверенный не может уже вести дела всех страховых обществ; занятие обязанностями агента по страховому делу является работой чисто коммерческой, не имеющей ничего общего с юридической и профессиональной адвокатской работой, а потому принятие на себя

обязанностей такого агента является несовместимым с званием присяжного поверенного. (Каз. 08/09-116).

[143] Деятельность агента по страхованию есть один из видов деятельности комиссионера, причем по самому свойству своему деятельность эта неминуемо связана с разного рода рекламами и именем вывески. Совет уже неоднократно высказывался, что лицо, принадлежащее к сословию присяжных поверенных, не должно заниматься комиссионерскою деятельностью, принципы которой совершенно не согласны с принципами, лежащими в основе деятельности присяжного поверенного. Так, Совет признал нежелательным, чтобы присяжные поверенные принимали на себя посредничество при покупке и продаже недвижимых имений (журн. 2 мая 1873 г. и 22 апреля 1881 г.), по продаже сахарного песку, пшеницы, учету векселей (4 января 1886 г.), по приисканию денег для займа (журн. 8 июня 1882 г.), по скупке претензий, предъявленных на несостоятельного должника (журн. 5 сентября 1879 г.). Точно так же Совет категорически преследует всякую рекламу со стороны присяжного поверенного, а также имение у присяжного поверенного вывески (журн. 20 сентября 1875 г., 19 ноября 1886 г., 20 февраля 1884 г., 5 января 1885 г. и др.). Ввиду сих соображений Совет постановил: признать занятия в качестве агента Страхового Общества несовместимыми со званием присяжного поверенного. (С.-Пб. 92/93-19).

[144] Обсудив возбужденный присяжным поверенным запрос, Совет нашел, что Лифляндское Городское Ипотечное Общество не представляет собою учреждения правительственного, а потому служба в нем, как не соответствующая условиям, определенным в 4 п. 355 ст. Учр. Суд. Уст., не может по этой причине быть признана несовместною с званием присяжного поверенного. Но, с другой стороны, Совет усматривает, что означенное Общество по своему составу, характеру деятельности и ответственности своих членов принадлежит к числу учреждений Взаимного кредита под залог недвижимостей и занимается, следовательно, операциями, признаваемыми нашим законодательством (2 и 36 ст. Пол. о Пошл. за право торг. и др. пром.) торговыми. Еще в 1876 г. Совет рассматривал общий вопрос о праве присяжных поверенных заниматься торговлею, причем пришел к заключению, что те же доводы, по которым, при составлении Судебных Уставов признано неудобным запрещать всякую торговлю лицам судебного ведомства и тем ограничивать их права гражданские, существуют в отношении присяжных поверенных, хотя весьма нежелательно, чтобы практикующие присяжные

поверенные принимали частное, прямое и непосредственное участие в деятельности коммерческой, в особенности, потому, что присяжному поверенному, занимающемуся торговлею, трудно избегнуть влияния того, что называется коммерческим духом, то есть свойств и привычек, выработанных торговлею, как профессией, и не вносить эти привычки в свою адвокатскую деятельность. Признав затем невозможным воспрещать безусловно присяжным поверенным торговлю в виде общего правила, Совет тем не менее нашел, что правом этим присяжные поверенные должны пользоваться с большою разборчивостью и лишь с тем непременным условием, чтобы занятия торговлей, с одной стороны, не препятствовали им исполнять прямые их адвокатские обязанности, а с другой стороны, не роняли их в общественном мнении и тем не подрывали того доверия, которое должно принадлежать присяжному поверенному в силу его звания, независимо от его личных свойств. Смотря на должность председателя Правления означенного общества, хотя последнее и принадлежит, по нашим законам, как сказано выше, к числу учреждений торговых, имеет скорее юридический и экономический характер, чем торговый, и не только не может ронять его в общественном значении, но, напротив того, обусловливается, так же как и деятельность присяжного поверенного, доверием к нему со стороны Общества, Совет не встретил препятствий к тому, чтобы должность эту занимал присяжный поверенный. (С.-Пб. 90/91-30).

[145] Хотя деятельность Общества Взаимного кредита, а следовательно, и директоров Правления его, есть деятельность коммерческого характера, но так как не всякая коммерческая деятельность может считаться несовместимою со званием присяжного поверенного, а лишь такая, занятие которою роняет в общественном мнении или препятствует исполнять прямые адвокатские обязанности, то Совет не находит причин, которые препятствовали бы присяжным поверенным принять на себя должность директора Правления. (С.-Пб. 92/93-9).

[146] Совет находит, что нахождение лица на службе общественной, хотя бы и не по выборам, а по вольному найму (в банке), составляет препятствие к принятию в сословие адвокатуры. (Новочерк. 08/09-199).

[147] По существу своему, администрация назначается не только для регулирования юридических отношений должника, но гораздо более для благоустроения его хозяйственных дел и отноше-

ний. По закону, администрация учреждается по обширным коммерческим и фабричным делам и имеет своею прямою задачею, как пояснил Правительствующий Сенат, восстановление пришедших в упадок дел (Сборн. Лосенко, ст. 1868, § 2). Администрация заменяет собою имущественную личность должника, вступая в управление делами на правах полного хозяина (там же ст. 1873 § 1); управление же делами распадается на многочисленные заботы и действия характера торгового, промышленного, технического, ничего общего не имеющие с теми обязанностями, служение которым составляет призвание присяжных поверенных. Посему Совет признает, что деятельность в качестве члена администрации по делам торгового дома вообще несовместима со званием присяжного поверенного, точно так же, как несовместимо с таковым всякое занятие по торговле или по управлению чужими торговыми делами. Положение администратора представляется тем более не соответствующим званию присяжного поверенного, что существование администраций не ограниченно никаким сроком, и они легко могут обнимать многие годы, так что присяжный поверенный, принявший на себя обязанности администратора, легко может оказаться связанным этими несвойственными для его звания обязанностями на долгий период времени. На этом основании Совет постановил: обязать гг. присяжных поверенных сложить с себя обязанности администраторов в трехмесячный срок со дня получения повестки о настоящем решении Совета и обязать их уведомить Совет об исполнении этого определения. (Мск. 88/89-9).

[148] С.-Петербургский Совет, имея указания на то, что Московский Совет присяжных поверенных и Московская Судебная Палата признали несовместимость должности администратора со званием присяжного поверенного, нашел, что общий вопрос о совместимости звания присяжного поверенного со званием администратора по делам торговой фирмы не был еще разрешаем Петербургским Советом, и потому нет основания требовать ныне же от присяжных поверенных, чтобы они сложили с себя это звание, ибо ни закон, ни какое-либо установленное в сословии правило их к тому не обязывает. (С.-Пб. 90/91-85).

[149] Совет находит, что если в составе администрации и может быть полезно присутствие юриста для разрешения возникающих юридических вопросов, то все же представляется совершенно нежелательным, чтобы большинство членов администрации состояло из присяжных поверенных, так как несомненно, что главная обя-

занность администрации состоит в ведении торгового дела, для какового специальные познания лица, носящего звание присяжного поверенного, никакой пользы оказать не могут. Обращаясь же к рассмотрению вопроса, должно ли быть совершенно возбранено присяжному поверенному состоять членом администрации по торговому делу, Совет находит, что разрешение этого вопроса тесно связано с разрешением общего вопроса о праве присяжных поверенных заниматься торговлею. Признав невозможным воспретить безусловно присяжным поверенным торговлю в виде общего правила, Совет тем не менее нашел, что правом этим присяжные поверенные должны пользоваться с большою разборчивостью и лишь с тем непременным условием, чтобы занятия торговлею, с одной стороны, не препятствовали им исполнять прямые свои адвокатские обязанности, а с другой стороны, не роняли их в общественном мнении и тем не подрывали того доверия, которое должно принадлежать присяжному поверенному в силу его звания, независимо от личных его свойств. По мнению. Совета, если нельзя безусловно запретить присяжным поверенным занятия торговлею, то с другой стороны, в отдельных случаях тот или другой род коммерческой деятельности может, при известных случаях, быть признан несовместным со званием присяжного поверенного и повлечь за собою для занимающегося ею дисциплинарную ответственность. Если самое свойство дел, подлежащих ведению администрации, и порядок их производства не будут представлять ничего несогласного с достоинством присяжного поверенного, и притом, если и при такой деятельности присяжного поверенного он вместе с тем оказывает необходимую для дела помощь в качестве опытного юриста и руководит или направляет в этом отношении общую деятельность администраторов, то в таком положении адвоката нельзя усмотреть чего-либо несовместного с его профессиональным положением. Наоборот, если свойство самых торговых дел, или способ эксплуатации предприятия таков, что участие в них может унижать достоинство звания присяжного поверенного, то, конечно, тогда в каждом отдельном случае Совет может предложить присяжному поверенному или оставить сословие или прекратить свое участие в подобной администрации. На основании всего вышеизложенного, Совет постановил: 1) не воспрещая присяжным поверенным принимать звание члена администрации по торговым и коммерческим делам пришедшего в упадок должника, в каждом отдельном случае, который по жалобе, или иным путем станет известен Совету, обсуждать, совместна ли должность администратора в данной администрации с профессиональными обязанностям присяжного поверенного, и 2) признать, что в составе админи-

страции присяжные поверенные или их помощники не должны составлять большинства. (С.-Пб. 91/92-39).

[150] Присяжный поверенный просил разъяснить, может ли он, не занимаясь торговлею, выбрать промысловое свидетельство для того, чтобы этим путем приобрести необходимый для избрания в состав членов Биржевого Комитета ценз. Совет признал, что такой образ действий несовместим с званием присяжного поверенного. (С.-Пб. 09/10-52).

[151] Совет остановился на вопросе о совместимости звания присяжного поверенного с состоянием в биржевой артели, как члена оной, в качестве штатного артельщика. Если присяжный поверенный не может служить на государственной службе, то тем более не может он состоять у кого-либо в личном услужении. А между тем, положение присяжного поверенного, как члена биржевой артели, именно таково. Так, например, по уставу биржевой артели, староста обязан следить за нравственностью и деятельностью каждого артельщика, и ему предоставляется право налагать на каждого неисправного, непослушного и нетрезвого поведения артельщика взыскание (пп. 54 и 58). Из этого видно, что каждый артельщик биржевой артели есть слуга тех учреждений и лиц, на службе у коих они состоят. Присяжный поверенный говорит, что он считает свое положение в артели совместимым с званием присяжного поверенного, так как пай его, в сущности, является лишь условием службы, как юрисконсульта, но с таким его объяснением Совет согласиться не может: быть поверенным артели по судебным делам присяжный поверенный может и не состоя ее членом. Вследствие этого Совет определил: предложить присяжному поверенному выбыть из членов биржевой артели. (Новочерк. 10/11-246).

[152] Рассмотрев вопрос о зачислении просителя в число помощников присяжных поверенных, Совет нашел, что к такому зачислению имеется препятствие, так как проситель состоит представителем «Товарищества ситценабивной мануфактуры», и деятельность его является деятельностью торговой в законном и практическом значении этого понятия. Находя, что последняя несовместима с теми условиями, которыми нормируется деятельность лиц, принадлежащих к сословию присяжных поверенных и помощников их, Совет пришел к заключению, что проситель впредь до оставления им этой деятельности не может быть зачислен в сословие. (Новочерк. 05/06-118).

[153] Признав, что присяжный поверенный состоял полным и деятельным товарищем чисто коммерческого предприятия, что занятия торговлей всегда признавались несовместными с званием присяжного поверенного, Совет постановил: поставить присяжному поверенному на вид несовместимость его участия в торговом предприятии со званием, им носимым. (Мск. 87/88-97).

[154] Совет подверг взысканию помощника присяжного поверенного, принявшего доверенность не только на ведение судебных дел, но и на печатание объявлений и циркуляров в качестве временно заведующего всеми делами фирмы, а равно и складом. Если заведование чужими торговыми предприятиями вообще не есть занятие, легко согласуемое с достоинством и обязанностями адвоката, так как подвергает большому риску его независимость и самостоятельность, то оно совершенно не совмещается с ними, когда адвокат доводит свое служение чужому торговому делу до того, что принимает непосредственное участие в таких двусмысленных приемах конкуренции, как неумеренное восхваление товара представляемой им фирмы, или как опорочение деятельности другой фирмы, торгующей тем же товаром. (Мск. 02/03-372, ч. 2).

[155] Выяснилось, что присяжный поверенный N принимал не случайное только участие в промышленном предприятии своей жены, а был деятельным распорядителем всего дела. Признавая такую деятельность несовместимою с достоинством носимого им звания и не имея возможности предложить ему прекратить такую деятельность, так как он ее отрицает, Совет постановил: признавая участие присяжного поверенного в управлении промышленным предприятием несовместимым с носимым им званием отчислить его из присяжных поверенных. (Мск. 95/96-18, ч. 2).

[156] Совет не мог оставить без внимания, что помощник присяжного поверенного приобрел на свое имя, с целью эксплуатации, меблированные комнаты, т. е. предпринял такое дело, которое, в силу установившейся в сословии присяжных поверенных традиции, является несовместимым с этим званием. (С.-Пб. 10/11-359; Харьк. 06/07-211).

[157] Принятие доверенности, содержание которой создает предположение, что присяжный поверенный состоял управляющим или приказчиком своего доверителя, составляет непростительную

неосмотрительность в отношении охранения достоинств носимого звания. (Мск. 97/98-74).

[158] Присяжный поверенный взял на себя управление домом, заключив договор, в котором права и обязанности его, как адвоката и управляющего имением, вовсе не разграничены. Вступая в такое соглашение, присяжный поверенный должен предвидеть, что смешение в лице поверенного совершенно разнородных обязанностей, адвоката и управляющего, легко может вызвать в отношениях к нему доверителя различные неудовольствия и нарекания со стороны последнего, нежелательные уже по тому одному, что все они относились бы на счет действий поверенного, как адвоката. (Мск. 85/86-56).

[159] Приняв доверенность, заведывая недвижимыми имениями, заключая договор об отдаче их в аренду, получая с арендаторов деньги, закладывая имущество, присяжный поверенный обязан был строгою отчетностью перед доверителем и вследствие сего отчетность эту должен был вести в таком порядке, чтобы в каждый данный момент могли быть проверены расходы и доказана их правильность. (Мск. 85/86-263; 10/11-206, ч. 3).

[160] Совет не может оценить, а, следовательно, и определить, как должен действовать адвокат, находясь в положении управляющего, приказчика, комиссионера, фактора, так что ему приходится сожалеть, что присяжный поверенный находит возможность брать на себя исполнение поручений, не имеющих ничего общего с его профессией. Конечно, если бы и при отправлении этих не адвокатских обязанностей обнаружена была растрата, обман или иной поступок, недостойный звания присяжного поверенного, то Совет обязан был бы разобрать и проверить этот факт. Но обвинение присяжного поверенного по не адвокатским занятиям голословное, и окончательная его проверка может быть достигнута только судом. (С.-Пб. 81/82-65).

[161] Так как управление имущественными делами присяжный поверенный согласился взять на себя ввиду пребывания доверительницы его за границей и крайней затруднительности оттуда управлять своими делами в России, то Совет, при таких исключительных обстоятельствах, не нашел возможным поставить ему в вину это управление, как занятие вообще для присяжных поверенных не подходящее, тем более, что вопрос о совместимости разных заня-

тий со званием присяжного поверенного остается до настоящего времени открытым, деятельность же присяжного поверенного по имущественным делам его доверительницы выражалась в форме общего наблюдения за ее интересами (при имении находился специальный управляющий) и участия в совершении договоров о продаже. (Мск. 900/901-17, ч. 3).

[162] Совет не раз указывал, что совмещение звания присяжного поверенного с обязанностями управляющего домов, имением, делами и т.п. недопустимо. Одною из главных идей, положенных в основу организации адвокатуры, является идея полной самостоятельности и независимости присяжного поверенного. Он не должен принимать на себя таких занятий или посвящать себя такому роду деятельности, которые подчиняют его кому-либо или делают зависимым. В силу этого принципа закон воспрещает присяжным поверенным состоять на государственной службе.

Деятельность адвоката, как правозаступника, требует полной свободы и независимости с двух точек зрения. С одной стороны, он должен руководствоваться в избрании средств и способов ограждения интересов своего доверителя лишь указаниями науки, практики и своей совести, не допуская влияния и принудительных вторжений в свою профессиональную сферу ни с чьей стороны, в том числе и со стороны доверителя. С другой стороны, деятельность правозаступника есть не только профессиональная, но и гражданская обязанность, требующая полной свободы и независимости от всяких посторонних воздействий и выполняемая лишь под влиянием сознания своего долга, дающего силы действовать с надлежащей твердостью и неустрашимостью. Всякое подчинение препятствует такому исполнению своих обязанностей.

Управляющий по своему положению, как это установилось обычными отношениями, находится в полном подчинении у хозяина. Он должен повиноваться ему и исполнять его распоряжения и желания.

Кроме того, присяжному поверенному следует избегать такой деятельности, которая могла бы поколебать в чем-нибудь ту высоту общественного доверия, на которой он должен стоять. И с этой точки зрения, занятие управляющего домом едва ли может быть допустимо. По тем условиям, в которые поставлен управляющий, он занимается не только коммерческой эксплуатацией имущества, но также исполняет разного рода полицейские функции, ставящие его в положение человека, подчиненного полиции. В настоящее время эта

деятельность поставлена в такие условия, которые не вызывают к ней в населении расположения и доверия.

Совет определил: разъяснить, что совмещение обязанностей управляющего домом с обязанностями присяжного поверенного представляется недопустимым. (Мск. 05/06-169).

[163] Ввиду того, что присяжный поверенный оказывал своему верителю услуги, не имеющие ничего общего с адвокатской деятельностью: за известное вознаграждение наблюдал за улучшением хозяйства в имении, приискивал деньги, устраивал разного рода денежные сделки своего верителя, Совет подверг присяжного поверенного дисциплинарному взысканию. (С.-Пб. 82/83-67; Мск. 10-11-209, ч. 3).

[164] Совет ранее уже имел случай по нескольким дисциплинарным делам высказать то общее положение, что присяжные поверенные, как люди профессии, не должны брать на себя дел комиссионных, дел по управлению имением и т.п., ибо такого рода занятия несовместимы с адвокатской профессией. (Мск. 85/86-264).

[165] Совет пришел к заключению, что помощник присяжного поверенного совершил ряд действий, стоящих в совершенном противоречии не только с сословными обычаями и традициями, но и с требованиями как профессиональной, так и общей нравственности. Приискивание покупателя и склонение его на покупку имения, формирование компании и привлечение капиталистов, исходатайствование денежной субсидии (в данном случае от министерства финансов, на службе в котором ранее состоял помощник присяжного поверенного), – все это действия, обычные для лиц, занимающихся комиссионным делом, или так называемым «проведением дел», и вовсе не входящие в сферу деятельности той корпорации, к составу коей он принадлежал по званию помощника присяжного поверенного. (Мск. 900/901-191, ч. 2; 08/09-223, ч. 3).

[166] Звание присяжного поверенного и занятие маклерством несовместимы. Побуждаемый приятельскими отношениями к жалобщику, поверенный принял на себя роль посредника в совершении купчей крепости, роль, не чуждую юридического характера, так как участие и представительство сведущего юриста при заключении купчей крепости вполне уместно и потому дозволительно. Участие его в совершении договора может быть даже желательным, ибо содействие юриста обеспечивает правильную охрану интересов дове-

рителя при заключении договора. Это участие становится нежелательным и недозволительным только тогда, когда переходит в ремесло из корыстных побуждений. По этим соображениям Совет в общем характере роли принятой на себя обвиняемым, роли представителя интересов продавца при продаже его имения, не усмотрел ничего предосудительного. (Харьк. 84/85-114; Мск. 09/10-43, ч. 3).

[167] По мнению Совета, продажа и выкуп имущества и тому подобные поручения не входят в круг деятельности присяжных поверенных, кои состоят при судебных местах для занятия судебными делами (ст. 353 Учр. Суд. Уст.). (С.-Пб. 81/82-65; Мск. 09/10-43, ч. 3).

[168] Устраивать денежные дела доверителей, являться к их кредиторам и выторговывать у них скидки, – это дело маклеров и комиссионеров, а не адвокатов. Такие поручения по характеру своему совершенно не соответствуют званию присяжного поверенного. (Мск. 01/02-58, 3 ч.).

[169] Принятие от своего доверителя векселя для учета представляется нежелательным, так как приискание доверителю лица, которое желало бы дисконтировать его векселя, не входит в круг адвокатских отношений. (С.-Пб. 87/88-48).

[170] Совет нашел, что присяжный поверенный принял на себя обязанности, не соответствующие достоинству носимого им звания. Принимая участие в поездке с доверителем для совершения торговой сделки и принимая участие в переговорах с покупателями, убеждая их в солидности сделки, он тем самым вызывал вполне естественное обвинение в соучастии с доверителем. (Мск. 09/10-503, ч. 3).

[171] Присяжный поверенный, который практикует отдачу доверительских денег взаймы, вряд ли занимается делом, которое ему предначертано задачами и целями его сословия. Но когда он участник или автор таких сделок, где с должника брали 14% и текущие купоны с отданных взаймы бумаг, то Совет не может не выразить своего негодования. Такие поверенные оскорбляют честь их сословия. (Мск. 09/10-575, ч. 3).

[172] Присяжный поверенный, торгующий своими бланками, должен переменить профессию, потому что ростовщичество в среде

присяжных поверенных Совет допустить не может. Но адвокат, берущий со своего доверителя за свой ответственный бланк на свое имя в полной сумме второй документ и, пользуясь положением, впоследствии, когда бланк был оправдан, получивший по Суду по этому второму документу деньги сполна, должен быть исключен из сословия, как лицо, злоупотребившее доверием, т. е. нарушившее основной принцип профессии. (Мск. 85/86-265).

[173] Совет, принимая во внимание, что помощник присяжного поверенного, практикуя комиссионную операцию по учету векселей, позволил себе действия, несовместимые с достоинством члена сословия присяжного поверенного, и что, удержав часть валюты учтенного по поручению векселя, он злоупотребил доверием, обеспеченным ему принадлежностью к сословию присяжных поверенных, нашел необходимым применить в данном случае высшую меру дисциплинарного взыскания и потому определил помощника присяжного поверенного, на основании п. 4 ст. 368 Учр. Суд. Уст., исключить. (Мск. 02/03-323, ч. 2).

[174] Учреждение адвокатских контор или кабинетов, заслоняющих собой личную деятельность адвоката и низводящих деятельность эту до сферы промысла, не отвечает истинным задачам адвокатуры и уже потому не может быть практикуемо в сословии присяжных поверенных. Помимо этого, присяжному поверенному не может не быть известна и ст. 2295 т. X ч. I, запрещающая «учреждение контор для принятия на себя хождения по делам». (Мск. 92/93-74, ч. 2).

[175] Совмещение в лице одного поверенного представительства от доверителей, имеющих разные интересы в деле, невозможно, почему нельзя было являться в деле поверенным кредиторов, имеющих вексельные претензии, и кредиторов, претензии которых были основаны на документах неформальных. (Мск. 96/97-59).

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ЖИТЕЛЬСТВО ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В ПРЕДЕЛАХ ОКРУГА

[176] Каждый член сословия обязан жить в том городе, который он объявил местом своего жительства при приеме его в сословие, а о перемене места жительства он обязан немедленно сообщить Совету; член сословия, отлучаясь временно из места своего житель-

ства, обязан сделать распоряжение о приеме поступающих на его имя бумаг и повесток и о немедленном уведомлении его о таковом поступлении бумаг по месту его временного пребывания; зная о производящемся лично с него взыскании, присяжный поверенный должен принять меры к тому, чтобы невручение повестки по этому взысканию не было истолковано в смысле уклонения его от принятия оной. (Мск. 08/09-183, ч. 3; Харьк. 80/81-57).

[177] По закону присяжные поверенные избирают себе постоянное местопребывание в одном из городов округа той Судебной Палаты, к которой приписаны; избранное местопребывание не может быть фиктивным, так как с ним связаны известные повинности, которые обязаны нести присяжные поверенные (безвозмездная защита по назначению Суда и Совета), и надзор Совета за деятельностью присяжных поверенных; присяжный поверенный, выбыв из одного города и проживая около года в городе другого округа, должен быть признан переменившим свое местопребывание и выбывшим в округ другой Палаты, а потому Совет постановил отчислить присяжного поверенного из сословия (Мск. 86/87-6).

[178] Лицо, поручающее свои дела и свои бумаги присяжному поверенному, должно быть уверено, что отдает их человеку, на которого можно вполне положиться. Присяжный поверенный, который скрылся неизвестно куда с документами, взятыми им у своих доверителей, совершает важное и преступное нарушение своих обязанностей, подрывает доверие ко всему сословию и не может быть терпим в этом сословии. Поэтому Совет определил исключить виновного из сословия, оставив без рассмотрения прошение его об увольнении, а так как он скрылся, и место жительства его неизвестно Совету, то отчислить его из списков немедленно, не дожидаясь срока, установленного 376 ст. Учр. Суд. Уст., на обжалование решений Совета, и объявить об этом через публикацию. (Мск. 77/78-38).

[179] Выездом присяжного поверенного из избранного им постоянного места жительства, по каким бы причинам таковой ни произошел, нарушаются самые существенные обязанности его перед своими верителями и своим сословием. Разумеется, избрание присяжным поверенным постоянного места жительства не может прикреплять его навсегда к этому месту, ни даже стеснять его во временных отлучках, но при всякой отлучке присяжный поверенный должен, уже в силу самого закона, принимать меры к тому, чтобы вверенные ему дела, документы и деньги не могли бы оста-

ваться без присмотра; чтобы действия неотложные, в видах ограждения интересов его верителей, были совершены своевременно, и как бы ни были настоятельны и неотложны причины, побуждающие присяжного поверенного к немедленному выбытию из постоянного места жительства, он во всяком случае должен и может иметь несколько минут времени, чтобы передать кому-нибудь из своих товарищей о том, куда и на какое время он уезжает, и попросить его принять меры к ограждению интересов его доверителей или, по крайней мере, уведомить их об его отъезде. Несоблюдение этого со стороны присяжного поверенного выражает явное пренебрежение к интересам доверителей и нарушение существенных его обязанностей. Совет пришел к убеждению, что выбытие присяжного поверенного из избранного им места жительства, без всякого сообщения о том Совету, при таких обстоятельствах, которые заставляют предполагать невозможность дальнейшего его пребывания в месте жительства, а также отсутствие всяких о нем сведений в течение нескольких месяцев дают Совету полное право заключить о выбытии его из сословия. К тому же и простой здравый смысл не допускает, чтобы присяжный поверенный, бросивший все свои дела и своих доверителей, все свои общественные и корпоративные обязанности, неизвестно куда уехавший, мог считаться остающимся в среде сословия; поэтому Совет постановил возбужденное дисциплинарное производство приостановить до его явки и считать его выбывшим из сословия, а потому исключить из списка, о чем и напечатать во всеобщее сведение. (С.-Пб. 76/77-4).

[180] Уезжая на продолжительное время из города, избранного для постоянного жительства и профессиональных занятий, присяжный поверенный, согласно положительному требованию ст. 385 Учр. Суд. Уст., должен передать дела, с согласия или по крайней мере с ведома доверителя, кому-либо из товарищей, остающихся в этом городе. (Харьк. 10/11-225).

[181] Присяжные поверенные и их помощники обязаны заботиться о том, чтобы вся официальная переписка была принимаема в их отсутствие; иначе как Совет, так и другие учреждения были бы лишены возможности вести правильные сношения с присяжными поверенными. (Мск. 08/09-125, ч. 3).

[182] Помощник присяжного поверенного, имея постоянное место жительства в другом городе, обязан принять меры к тому,

чтобы повестки и бумаги по делам, отправляемые на его имя, поступали бы по назначению беспрепятственно. (Мск. 07/08-180, ч. 3).

[183] Принимая во внимание: 1) что присяжные поверенные избирают себе постоянным местопребыванием один из городов того округа, в списках которого они значатся поверенными; 2) что только при соблюдении этого условия надзор Совета за присяжными поверенными может быть надзором действительным; 3) что пребывание N в другом округе в течение более 2-х лет не может быть признано временным; 4) что поселившись там на жительство и имея практику на месте, присяжный поверенный N фактически вышел из-под надзора Совета; 5) что, проживая в данном округе и не неся там никаких повинностей, присяжный поверенный пользуется правами звания, не неся соответствующих обязанностей; 6) что при таком положении дела пребывание N в сословии присяжных поверенных Округа Московской Судебной Палаты находится в полном несоответствии с законом (ст. ст. 379, 382, 383, 394, 397 Учр. Суд. Уст.), – Совет признал N подлежащим отчислению из списков присяжных поверенных. (Мск. 84/85-101).

[184] Имея в виду, что присяжные поверенные, выезжая из места постоянного пребывания своего, обязаны доводить о том до сведения Совета, и что присяжный поверенный, выехав из Москвы, не поставил об этом Совет в известность, – за неисполнение указанной выше обязанности он подлежит дисциплинарной ответственности. (Мск. 88/89-101).

[185] Усмотрев, что присяжный поверенный, избравши местом жительства Петербург, не имеет, однако, в Петербурге квартиры, куда ему можно было бы адресовать письма, и где его могли бы видеть доверители, Совет постановил: обязать присяжного поверенного иметь в С.-Петербурге постоянное место для получения бумаг и объяснения с доверителями. (С.-Пб. 90/91-39).

[186] Ввиду постоянного жительства присяжного поверенного одесского округа вне своего округа в течение 10 лет, Московский Совет постановил, на основании 356, 378 и 379 ст. ст. Учр. Суд. Уст., сообщить об этом Общему Собранию Одесского Окружного Суда, с препровождением копии с определения Совета. (Мск. 94/95-25, ч. 2).

[187] Помощник присяжного поверенного, как выяснилось, проживает в гор. Москве, здесь ведет свои дела, имеет постоянную квартиру, а между тем, числится помощником лица, живущего в другом округе. Подобное положение вещей совершенно недопустимо. Деятельность стажера не может проходить вне контроля патрона и сословного органа, Совета. К помощнику присяжного поверенного Московский Совет не может предъявить своих требований, установленных правилами для помощников московского округа, ибо он помощник саратовского округа; он посему оказался вне постоянного надзора Московского Совета, а вместе с тем деятельность его проходит в гор. Москве, и ответственность за таковую ложится на корпорацию присяжных поверенных московского округа. (Мск. 07/08-321, ч. 3).

[188] Принимая во внимание, что место жительства помощника присяжного поверенного неизвестно, что он уже более года отсутствует в месте нахождения своего патрона и о мете своего нахождения в известность его не поставляет, Совет постановил предложить присяжному поверенному отчислить этого помощника из своих помощников. (Сарат. 05/06-107).

НЕДОПУСТИМЫЕ СПОСОБЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ДЕЛ

[189] Наша адвокатура не знает двух категорий адвокатов: принимающих и подготовляющих дела и пледирующих перед Судом. Русский адвокат участвует в деле от первого разговора с доверителем до его окончания. Посредников между ним и доверителем нет. Каковы бы ни были взгляды на полезность и целесообразность той или другой системы в организации адвокатуры, несомненно, что там, где есть особый класс адвокатов, принимающих и подготовляющих дела, там этот класс пополняется людьми с образовательным цензом, имеет организацию, и деятельность его стоит под сословным контролем (Франция, Англия). Судебные Уставы не создали такого класса. К выгоде нашей адвокатуры и доверителей, они стоят в непосредственных отношениях друг к другу. Кабинет русского адвоката открыт для доверителей; они стоят в непосредственных отношениях всех нуждающихся в правовом заступничестве, и каждый может свободно придти к присяжному поверенному или помощнику присяжного поверенного, не обращаясь к чьему-либо посредничеству. Но с самого начала существования присяжной адвокатуры возникли попытки со стороны лиц, не имеющих возможности всту-

пить в сословие присяжных поверенных, но занимающихся негласно адвокатурой, стать между доверителем и адвокатом, не стесняясь никакими средствами, получать дела и затем передавать их присяжным поверенным для ведения в Суде, на что они сами не имеют права. Лица эти, как показали многие уголовные процессы, весьма невысокого нравственного уровня, а отношения их к доверителям носят характер беззастенчивой эксплуатации и даже преступных обманов. Не подлежа никакому контролю в своей деятельности, они ничем не стесняются. Сословие присяжных поверенных быстро определило свое отношение к такому явлению. Ни для кого не было сомнения, что это явление весьма опасно для адвокатуры и для выполнения ею своих общественных обязанностей. Такие посредники лишили бы возможности адвокатуру установить прямые отношения с доверителями, добиться доверия народа и оберегать его интересы. Если бы члены сословия принимали от них дела, адвокатура утратила бы свою независимость и сделалась бы придатком при каких-то неблаговидных предприятиях, а доверители не были бы ограждены ничем от эксплуатации и обманов. Сословие единодушно признало огромный вред и опасность от таких ходатаев и ведет с ними постоянную борьбу. И первая элементарная обязанность в этой борьбе заключается в том, чтобы никто из сословия присяжных поверенных не принимал дел от лиц, занимающихся негласной адвокатурой, и не оказывал бы им поддержки. Таково должно быть отношение к этому вопросу с точки зрения общественных интересов сословия.

С точки зрения личного поведения адвоката участие в делах по поручению нелегальных ходатаев в высокой степени предосудительно. Отношение такого ходатая к доверителю всегда носит характер эксплуатации.

Недостойно присяжному поверенному заниматься розыском дел и доверителей. Но если он сам этого не делает, а принимает дела от другого лица, занимающегося таким розыском, естественно, является вопрос: как отнестись к такому поведению? Если лицо, занимающееся добыванием дел, находится в зависимости от присяжного поверенного, и получает от него вознаграждение, в виде ли определенных сумм, в виде ли процентного отчисления из гонорара, такое лицо является агентом присяжного поверенного, и пользующийся услугами такого агента совершает поступок, несовместимый с достоинством носимого им звания. Но и если отыскивающий дела не зависит от присяжного поверенного, которому передает их, расчеты с доверителями ведет сам, а поверенному платит определенный гонорар, тогда присяжный поверенный утрачивает характер самостоятельного адвоката и оказывается помощником какого-то ходатая.

Этим он роняет свое достоинство и неизбежно приходит к нарушению обязанностей и забвению долга по отношению к доверителям. Нельзя служить двум господам. Такое положение также не может быть терпимо в адвокатуре.

Не надо, кроме того, забывать, что участие присяжного поверенного в предприятии нелегального ходатая подрывает общественное доверие к сословию, потому что для широких масс невозможно отличить первого от второго, и злоупотребления ходатаев будут приписывать также его сотруднику, присяжному поверенному. Выход из тяжелого положения увечных до окончания их дела не может заключаться в существовании нелегальных ходатаев. Это достаточно ясно. Присяжная адвокатура ведет дела увечных, а задачи ходатаев заключаются совсем не в том, чтобы помочь при ведении этих дел, а в том, чтобы оттеснить присяжную адвокатуру от непосредственного отношения к доверителям и затем, ничем не стесняясь, обманывать доверителей. (Мск. 03/04-70, ч. 3).

[190] Собрание присяжных поверенных харьковского округа единогласно постановило: признать несовместимым с достоинством члена присяжной адвокатуры получение дел при посредстве разного рода агентов, получающих от адвоката плату за доставление доверителей. (Харьк. 09/10-47).

[191] Совет всегда признавал, что отношения доверителя к присяжному поверенному должны основываться, прежде всего, на личном доверии, на убеждении доверителя, что избранный им поверенный, по своим знаниям и нравственным качествам, способен надлежащим образом ограждать и защищать вверенные ему интересы и права; поэтому всякие приемы искусственного привлечения доверителей путем разного рода рекламы, публикаций, рассылки циркулярных писем с предложением помощи и т.п. вызывали осуждение Совета. Очевидно, что из всех возможных способов искусственного расширения адвокатской практики наем агента для разыскания доверителей представляется наиболее неблаговидным. С одной стороны, рекомендация агента, навязывающего из корыстных видов отысканному им доверителю услуги поверенного, конечно, не в состоянии гарантировать этому доверителю удачность выбора, ни внушить ему доверие и уважение к его поверенному, а с другой стороны, наемная агентура вносит в адвокатскую среду такие приемы конкуренции, которые роняют достоинство адвокатуры. (С.-Пб. 09/10-614).

[192] Только отсутствием нравственной брезгливости можно объяснить то унизительное положение, в какое ставит себя присяжный поверенный, покупая за деньги протекцию и покровительство, с целью извлечения возможно большей прибыли из профессиональной своей деятельности. Поступая таким образом, присяжный поверенный выходит из границ дозволенного, как они определены не только положительным законом, но и предписаниями корпоративной этики, имеющими равную с законом обязательную силу для отдельных членов корпорации. Присяжный поверенный не может, без нарушения требований моральной опрятности, обращать свой кабинет в мелочную по торговле лавочку и практиковать в нем приемы, свойственные героям последней. Уважая себя и свою профессию, присяжный поверенный, как человек и общественный деятель, не может и не должен для приобретения дел и доверителей прибегать к предосудительным средствам. В частности, он не может с этой целью пользоваться услугами маклеров, именующих себя «поставщиками доверителей адвокатам». Если желание иметь успех весьма естественно в присяжном поверенном, то вместе с тем для него обязательно знать, что прочный и вполне заслуженный успех приобретается только солидными знаниями, трудом, опытностью и, главное, безукоризненною в делах и отношениях к людям добросовестностью. Этими качествами присяжный поверенный создает себе ту добрую репутацию, которая, распространяясь в больших кругах публики, привлекает к нему доверителей. Совсем иным характером отличается тот успех, каким пользуется присяжный поверенный при помощи маклеров, сгоняющих к нему из корыстных побуждений всякими правдами и неправдами людей, нуждающихся в юридической помощи. Такой успех может совсем не соответствовать личным силам и качествам адвоката и поддерживаться лишь усердием, ловкостью и пронырливостью его юрких агентов-маклеров. Должно к этому прибавить, что такие агенты в значительной степени поднимают и стоимость оказываемой присяжными поверенными помощи. Последним приходятся в сумму назначаемого за труд гонорара включать и причитающееся маклерам вознаграждение. Если же принять во внимание, что маклера служат не только личными своими силами, но и капиталом, то нельзя не видеть, что процент маклерского вознаграждения очень низким быть не может. Все это показывает, что поставщики доверителей являются не только ненужным, но и вредным в составе общества элементом. Вот почему их деятельность, рекламирующая адвокатов, бросает такую невыгодную тень на присяжную адвокатуру и составляет то зло, которое во что бы то ни стало корпорация должна пресечь в самом корне. Не

сознавать этого и не понимать постыдного значения маклерского посредничества для присяжной адвокатуры не могут даже наиболее скудно одаренные духовными силами ее члены. Поэтому присяжные поверенные, поддерживающие, в нарушение корпоративных своих обязанностей, спрос на услуги маклеров по приисканию доверителей, должны подлежать не только порицанию, но и строгой дисциплинарной ответственности, как неразборчивые в выборе средств и неряшливые в нравственном отношении лица. (Новочерк. 04/05-36).

[193] Способ привлечения доверителей через агентов Совет признает крайне предосудительным и оскорбительным для звания присяжного поверенного. Такие приемы, вызывая постоянные недоразумения и раздражения между товарищами, наносят серьезный ущерб достоинству присяжной адвокатуры. Кроме того, денежные расчеты с такими профессиональными агентами, в большинстве случаев состоящими из лиц, толпящихся в коридорах судебных установлений и в передних нотариальных контор, всегда кончаются недоразумениями и дают повод к превратным толкам о деятельности присяжной адвокатуры. (Одес. 10-118).

[194] Отношения адвоката к его агенту, разыскивающему для него доверителей за известную мзду, в присяжной адвокатуре нетерпимы. (Мск. 02/03-103, ч. 1).

[195] Соглашения со служащими канцелярий, как и вообще всякие сделки с агентами по добыванию дел, уголовных или гражданских, уничтожая свободный выбор каждым себе защитника или поверенного и вводя нередко подсудимого или тяжущегося в заблуждение, вследствие рекомендации поставщика дел, относительно знаний и опытности поверенного, совершенно недопустимы для члена сословия и роняют носимое им звание. (С.-Пб. 10/11-587).

[196] Присяжному поверенному, который, по его собственному признанию, хорошо знал об обычных условиях с увечными доверителями лица, через которое он получил дело, следовало бы вообще воздержаться от всякого сотрудничества с ним по увечным делам. А за сим, если уже дело было принято, ему следовало во всяком случае отклонить от себя всякие расчеты по нему в интересах и за счет этого лица. (Мск. 08/09-288).

[197] Принимая от ходатая передоверия по многим делам, при передаче полученных денег присяжный поверенный не заручался доказательствами, по какому именно делу передаваемые деньги взысканы, а вел с ним общий счет. Кроме повода к жалобам, это обстоятельство может навлечь на присяжного поверенного подозрение в том, что он вошел в соглашение с ходатаем о ведении всех вообще дел по его передовериям. Так как, занимаясь ходатайством по чужим делам, как профессией, и не имея права лично вести их в суде, это лицо поручило ему не свои дела, а своих доверителей, то вступление с ним в соглашение о ведении всех дел, которые к нему могут поступить, не отвечает тому положению, которое присяжный поверенный обязан поддерживать по достоинству носимого им звания. Вступая в такое соглашение, присяжный поверенный невольно лишает себя той свободы при добровольном приеме дел, которая необходима для охранения достоинства и чести корпорации. Чтобы избежать нарекания в готовности вести даже неправые дела, присяжному поверенному, принимающему дела по передоверию от лиц, не имеющих права вести их в суде, следует по каждому такому делу вести строгую отчетность и, передавая деньги, принимать меры к тому, чтобы оставались ясные доказательства, что деньги относятся именно к данному делу. (Мск. 91/92-75).

[198] Совет всегда находил, что доверие доверителей к адвокатам должно основываться на совершенно свободном избрании первыми последних, посему всегда порицал всякие меры заманивания адвокатом доверителей: вывески, печатные рекламы в газетах и даже простые объявления. Еще большего порицания заслуживает обращение адвоката к незнакомому лицу с предложением помощи по соображениям, основанным на личных выгодах адвоката. В данном случае помощник действовал, руководимый желанием принять участие в громком процессе и тем прославить себя, как защитника вверенных ему интересов. (С.-Пб. 84/85-112).

[199] Предложение присяжных поверенных своей помощи для ведения дела является действием, идущим вразрез с традициями присяжной адвокатуры. (С.-Пб. 10/11-557).

[200] Приличие требует, чтобы присяжный поверенный никому не навязывал своей помощи и не оставался поверенным по затребовании от него доверенности. (С.-Пб. 81/82-68).

[201] Поездка присяжного поверенного с предложением своей помощи по ведению дела составляет поступок предосудительный для присяжного поверенного. (Мск. 94/95-17, ч. 1).

[202] Совет находит непозволительным для присяжного поверенного или помощника присяжного поверенного по своей инициативе являться в Торговый Дом, хотя бы и со знакомым, но, очевидно, с целью предложить свою помощь по ведению дела. Такое поведение унижает достоинство присяжного поверенного. (Мск. 08/09-149, ч. 3).

[203] Присяжный поверенный через третье лицо обратился с предложением своей помощи. Этим нарушена известная формальная норма, установленная Советом, – запрещение пользоваться услугами комиссионеров. Скверно, если к этому приему прибегают частные ходатаи, нередко обманывающие своих доверителей и растрачивающие их деньги. Но еще хуже, если конкурирует с ними присяжный поверенный, хотя бы он впоследствии и отстаивал всеми силами интересы своего доверителя и ограничился получением законного вознаграждения. И как ни недостойны эти конкуренты, следует признать недопустимым такой образ действий присяжного поверенного. (Мск. 10/11-283, ч. 3).

[204] Совет нашел, что присяжный поверенный совершил тяжкое нарушение профессиональных обязанностей. Получив сведения о существовании наследства, он пытался создать для себя дело совершенно непозволительным путем, – путем публикации в газетах с предложением своей помощи. Хотя в объявлении и не была указана фамилия его, однако, по его собственному признанию, наследники должны были явиться именно к нему при посредстве конторы. (Мск. 09/10-593).

[205] Совет нашел, что помощник присяжного поверенного не оградил в полной мере достоинства носимого им звания; что, хотя он действовал по передоверию от третьего лица, тем не менее, явился в город в качестве лица, отыскивающего наследников, вследствие чего к нему являлись разные заинтересованные в этом наследстве лица, смотревшие на него не только как на адвоката, а как на человека, в руках которого имелось выгодное предприятие. (С.-Пб. 10/11-431).

[206] Помощнику присяжного поверенного должно быть поставлено в вину неосторожное и легкомысленное отношение к порученному делу, выразившееся в том, что он уверял своих доверителей, что они непременно получат удовлетворение наравне с другими кредиторами, благодаря дружеским его отношениям с членами конкурса, которые ему это обещали. (Мск. 899/900-287, ч. 2).

[207] Совет нашел предосудительным образ действий помощника присяжного поверенного, который, посещая места заключения в качестве члена Общества «Патронат» для осуществления целей, указанных в уставе, и, пользуясь данным ему для осуществления этих целей Главным Тюремным Управлением свидетельством, вызывал подсудимых, желающих иметь защитника, и входил с ними в соглашение относительно защиты, причем выговаривал себе иногда денежные вознаграждения за защиты. Если в действительности Общества «Патронат» и бывали случаи, когда Правление Общества просило кого-либо из членов «Патроната», из числа присяжных поверенных или помощников, взять на себя защиту заключенных, обратившихся к Обществу с просьбой о защитнике, то защиты эти предполагались всегда бесплатными, причем такие поручения о защите могли быть даны только Правлением Общества.

Всякие искусственные способы добывания себе дел считались всегда сословием присяжных поверенных и Советом, как его представительным органом, предосудительными для членов сословия, а потому такие действия явно недопустимы для члена сословия присяжной адвокатуры. (С.-Пб. 10/11-585).

[208] Образ действий присяжного поверенного, предлагающего свою помощь доверителю, роняет достоинство носимого им звания, а потому такой поступок не может быть оставлен без внимания. (С.-Пб. 09/10-544).

[209] Собирание сведений о могущих открыться наследствах с целью сообщения их за вознаграждение заинтересованным в том лицам, а тем более сообщение сведений сего рода, полученных случайным способом, за вознаграждение представляется действием неприличным для помощника присяжного поверенного. (С.-Пб. 85/86-81).

[210] Деятельность адвоката должна быть совершенно чужда рекламы. Принцип свободной профессии в том, что обращение за помощью к данному лицу основано на доверии к нему. Источником

этого доверия может быть личное знакомство, отзывы, известность, приобретенная деятельностью на виду у всего общества. Ни врач, ни адвокат не предлагают своего труда. Они несут его тем, кто к ним обращается. И это не фраза. На самом деле, можно констатировать только как самые редкие случаи обращений к адвокату по карточке, вывешенной у двери. Все же практика, от первого до последнего дела, имеет своим источником доверие к данному адвокату. Вопреки мнению данного присяжного поверенного, публикации в газетах со стороны врачей не есть обычное явление. Товарищеская среда осуждает такой прием привлечения пациентов, и только отсутствие сословного суда чести дает возможность группе врачей заполнять объявлениями газеты. Иное дело оповещение населения от консультации. Консультации живы, пока в них жив общественный элемент, стремление оказывать юридическую помощь людям, лишенным возможности найти таковую. Самая цель Консультации требует, чтобы о ее деятельности как можно шире было осведомлено население. Из изложенного ясно, что Совет может только приветствовать деятельность присяжных поверенных, направленную на помощь лицам, нуждающимся в ней, и никакого вопроса не может быть в том, что присяжный поверенный может и должен отдавать свой труд, как и врач, везде и всегда, где его знания являются необходимыми, но оповещать население о своем прибытии он не имеет основания, так как это значит, что он выносит свой труд на рынок. (Мск. 09/10-202, ч. 3; 06/07-115).

[211] Печатание в газетах публикаций о месте и времени приема присяжным поверенным доверителей, как мера, направленная к искусственному приобретению судебной практики, неприлична для присяжного поверенного, который может распространять свою адвокатскую деятельность не иначе как путем постепенного приобретения доверия в среде лиц, нуждающихся в судебной защите, между тем как всякое объявление в газетах имеет характер рекламы, хотя бы в объявлении и указывалось только на часы и место приема доверителей поверенным. То обстоятельство, что печатание объявлений в газетах не запрещено законом, не оправдывает такого действия поверенного, так как не одними предписаниями закона, а еще и сознанием достоинства носимого звания он должен руководствоваться во всех действиях своих, касающихся профессиональных обязанностей. В этом отношении присяжный поверенный должен иметь в виду, что носимое им звание не дает ему права приравнивать свою деятельность к деятельности торговой, ремесленной и т.п., успех которой зависит от наибольшего оглашения о ней, для

чего и делаются публикации в газетах. (С.-Пб. 89/90-144; Мск. 06/07-96).

[212] Органы самоуправления присяжной адвокатуры твердо установили воспрещение всяких объявлений о профессиональной деятельности адвоката. Приобретение практики путем реклам было бы гибелью для сословия. Знания, талант, трудолюбие и добросовестность в глазах общественного мнения потускнели бы перед настойчивой рекламой. Соревнование на почве личных и профессиональных достоинств уступило бы место конкуренции в ловкости рекламирования. Кроме того, объявляя о деятельности как издателя и редактора, не имеющей прямой связи с деятельностью адвоката, он обозначил свое звание. Несомненно, присяжный поверенный может вне профессиональной деятельности искать занятий, относительно совместимости которых с его званием сословная традиция не возбуждает сомнения. Он может, если понадобится, прибегнуть в таком случае и к газетной публикации. Но тогда упоминание профессии адвоката представляется непонятным и неуместным. Оно может дать повод думать, что это только способ обойти запрет рекламировать себя. (Мск. 05/06-172).

[213] С самого начала деятельности сословия признано несоответствующим достоинству присяжной адвокатуры предлагать свою адвокатскую помощь через публикации в ведомостях. Публикация в финской газете не изменяет дела, так как нельзя допустить раздвоения в образе действий помощника присяжного поверенного и признать соответствующим правилам приличия и добрых нравов по финским делам то, что не признается таковым по русским делам. (С.-Пб. 97/98-107).

[214] Предлагать свою помощь через публикации в ведомостях признано с самого начала деятельности сословия несоответствующим достоинству присяжной адвокатуры, и публикация в финской газете не изменяет дела, так как нельзя допустить раздвоения в образе действий помощника присяжного поверенного и признать соответствующим правилам приличия и добрых нравов по финским делам то, что не признается таковым по русским делам. (С.-Пб. 97/98-107; Мск. 86/87-154).

[215] Присяжный поверенный в двух местных газетах напечатал публикацию о переезде на жительство в город, причем подробно указал место своего жительства («второй дом от угла»), с точным

указанием часов приема; в этой публикации было указано, что он состоит присяжным стряпчим Коммерческого Суда, а это указание в деловом смысле не имело никакого значения, так как Коммерческого Суда в этом городе нет; в этой публикации он, кроме того, пишет, что он – присяжный поверенный не округа Судебной Палаты, а Судебной Палаты, что, несомненно, в глазах мало осведомленного населения могло быть истолковано различным образом, и на возможность такого истолкования в его пользу он именно и рассчитывал, опуская слово «округа»; такая публикация не имеет ничего общего с теми публикациями, которые делают иногда присяжные поверенные при перемене квартиры, так как такая публикация оповещает их доверителей об этой перемене и тем избавляет их от затруднений и поисков, а он только что приехал в город, никаких доверителей там не имел и оповещать ему о месте своего жительства было некого. (Мск. 09/10-311, ч. 3).

[216] С тяжелым чувством останавливается Совет на повидимому простых и несложных обстоятельствах дела. Присяжный поверенный, почти четверть века состоящий в сословии и до сих пор ничем не запятнавший своей репутации, снимает для своего делового кабинета лавочку в рядах и циркулярно оповещает об этом всех соседних торговцев, предлагая им свою адвокатскую помощь и прося в то же время о присылке ему их прейскурантов для рекомендации продаваемых ими товаров его иногородним доверителям… Какое впечатление должен был произвести подобный циркуляр на сравнительно малопросвещенную среду нашего торгово-промышленного класса, принимая его en masse? По естественной ассоциации представлений, сближение понятий присяжного поверенного и торговца невольно приведет мысль и к сближению руководящих ими принципов… С другой стороны, какое впечатление должен был произвести рассматриваемый циркуляр на молодых, только что начинающих свою адвокатскую деятельность стажеров? Жизнь усложняется с каждым днем, конкуренция увеличивается, борьба за существование становится все суровее, все беспощаднее, и растлевающее влияние пагубного примера не замедлит принести свои плоды. Во что обратятся тогда священные заветы Великого Законодателя, видевшего в созданном им институте присяжной адвокатуры «самое верное ручательство нравственности, знания и честности убеждений»? Что станется со светлыми идеалами высокого общественного служения, которыми живет, одухотворяется и вдохновляется этот свободный и независимый институт в его благородной и неустанной борьбе со всякими хищными вожделениями и

произволом за торжество вечных начал справедливости и права? Культурная миссия нашей профессии – внедрять и укреплять в общественном самосознании идеи законности и правопорядка – отойдет в область наивных преданий, и занятие адвокатурою выродится в безобразный и циничный торг убеждением и словом. Совет присяжных поверенных считает своей священной обязанностью всею силою власти бороться и оберегать наше сословие от вторжения в его жизнь таких зловредных и растлевающих начал, и всякие в этом отношении попытки пресекать в самом корне. (Мск. 02/03-266, ч. 2).

[217] Печатание и распространение объявлений, носящих характер реклам, с целью приобретения практики и могущих служить опасным средством злоупотребления доверием публики, представляется действием предосудительным для присяжного поверенного, осуждаемым общепринятым в сословии обычаем не прибегать к рекламам, а поэтому заслуживает строгого дисциплинарного взыскания. (Мск. 85/86-226).

[218] Совет нашел, что напечатанное необычно крупными буквами извещение о переезде присяжных поверенных в посад, с указанием адреса, уже по самой форме отпечатания выходит за пределы той формы извещения, которая могла бы быть допустима в известных случаях, и носить явно рекламный характер, тем более, что это извещение, кроме того, было разослано не одним только знакомым и доверителям, но и лицам, не состоящим ни в знакомстве с ними, ни в отношениях доверителя к поверенному. (Мск. 08/09-182, ч. 3).

[219] Присяжный поверенный, обсуждая в газетных статьях действия своих товарищей и в то же время нередко упоминал лично о себе и подписывая свои статьи без всякой в том надобности полной подписью, а именно: «Присяжный поверенный» должен понимать, что читатели газеты могут принять подобные его статьи за саморекламирование, недопустимое для присяжного поверенного, как роняющее достоинство сословия. (Каз. 08/09-73).

[220] Печатая специальные карточки, с указанием на них фирм своих доверителей, присяжный поверенный тем самым давал повод к предположениям о желании рекламировать себя, чего не должно допускать в видах охранения достоинства носимого звания. (Мск. 98/99-153, ч. 2).

[221] Совет отнесся с осуждением к тем рекламирующим, свойственным лишь гоняющейся за популярностью торговой фирме, а отнюдь не адвокату квитанциям на цветной бумаге, какие практиковались помощником присяжного поверенного в деловых сношениях с доверителями. (Мск. 900/901-212).

[222] Выставление вывесок на стене дома о проживании в том доме присяжного поверенного признается Советом вообще недопустимым. (С.-Пб. 10/11-374).

[223] Прием печатания своих судебных речей со стороны членов присяжной адвокатуры никогда не пользовался симпатией Совета, и он, усматривая в таком печатании вид рекламы, относился к нему всегда неодобрительно. (Мск. 899/900-118, ч. 1).

[224] Помощник присяжного поверенного, будучи таковым, именует себя присяжным поверенным, как это видно из писем его, писанных на бланках «Присяжный поверенный», вводя тем своих доверителей в заблуждение и присваивая себе не принадлежащее ему звание. Такого рода действия должны быть признаны совершенно несовместимыми с носимым им званием, и допустившее такие поступки лицо не может быть более терпимо в составе присяжной адвокатуры. (С.-Пб. 09/10-668).

[225] Выпрашивание дел, предложение своей помощи представляется несовместимым с достоинством присяжного поверенного. (С.-Пб. 91/92-257; Мск. 09/10-469, ч. 3).

[226] Совет находит обвинение присяжного поверенного в таких недостойных поступках, как зазывание к себе доверителей путем навязчивого предложения им безвозмездной помощи, прямо невероятным. (Мск. 98/99-127, ч. 2).

[227] При принятии дела присяжный поверенный ссылался на свои связи с высокопоставленными лицами; такие ссылки для присяжного поверенного, обязанного опираться на законы, а не на связи с высокопоставленными лицами, представляются неприличными. (С.-Пб. 09/10-570).

ВЕДЕНИЕ ДЕЛ ПРИСЯЖНЫМИ ПОВЕРЕННЫМИ

1. ПРИНЯТИЕ ДЕЛ

[228] Как ни понятен вопрос о том, каким образом тот или другой присяжный поверенный мог принять участие в деле, как согласился он взять доверенность от того или другого лица, он, тем не менее, должен быть устранен Советом, как вопрос о выборе дел, не подлежащий его обсуждению. «При выборе дел», высказал Совет в одном из своих определений, «субъективное убеждение поверенного должно иметь решающее значение». (Отчет Совета за 1896/1897 г, стр. 158). «Проверять же убеждение, сложившееся у адвоката по известному делу, Совет вообще не может: оно складывается из массы невесомых и неуловимых данных». (Отч. Сов. за 1880/81 г., стр. 115). «Принять дело, за которое лучше бы не браться», справедливо говорит К. К. Арсеньев, «может и самый разборчивый адвокат по тем или другим причинам, не всегда поддающимся точному определению». (Заметки о русской адвокатуре, ч. 1, стр. 175). (Мск. 97/98-180; 96/97-158).

[229] Присяжный поверенный, стремящийся поддержать свое достоинство в обществе, стоя всегда пред обществом на виду, должен быть крайне осмотрителен в выборе и принятии дел. Правда, для адвоката трудно, а иногда и невозможно, выслушивая только одну сторону в деле, при принятии дела установить скрывающийся за формальными доказательствами истинный мотив дела и преследуемые его доверителями скрытые цели, но есть дела, как данное, на ведение которого присяжный поверенный принял доверенность, которая, при самом принятии их не возбуждают сомнения в их неблаговидности. Принимая доверенность на ходатайство по такому делу и выступая с нею у градоначальника, присяжный поверенный не мог не понимать, что то дело, о котором он хлопочет, противно доброй нравственности. Ему, как присяжному поверенному, приносившему присягу не писать и не говорить ничего, что могло бы клониться к ослаблению общества, семейства и доброй нравственности, должно было быть ясным то, что, принимая такую доверенность и, выступая по ней, хотя бы и не в Суде, он совершает нечистоплотный, неприличный, компрометирующий присяжного поверенного поступок. (Мск. 08/09-281, ч. 3).

[230] Совет остановился на трудности определения, какие меры должны быть принимаемы присяжными поверенными для предварительного исследования истины в поручаемом им деле по подаче жалобы. В большинстве случаев они по необходимости должны ос-

новываться на сообщениях своих доверителей. Конечно, они обязаны стремиться к тому, чтобы не содействовать напрасному обвинению неповинных лиц, но это стремление не может их обязывать к отказу лицам, обращающимся к ним за содействием, потому только, что они не имеют средств убедиться в правдивости рассказа доверителя. В подобных случаях от поверенного можно только требовать, чтобы он ставил обвинение с умеренностью и тактом и не настаивал на обвинении, когда его неосновательность станет для него самого очевидною. (С.-Пб. 84/85-106).

[231] Фактическая обстановка дела, с которым обращаются к поверенному, в большинстве случаев делается ему известною из рассказов доверителей, проверить правдивость которых нет возможности иначе, как производством расследования, а потому сообщение в бумаге фактов, помещенных благодаря доверию к лицам, которые их сообщили, не может быть поставлено в вину присяжному поверенному. (Мск. 900/901-50, ч. 1).

[232] Во всяком спорном гражданском процессе одна сторона проигрывает дело, но это не дает еще основания к заключению, что во всяком таком процессе одна сторона действует недобросовестно. Еще ошибочнее было бы такое заключение, если бы распространить его на поверенных тяжущихся. При выборе дела для ведения и при суждении о правоте или неправоте дела поверенные руководствуются собственным убеждением, степень и правильность которого не может быть измерена и определяема результатами окончательного судебного решения по делу. Иное дело наличность убеждений поверенного о том или о другом характере дела, насколько она выражается в таких или других действиях поверенного. И если бы своими действиями присяжный поверенный выразил, что он сознает неправоту дела, то суждение о принятии им такого дела, конечно, входило бы в пределы Советской юрисдикции. (Харьк. 86/87-50).

[233] Принимая на себя ведение какого-нибудь дела, присяжный поверенный должен выяснить по возможности предварительно все обстоятельства дела с той целью, чтобы не только ознакомиться с фактической и юридической стороною дела, но и определить свой образ действий при ведении его. Несомненно, что присяжный поверенный мог бы и до принятия дела узнать от доверителя своего, где и в чьих руках находится движимость, составляющая предмет его иска, и мог позднее, узнав об этом, отказаться от такого действия

при ведении дела, которое по месту его исполнения не соответствует достоинству звания. (Харьк. 86/87-87).

[234] Совет признал крайне неосновательными действия присяжного поверенного, во-первых, принявшего на себя ходатайство об утверждении просроченной уже купчей крепости и, во-вторых, предъявившего иск по домашнему арендному договору и затем не отказавшегося от ведения дела и не возвратившего самого договора доверительнице тотчас же после того, как она узнала о сделках, делающих иск этот невозможным, и получил основание считать самый договор фиктивным. (Харьк. 80/81-28).

[235] Член присяжной адвокатуры не должен принимать на себя ведение дел, которых он по положению своему вести не может; если же он берется не вести дело в Суде, а лишь подготовлять его собиранием справок и составлением необходимых бумаг, то должен предупредить об этом верителя; во всяком случае, член присяжной адвокатуры не должен принимать на себя ведение дел по взысканиям, предъявленным в заведомо для него преувеличенном размере. (С.-Пб. 93/94-110).

[236] Присяжный поверенный поступил неправильно, приняв к своему производству дело, по которому ведение его заключалось только в том, чтобы косвенным образом повлиять на отца должника, чтобы он уплатил долг сына. Принимать на себя подобного рода поручения пр. пов. не должен, так как подобного рода деятельность не имеет ничего общего с деятельностью адвоката. (Мск. 08/09-385).

[237] Защищая ответчика по уголовному делу, присяжный поверенный признавал его действия недобросовестными и бесчестными, но не оправдывал их, а только утверждал, что они не предусмотрены уголовными законами и потому не наказуемы. Для адвоката вовсе не предосудительно доказывать разницу между поступками, подлежащими и не подлежащими уголовному наказанию. Поэтому Совет не нашел ни в принятии защиты, ни в способе ее ведения ничего, заслуживающего порицания. Но в гражданском Суде дело шло уже не о том, подлежит или не подлежит ответчик уголовному наказанию за свои бесчестные поступки, а о том, извлечет ли он из них выгоду, воспользуется ли он результатами своего мошенничества. Приняв на себя защиту гражданских дел своего доверителя, присяжный поверенный нарушил самые существенные обязанности адвоката. Его не оправдывает и то, что Судебная Палата при-

знала купчую действительною. Если недобросовестные, но формально правильные ходатайства и удовлетворяются судами, то из этого не следует, чтобы адвокаты могли их поддерживать. Адвокат обязан быть осмотрителен, строг и разборчив в выборе своих дел, никогда не поддерживать недобросовестных требований и отклонять от себя всякое сомнительное дело. Он не слуга своих доверителей, готовый делать за деньги что угодно, а защитник и покровитель, который в гражданских делах оказывает покровительство и защиту только тем, кто поступает добросовестно. В настоящем случае присяжный поверенный, зная, каким бесчестным путем достались ответчику деньги и дом, не затруднился помогать ему в отстаивании этого дома и денег. Вследствие этого, Совет признал, что поступки присяжного поверенного заслуживают самого строго взыскания, тем более, что представляют собой дурной пример для начинающих и неопытных адвокатов. (Мск. 77/78-47).

[238] Присяжный поверенный не только взыскивал заведомо уже уплаченные деньги и, прикрываясь вступлением в законную силу приводимого им в исполнение решения, пытался устранить совершенно справедливое требование о зачете уплаченной суммы, но ему принадлежит и инициатива в этом неправом деле, позорящем звание присяжного поверенного, почему он и не может быть терпим в сословии. Неправильное понимание закона, если бы даже Совет мог допустить его в данном случае, не могло бы служить оправданием. Присяжный поверенный своими знаниями и способностями должен служить только правому делу; он не может предъявлять заведомо неправых требований, отстаивать заведомо несправедливое положение, хотя бы для этого и нашлось основание в законе, он должен, насколько от него зависит, предупреждать столкновения формального закона с справедливостью, а не вызывать их. По всем этим соображениям, Совет признал необходимым исключить присяжного поверенного из сословия. (Мск. 87/88-148).

[239] Совет не мог не высказать своего строгого порицания по поводу крайней неосторожности и непростительного легкомыслия образа действий присяжного поверенного, ибо Совет полагал, что, относясь легкомысленно к принятию дел, в нравственной чистоте которых существует большое сомнение, без предварительной посильной проверки обстоятельств дела, присяжный поверенный, очевидно, дает справедливый повод к нареканиям, отражающимся невыгодным образом на интересах целого сословия. Зная, несомненно, что по поводу векселей производилось уголовное следствие, при-

сяжный поверенный не дал себе труда справиться с данными этого следствия и ознакомиться с теми обстоятельствами, при которых возникли и появились векселя, а удовольствовался одним постановлением судебного следователя о прекращении уголовного следствия, и притом таким постановлением, которое по своему содержанию не уничтожало самого существа фактов, но указывало лишь на отсутствие в них признаков преступления, караемого действующим уголовным законом. (Мск. 87/88-182).

[240] При оценке характера принимаемого дела, насколько оно право или не право, все зависит от юридического взгляда присяжного поверенного, принимающего на себя дело, и от того, в какой мере искренним представляются ему уверения его доверителя; вопросы эти не подлежат проверке в дисциплинарном порядке. (Мск. 88/89-78).

[241] Хотя каждый имеет право предъявлять уголовные обвинения, но правом этим следует пользоваться с большой разборчивостью; предъявление обвинения, не имеющего ни малейшего основания, есть, во всяком случае, поступок предосудительный, особенно со стороны лица, принадлежащего к адвокатскому сословию. (Мск. 77/78-54).

[242] Никакие моральные правила не допускают того, чтобы кто-либо сознательно помогал «вымогателю и шантажисту» добывать неправедные деньги; тем более, непозволительно это присяжному поверенному, деятельность которого должна быть направлена на ограждение и восстановление права законными средствами. Только при соблюдении этих условий присяжный поверенный может пользоваться доверием со стороны общества. Поэтому такой присяжный поверенный, который не в состоянии поддерживать это необходимое к нему доверие, не должен оставаться в сословии. (С.-Пб. 09/10-651).

[243] Присяжный поверенный не должен принимать к своему производству явно безнадежного, по его же сознанию, дела. (Мск. 09/10-246, ч. 3).

[244] Можно рекомендовать присяжному поверенному быть осторожнее при приеме дел и в самом начале заботиться о доказательствах самого иска, дабы не ставить себя в положение поверен-

ного, предъявляющего неосновательные иски. (Новочерк. 10/11-119; Харьк. 90/91-79 и 89).

[245] Принимая на себя ведение искового дела, присяжный поверенный должен, прежде всего, вдумчиво отнестись к вопросу о том, будут ли у него налицо достаточные доказательства иска в будущем, и если доверитель заявляет, что доказательств добыть нельзя, или же, что к этому представятся сильные затруднения, то лучше всего от принятия дела уклониться, ибо, передавая дело поверенному, доверитель, в особенности же несведущий и беспомощный, все свои надежды возлагает на своего адвоката, не принимая уже затем никаких мер к содействию ему в розыске доказательств и в успешном движении дела. (Иркут. 07/08-80).

[246] Во избежание возможных нареканий в медленности и небрежности, присяжному поверенному надлежит при самом принятии дела к своему производству выяснять все те обстоятельства, в зависимости от которых поставлена самая возможность предъявления иска. (Мск. 08/09-119, ч. 3).

[247] Присяжный поверенный не только имеет право, но и обязан, прежде чем начать дело, убедиться в основательности требований доверителя в основании и в размере. (Мск. 02/03-350, ч. 2).

[248] Помощник присяжного поверенного принял к своему производству и предъявил у мирового судьи заведомо неправильный и безнадежный иск, в котором, по его убеждению, могло быть только отказано. Совет не может не отнестись к такому поступку с безусловным порицанием: адвокат должен ограждать своих доверителей от юридически неправильных действий, а отнюдь не начинать от их имени заведомо неосновательных дел; действуя иначе, он роняет в глазах суда и общества не только собственное достоинство, но и достоинство всего сословия. (Мск. 09/10-160, ч. 3).

[249] Присяжный поверенный, прежде принятия дела к своему производству, должен решить вопрос, считает ли он возможным вести дело. Принявши дело и находя невозможным его продолжать ввиду недоставления доверителем документов, присяжный поверенный обязан заблаговременно уведомить жалобщика об отказе. (Мск. 07/08-159, ч. 3).

[250] Совет нашел, что коль скоро присяжный поверенный не находил возможным, ввиду неисполнения обратившихся к нему лицом требований, установленных законом, принять к своему производству его дело, то ему и не следовало хотя и по просьбе составлять по сему предмету заявление и исковое прошение, а тем более за известное вознаграждение, так как он должен был сознавать всю бесцельность этих бумаг. (Мск. 03/04-295, ч. 2).

[251] Во имя достоинства носимого звания не подобает присяжному поверенному принимать к своему производству ведение таких дел, которые, по его собственному убеждению, представляются совершенно безнадежными, поступая иначе, присяжный поверенный заведомо обрекает самого себя в ложное положение по отношению к доверителю, если даже безнадежность иска выяснилась уже после его предъявления, то, во всяком случае, хотя бы в этот момент присяжному поверенному надлежало отказаться от дела и возвратить доверенность. (Мск. 08/09-217, ч. 3).

[252] Совет по принадлежащему ему праву надзора не может не обратить внимания на профессиональный проступок присяжного поверенного, выразившийся в том, что он согласился за плату написать такой апелляционный отзыв, который заведомо для него не подлежал принятию, как поданный после срока. Адвокат не должен быть лишь составителем деловых бумаг, по указу, безотносительно к их содержанию и значению вообще, тем более в тех случаях, когда он их пишет и подает от своего имени по доверенности. Адвокат – советник, и если бы присяжный поверенный отнесся к своим профессиональным обязанностям с этой точки зрения, он отклонил бы предложение написать отзыв по истечении двухнедельного срока и не принял бы за эту бесцельную работу вознаграждения. (Мск. 90/91-37).

[253] При отсутствии доказательств выдачи поверенному доверенности нельзя считать, что дело поверенных окончательно принято, и обвинение поверенного в том, что он не начинал и не вел в течение свыше 9 лет порученного ему дела, как и в том, что он не исполнил обязанности, лежащей на каждом поверенном, осведомлять доверителя о положении дела, когда доверитель об этом просит – все эти обвинения должны быть отвергнуты. Но в то же время имеется расписка, выданная поверенным, в удостоверение того, что ведение дела им принято», т. е. расписка, удостоверяющая неправду (если доверенности не было), и, что самое важное, способная ввести

в заблуждение малограмотного жалобщика; возможно, что жалобщик совершил где-либо доверенность, но она до поверенного не дошла, завалялась у нотариуса; если поверенный выдал такую расписку до получения доверенности, а затем таковой не получил, и того дела, принятие которого удостоверил распиской, вести не мог, то он не только не имел права не отвечать на письма жалобщика, но он обязан был по собственной инициативе поставить жалобщика в известность о невозможности вести дело без доверенности и удостовериться в том, что жалобщик это обстоятельство усвоил. (Харьк. 09/10-249).

[254] Совет обратил внимание на заключение помощников присяжного поверенного условия о вознаграждении и принятии доверенности раньше, чем он ознакомился с предъявленными ему бумагами, между тем, если бы он посмотрел бумаги, то немедленно убедился бы, что невозможно вести дело жалобщицы, и избежал бы дальнейших осложнений. (С.-Пб. 89/90-50).

[255] Совет должен признать предусмотрительным со стороны поверенного брать расписку и получать гонорар только за одну отсрочку разбирательства, за изыскание способов только для того, чтобы в данный момент решение Суда не состоялось, когда самое дело, по своему существу, не возбуждало никаких сомнений и не представляло никаких оснований для спора. (Мск. 08/09-188, ч. 3).

[256] Совет нашел, что помощник присяжного поверенного при ведении дела являлся готовым на все: и на заявление о мошенничестве или подлоге по поводу одного и того же акта, и на участие в деле противников своего доверителя, и на представительство интересов кредиторов в интересах их должника. Такая способность, ничем не стесняясь, преследовать свои денежные интересы, не может не вызвать вопроса о совместимости ее с носимым званием. Звание помощника присяжного поверенного, как члена присяжной адвокатуры, должно быть охраняемо от такого безразличия в выборе дела, исключительное же стремление к наживе должен быть противно правилам, обязательным для всех членов сословия. (Мск. 900/901-216).

[257] Раз поверенный принял к своему производству вексель, срок по которому еще не наступил, то он должен был озаботиться получить такие полномочия, которые по обстоятельствам дела были необходимы для протеста их, или такого обязательства не следовало

вовсе принимать к своему производству; во-вторых, присяжный поверенный, во всяком случае, мог передать вексель нотариусу для протеста от имени своей верительницы. Между тем, по новому вексельному уставу, отсутствие протеста лишает права на проценты со дня просрочки, и в случае отказа должника рассчитаться миролюбиво Суд может присудить проценты только со дня предъявления иска. (Мск. 09/10-415).

[258] Помощник присяжного поверенного, не зная порядка подачи кассационной жалобы по уголовным делам, не должен был принимать на себя подачу жалобы, а приняв, должен был ознакомиться с относящимися к этому законами. Совет не мог не указать помощнику присяжного поверенного на то, что, допустив серьезную и грубую ошибку в принятом на себя деле, за ведение которого получил 20 руб., он должен был вернуть их доверителю немедленно и не дожидаясь судебного взыскания. (С.-Пб. 09/10-559).

[259] Принятое на себя помощником присяжного поверенного по доверенности жалобщика поручение урегулировать расчеты покойного с двумя его кредиторами вообще представлялось делом, имеющим мало общего с занятием адвокатурою. (С.-Пб. 10/11-389).

[260] Совет нашел, что присяжный поверенный совершил тяжкие нарушения профессиональных обязанностей. Признавая предлагаемое дело вполне безнадежным по отсутствию доказательств, не считая возможным предъявить какое-либо требование судебным порядком, присяжный поверенный не мог принять на себя ведение дела в управлении сыскной полиции и тем более заключить договор о вознаграждении за ведение такого дела и получить это вознаграждение при совершенно случайном, не зависевшем от его труда и знаний благоприятном исходе дела. Помимо того, присяжный поверенный допустил действия, несовместимые с достоинством носимого им звания, приняв на себя раздачу непредусмотренных законом наградных сыщику, и выдав одному лицу денежную сумму, имевшую значение награды за рекомендацию дела. (Мск. 97/98-44).

[261] Расчет на психологию противника, на его трусость и другие слабые стороны не может руководить поверенным, принимающим на себя ведение дела, ибо поверенный должен руководствоваться только законными и нравственными основаниями при-

нимаемого им дела и вести это дело только законными способами. (Мск. 10/11-260, ч. 3).

[262] Совет признает недопустимым, чтобы присяжный поверенный, бывший мировой судьей, оспаривал свое же решение, постановленное им же в качестве судьи. Такое безразличное отношение может бросать неприятную тень и на присяжного поверенного и на судью и вызвать неосновательные подозрения в добросовестности исполнения обязанностей.

Присяжный поверенный, который ранее в высоком звании судьи не усвоил элементарной щепетильности в отношении к доверителям и выше всего ставит свои личные интересы, ради охраны которых прибегает к крайне неблаговидному деянию, не может оставаться в сословии присяжных поверенных. (Иркут. 07/08-47).

[263] Устранить себя лично от принятия ходатайства о перезалоге дома в том самом Обществе, где состоял директором, очевидно, избегая двусмысленности своего положения, присяжный поверенный должен был, по мнению Совета, уклониться и от рекомендации вместо себя кого бы то ни было для ведения дела о перезалоге в виду возможных обвинений его, как присяжного поверенного, в том, что, пользуясь званием директора Правления Кредитного Общества, он ведет там дело о перезалогах через подставных лиц. (Мск. 93/94-44, ч. 2).

[264] Принимая во внимание, что помощник присяжного поверенного принял на себя ходатайство по делу о разрешении поставить в трактир биллиарды, по делу, не имеющему ничего общего с теми ходатайствами по судебным делам, вести которые входит в круг обязанностей членов сословия, и принял это ходатайство не по соображениям о его законности и правильности, а по соображениям, обеспечивающим это ходатайство в силу его личных знакомств и отношений к канцелярии градоначальника, Совет не может не вменять в вину как факт самого принятия тех особых отношений к канцелярии градоначальника, которыми он импонировал, оказав тем самым давление на поручившего ему, а не кому-либо другому, таковое ходатайство именно ввиду этих отношений. (Мск. 09/10-463, ч. 3).

[265] Нет основания подвергать какому-либо дисциплинарному взысканию присяжного поверенного за то, что им были даны уверения в правильности и выигрыше судебного дела, так как это

значило бы входить в поверку правильности убеждений поверенного и его взглядов на вопросы судебного свойства, чего Совет делать не может, кроме тех случаев, когда он усмотрит или крайнее невежество или злонамеренность. (Мск. 02/03-357, ч. 2).

[266] Совет находит, что присяжный поверенный, приняв предложение вести дело и, взяв от доверительницы паспортную книжку ее в обеспечение их соглашения, очевидно, не остановился перед соображением о том, в какой мере такой способ обеспечения сделки целесообразен и может быть им принят. Принимая паспортную книжку, как вещное обеспечение своего соглашения, присяжный поверенный тем самым подрывал доверие к достоинству своего звания, блюсти и оберегать которое есть первая обязанность каждого члена сословия. (Мск. 07/08-184, ч. 3).

[267] Поверенный, в своих отношениях к доверителю обязан, наряду с интересами последнего, тщательно охранять достоинство своего звания и ограждать себя от возможных нареканий и претензий. Между тем, выдача помощником присяжного поверенного расписки, удостоверяющей принятие завещания (на обрывке листа) является совершенно неправильною, так как, в самом деле, им принято было не завещание, а пол-листа бумаги, который уже по внешнему своему виду, согласно категорическому веления закона, не может считаться завещанием, причем дефект такого свойства, что установление времени, когда бумаге придан был этот внешний незаконный вид, может оказаться затруднительным или невозможным. (С.-Пб. 10/11-495).

[268] Присяжный поверенный говорит, что он не рассматривал векселей и потому не видел поправок и подчисток. Такой легкомысленный образ действий при принятии дела недопустим. Если присяжному поверенному нередко бывает трудно проникнуть в истинный характер отношений между контрагентами, то, во всяком случае, он должен тщательно разобраться в этих отношениях, насколько они вскрываются из документов. Не следует забывать, что, представляя в Суде документы происхождения противозаконного, поверенный подвергает тяжелым последствия своего доверителя, который между тем имеет основание думать, что если документы приняты присяжным поверенным, то они нашли авторитетное одобрение и признание своей правильности. (Мск. 09/10-404, ч. 3).

[269] Присяжный поверенный, зная о существовании завещания, скрывая от Суда существование завещания и ходатайствуя об утверждении законных наследников, совершил важное нарушение профессиональных обязанностей. Сомнение в действительности завещания не оправдывает его действий. Если завещание могло быть признано недействительным по психической болезни завещательницы, то присяжный поверенный мог лишь принять на себя предъявление иска о недействительности завещания; до тех же пор, пока завещание не было уничтожено, он не мог, удостоверяя перед Судом наличность законных наследников, скрыть существование наследников по завещанию. (Мск. 93/94-13, ч. 1).

[270] Если нет поводов к кассации, то присяжный поверенный и не должен принимать на себя составление таковой. (Мск. 96/97-123).

[271] Присяжный поверенный имел, конечно, основание и право не принимать вовсе к своему производству присланного ему без его согласия дела, но, получив доверенность и документы, должен был известить о своем отказе доверителя, а не держать у себя дела в продолжение почти целого года, храня при этом упорное молчание, чем мог внушить доверителю убеждение, будто изъявил молчаливое согласие на принятие доверенности. (Мск. 97/98-206).

[272] Присяжный поверенный не должен принимать на себя ведение в известном Суде такого дела, которое этому Суду, безусловно, неподсудно. Ведение подобного дела, не принося доверителю никакой пользы, дает повод к нареканию на присяжного поверенного. Если в данном случае предъявление иска еще может быть оправдано предположением присяжного поверенного, основанным на уверениях доверителя, что ответчик не заявит отвода о неподсудности, то перенос дела в Палату после заявленного отвода представляется непростительным. (Мск. 95/96-1, ч. 2).

[273] Присяжный поверенный, несомненно, свободен в своем решении принять на себя предложенное ему дело или отказаться от него, и в этом отношении нет никакой надобности входить в оценку уважительности оснований, по которым он не пожелал вести дело. Но оставлять письмо без ответа, в котором его просят принять на себя защиту дела, он, очевидно, не вправе. Принадлежа к сословию присяжных поверенных, он является общественным деятелем, к которому могут обращаться не только личные, более или менее близ-

кие, знакомые, но и люди из более широких кругов общества, в глазах которых звание присяжного поверенного, само по себе, должно служить гарантией не только общей добропорядочности, но и особенной корректности, а потому присяжный поверенный по своему званию обязан отвечать на письма. (С.-Пб. 09/10-403).

[274] Присяжный поверенный поступил неправильно в том отношении, что принял на себя обязанность окончить дело к определенному сроку. Если бы даже поверенный при принятии дела имел все необходимые документы, то и тогда он не должен был бы назначать срока окончания его, зная, что время разрешения Судом дела не находится в зависимости от желания его, поверенного. (Харьк. 88/89-123).

[275] Присяжный поверенный обязался закончить дело в течение определенного срока, а в противном случае уплатить доверителю шестьсот рублей в виде неустойки; такое обязательство для члена присяжной адвокатуры считается совершенно неприличным, ибо как исход дела, так и время его окончания от поверенного не зависят, и ручательство в этом отношении является ничтожным. (С.-Пб. 08/09-401; 88/89-123).

[276] Доверитель в праве откуда угодно пригласить себе поверенного для ведения его дела, для ознакомления с делом, для простой консультации. Вправе и адвокат ценить свой труд в таких случаях по своему усмотрению, и не было бы тут места надзирающей власти Совета. Но желание такое должно быть сознательное, отвечающее обстоятельствам дела, положению доверителя. Совет неоднократно указывал на вытекающую из высокой общественной роли адвоката необходимость заботливо относиться к интересам лиц, обращающихся к адвокату за юридической помощью; заботливость эта должна прежде всего выражаться в оказании действительно необходимой помощи, а не кажущейся, призрачной. Деятельность адвоката должна быть чужда какой бы то ни было эксплуатации. Он не может брать денег за бесполезный, ненужный свой труд, да еще от тех, которые сами ничего не имеют. Считая поэтому, что присяжный поверенный не имеет нравственного права на удержание всех полученных им денег, что он имеет право лишь на действительно им расходованные деньги, Совет нашел, что присяжный поверенный заслуживает дисциплинарного взыскания, и обязал его возвратить обществу крестьян оставшиеся от расхода деньги. (Мск. 06/07-202, ч. 2).

2. ЗНАЧЕНИЕ ДОВЕРЕННОСТИ И ПОЛЬЗОВАНИЕ ЕЮ

[277] Совет находит, что договор доверенности, как и всякий договор, требует соглашения двух сторон, доверителя и поверенного, а, следовательно, если со стороны присяжного поверенного не было изъявлено согласие на ведение им дела, то высылка ему доверенности, как акт односторонний, не может создать между ним и выдавшим доверенность отношений доверителя и поверенного. (Мск. 02/03-145, ч. 2).

[278] Один только факт получения присяжных поверенных доверенности без всяких данных, документов и указаний по делу не может создать для него ответственности перед своим доверителем. (Мск. 05/06-32).

[279] Факт совершения доверенности на чье-либо имя и явка этой доверенности в нотариальной конторе еще не устанавливает существования отношений поверенного к доверителю, ибо для этого необходимо, чтобы доверенность была принята лицом, на имя коего совершена. (Мск. 02/03-14, ч. 2)

[280] Если присяжный поверенный находит выданную ему доверенность недостаточною, то он должен предложить доверителю подать ему другую и не оставлять его в добросовестном заблуждении о том, что он уполномочил поверенного на все ходатайства, которые нужны. (С.-Пб. 09/10-472).

[281] Если принятие поверенным доверенности для ведения какого-либо дела не всегда знаменует собой принятие самого дела, то оно, во всяком случае, делает вполне законным предположение, что дело поверенным принято; если предположение это почему-либо не осуществляется, то на обязанности поверенного лежит уже устранить всякие возможные здесь недоразумения, чтобы доверитель его не оставался в ложном убеждении в том, что интересы его будут правомерно охранены. (Мск. 03/04-33, ч. 3).

[282] Оставление на руках общей доверенности своего бывшего доверителя налагает на присяжного поверенного обязанность особенно осторожного образа действия по отношению к этому доверителю, так как по закону нахождение доверенности в руках по-

веренного есть признак продолжающихся отношений по уполномочию, пространство которого определяется текстом доверенности. Во избежание всякого рода недоразумений и нареканий, столь нежелательных по отношению к присяжным поверенным, представлялось бы наиболее правильным, чтобы в каждом отдельном случае текст доверенности, принимаемой присяжным поверенным, по возможности, соответствовал действительному содержанию представленных уполномочий; если же обстоятельства приводят присяжного поверенного к принятию общей доверенности при наличности совершенно частного поручения, то своевременное возвращение доверенности по исполнении принятого поручения есть необходимая мера для ясного обозначения происшедшего прекращения отношений по доверенности. Оставляя на своих руках ненужную уже общую доверенность, присяжный поверенный удерживает за собой формальное положение поверенного и тем самым связывает себя по отношению к своему бывшему доверителю; если же он забывает значение такого положения, то рискует поставить себя еще в худшее положение, затрагивающее самое достоинство носимого им звания. (Мск. 901/902-73, ч. 2).

[283] Бывают случаи, когда вследствие требований закона или судебной практики (например, всеподданнейшая просьба, жалоба на судебного следователя, заявление о подлоге), или за невозможностью по краткости времени получить надлежащее полномочие, или когда доверитель желает сам подать прошение от своего имени, присяжный поверенный может составить жалобу для своего доверителя от имени сего последнего. Если же у присяжного поверенного есть какая бы то ни было причина не желать огласки его участия в каком-либо деле, то он должен вовсе от всякого участия в деле уклониться. Общее правило содействия присяжного поверенного доверителю требует, чтобы участие это было гласное; во всех случаях, когда присяжный поверенный может получить доверенность, он обязан действовать гласно, не прячась за подпись своего доверителя. Адвокат, полагающий, что его подпись не может влиять на основательность жалобы, не должен забывать, что поставленный силою самого закона в особые, отличные от тяжущихся, отношения к Суду, обязанный по своему образованию, общественному положению и по профессии своей относиться критически, с должною осторожностью ко всему, что излагает в прошении, его подпись, как присяжного поверенного, должна вызывать в судьях заслуженное внимание и доверие. Если же судье становится как-либо известным, что адвокат уклонился от гласного участия в деле, что он действует тайно от

имени доверителя, тогда у судьи может и должно явиться вместо ожидаемого доверия недоверие как к своему адвокату, так и к изложенным в составленной им жалобе обстоятельствам. Поэтому негласное участие присяжного поверенного в судебном деле может быть допускаемо только в исключительных случаях, во всех же других оно не может быть признано ни желательным, ни правильным. (С.-Пб. 94/95-76).

[284] Договор доверенности крепок не формальною скрепою подписи доверителя под доверенностью и не условием с поверенным о его гонораре. Договор этот крепок только действительным доверием доверителя к избранному им поверенному. Но раз это доверие утрачено, то утрачено и основание для продолжения доверительских отношений, и поверенный, хотя бы и не чувствовал за собою перед доверителем никакой вины, не может уже, не поступаясь своим достоинством, продолжать исполнение обязанностей поверенного. Тем более он не должен настаивать на своем праве исполнять эти обязанности вопреки ясно выраженной воле доверителя. (Мск. 03/04-236 ч. 2).

[285] Присяжный поверенный, подписавший договор об условиях, на которых он принимает ведение порученного ему дела, тем самым изъявляет согласие на принятие обязательств перед своим будущим доверителем. Но в отношения поверенного к доверителю присяжный поверенный вступает только со дня выдачи ему доверителем доверенности, так как наблюдение за ходом дела в Суде, представительство на судоговорении, совершение действий от имени доверителя возможно только на основании доверенности, отсутствие которой обязывает поверенного лишь к совершению таких действий по ведению дела, для которых не требуется наличности уполномочия, каковы: изучение дела, подача совета, составление бумаг и их пересмотр и т.п. (Мск. 25/86-82).

[286] На основании ст. 2332 т. X ч. 1, доверитель имеет право требовать, чтобы поверенный возвратил данную ему доверенность, и поверенный, получив такое требование, обязан возвратить доверенность во избежание последствий, предусмотренных в этой статье. Неисполнение присяжным поверенным требования доверителя о возврате доверенности составляет профессиональный проступок, а потому жалобы на невозвращение доверенности присяжными поверенными, соединенные с ходатайством о понуждении их к возврату таковых, подсудны Совету, как учреждению, наблюдавшему за ис-

полнением присяжными поверенными обязанностей звания. (п. 2 ст. 267 Учр. Суд. Уст.). (Мск. 02/03-133; 03/04-219, ч. 2).

[287] Приняв доверенность и получив затем письменное предложение вернуть ее, присяжный поверенный не вправе уклониться от исполнения обращенного к нему требования и тем самым ставить доверительницу свою в необходимость уничтожить через публикацию данное ему полномочие. (Мск. 96/97-77).

[288] Ввиду неудобств и возможности нареканий при получении поверенным доверенности от двух лиц, состоящих между собой в тяжбе, хотя и не по одному и тому же делу, в среде присяжных поверенных принято в тех случаях, когда это представляется необходимым, заручиться письменным согласием первоначального доверителя на принятие доверенности от его противника. (С.-Пб. 81/82-11).

[289] По принятым Советом и Общим Собранием присяжных поверенных правилам, имеющий общие доверенности от лиц, состоящих в тяжбе, не может принимать участия в этой тяжбе ни с той, ни с другой стороны, а поверенный, имеющий общую доверенность на ведение всех дел одного лица, не может без ведома и согласия этого верителя делаться по специальным доверенностям поверенным других лиц в тяжбах, направленных против первого доверителя. (С.-Пб. 93/94-82).

[290] Поверенный по закону имеет право отказаться от доверенности, во всяком положении дела и, воспользовавшись таким правом, присяжный поверенный ничем не нарушает своих обязанностей. (Мск. 02/03-58, ч. 2).

[291] Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Совет находит, что присяжный поверенный допустил по делу небрежность. Если он не имел надлежащей доверенности, то должен был или своевременно отказаться от ведения дела или просить о выдаче ее. Если присяжному поверенному был представлен список свидетелей, он должен был тщательнее выяснить тот материал, который они могли бы внести в дело, чем сделал он это, по словам жалобщицы. Если присяжный поверенный убедился в безнадежности дела, ему надлежало вернуть документы немедленно, а не удерживать их у себя. (Мск. 06/07-302, ч. 2).

[292] Совет нашел образ действий помощника присяжного поверенного неправильными. Он мог передоверить ведение порученного ему дела, но, сделав это, он обязан был или заявить об отказе от дальнейшего ведения его дела или же остаться его поверенным, но тогда сообщить ему о ходе дела, отвечать на его письма и т. д. (С.-Пб. 08/09-274).

[293] Совет нашел, что, не имея доверенности жалобщика и не принимая к своему производству его дела, присяжный поверенный не был обязан исполнять какие-либо поручения жалобщика и сообщать ему сведения о ходе и положении не им начатого дела. (Мск. 07/08-237, ч. 2).

[294] Совет признал, что, кроме заявления верителю об отказе от доверенности, присяжный поверенный, на точном основании ст. 253 Уст. Гр. Суд., должен об этом уведомить и Суд, где производится дело. (С.-Пб. 90/91-63; Харьк. 90/91-93).

[295] Совет нашел необходимым циркулярно предложить присяжным поверенным в точности соблюдать ст. 252 и 253 Уст. Гр. Судопр. в случае отказа от доверенности и заблаговременно уведомлять, как верителя, так и председателя Суда о своем отказе, ибо последний, по ст. 254 того же Устава, соображаясь с расстоянием жительства доверителя и обстоятельствами дела, определяет срок, по истечении коего поверенный, обязанный дотоле ходатайствовать по делу, признается свободным от той обязанности. (Журн. зас. Совета 3 марта 1882 г.). (С.-Пб. 82/83-7).

[296] В числе причин, прекращающих действие доверенности, закон указывает, между прочим, на распоряжение доверителя и на отказ самого поверенного (ст. 2330 т. X ч. 1). Для уничтожения доверенности доверителем закон устанавливает известный и довольно сложный порядок; для прекращения же силы доверенности по желанию самого поверенного достаточно заявления его о том тому присутственному месту, на котором он по делу ходатайствовал, с извещением доверителя и с возвращением ему подлинной доверенности. Существенно важно лишь первое: «в случае сложения поверенным принятой им на себя обязанности, все действия его ограничиваются одним о том объявлением». (Реш. Гр. К. Д-та С. 1874 г., № 581). (Мск. 97/98-188).

[297] Раз по обстоятельствам дела присяжный поверенный признал необходимым заявить суду об отказе от доверенности своего доверителя, он должен сделать это своевременно, не ограничиваясь одним лишь словесным заявлением сего своему доверителю. (Мск. 98/99-104, ч. 2; Харьк. 90/91-93).

[298] Отказываясь от доверенности, присяжный поверенный должен заявить об этом в установленном порядке Суду (ст. 253); такое заявление не может быть сделано надписью на повестке, которая возвращается в канцелярию Суда и не подлежит обозрению председателя до заседания по делу; между тем на нем, в случае подачи в Суд заявления об отказе поверенного от доверенности, лежит обязанность назначить срок, по истечении которого поверенный считается свободным от своей обязанности; до истечения же сего срока поверенный обязан ходатайствовать по делу в пределах своего полномочия (ст. 254). (С.-Пб. 89/90-48).

[299] Если лицо выдало присяжному поверенному доверенность с правом передоверия, то последний всегда может воспользоваться этим правом и поручить своему помощнику выступать по делам. (Мск. 07/08-122, ч. 2).

[300] Ответственность за ведение дел, порученных Советом, всецело лежит на присяжных поверенных и не может быть ими перелагаема на других лиц. (Мск. 09/10-407, ч. 3).

[301] Поверенный отвечает перед своим доверителем за действия лиц, которым он передоверил ведение дела, лишь в том случае, если это передоверие не имеет характера полной передачи дела другому лицу и притом с ведома и согласия самого доверителя. Если же такая передача состоялась, если доверитель все сношения по делу ведет уже с новым, вторым поверенным, то первый может считать себя свободным от ведения дела. Во избежание недоразумений лучше было бы в таких случаях вместо передоверия требовать от доверителя новую доверенность второму поверенному. Но если почему-либо было дано передоверие, то это меняет лишь форму, но не существо дела. При таких условиях новый поверенный представляется не лицом, исполняющим лишь поручение первого, но лицом, ведущим дело независимо от него по самостоятельному соглашению с доверителем. (Мск. 03/04-207, ч. 2).

[302] Хотя дело и передоверено товарищу, но раз присяжный поверенный сохранил за собою непосредственные сношения с доверителем, на его обязанности лежит следить за делом. (Мск. 09/10-200, ч. 3).

[303] Если присяжный поверенный, принявший к своему производству чье-либо дело, поручает его ведение товарищу по праву передоверия, то таковое обстоятельство не слагает у первоначального поверенного обязанность быть осведомленным о положении дела и делиться своими сведениями с доверителем, который, вверив свои интересы непосредственно ему, а не другому лицу, вправе всегда требовать и ожидать отчета от своего первоначального поверенного. (Мск. 02/03-138, ч. 2)

[304] Совет признал неосмотрительность в принятии присяжным поверенным доверенности без права передоверия, вследствие чего он, при непредвиденной задержке по делам, лишен был возможности передоверить совершение акта другому лицу. (Мск. 97/98-141).

[305] Совет нашел, что поверенный по передоверию представляет собою лицо не передоверителя, а первоначального верителя, и что он не должен был подчиняться даже и воле его верителя, когда она являлась нарушением принятого последним на себя обязательства. (С.-Пб. 86/87-60).

[306] Совет возбудил вопрос, правильно ли поступил присяжный поверенный, возвратив документы поверенному после того, как узнал, что доверенность уничтожена. Совет рассуждал: когда присяжный поверенный, ходатайствующий по передоверию, узнает, что первоначальная доверенность уничтожена, то, конечно, должен прекратить ходатайство. Но из этого не следует, что он должен возвратить находящиеся у него документы лицу, выдавшему передоверие. Напротив, именно последнему-то он и не должен выдавать таковых, ибо это значило бы действовать вопреки воле доверителя, который самым актом уничтожения доверенности ясно выказал недоверие к первоначальному поверенному. С уничтожением первоначальной доверенности присяжный поверенный лишается возможности ходатайствовать, но это еще не избавляет его от обязанности не только не действовать вопреки ясно выраженной воле доверителя или во вред ему, но и продолжать ограждать интерес и право первоначального доверителя впредь до полного прекращения отношений, воз-

никших из договора доверенности. А так как отношения эти продолжают существовать и по уничтожении первоначальной доверенности, если документы доверителя остались у поверенного, то присяжный поверенный обязан не отдавать их никому, кроме первоначального доверителя или его уполномоченного и ни в каком случае тому поверенному, которого доверенность уничтожена, хотя бы документы были получены от последнего. (Мск. 79/80).

Поручая взыскание, о котором имелось особое уголовное производство, присяжный поверенный должен был предупредить о том товарища, к содействию коего он прибегал. Не говоря уже о том, что в интересах дела ему надлежало быть знакомым со всеми обстоятельствами, имевшими значение в порученном деле, возможно было предвидеть, что в зависимости от такого предупреждения могло находиться и само согласие товарища на вступление в дело. Отсутствие такого предупреждения дает повод к невыгодным для присяжного поверенного предположениям или о небрежности при отправлении профессиональных обязанностей или о намерении скрыть неудобное обстоятельство. (Мск. 02/03- 221, ч. 2).

[307] Как бы ни доверял своему сотруднику присяжный поверенный и как бы он ни был занят делами, он не может слагать с себя ответственности за ведение дела, которое ему поручено. (Мск. 10/11-512).

[308] Принятие к своему производству взыскания только для того, чтобы его передоверить другому лицу, передоверие его не члену сословия (присяжному поверенному или помощнику), дающему всю полноту гарантий добросовестности и аккуратности, а какому-то частному лицу, не может быть оправдано и терпимо. Присяжный поверенный имеет достаточное количество товарищей, которые охотно бы ему помогли; между тем, вместо этого естественного пути он избрал другой, обратившись за содействием к лицу, не оправдавшему его доверия, за действия которого он не может не нести известной нравственной ответственности. (Мск. 09/10-128, с. 3).

[309] Выдача присяжным поверенным доверенности на ведение судебных дел своей прислуги, т. е. лицу, совершенно непригодному для подобного назначения, не соответствует достоинству присяжного поверенного. Нельзя не признать, что в выдаче ей доверенности на ведение всех судебных дел в мировых установлениях проявилось значительное легкомыслие, так как она могла по этой дове-

ренности совершить какие-либо действия, компрометирующие ее доверителя и звание присяжного поверенного. (С.-Пб. 09/10-587).

[310] По законным основаниям следует признать, что совершение передоверия с полномочием на ведение судебных дел на имя лица, исключенного из профессиональных поверенных в дисциплинарном порядке, должно считаться со стороны присяжного поверенного действием некорректным, ввиду разъяснения Общ. Собрания 1-го и Кас. Д-тов 1882 г., № 45, и 1889 г., № 29, о недопущении лиц, исключенных из числа частных поверенных в дисциплинарном порядке к ходатайству в качестве поверенных, и по трем делам без свидетельства и что, наконец, объяснения присяжного поверенного о преждевременности обсуждения его действий, ввиду поданной им кассационной жалобы на определение Съезда, не заслуживают уважения, так как решение Сенатом в этом или ином смысле вопроса относительно правильности или неправильности прекращения Съездом искового производства по делу вообще не может иметь влияния на определение характера действий присяжного поверенного. (Мск. 96/97-28).

[311] Совет пришел к заключению, что запрещение присяжным поверенным принимать ведение дела в судах по праву передоверия от частных поверенных и вообще лиц, не имеющих отношения к адвокатуре, будет несправедливым лишением прав тех лиц, которые, нуждаясь в помощи поверенного, лично к присяжному поверенному почему-либо не обратились. Разрешая так настоящий вопрос, Совет вместе с тем считает недопустимым, чтобы присяжные поверенные и помощники их ставили себя в положение подставных лиц, через которых подпольные ходатаи вели бы чужие дела. (Каз. 08/09-116).

[312] Заслушав прошение присяжного поверенного по вопросу о выдаче передоверия в виду запрещения ему практики, Совет постановил: принимая во внимание, что прием дел для ведения их составляет часть адвокатской практики, которая ему запрещена, присяжный поверенный во все время срока запрещения практики ни дел принимать, ни давать передоверия по таковым не может. (Мск. 93/94-IX, ч. 1).

[313] Присяжный поверенный, которому запрещена практика, не может принимать участия в качестве представителя стороны не только в судебном, но и в предварительном следствии (где это ока-

зывается возможным), хотя бы он и не именовал себя присяжным поверенным, так как представительство присяжного поверенного по доверенности торгового свойства, в качестве лица, состоящего при торговой конторе, должно считаться предосудительным. (Мск. 93/94-132,ч. 2).

[314] Несовместимо с принадлежностью к сословию присяжных поверенных ведение чужого дела не по доверенности, а от своего имени (фиктивная покупка вексельной претензии у доверителя с подачею ему обеспечивающей расписки). (Мск. 03/04 -216, ч. 2).

[315] Предъявление иска не по доверенности, а по бланковой надписи от своего имени ставит поверенного в рискованное положение перед своим доверителем, и в фальшивое положение перед Судом. (Мск. 901/902-45, ч. 3).

[316] Передача в собственность исполнительного листа с целью производить по нему взыскание в округе, где у помощника присяжного поверенного нет свидетельств на ведение чужих дел, недопустима и предосудительна потому, что она представляет собою фиктивную сделку, ставит в ложное положение поверенного и дает повод к разнообразным нареканиям; недопустима она также и потому, что совершается в данном случае для приобретения возможности ходатайствовать без получения свидетельства Суда на ведение чужих дел. (Мск. 09/10-206, ч. 3).

[317] Не имея свидетельства от Суда на право ходатайства по судебным делам, помощник присяжного поверенного, принимая на свое имя доверенность на управление имением, совершает это явно и заведомо в обход закона. (Мск. 02/03-341, ч. 2).

[318] Если помощник присяжного поверенного и «состоял» при конторе, то это обстоятельство не давало ему права вести в Суде дела посторонних лиц, хотя бы и в интересах конторы, и выступал всякий раз в качестве фиктивного торгового служащего, в явный обход закона. То обстоятельство, что в доверенностях, наряду с его званием торгового служащего, упоминалось и еще звание помощника присяжного поверенного, дела не меняет и лишь усугубляет его вину. Несение обязанностей бухгалтера многих купцов ничего общего со званием и деятельностью помощника присяжного поверенного не имеет, и получение доверенностей на свое имя, как торгового служащего, делалось с очевидной целью обхода закона, запре-

щающего лицам, не состоящим в звании присяжного стряпчего, выступать по чужим делам в Коммерческом Суде. (Одес. 910-130).

[319] Помощник присяжного поверенного предъявил от своего имени иск по векселям, принадлежащим Торговому Дому, а затем, получив исполнительные листы, передал их обратно Торг. Дому. Совет признал, что присяжные поверенные и их помощники не вправе предъявлять в Суд от своего имени иски доверителей. (Мск. 08/09-127, ч. 3).

[320] 5 декабря 1870 года состоялось в Московском Совете следующее постановление, циркулярно объявленное всем присяжным поверенным для руководства на будущее время: «Имея в виду Учр. Суд. Уст. ст. 353, 354, 356, 357 п. 8, 368, 400 и Уст. Торг ст. 1291-1295, принимая в соображение, что лицо, поступая в присяжные поверенные, занимает особое между обществом и Судом положение, зависящее исключительно от свойства и рода его занятий; что занятия сии, коими звание присяжного поверенного отличается от других званий в государстве, заключается единственно в изучении законов для защиты на Суде лиц, требующих его содействия и помощи, и что применение знаний своих к делу возможно для присяжного поверенного, за исключением определенных в законе случаев, только при посредстве доверенности со стороны лица, к нему обратившегося; принимая в соображение, что лицо, носящее звание присяжного поверенного, кроме обязанностей относительно своих доверителей, имеет еще и к себе самому и к установлению присяжных поверенных обязанности, заключающиеся преимущественно в воздержании себя от действий и занятий, этому установлению не свойственных; что присяжный поверенный, имея свои нужды и зная нужды других, может, конечно, по общему праву, и на себя выдать, и от другого принять долговое обязательство, но что с таким принятием приобретение векселей по бланковым надписям на третье лицо для дальнейшей ли передачи оных или, смотря по обстоятельствам, для представления их от своего имени ко взысканию, – ничего общего не имеет, составляя уже отрасль промышленности, и что если присяжные поверенные приобрели на несостоятельного должника векселя только для представления их взысканию в интересах третьего лица, то, будучи присяжными поверенными, они, по вышеизложенному, могли это сделать не иначе, как на основании доверенности. На основании этих соображений Совет присяжных поверенных признал, что приобретение векселей не за собственный счет, равно и представление чужих векселей ко взысканию от своего имени со-

ставляют действия, званию присяжного поверенного не соответствующие. (Мск. 86/87-76).

[321] Помощник присяжного поверенного, не имея свидетельства от Суда на право ходатайства по чужим делам, производил взыскания по векселям по «препоручительным надписям». На рассмотрение Совета уже доходил подобный случай, и Совет (отчет 1910-11 г. ч. 6-11) высказал, что он «считает совершенно неправильным предъявление иска по препоручительным надписям». «Препоручительные надписи даются обыкновенно приказчикам или людям, стоящим к фирме в служебных или торговых отношениях, в каковых помощник присяжного поверенного находиться не должен»… «Совет неоднократно уже разъяснял, что в целях избежания или невозможности получения свидетельства на ведение судебных дел нельзя прибегать к получению доверенности на управление имениями, равным образом, нельзя по тем же соображениям и действовать по препоручительным надписям на векселях: и то и другое делается в обход закона и заслуживает осуждения». Существует мнение, что раз сам закон устанавливает право взыскания по препоручительным надписям, то нельзя вменять присяжному поверенному или помощнику в проступок пользование правом, предоставленным по закону всем гражданам. Но Совет не может согласиться с этой аргументацией. Еще в 1892 г. (отч. Совета 1892-93 г.) Совет высказал общее положение, что «не все то, что запрещено законом и потому не влечет за собою кары для поверенного вообще, дозволительно присяжному поверенному». Это положение вполне приложимо и к данному случаю. Если по закону никому не возбраняется производить взыскания по препоручительным надписям, то для присяжных поверенных пользование этим законом не вызывается необходимостью. Присяжный поверенный и помощник, обладающий свидетельством или состоящий присяжным стряпчим, являются обладателями более широкого и неограниченного права, а именно, права все дела по доверенности, а, следовательно, и предъявлять иски по векселям. Поэтому лицу, принадлежащему к сословию присяжных поверенных, нет надобности, и недостойно уклоняться от принятия доверенности и скрывать свое звание при взыскании, пользуясь препоручительной надписью. Не желая пользоваться доверенностью и укрывая свое звание за препоручительной надписью, член сословия открывает возможность заподозрить его в стремлении избежать надзора со стороны своего сословного органа, Совета, за его действиями в этой сфере деятельности. Не может служить основанием для взыскания по таким надписям и то соображение, что

не все помощники присяжных поверенных могут иметь свидетельства в судах, ибо как бы ни были затруднительны условия, в которых поставлены помощники при получении свидетельства, и в особенности помощники иудейского вероисповедания, Совет, тем не менее, не может, подчиняясь наличности этих условий, допустить возможность вести вексельные дела по препоручительным надписям в противоречие с законом, открывающим право членам сословия действовать по доверенностям. Каждый стажер, как бы ни было тягостно прохождение им своего стажа, должен непоколебимо воспитываться в принципах и традициях сословия, в которое он намеревается вступить, не уклоняясь от них в сторону при первой возможности по соображениям стесненности своего положения. Только такая школа способна будет дать сословию достойных членов. На основании изложенного, Совет постановил: помощнику присяжного поверенного объявить строгий выговор. (Мск. 1912 г.).

3. ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВ ДОВЕРИТЕЛЕЙ ПО ИХ ТЯЖБАМ (НАРУШЕНИЕ 400 СТ. УЧ. СУД. УСТ.)

[322] Совет нашел, что запрещение приобретать права доверителей касается лишь тех исков, по коим доверители и присяжные поверенные состоят в отношениях доверителя и поверенного; ст. 400 Учр. Суд. Уст. воспрещает «покупать или иным образом приобретать права своих доверителей по их тяжбам». (С.-Пб. 82/83-65).

[323] По силе 400 ст. Учр. Суд. Уст., присяжным поверенным запрещается покупать от своих доверителей права по их тяжбам. Распространять же означенное воспрещение вообще на всякие имущественные сделки присяжных поверенных это значило бы лишать их общих гражданских прав. (Сарат. 05/06-24).

[324] 400 ст. Учр. Суд. Уст., по которой присяжным поверенным запрещается приобретать права своих доверителей по их тяжбам, должна распространяться и на их помощников. (Мск. 77/78-54).

[325] Нарушение 400 ст. может быть обжаловано лишь доверителями присяжных поверенных, а не посторонними лицами. (С.-Пб. 81/82-69).

[326] Статья 400 Учр. Суд. Уст. воспрещает присяжным поверенным приобретать права своих доверителей по их тяжбам, но пра-

во на судебные издержки, возложенные на противную сторону, не может быть причислено к категории «прав по тяжбам», а потому соглашение присяжных поверенных с доверителем о передаче ему вместо вознаграждения по оконченному производством процессу права на взыскание судебных издержек с противной стороны, не подходит под эту статью. Ст. 400 Учр. Суд. Уст. заключает в себе ограничение общегражданской правоспособности присяжного поверенного в сфере совершения имущественных сделок, ограничение, вызываемое соображениями, истекающими из особой природы отношений между поверенным и его доверителем. По вопросам правовым присяжный поверенный является советчиком и руководителем своего доверителя, обязанным охранять его и блюсти его правомерную выгоду. Такие отношения, однако, невозможны тогда, когда интересы поверенного и доверителя расходятся, когда, как это неизбежно при приобретении поверенным прав по тяжбе доверителя, один, доверитель, должен стараться получить как можно больший эквивалент, а другой, поверенный, должен стремиться к тому, чтобы оплатить возможно меньше. К этому присоединяется еще и то обстоятельство, что для определения цены переуступаемого тяжебного права контрагенты, доверитель и поверенный находятся в большинстве случаев в далеко не одинаковых условиях, и последний, более компетентный и авторитетный в решении вопроса о действительной цене иска, нередко гораздо лучше осведомленный о возможных шансах процесса, попадает в положение лица, злоупотребляющего как бы доверием другой стороны, вовлекающего ее в невыгодную сделку. Очевидно, такая роль совершенно несовместима со званием присяжного поверенного, а потому закон и запрещает приобретение поверенным прав по тяжбе их доверителей.

Все приведенные соображения, однако, совершенно неприменимы, когда речь идет о переуступке доверителем поверенному права требования с противника судебных и за ведение дела издержек по оконченному уже процессу, переуступке совершаемой взамен заслуженного поверенным гонорара. В этом случае между доверителем и поверенным, окончившим дело, установились уже новые отношения должника и кредитора; доверитель обязан уплатить поверенному вознаграждение за ведение дела, а поверенный вправе требовать расчета, нисколько не соображаясь с тем, взыскал ли доверитель с противной стороны судебные издержки и может ли он вообще их взыскать. Если при таких условиях поверенный изъявляет согласие принять от доверителя вместо денег, которые ему причитаются, как бы приказ на противную сторону, в виде передачи ему права на взыскание судебных издержек, то он, несомненно, оказы-

вает доверителю снисхождение, делает ему уступку, вступает с ним в соглашение, в котором все выгоды на стороне доверителя, а весь риск на стороне поверенного.

Признавая поэтому соглашение поверенного с доверителем о передаче последним первому взамен вознаграждения за оконченное производством дело права на взыскание судебных издержек с противной стороны формально вполне правильным и по закону допустимым, Совет, тем не менее, считает в интересах достоинства присяжной адвокатуры практику таких соглашений нежелательною. Членам сословия присяжных поверенных следует избегать всего, что может вовлечь их в судебные споры по поводу их профессиональной деятельности с лицами, с которыми они никогда не становились в непосредственные отношения. Неудобно также положение присяжного поверенного в роли истцы в собственном интересе по чужой претензии, когда, как это, например, оказалось в данном случае, может обнаружиться наличность особых отношений или расчетов между ответчиком и первоначальным истцом, вследствие чего на сделку о переуступке может быть брошена тень недобросовестности. (С.-Пб. 09/10-313).

[327] Статьей 400 Учр. Суд. Уст. запрещается присяжному поверенному приобретать каким-либо способом права доверителей на свое имя, и уже с давних времен практика Совета присяжных поверенных неуклонно стремилась к пресечению такого рода действий со стороны присяжной адвокатуры. Еще журнальным постановлением от 12 октября 1874 г. Совет разъяснил, что присяжный поверенный не только не имеет права приобретать на свое имя претензий верителя, но не может получать их от него путем дарения, во избежание нареканий, могущих от этого возникнуть. (С.-Пб. 10/11-614).

[328] Признавая, что приобретение права на взыскание по векселю поверенным от его доверительницы составляло бы нарушение 1095 ст. Учр. Суд. Уст. изд. 1876 г., Совет нашел нужным указать поверенному, что признанием возможности подобного приобретения от доверителя его искового права поверенный обнаружил непонимание обязанности, возлагаемой на присяжных поверенных приведенною ст. 1095. (Харьк. 82/83-110).

[329] Присяжный поверенный представил в Суд исполнительный лист, выданный на его имя, с надписью о передаче в его же собственность после прекращения ему доверенности, но без доказа-

тельств этого прекращения. При таких условиях Окружной Суд имел полное основание полагать, что присяжный поверенный, оставаясь поверенным, приобрел претензию своего доверителя, т. е. совершил недопустимый по закону проступок против обязанностей своей профессии. Член сословия, обязанный к ревнивому охранению своего сословного достоинства, не должен ставить себя в положение, когда внешняя видимость дает основание к тяжкому обвинению. Помимо того, приобретение претензии бывшего доверителя, даже и после уничтожения доверенности, раз по этой претензии вел дело сам приобретатель, едва ли может быть признано допустимым, так как оно противоречило бы если не букве, то духу закона. (Мск. 10/11-75, ч. 3; С.-Пб. 09/10-579, 584).

[330] Всякое заключение сделок по имуществу между присяжным поверенным и его доверителем в то время, когда дела доверителя находятся в руках этого поверенного, представляется вполне нежелательным, ибо оно всегда может быть источником нареканий на присяжного поверенного, что он воспользовался своим положением по отношению к доверителю, чтобы вовлечь его в сделку, убыточную или такую, которую бы доверитель не стал заключать с другим лицом. (С.-Пб. 76/77, стр. 74).

[331] Предъявление векселей по бланковым надписям, а не по надлежащим доверенностям никоим образом не может быть допускаемо присяжными поверенными. Приобретая в собственность порученное ему взыскание, присяжный поверенный является нарушителем ст. 400 Учр. Суд Уст. Если же передача претензии совершается лишь для виду, с какими-либо скрытыми целями, то таковая передача недопустима, как фикция. (Мск. 02/03-223, ч. 2).

[332] Хотя в законе нет прямого запрещения присяжным поверенным вступать в какие-либо сделки по имуществу с лицом, поручившим ему ведение своего дела, независимо от порученного дела, но те соображения, которые послужили основанием при установлении правила, изложенного в ст. 400 Учр. Суд. Уст., могут иметь применение и в большей части случаев, когда сделка по имуществу совершена присяжным поверенным с лицом, которое поручило ему ведение своего дела. В комментариях Государственной канцелярии к означенной статье сказано, что «в видах ограждения неопытных тяжущихся от неблагонамеренных действий присяжных поверенных необходимо постановить, что сим последним, а также и женам их, запрещается покупать или иным образом приобретать

права своих доверителей по их тяжбам, и что сделки такого рода признаются недействительными. Поручая присяжному поверенному ведение своего дела, которое часто имеет для доверителя важное материальное или нравственное значение, доверитель в большей части чувствует себя в некоторой зависимости от своего поверенного, в особенности, если он сам мало знаком с порядком судопроизводства и законами, следовательно, лишен возможности проверить действия своего поверенного. При таких обстоятельствах вступление присяжного поверенного в сделку по имуществу со своим доверителем может всегда дать повод к нареканиям, что он воспользовался своим влиянием на доверителя и заставил его под давлением этого влияния заключить сделку, быть может, для доверителя невыгодную, или хотя такую, на заключение которой доверитель не имел желания. С другой стороны, присяжный поверенный, вступая с своим доверителем в такую сделку по имуществу, которая сливает его интересы с интересами доверителя на более продолжительное время (как, например, вступление в компанию по какому-либо предприятию), легко может потерять ту свободу и самостоятельность действий, которые необходимы присяжному поверенному по ведению поручаемых ему дел. Все эти соображения равно относятся к сделкам доверителя с кем-либо из близких к присяжному поверенному лиц, с коими материальные интересы его тесно связаны, и в ряду таких лиц, конечно, первое место занимает его жена. (С.-Пб. 76/77-36).

4. ПЕРЕХОД НА СТОРОНУ ПРОТИВНИКА (НАРУШЕНИЕ 402 СТ. УЧ. СУД. УСТ.)

[333] Закон в 402 ст. Учр. Суд. Уст. воспрещает присяжному поверенному переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой, а по 403 ст. того же устава поверенный не должен оглашать тайны своего доверителя. Из смысла приведенного закона надлежит признать, что присяжный поверенный не может пользоваться данными, известными ему, как бывшему поверенному противной стороны, и если в данном деле помощник присяжного поверенного и не переходил по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой, то, во всяком случае, поступил в высшей степени предосудительно, выступив по делу против прежнего своего доверителя. При этом Совет не может не отметить и того, что помощнику присяжного поверенного вообще не следовало принимать на себя ведение этого дела, а тем более вы-

ступать на другой день после отказа от доверенности в качестве поверенного противной стороны против своего бывшего доверителя. Простой такт должен был указать ему на предосудительность подобного поведения. (Мск. 03/04 -87, ч. 3; 06/07-120, ч. 2).

[334] Присяжный поверенный не может переходить от одной стороны к другой (402 ст. Учр. Суд. Установл.), но в настоящем случае присяжный поверенный доверенности от противника не имел, поверенным его не состоял, дела к своему производству не принимал, совета по делу не давал, и никаких тайн ему раскрыто не было. Разговор о деле не мог препятствовать присяжному поверенному принять дело с той стороны, в правоте которой он был убежден с самого начала. Раз присяжный поверенный не знал ничего такого, что он мог бы употребить во зло с доверием к нему обратившимся, раз товарищеский разговор носил характер юридического спора, причем каждый убеждал другого в противном, а такой спор с полным изложением всех взаимных доводов может иметь место и даже часто бывает между открытыми противниками задолго до суда, причем товарищи не скрывают друг от друга своих доводов в расчете поразить противника неожиданностью соображений, то присяжный поверенный имел полное право, и с точки зрения закона и с точки зрения совести, принять защиту того лица, в правоту которого он верил. (Мск. 03/04-418, ч. 2).

[335] Вступая в дело, по которому присяжный поверенный ранее консультировал по приглашению противной стороны, он совершает профессиональный проступок. (Мск. 03/04-365, ч. 2).

[336] Одна только высылка доверенности и документов без принятия и исполнения присяжным поверенным условий ведения дела, предложенных ему, являясь лишь одним из моментов предварительных переговоров по ведению дела, не создает еще отношений поверенного к доверителю, а потому не может быть и речи о совершении действий, предусмотренных в 402 с. Учр. Суд. Уст. (Мск. 92/93-35, ч. 2).

[337] Выраженный в 402 ст. Учр. Суд. Уст. запрет присяжного поверенного быть поверенным «обеих спорящих сторон» распространяется не только на те случаи, когда стороны в действительности оспаривают права одна у другой, но вообще на все случаи, где права сторон приходят в коллизию, требующую разграничения их при посредстве Суда, хотя бы стороны и были согласны относи-

тельно способа и условий этого разграничения. Если допустить, что правило ст. 402 не распространяется на случаи, где между сторонами имеется согласие относительно взаимных прав, то пришлось бы признать, что присяжный поверенный может выступать поверенным как истца, так и ответчика во всех тех случаях, когда ответчик признает иск или когда стороны кончают дело на Суде мировой сделкой. Между тем, представляется несомненным, что присяжный поверенный никогда не может совмещать роли поверенного истца и ответчика. Отсюда с очевидностью вытекает, что соединение в лице одного поверенного представительства нескольких лиц недопустимо не только в тех случаях, когда интересы их являются несолидарными, но и вообще в тех случаях, когда судебные действия сторон направлены к разграничению взаимных прав, так как для признания юридической силы за этими действиями необходимо, чтобы в процессе воля каждого участвующего выражалась вполне свободно и самостоятельно, чего не может быть при общем представительстве; судебный процесс в этом отношении представляет аналогию с договором, который также не может быть заключен контрагентами в лице общего поверенного, так как в этом случае в наличности не будет обособленного выражения воли каждого участника соглашения.

Вышеуказанное совместительство полномочий, независимо от приведенных юридических оснований, не может быть допущено и по соображениям профессионального характера, если присяжный поверенный и принимает ведение дела двух лиц, интересы которых противоположны формально, ввиду существующего между ними соглашения относительно взаимных прав, то нельзя упускать из виду, что это согласие в дальнейшем, хотя бы по отдельным частным вопросам, может нарушиться, и тогда поверенный будет поставлен в необходимость отказаться от ведения дела обеих сторон, что в некоторых случаях, при затруднительности скорого подыскания нового поверенного, не может не принести ущерба делу.

Независимо сего, подобное совместительство ставило бы поверенного в совершенно ложное положение по отношению к Суду: он не может посвящать Суд в каждом отдельном случае в свои отношения к сторонам, а равно в отношения этих последних между собою, а потому, являясь на Суде одновременно поверенным лиц, интересы которых формально несолидарны, в глазах Суда он будет действовать как бы во вред своих доверителей, что, разумеется, недопустимо ни с точки зрения интересов дела, ни с точки зрения авторитета, которым присяжный поверенный должен пользоваться перед Судом. (С.-Пб. 08/09-310; 08/09-441).

[338] По рассмотрении обстоятельств дела и соображении их с содержанием ст. ст. 402 и 403 Учр. Суд. Уст., Совет нашел, что принятое присяжным поверенным от доверителя дело об утверждении его в наследственных правах после брата принадлежит по предмету своему к разряду охранительных (ст. 1408 Уст. Гр. Суд.), то есть дел, в которых двух противных сторон быть не должно, следовательно, и случай запрещения для присяжного поверенного перехода от одной тяжущейся стороны к другой сам по себе невозможен. С другой стороны, сам жалобщик вовсе не указывает ни на то, чтобы присяжный поверенный совершал на основании находившейся у него в течение трех недель доверенности какие-либо действия в качестве поверенного, ни на то, наконец, чтобы тот, в звании поверенного мануфактуры, воспользовался против него и ему во вред какими-либо сведениями, сделавшимися ему известными, единственно благодаря его личным сношениям с неким лицом; при таких условиях нет основания видеть в действиях присяжного поверенного нарушение правил, содержащихся в ст. 402 и 403 Учр. Суд. Уст. (Мск. 90/91-76; 92/93-10 ч. 3).

[339] Имея от жалобщицы полное и общее полномочие на ведение всех вообще дел ее, поверенный в то же самое время начал и вел дело о взыскании с нее денег в пользу другого доверителя своего. Этот факт ведения поверенным взыскания не соответствует если не букве, то разуму 1097 ст. Учр. Суд. Уст., изд. 1876 г. (Харьк. 82/83-110).

[340] Совет не усмотрел нарушения присяжным поверенным с формальной стороны закона, изображенного в 402 ст. Учр. Суд. Уст., так как присяжный поверенный не состоял по одному и тому же делу поверенным обеих сторон и не переходил от одной стороны к другой. Но Совет указал присяжному поверенному на то, что он, прежде предъявления иска, должен был возвратить жалобщику находившуюся у него общую доверенность последнего. (Харьк. 82/83-153).

[341] Один разговор с обращающимся к нему по делу лицом, не сопровождавшийся ни передачей относящихся к делу документов, ни выдачей доверенности, еще не дает основания ни той, ни другой стороне утверждать, что между ними бесповоротно установились договорные отношения доверителя и поверенного. Статья 252 Уст. Гр. Судопр. воспрещает поверенному поступать в поверенные к противной стороне после отказа от ходатайства по делу, меж-

ду тем в настоящем случае ходатайство не имело места, и все сношения между жалобщиком и поверенным ограничились одним разговором и безразличным для исхода процесса обозрением дела. (Харьк. 10/11-319).

[342] Приняв на себя защиту интересов обвинителя, давая ему советы и взяв на себя составление жалобы против обвиняемого, присяжный поверенный уже не мог являться защитником последнего по этому делу; он не вправе был затем выступать в качестве защитника обвиняемого, коль скоро он давал против него по данному делу советы и даже взял на себя составление жалобы, получив за это известное вознаграждение. (С.-Пб. 10/11-503).

[343] Совет нашел, что присяжный поверенный не только написал исковое прошение для истца, но и составлял для него последующие жалобы, т. е. апелляционную и кассационную, уже по судебным решениям и, следовательно, фактически исполнял обязанности поверенного истца, хотя и не имел от него формальной доверенности. Являясь затем после кассации решения по тому же самому делу поверенным противной стороны по общей доверенности на ведение всех судебных дел, присяжный поверенный поступил вопреки прямому указанию ст. 402 Учр. Суд. Уст. (Мск. 92/93-18).

[344] Вопрос о позволительности для присяжного поверенного, состоя одновременно поверенным двух лиц по разным делам, принимать участие в тяжбе их между собою разрешен в том смысле, что при имении общих доверенностей от двух лиц, состоящих между собой в тяжбе, поверенный не может принимать участия в этой тяжбе ни с той, ни с другой стороны. (Мск. 83/84-54).

[345] Помощник присяжного поверенного, приняв от третьего лица, состоящего кредитором его доверителя, вексель не для передачи его своему доверителю, а, напротив, в целях предъявления по этому векселю иска к нему в более или менее близком будущем, таким поступком поставил себя в крайне неправильное и двусмысленное положение, силою которого он, оставаясь поверенным векселедателя, оказывался также доверенным лицом (хотя и без формальной доверенности) векселедержателя. Не составляя прямого перехода от одной стороны к другой, означенное положение представляется все же в значительной мере компрометирующим того, кто его занимает. (Мск. 02/03-313, ч. 2).

[346] Совет нашел, что хотя по содержанию ст. 402 Учр. Суд. Уст. нельзя вывести заключения, что присяжный поверенный, состоя поверенным Торгового Дома, не имеет права принимать на себя ведение дел от имени одного из членов Торгового Дома к члену того же Торгового Дома, вытекающих из личных долговых обязательств, не касающихся дел Торгового Дома, но подобное совместительство, по мнению Совета, представляется нежелательным. Указание на то, что Коммерческий Суд признал заявленный против него отвод незаслуживающим уважения, и что в силу 1092 ст. Уст. Гр. Суд. он, присяжный поверенный, состоя поверенным Торгового Дома, поставлен был в необходимость предъявить иск от имени Торгового Дома к его члену и постороннему лицу об изъятии описанного имущества Торгового Дома, не может служить оправданием его действий. Если Коммерческий Суд по формальным основаниям и оставил предъявленный отвод без уважения, то адвокатская этика требует от присяжных поверенных не только исполнения формального требования закона, но идет далее, и то, что не возбраняется формальным законом, может быть предосудительно для присяжного поверенного. Применяя это положение, Совет находит, что присяжный поверенный, состоя поверенным Торгового Дома, в ограждение достоинства носимого им звания от возможных нареканий, не должен был принимать на себя ведение этого дела. (Мск. 899/900-134, ч. 2).

5. МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ДОВЕРИТЕЛЕЙ

[347] Присяжный поверенный как в целях ограждения интересов своего доверителя, так и в целях ограждения самого себя от всяких нареканий, только тогда может заключить мировое соглашение, если получит на это от своего доверителя ясно выраженное согласие. Согласие это должно быть дано в письменной форме, и лишь в особых случаях, когда письменное изложение представляется почему-либо невозможным или затруднительным, можно довольствоваться словесным заявлением. Правило это должно всегда соблюдаться, и отступление от него возможно лишь при исключительных обстоятельствах, когда интересы доверителя требуют немедленного совершения мировой сделки, а доверитель отсутствует и не может дать своего согласия. (Мск. 03/04-65, ч. 3).

[348] Устраняя вопрос о степени негодности мировой сделки, подлежащей рассмотрению Суда гражданского, Одесский Совет

подверг своему суждению вопрос о праве поверенного заканчивать судебное дело миром без предварительного согласия верителя. По этому предмету Совет не признал достаточно убедительною ссылку поверенного на текст доверенности. Необходимо отличать акт доверенности или верящее письмо от договора доверенности. Первое, являясь результатом предшествующего соглашения, регулирует внутренние отношения верителя к поверенному; верящее письмо есть внешняя легитимация поверенного перед Судом и третьими лицами. Эта разница между договором и актом проводится в самых ранних разъяснениях Правительствующего Сената. «Верящее письмо по существу своему составляет юридический акт, которым веритель уполномочивает поверенного, на основании предшествовавшего между ними соглашения, на совершение известных вместо него действий, по праву представительства (67/421)»; а «договор доверенности (поручения) заключается препоручением одним лицом (доверителем) исполнения его именем и под его ответственностью известных действий и принятием на себя другим лицом (поверенным) сих действий к исполнению безвозмездно или за условное вознаграждение (70/1049).

Понятия представительства и поручения не всегда совпадают. Предметом поручения являются по преимуществу юридические сделки; но встречаются и поручения чисто фактического свойства. В свою очередь, источником представительства является не только договор, но факт и закон. По существу, представительство порождает отношения между представляемым и третьими лицами, договор поручения – между первым и представителем. Это различие побудило новейшие законодательства, как германское, быв. саксонское и др. и наш проект Гр. Ул. разнести представительство и поручение по различным отделам права, отводя первому место в общей части (Герм. § 164-185. Наш пр. кн. I §§ 67-71) и последнему в особой части о договорах (Герм. § 662-676).

Одним из видов представительства является судебное.

Если существо представительства состоит в том, что одно лицо отправляет юридическую деятельность вместо другого, причем результаты этой деятельности переходят на представляемого, то «судебное представительство есть такая замена в процессе тяжущегося другим лицом, при которой все последствия судебной деятельности представителя падают непосредственно на тяжущегося». (Васьковский. Организация адвокатуры 1893 г., стр. 24. См. также Гордон. Представительство в Гражданском праве 1879 г.). Если взять определение Дернбурга (Пандекты. Обязат. право, рус. пер. 1900, стр. 380), что «предметом поручения являются преимуще-

ственно юридические действия, будут ли это юридические сделки или процессуальные действия», то под понятие судебного представительства подойдут именно эти последние.

От судебного представительства, как института, служащего частным интересам сторон и заменяющего вполне их непосредственное участие в Суде, следует отличать так называемое правозаступничество, как средство оказывания юридической помощи населению в интересах служения праву. Содействуя уяснению материальной истины на Суде, раскрытию юридической природы отношений сторон и торжеству права, правозаступник из служебной роли судебного представителя возвышается на степень патрона, и вся его деятельность проникается в значительной степени публичным элементом.

Во многих государствах правозаступничество и судебное представительство представляют различные функции, отправление коих вверено различным категориям лиц; у нас они сливаются в одном учреждении присяжной адвокатуры; но, несмотря на это внешнее слияние, каждая функция сохраняет свою внутреннюю природу.

Юридическая разработка и фактическое освещение судебного материала в состязательных бумагах и судебных прениях, в целях добиться правосудия, относится к сфере правозаступничества, и в этой области поверенный пользуется полной независимостью, руководствуясь лишь своими юридическими и этическими воззрениями.

Но распоряжение судьбою процесса, его возбуждение и прекращение, предъявление иска или его признание, подчинение решению Суда одной инстанции или перенесение дела в дальнейшие, все это относится уже к области судебного представительства, основанного на договоре поручения; здесь отношения между верителем и поверенным определяются не внешним актом – верящим письмом, содержание коего может быть шире мандата (реш. Сан. 74/577), с началами договора поверенничества.

По силе же этих начал поверенный обязан руководствоваться указаниями верителя; он вправе отступить от них лишь тогда, когда лишен возможности испросить разрешение доверителя (если при отсрочке грозит опасность), и имеет достаточное основание полагать, что доверитель при данных обстоятельствах одобрил бы такое отступление (559 ст. кн. 5 проекта Гражд. Ул., ст. 655 Герман. Гр. Ул., 1303-1305 Сакс., 1169-1170 Цюрих. кант.).

Эти общие положения с особою силой применимы к мировым соглашениям. Уст. Гр. С. обставляет окончание дел в общих судебных местах мировым прошением, ввиду важности и бесповоротности этого акта, целым рядом торжественных формальностей (ст.

1362-1364 и мотивы к ним). Усматривая в мировых сделках экстраординарное средство и отступление от общих начал процесса, по коему каждый спор завершается судебным решением, тот же устав относит их к книге 3-ей «изъятой из общего порядка гражданского судопроизводства» и помещает их в особый раздел «о примирительном разбирательстве» наряду с третейским судом. Мировое соглашение является, в сущности, договором о взаимных уступках с целью вывести отношения сторон из состояния спорного в бесспорное и выходит из сферы процесса в область договорного материального права. Вполне согласно с этим положением, Уст. Гр. С. допускает окончание дел не только мировыми прошениями и протоколами, но и явленными к засвидетельствованию записями, вне суда совершенными (п. 1 ст. 1359), а самой главе, посвященной мировому окончанию дел, предпосылать характерное название «о мировых сделках». И столь же согласно с договорною природою гражд. мировых сделок западные законодательства и наш проект Гр. Ул. (кн. V ст. 1036 и послед.) совсем вычеркивают их из устава судопроизводства и помещают их там, где им быть надлежит, – в кодексы гражданского права среди прочих категорий договоров.

Следовательно, хотя бы в текст доверенности и было внесено выражение «оканчивать дела миром», но самый характер поручения на предмет ведения судебного дела и совершения процессуальных действий не дает оснований предполагать, что поверенному поручено вместо ведения процесса его прекращение путем нового договора, изменяющего юридические отношения сторон. Для такого действия поверенный, независимо от доверенности, легитимирующей его права перед Судом, должен заручиться положительным согласием доверителя. Отступление от этого принципа допустимо лишь в исключительных случаях, когда насущные интересы верителя требуют немедленного совершения мировой сделки и списаться с доверителем нет времени и возможности (см. второй отчет стр. 172-174). Самое одобрение верителя может быть выражено на словах и доказываемо свидетельскими показаниями, но, во избежание недоразумений между доверителем и поверенным, всегда возможных и всегда нежелательных, предпочтительнее изложение этого согласия на письме. (Одес. 907-123).

[349] Совет много раз разъяснял, что для окончания дела миром недостаточно ссылок на полномочия, содержащиеся в доверенности. Эти полномочия санкционируют действия поверенного перед Судом или перед третьими лицами, но не всегда могут оправдать поверенного перед его доверителем, для которого действия пове-

ренного в пределах доверенности также обязательны, но который вправе требовать от поверенного, чтобы действия последнего были согласованы с его намерениями. Поверенный, снабженный доверенностью с обычным содержанием таковой, может непоправимо нарушить интересы доверителя: он может прекратить иск, сделать признание и т.п., и, оставаясь формально правым, он, быть может, жестоко нарушает доверие своего доверителя. Вот почему для оправдания своих действий, которые, видимо, идут вразрез с интересами доверителя, поверенный должен иметь доказательства согласия на такие действия его доверителя. (Мск. 06/07-44, ч. 2).

[350] Ликвидировать интересы своих доверителей, помимо Суда, поверенные могут только на условиях, точно указанных им самими доверителями. (С.-Пб. 09/10-354).

[351] Признав за поверенным формальное право прекратить миром гражданское дело его доверителя, Совет нашел необходимым выразить ему порицание за вступление в мировую сделку без ясно выраженного согласия доверителя на эту сделку. (Харьк. 80/81-16).

[352] Полномочия, предоставленные присяжному поверенному в акте доверенности, и, в частности, полномочие на заключение мировых соглашений не устраняют необходимости заручиться предварительно согласием доверителя на совершение таких действий, которые сопровождаются значительными изменениями в его имущественной сфере; и это предварительное согласие должно быть выражено в такой форме, которая устранила бы возможность последующих упреков и нареканий в том, что член сословия действовал исключительно по собственному почину и произволу, вступая от имени доверителя в те или иные сделки. (Мск. 09/10-288, ч. 3).

[353] Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Совет находит, что присяжный поверенный имел полномочие на окончание дела миром, но Совет неоднократно разъяснял в своих решениях, что пользоваться этим полномочием должно с большою осмотрительностью, требуя от доверителя ясно выраженного согласия на принятие им условий проектированной мировой сделки. Но для этого недостаточно получить ответ на свое сообщение; но ответа присяжный поверенный не выждал и, таким образом, если и не нарушил своих полномочий, то поступил недостаточно корректно по отношению к своему доверителю. (Мск. 03/04-297, ч. 2; 83/84-70).

[354] Заключение мировой сделки, связанное со снятием ареста на имущество должника, должно совершать лишь при согласии на это доверителя присяжного поверенного; только сам истец может дать разрешение лишить его иск обеспечения. (Мск. 08/09-51, ч. 3).

[355] Присяжный поверенный, приняв участие в окончании расчетов между двумя лицами, обязан ограждать интересы обеих сторон. (Мск. 98/99-38, ч. 2).

[356] Участие сторон при составлении мировых сделок освобождает поверенного от упреков в «неправильной постановке» дела и «редакции» договоров, но Совет не мог не указать на явную неправильность этих оправданий и поставил это на вид присяжному поверенному. Поверенные именно приглашаются для того, чтобы правильно составить и редактировать договоры. В роли же простого переписчика продиктованных сторонами условий договора присяжные поверенные вовсе выступать не должны. Но, вместе с тем, Совет не считает себя вправе входить в рассмотрение вопросов гражданского права как о выгодности и исполнимости заключенных сторонами договоров, так и об убыточности таковых исключительно по вине заключавшего их поверенного. (С.-Пб. 09/10-347).

[357] Заключая сделку с лицом, не знающим законов, присяжный поверенный должен разъяснить ему истинный смысл и значение всех условий сделки, а отнюдь не пользоваться его незнанием и не оставлять его в заблуждении относительно вытекающих для него из этой сделки прав и обязанностей. (Мск. 87/88-159).

[358] В деятельности присяжного поверенного часто могут встречаться случаи, вызывающие надобность в сношениях с противной стороной по поводу миролюбивого окончания дел. Но миролюбивое соглашение между сторонами по самому существу своему предполагает свободное, непринужденное согласие на обоюдные условия, а потому в форме таких сношений не должно иметь места ни пренебрежительное отношение к другой стороне, ни тем более какие-либо угрозы и вообще приемы нравственного давления в какой бы то ни было форме. Несогласие на предлагаемые одной стороной условия должно иметь своим единственным последствием обращение к пути, указанному законом; отступление от этого правила, выражающее собою как бы неуверенность в законных способах, должно считаться несовместимым с достоинством звания присяжного поверенного, и потому указания на возможные последствия

уголовного дела, которое предполагается возбудить в случае несогласия, должны быть признаны неуместными и недопустимыми в сношениях с противной стороной. (Мск. 92/93-24, ч. 3).

[359] Если присяжный поверенный считал себя вправе, в силу полученной доверенности, окончить дело миром, то, тем не менее, к обязанности его относится представить доказательство того, какую именно сумму он получил по мировой сделке, в которую вступил. (Мск. 93/94-74, ч. 2).

6. НЕДОСТАТОЧНОЕ ЗНАНИЕ ЗАКОНОВ

[360] Присяжный поверенный, независимо от того, принимает ли он на себя ведение дела или ограничивается подачей совета или написанием бумаги, должен обстоятельно ознакомиться как с предметом дела, так и с законами, незнание каковых с его стороны не только подрывает доверие к присяжному поверенному и не соответствует его достоинству, но может принести доверителю и непоправимый ущерб. (Мск. 09/10-252, ч. 3).

[361] Каждый присяжный поверенный должен иметь, по крайней мере, тот минимум знаний и образования, без которых решительно невозможно исполнять обязанности принятого им на себя звания. При поступлении в сословие удостоверением достаточности знаний поступающих служит образовательный ценз, а удостоверением их опытности – предшествовавшая служба или занятие практикой в качестве помощника присяжного поверенного (ст. 354 Учр. Суд. Уст.). Однако, как образовательный ценз, так и практическая деятельность являются только формальными признаками знаний и опытности; они дают только достаточное положение в пользу того, что лицо, совмещающее в себе формальные условия, обладает знанием и опытностью. Действительность же может и не соответствовать этому предположению. Поэтому, если Совет до принятия известного лица, обладающего формальными условиями, убедится в его неспособности к адвокатской деятельности по отсутствию необходимых для этой профессии знаний, то обязан отказать такому лицу в принятии его в сословие, точно так же, как обязан отказать в принятии лицу, неудовлетворяющему тем нравственным качествам, которые требуются от адвоката, ибо, вообще говоря, принятие в сословие должно служить ручательством того, что принятый может с успехом и достоинством выполнять обязанности присяжного пове-

ренного. Если ошибка Совета в момент принятия в сословие в оценке нравственных качеств, обнаруживаясь после принятия известного лица, может и должна быть исправляема в порядке дисциплинарного производства (приведенное определяется общественным собранием кассационного департамента по делу Родзевича за 1876 г., № 5), то точно так же должна быть исправлена и ошибка относительно знаний и опытности, обнаруженная при производстве дисциплинарного дела. Требования относительно знаний не должны быть, конечно, преувеличены, но, во всяком случае, каждый присяжный поверенный должен обладать, по крайней мере, теми элементарными познаниями, которые давали бы ему возможность вести дело без грубых ошибок и промахов. Так, нельзя допустить в присяжном поверенном незнания порядка и сроков обжалования решений и приговоров судебных мест или разницы между апелляционным и кассационным производством, исковым и охранительным порядком судопроизводства, неуменья различать крепостные, нотариальные, явочные и домашние акты и т.п. Хотя, с другой стороны, нельзя ставить в вину присяжному поверенному заблуждение по какому-либо спорному вопросу права и судопроизводства, возбуждающему сомнение и споры, или незнание каких-либо мелочей и подробностей, с которыми он всегда может легко познакомиться, усвоив заранее основные положения права и процесса. (Харьк. 84/85-77).

[362] Добросовестное заблуждение присяжного поверенного в разрешении сложного юридического вопроса, когда поверенный проявил необходимый опыт и знания права и процесса, не может быть поставлено ему в вину. (Новочерк. 10/11-73).

[363] Случай подачи жалобы прямо в Сенат, а не в Съезд, за утверждением торгов не Съездом, а непременным его членом, не был до сих пор разрешен ни законом, ни кассационным решением и впервые разрешался Сенатом; таким образом, если поверенный и ошибся, то обвинен быть не может в незнании закона или явном непонимании его значения. (С.-Пб. 84/85-71).

[364] Совет поставил в вину присяжному поверенному незнание юридических норм, которые относятся к увечным делам, и, в частности, незнакомство даже, как следует, с порядком подачи заявлений по претензиям к железным дорогам. А отсюда Совет делает лишь один вывод: принимая дела, присяжный поверенный, очевидно, не имеет привычки заглядывать в закон и знакомиться хотя бы с элементарными, основными его положениями, касающимися дела…

Это уже совершенно недопустимо со стороны члена сословия: нельзя требовать от адвоката, чтобы он знал все законы, но раз он принимает дело, то обязан внимательно ознакомиться с соответствующими нормами права. (Мск. 09/10-539, ч. 3).

[365] Совет поставил в вину присяжному поверенному обнаруженное им незнание одного из основных судебных сроков. (Мск. 88/89-79).

[366] Просьба присяжного поверенного, обращенная к Совету, указать ему способ, как вести дело, принято им к своему производству, – неуместна, так как, он как присяжный поверенный, должен сам знать, как вести дело, по которому он принял на себя обязанности поверенного. (Мск. 93/94-25, ч. 2).

7. НЕЯВКА В ЗАСЕДАНИЕ СУДА

[367] Присяжный поверенный, которому поручено ведение дела, а не выход в заседание, вправе сам решать, когда необходимо явиться в заседание и когда этого можно не делать, не нарушая интересов доверителя. (Мск. 07/08-218, ч. 2).

[368] Согласно 719 ст. Уст. Гр. Суд., явка истца или его поверенного в судебное заседание не представляется безусловно обязательной; если же по обстоятельствам дела Суд найдет необходимым выслушать словесные объяснения истца или его поверенного, то он делает постановление о вызове их. При этом вопрос о том, поскольку в каждом отдельном случае представляется необходимость в личной явке присяжного поверенного в заседание Суда, не может, по мнению Совета, подлежать его обсуждению: решение этого вопроса должно быть предоставлено самому присяжному поверенному. Но Совет находит, что, не имея возможности или не считая необходимым выступить лично в заседании Суда и не заменяя себя по праву передоверия другим лицом, присяжный поверенный, во избежание нареканий со стороны своего доверителя, должен предупредить последнего заранее о своей неявке и о причинах таковой; в данном же случае такое предупреждение представлялось тем более необходимым, что доверителями присяжного поверенного были крестьяне, люди темные, которые легко могли приписать, и в действительности приписали, неблагоприятный исход дела именно его неявке в заседание. (Мск. 07/08-59, ч. 3).

[369] Личная явка в судебное заседание для присяжного поверенного не обязательна, ибо поверенный может внести в дело нужные документы и представить свои объяснения путем подачи письменных прошений, но он не вправе бросить дело на произвол судьбы и не представить к производству документов, которые, по мнению его доверителя, могли служить к опровержению иска, и которые присяжным поверенным были приняты для этой цели. (Каз. 10/11-15).

[370] Права доверителя стояли в процессе шатко обоснованными. При таких условиях на обязанности присяжного поверенного лежало использовать все законные средства к защите интересов истца, а в особенности истца, пользующегося правом бедности. Поэтому неявка присяжного поверенного в заседание Суда при рассмотрении дела по существу должна быть признана серьезным нарушением профессиональных обязанностей. (Мск. 07/08-234, ч. 3).

[371] По предмету защиты интересов увечного, пользующегося правом бедности по ведению дела, неявка присяжного поверенного без уважительной причины в судебное заседание и явная небрежность в составлении столь важной по своему назначению бумаги, как апелляционная жалоба, представляются сами по себе такими явлениями, которые не могут быть оставляемы без строгого суждения со стороны. (Мск. 91/92-24).

[372] Если присяжный поверенный не явился в заседание, и, однако, на исход дела это не могло повлиять, то нет оснований и для наложения на него какого-либо взыскания. (Мск. 08/09-69, ч. 3).

[373] Выступать и поддерживать исковую просьбу в Суде при совершенной бездоказательности требований присяжный поверенный совершенно правильно нашел невозможным, а поэтому и совершенно правильно уклонился от явки при таких обстоятельствах в Суд. Просить Суд о рассмотрении дела в отсутствие без выслушания словесных объяснений есть право стороны, и пользование таким правом ничего предосудительного в себе не заключает. (Мск. 02/03-72, ч. 2).

[374] Неявка присяжного поверенного в заседание Суда при том условии, что им заявлено было ходатайство о заслушании дела в

его отсутствие, не может влечь за собою какой-либо дисциплинарной ответственности, так как он считал свою явку ненужною, каковое предположение его оправдалось удовлетворением Судом исковых требований его доверителя. (С.-Пб. 10/11-134).

[375] Что касается неявки в заседание присяжного поверенного, когда дело рассматривается по существу, то ссылка на просьбу о рассмотрении дела в его отсутствии не может оправдывать такой неявки, во-первых, потому, что присутствие поверенного при слушании дела по существу, кроме самых исключительных случаев, является всегда полезным, если не необходимым, а во-вторых, потому, что при неявке истцы Суд может обязать его личной явкой и отложить дело, что и произошло в настоящем случае. (С.-Пб. 08/09-237).

[376] Совет не может входить в рассмотрение вопроса, насколько нужна была для дела явка присяжного поверенного в Суд, и может только отметить, что все-таки, приняв на себя ведение дела, поверенный не может ставить вопроса о явке своей в Суд в исключительную зависимость от личного своего усмотрения и только при согласии верителя может не исполнить этой своей обязанности. (С.-Пб. 09/10-419).

[377] Если присяжный поверенный допустил, что он может не явиться в Съезд, то лучше было это оговорить в расписке, выданной доверителю. Необходимо было это сделать во избежание недоразумений и справедливых, быть может, нареканий. Нельзя не считаться с психологией крестьянина, обращающегося за защитой к адвокату. Вся его уверенность и заключается в надежде на силу слова; поэтому он и идет к присяжному поверенному. Конечно, не по всякому делу присяжный поверенный должен выступать, раз нечего говорить, но тогда надо при самом принятии дела оговорить это и устранить всякую неясность. (Мск. 07/08-55, ч. 3).

[378] Допустив прекращение дела вследствие неявки, не возобновив его, подведя своего доверителя за неявку в Коммерческий Суд под штраф, присяжный поверенный должен был сам внести наложенное взыскание. (Мск. 03/04-219, ч. 2).

[379] Неблагоприятное заключение экспертизы при сложившемся у присяжного поверенного взгляде на решающее значение последней может служить ему основанием к отказу от дальнейшего участия в деле, но коль скоро он удержал за собою данное ему дове-

рителем полномочие на представительство его интересов на Суде, он тем самым уже обязался принимать активное участие во всех моментах процесса, в которых это участие необходимо, независимо от вопроса о том, каков будет исход процесса. (Мск. 09/10-120, ч. 3).

[380] Неявка присяжного поверенного в Суд при слушании принесенной им по делу частной жалобы на отказ судьи в привлечении третьего лица не может быть поставлена ему в вину, так как основания к отмене определения были им изложены в жалобе. (Мск. 91/92-35).

[381] Раз поверенный принял дело, то он не может оправдываться тем обстоятельством, что во время слушания этого дела был занят другим делом. Присяжный поверенный должен был или ходатайствовать об отложении дела или заместить себя другим поверенным. (С.-Пб. 09/10-456).

[382] Уезжая из города, помощник присяжного поверенного должен позаботиться о защите интересов доверителя своего на Суде и не ограничиваться предложением ему выступить на Суде самому без ближайшего даже указания на то, как и что он должен на Суде говорить. (С.-Пб. 10/11-454).

[383] Зная о назначении на один день в двух разных судах дел, по коим он обязан был выступить, помощник присяжного поверенного поступил бы правильнее, если бы на случай опоздания его ко второму из этих дел он заранее обеспечил возможность замены себя другим адвокатом или, по крайней мере, предупредил свою доверительницу о необходимости ей лично присутствовать в заседании. (С.-Пб. 09/10-387).

[384] Установленная неявка присяжного поверенного в заседание Палаты должна быть поставлена ему в вину. Его ссылка на опоздание не только не может служить ему извинением, но, наоборот, усугубляет его вину, свидетельствуя о явной с его стороны небрежности. (Мск. 20/22-86, ч. 3).

[385] Явка в заседание Судебной Палаты присяжного поверенного, не получившего от доверителя денег на расходы по поездке в Палату (в другой город), не обязательна. (Мск. 90/91-85).

[386] Закон в ст. 770 Уст. Гр. Суд. не считает отсутствие сторон препятствием к слушанию дела в апелляционной инстанции: неупоминание в расписке обязанности доверительницы возместить расходы по поездке и недопустимость предположения, чтобы присяжный поверенный принял на свой счет эти расходы, могущие поглотить всю сумму гонорара, доказывают, что в намерение сторон отнюдь не входило положение на присяжного поверенного обязанности являться в Палату для словесных объяснений, и, что наконец, по установившемуся обычаю, обязанности иногороднего поверенного исчерпываются ведением дела в первой инстанции и подачей состязательных бумаг во вторую инстанцию; явка же в заседание Судебной Палаты и оговаривается особо и столь же особо оплачивается. (Одес. 908-59).

[387] Доверенность дает поверенному только право лично присутствовать в Судебной Палате и в Сенате, обязанность же такой явки должна быть обусловлена или особым договором поверенного с доверителем или вручением ему необходимых денег на таковые поездки. При отсутствии таковых условий поверенный производить эти поездки за свой счет не обязан. (Новочерк. 06/07-96).

[388] Ответственность за неявку в заседание Правительствующего Сената, допуская даже, что явка была для дела необходима, нельзя возлагать на присяжного поверенного, если проситель средств для поездки в Сенат своему поверенному не доставил. (Мск. 01/02-48, ч. 2).

8. МЕДЛЕННОСТЬ ВЕДЕНИЯ ДЕЛ

[389] Приступая к разрешению частного случая, Совет не мог не остановиться на том, сколь трудны условия деятельности присяжного поверенного, который постоянно несет ответственность, и притом наиболее ощутительную – ответственность нравственную, не только за свои действия, но и за действия других. При существующей медленности движения дел в судах, до разрешения Совета уже неоднократно доходили жалобы на присяжных поверенных в медленности, объяснениям которых доверители не верили, хотя они излагали правду, и вина которых заключалась лишь в том, что дело лежит в Суде три, четыре или пять лет, ожидая своей очереди. А сколько осталось таких подозрений не вскрытых, которые, однако, чувствуются и, кто знает, может быть, бросают невидимую тень на

имя того ил другого члена сословия? В настоящем случае Совет вполне сочувственно относится в этом отношении к своему товарищу. (Мск. 07/08-217, ч. 2).

[390] Как известно, даже люди интеллигентные, если только они не искусились почему-либо в судебных делах, часто не знают, как приступить к написанию самого простого прошения, а получение незначительного документа кажется им очень трудно достижимым. Лицам же неграмотным, которые не имеют никакого представления ни об учреждениях, где можно получать документы, ни о способах их получения, почти невозможно разъяснить, какой документ требуется, и где и как можно его достать. Присяжный поверенный, приняв дело от такого доверителя, должен непременно считаться с этим положением. Он должен знать, что дать совершенно правильное указание такому лицу часто значит – ничего не разъяснить, а потому ведение дел таких доверителей неминуемо требует от поверенного особых приемов, может быть, хлопотливых, но неизбежных для того, чтобы дело шло без всяких трудностей. Иначе в сношениях с доверителями постоянно будут те недоразумения, какие имели место в настоящем деле. Недоразумения эти тем более нежелательны, что среди неграмотного населения они поселяют неизбежно всякого рода подозрения, хотя и неосновательные, но чрезвычайно тягостные, и подрывают то доверие, которое особенно в этой среде, мало осведомленной о своих правах, должно внушать звание присяжного поверенного. Поверенный по делу, находящемуся у него в производстве, не может в течение нескольких лет ожидать представления документов со стороны доверителя. Во избежание недоразумений и несправедливых нареканий, он обязан определить и поставить вне всякого сомнения свои отношения к доверителю. Он не должен допускать, чтобы, хотя и по вине доверителя дело лежало без движения неопределенное время. Он обязан в таком случае закончить у себя производство, объявить об этом доверителю и возвратить ему документы. (Мск. 03/04 -38, ч. 2).

[391] Присяжный поверенный не обязан вести дело за свой счет, если обратное прямо не оговорено в условии, но он обязан, без напрасных промедлений, ликвидировать свои отношения к доверителю, если этот последний уклоняется от исполнения принятой на себя обязанности доставлять деньги на расходы по делу. Конечно, невозможно определить однообразного срока, по истечении коего дальнейшее ожидание, что доверитель исполнит, наконец, свою обязанность, должно быть признано недопустимым; но срок этот все же

необходимо соблюдать, и дело такта, наличность коего обязательна, у лица, возложившего на себя адвокатские обязанности, подсказать адвокату в каждом данном случае, когда этот срок наступает. То обстоятельство, что доверители должны были понимать, что их поверенный не обязан начинать дела, если они не доставят денег на расходы, и что, таким образом, уклоняясь от взноса этих денег, они сами лишили себя выгод своевременного предъявления иска, ничуть не оправдывает присяжного поверенного, так как адвокат вместе с доверенностью принимает на себя и заботу об успешном ведении порученного ему дела и не должен быть равнодушным свидетелем того, как время понемногу разрушает доказательства намеченных им исковых требований. Предъявлять Суду исковые требования, не подкрепляя их надлежащими доказательствами, несовместимо с достоинством адвоката, и присяжный поверенный, видя, что он неисправностью доверителя поставлен в невозможность своевременно выполнить возложенное на него поручение, должен без колебаний порвать свои отношения с таким доверителем. (Мск. 03/04-5 ч. 2).

[392] Неначатие дела, порученного несколько лет тому назад, или несообщение сведений о его положении по требованию не только доверителя, но и Совета, является существенным нарушением принятых на себя обязанностей присяжного поверенного и непростительно пренебрежительным отношением к интересам своего доверителя. (Мск. 02/03-70, ч. 2)

[393] Совет нашел нужным поставить присяжному поверенному на вид то обстоятельство, что если он в течение нескольких месяцев не начинал принятых им дел и делал это с согласия своих доверителей, то ему следовало бы оформить как-нибудь это согласие, дабы избавить себя в будущем от нареканий, что такую медленность он допустил без всяких к тому оснований. (С.-Пб. 08/09-239).

[394] Как бы ни было незначительно по сумме дело, но раз присяжный поверенный принял его к своему производству, хотя бы и в виде товарищеской услуги, он должен относиться к этому делу так же, как и к тем делам, которые в его глазах представляют собою более серьезный и крупный интерес, не допуская медленности. (Мск. 09/10-88, ч. 3).

[395] Если присяжному поверенному нужно было получить для предъявления иска дополнительные сведения, то он не должен был принимать на себя обязанности поверенного ранее их получе-

ния, приняв же таковые и, получив деньги на расходы, он не вправе был бездействовать в течение продолжительного времени, почему, признавая присяжного поверенного виновным в крайней медленности относительно порученного ему дела, Совет постановляет подвергнуть его взысканию. (Мск. 98/99-29, ч. 2).

[396] Приняв доверенность на ходатайство об утверждении в правах наследства, присяжный поверенный обязан принять меры к тому, чтобы вызов наследников через публикацию был сделан своевременно. (Мск. 96/97-35).

[397] Совет признал, что получение необходимого в рассмотренном случае документа самим поверенным не могло причинить никаких сколько-нибудь значительных затруднений и хлопот: стоило ему ил послать от своего имени прошение, или же, предъявив иск, истребовать необходимый документ в порядке, установленном 445-448 ст. Уст. Гр. Суд. Получение документа этими путями самим поверенным, по мнению Совета, в данном случае было обязательно для него, как потому, что доверитель находился долгое время за границей, так и потому, что он принял по договору обязанность вести это дело, не обусловив начатие его доставлением каких-либо документов, а между тем получил уже вперед часть условленного за ведение дела вознаграждения и деньги на расходы; при таких условиях молчаливое ожидание от доверителя документа, значение и необходимость которого последний мог и не знать, представляется, по мнению Совета, ничем не оправдываемым бездействием, которое объясняется в высшей степени небрежным отношением поверенного к интересам доверителя и к принятым на себя обязанностям. (Харьк. 84/85-83).

[398] Следует рекомендовать присяжным поверенным не ждать от доверителей необходимых сведений для начатия дела и денег на расходы по нескольку лет, а по возможности стараться принимать документы вместе со всеми необходимыми для начатия дела сведениями или, во избежание недоразумений, возвращать принятые документы за продолжительным недоставлением сведений и денег. (Мск. 90/91-148).

[399] Убедившись в невозможности начать ведение порученных дел, присяжный поверенный должен немедленно возвратить принятые от него доверенность и бумаги, и тем самым предупре-

дить возможность нареканий в медленности и бездействии. (Мск. 899/900-7, ч. 2).

[400] Если предъявление иска оказывается невозможным за недоставлением доверителем адресов ответчиков, то надлежит или отказаться от дальнейшего ведения дела, с возвращением доверенности, или, по крайней мере, поставить категорическое требование о доставлении необходимых сведений и разъяснить доверителю причину оставления дела без движения. (С.-Пб. 09/10-470; 96/97-84).

[401] Присяжный поверенный оправдывает медленность своих действий тем, что в выданной ему доверенности доверитель ошибочно показал его имя и не выслал ему денег, необходимых на перевод векселей с польского языка на русский. Обстоятельства эти не могут служить оправданием допущенной медленности, так как на обязанности присяжного поверенного лежало уведомить своевременно доверителя своего о причинах, препятствовавших представлению векселей в Суд и требовать от него устранения таковых. (Мск. 84/85-98).

[402] Если недоставление доверителем доказательств права на иск не давало присяжному поверенному возможности начать дело, то допущенное промедление не может быть ему поставлено в вину, хотя нельзя не признать, что присяжный поверенный не должен допускать, чтобы порученное ему дело находилось без движения продолжительный срок. Если доверитель не доставляет необходимых документов, и если таковые без помощи его не могут быть получены, то присяжный поверенный должен, во избежание недоразумения, закончить у себя производство и сообщить об этом доверителю. (Мск. 03/04-259, ч. 2).

[403] Занятия присяжного поверенного по другим делам не должны идти во вред порученному ему. Если болезненное состояние лишает присяжного поверенного возможности заниматься делом, то он, во всяком случае, обязан поставить об этом в известность своего доверителя. (С.-Пб. 09/10-549).

[404] Совет нашел, что в данном случае присяжный поверенный не может быть обвинен ни в медленности относительно извещения своего доверителя об его деле, ни в задержке его документов, так как исполнению его обязанностей мешало такое законное пре-

пятствие, как постигшее его горе – смерть жены, а затем последовавшее устроение его семьи. (Мск. 98/99-61, ч. 2).

[405] Виновность поверенного в промедлении по взысканию денег может быть признана лишь тогда, когда доверитель докажет, что поверенному были известны как адрес, так и имущество должника, на которое следовало обратить взыскание. (Мск. 91/92-129).

[406] Происшедшее по делу замедление не может быть поставлено в вину присяжному поверенному, если является результатом бездействия самого доверителя, своевременно неисполнившего объявленного ему требования о предоставлении следовавших на расходы денег. (Мск. 94/95-61, ч. 2).

[407] Совет нашел, что недоставлением списка свидетелей, переменой места жительства без осведомления о том своего поверенного и оставлением без ответа адресованных ему через волостное правление и им полученных писем доверитель сам поставил присяжного поверенного в невозможность исполнить принятое поручение, а потому и не имеет права претендовать ни на промедление в предъявлении иска, ни на отказ от ведения его дела. При столь небрежном отношении доверителя к порученному делу и к деловым письмам своего поверенного, самый пропуск давностного срока, если бы таковой имел в действительности место, не мог быть поставлен в вину поверенному, сделавшему в пределах возможного все, что от него зависело. (Мск. 02/03-206, ч. 2).

[408] Если деятельность присяжного поверенного была под постоянным и непрерывным наблюдением самого доверителя, если каждый шаг свой по делу поверенный совершал по совещании и соглашении с своим доверителем, то какая бы медленность здесь допущена ни была, ставить ее на счет поверенному нельзя, хотя бы такая медленность повлекла за собою, убытки для доверителя. (Мск. 9798-95).

[409] Совет не поставил в вину присяжному поверенному продолжительное бездействие по делу, происшедшее вследствие того, что в 1903 г. обер-полицмейстер экстренною телеграммою вызвал к себе присяжного поверенного и объявил распоряжение г-на министра внутренних дел – прекратить иски крестьян к казне о земле, под угрозою административной ссылки. Присяжный поверенный подал г-ну министру объяснение по делу с представлением доказательств

и просил разрешения продолжать дело, как чисто судебное, но, не получая от него ответа, для успокоения доверителей, послал им заявление, в коем объяснил дело и приложил копии всего производства, – на случай, если они сами поведут дело. Установлено, что присяжный поверенный принял на себя ведение сложных и трудных, так называемых старозаимочных дел, вел их с большой энергией и полной аккуратностью. Если же, тем не менее, доверители заподозрили внимательное отношение к делу со стороны своего адвоката, то произошло это по причине, которая должна была даже не сведущим в законах крестьянам казаться маловероятной. Деятельность присяжного поверенного, ограниченная пределами своих профессиональных обязанностей, протекавшая в тесном кругу, очерченном Уст. Гражд. Суд., была неожиданно прервана административным вмешательством, приостановившим исполнение обязанностей присяжного поверенного угрозой административной ссылки – причина, не находящая себе оправдания в законе, но представляющая, по условиям жизни, столь серьезную угрозу личности присяжного поверенного, что ему оставалось одно – уведомить об этом своих доверителей, что он и сделал. (Мск. 08/09-181).

9. ПРОПУСК СРОКА НА ПОДАЧУ ЖАЛОБЫ

[410] Пропуск срока на подачу жалобы представляет очень важный профессиональный проступок, дисциплинарное взыскание за который по обычной практике Совета выражается в форме выговора. (Мск. 10/11-157, ч. 3; 06/07-133; 900/901-172).

[411] Присяжный поверенный не может и не должен по своему единоличному усмотрению решать вопросы о том, приносить ли жалобу или отказаться от подачи таковой: решение этого вопроса должно всецело принадлежать его доверителю, которого он должен своевременно поставить в известность об исходе дела, о наличности или отсутствии оснований для обжалования и о сроке на принесение жалобы. Разумеется, присяжный поверенный не обязан приносить жалобу, для которой он не усматривает никаких оснований; но в таком случае ему надлежит сделать одно из двух: или заручиться письменным разрешением доверителя не подавать жалобы, или, если доверитель на это не согласен, немедленно отказаться от дальнейшего ведения дела и возвратить доверителю доверенность. (Мск. 09/10-395, ч. 3; 79/80; 92/93-69; С.-Пб. 09/10-546).

[412] Присяжный поверенный должен письменно заявить доверителю о нежелании обжаловать состоявшееся решение Суда по его делу, так как словесные объяснения о бесцельности принесения жалобы на состоявшееся решение Суда не могут оградить его от нарекания в неисполнении им принятых на себя обязанностей. (Мск. 899/900-135, ч. 2).

[413] Совет нашел, что присяжный поверенный должен был или обжаловать в срок решение Окружного Суда, или, признав ошибку в предъявлении иска, предъявить новый. При этом он обязан был из своих средств возместить расходы по новому иску, если считал первый ошибкой. Если же он не находил для себя возможным предъявлять иск, он должен был отказаться от доверенности. (Мск. 06/07-226, ч. 2).

[414] Болезненное состояние, в котором находился присяжный поверенный, не лишало его возможности своевременно уведомить доверительницу о невозможности для него составить и подать к сроку обещанный апелляционный отзыв. Помимо сего, присяжный поверенный не лишен был возможности передоверить или поручить кому-либо другому составление отзыва. Что же касается праздничного времени, то таковое, конечно, не освобождает присяжных поверенных от выполнения принятых ими на себя обязанностей. Посему Совет находит, что присяжным поверенным допущено одно из существенных профессиональных нарушений. (Мск. 900/901-103).

[415] Если пропуск срока на обжалование решения произошел не от несчастной случайности, а от явно небрежного отношения к своим профессиональным обязанностям, то за допущенную им небрежность по ведению дела присяжный поверенный должен быть подвергнут дисциплинарному взысканию. (Мск. 02/03-95, ч. 2; 06/07-164, ч. 2).

[416] Поверенный отнюдь не обязан сочинять кассационную жалобу, если, по его мнению, нет поводов для кассации, но в таком случае на его обязанности неуклонно лежит поставить об этом в известность доверителя заблаговременно, дабы последний имел возможность обратиться, если пожелает, к другому поверенному. (Мск. 08/09- 24).

[417] Отказ от подачи кассационной жалобы в том случае, если по делу нет никаких оснований для ее принесения, не составляет

не только нарушения обязанностей поверенного, но является именно прямым исполнением оных, так как, напротив того, подача совершенно неосновательных жалоб являлась бы прямым нарушением их. (Мск. 08/09-24).

[418] Поверенный обязан заручиться доказательствами того, что он поставил в известность своего доверителя о состоявшемся решении и что он не находит оснований для подачи кассационной жалобы. Одна беседа по этому поводу с доверителем часто вызывает недоразумение и не может служить доказательством того, что доверитель отказался от подачи кассационной жалобы. Поэтому всегда следует в таких случаях послать доверителю заказное письмо, оставив у себя копию. (Новочерк. 10/11-181).

[419] Неподачу кассационной жалобы можно ставить присяжному поверенному в вину не иначе, как при наличности двух условий, а именно: чтобы поверенный признавал решение второй судебной инстанции неправильным и поставленным с допущением нарушений, предусмотренных ст. 703 Уст. Гр. Суд., и чтобы при этом он имел в своем распоряжении денежные суммы доверителя для расходов по представлению кассационного залога и др. (Харьк. 90/91-156; С.-Пб. 09/10-174).

10. РОЗЫСК ОТВЕТЧИКОВ, ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКОВ И Т.П.

[420] Выдача доверенности не избавляет доверителя от обязанности доставлять поверенному данные, необходимые для получения доказательств. (Мск. 83/84-33).

[421] К обязанностям поверенного не может относиться розыск ответчика, напротив, к обязанностям самого верителя относятся с передачею документов указание адреса должника, и если таковой неизвестен самому верителю, то нельзя ставить в вину поверенному, что он ограничился одними справками в адресном столе, ибо ничего другого предпринимать он не был обязан, но он должен поставить своевременно в известность доверителя о невозможности предъявления иска и возвратить полученные документы. (С.-Пб. 09/10-353; 10/11-312; Мск. 98/99-200, ч. 2).

[422] Помощник присяжного поверенного вместо того, чтобы обратиться к содействию судебной власти и ей заявить о растрате

или сокрытии имущества, сам непосредственно предпринял розыски о его месте нахождения и сам принял на себя роль собирателя сведений о его судьбе; он слишком необдуманно вошел в роль такого собирателя сведений, упустив из виду возможность таких столкновений при исполнении этой роли, при которых его достоинство не могло быть охранено в достаточной степени, как это и оказалось в действительности; затем он принял вместе с командированным агентом сыскной полиции непосредственное участие в отобрании сведений от конторы о перевезенном имуществе, причем обнаружил усердие в гораздо большей степени, чем агент сыскной полиции. Совет нашел, что помощник присяжного поверенного всеми этими действиями обнаружил слишком большую слабость представлений о достоинстве того положения, которое член сословия при всяких обстоятельствах должен тщательно охранять, а потому и заслужил соответствующее внушение. (Мск. 07/08-253, ч. 3).

[423] Присяжный поверенный достойно поступил, отказавшись исполнить розыскные поручения своего доверителя, он дал понять «агентству», что присяжный поверенный – не приказчик, не торговый корреспондент, к которому можно с чем угодно обращаться. Он разъяснил, что в России в присяжном поверенном видят и ценят общественного служителя, слугу закона и защитника правды. Совет особенно ценит, что присяжный поверенный не испугался угроз, а дал надлежащий и достойный присяжного поверенного ответ. (Мск. 07/08-163, ч. 2).

[424] Приняв поручение произвести взыскание по долговым документам умершего, присяжный поверенный не обязан разыскивать наследников, ни расходовать на предъявление к ним иска своих денег. Обе вышеприведенные обязанности лежали не на нем, а на его доверителе. (Мск 03 /04-186, ч. 2).

[425] Присяжный поверенный не обязан собирать сведения о месте жительства свидетелей. (Мск. 08/09-64, ч. 2).

[426] На поверенного нельзя возлагать обязанности заниматься разысканием имущества должника вообще, а тем более, такого имущества, о котором не имеет сведений и сам взыскатель. (Мск. 01 /02-29, ч. 3; С.-Пб. 88/89-139).

[427] Если бы жалобщик, как выяснилось, человек интеллигентный, знал что-либо об имуществе, он не ждал бы спокойно де-

сять с лишком лет, а сообщил бы поверенному то, что стало ему известно, и попросил бы его приступить к делу. Но он этого не сделал, хотя неоднократно встречался со своим поверенным. Это обстоятельство снова подтверждает заявление присяжного поверенного, что просьба его о доставлении необходимых сведений доверителя не была исполнена. При отсутствии же всяких сведений о смерти и имуществе векселедателя поверенный лишен был возможности приступить ко взысканию. Собирать сведения лично он должен был бы лишь в том случае, если бы определенно принял на себя такую обязанность. (С.-Пб. 08/09-209).

[428] Розыск должников не входит в круг профессиональных обязанностей присяжного поверенного. (Мск. 01 /02-6, ч. 2).

[429] На обязанности поверенного не лежит розыск места жительства и имущества должника, а потому ему не может быть поставлено в вину оставление исполнительного листа без исполнения. (Мск. 91/92-40).

11. РАЗНЫЕ СЛУЧАИ ПРИ УЧАСТИИ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ

[430] Предъявление присяжным поверенным иска с не вполне достаточными доказательствами не может еще быть признано дисциплинарным проступком, в особенности же, когда есть возможность обжаловать неблагоприятное для доверителя решение 1-й инстанции и представить при апелляционной жалобе дополнительные доказательства. (Мск. 88/89-6).

[431] Подача прошения, не основанного ни на законе, ни на возможных из него выводах, заключающего в себе просьбу которую Суд исполнить, очевидно, не мог, должна быть поставлена в вину присяжному поверенному. (Мск. 900/905-131).

[432] Невозможно винить поверенного в том, что он, доверяя своему доверителю, изложил в прошении то, что ему было сообщено, хотя сообщенный факт и оказался неверным. (Мск. 900/905-51).

[433] Убористый, недостаточно четкий способ письма встречается в деловых бумагах присяжных поверенных довольно часто, и Совет, по принадлежащему ему праву надзора, счел необходимым

довести до сведения присяжных поверенных, что на будущее время за упущение с этой стороны он будет взыскивать с присяжных поверенных как за небрежное отношение к своим обязанностям, так как закон, обязывающий сторону предъявлять копии для своего противника, не может считаться исполненным, если на факте копий этих разобрать нельзя, или для прочтения оных потребны чрезвычайные усилия. С тою же строгостью Совет будет относиться и к случаям подачи нечетко, неразборчиво написанных бумаг в судебные и правительственные учреждения. (Мск. 85/86-15; 88/89-81; 08/09-134, ч. 3).

[434] Признавая присяжного поверенного виновным в составлении по небрежности неверной копии доверенности, Совет находит, что присяжный поверенный заслуживает строгого порицания и взыскания.

Основа нашей деятельности – это доверие общества, Суда, товарищей. Всякое действие члена сословной организации, долженствующего считать своей первой обязанностью заботиться о сохранении достоинства дорогого ему звания, направленное к подрыву этого доверия, является тяжким профессиональным поступком. И в силу закона и в силу обычая, Суды и стороны доверяют копиям документов, заверенных подписью присяжного поверенного, и присяжный поверенный чувствовал бы себя глубоко оскорбленным, если бы его подписи не поверили, – она должна служить гарантией правильности того, что перед нею следует. Это доверие чрезвычайно дорого для адвокатуры; оно дает ей возможность исполнять свою обязанность, и сословный орган должен неустанно заботиться о сохранении его и карать за всякое на него посягательство. (Мск. 03 /04-58, ч. 3).

[435] Иск должен быть предъявлен по действительному месту жительства ответчика, или, при неизвестности его, через публикацию; посему заведомо ложное указание места жительства ответчика есть действие предосудительное. (С.-Пб. 81/82-64).

[436] Признавая указание поверенным адреса жалобщика во время производства судебного процесса действием с формальной стороны правильным, Совет не мог не поставить в вину поверенному неосторожность в указании в своей квартире адреса противной стороны и в поручении своему служителю приема бумаг и повесток, адресованных на имя противника; подобные действия легко могли навлечь на виновника их подозрение или в симулятивности всего

процесса, или в преследовании каких-либо скрытых, незаконных целей. (Харьк. 90/91-99).

[437] Члену сословия не подобает искусственно путем умолчания о безусловно известных ему фактах, изменять подсудность в целях собственного удобства и возможности вести дело в определенном месте. (Мск. 09/10-393, ч. 3).

[438] Присяжный поверенный должен охранять интересы своих доверителей всеми законными и непредосудительными с точки зрения нравственности средствами; было бы преступным малодушием с его стороны уклоняться от совершения какого-либо необходимого или полезного для доверителя процессуального действия лишь из опасения вызвать этим неудовольствие того или другого лица или учреждения; но ни просьбами доверителей, ничем другим не может быть оправдана подача присяжным поверенным таких заявлений или жалоб, которые, по его собственному сознанию, никакой пользы доверителю принести не могут и только обременяют должностных лиц непроизводительными указаниями на незаконные будто бы их действия. (Мск. 85/86-237; 84/85-129).

[439] Совет подверг взысканию присяжного поверенного, который произвольно изменил подсудность наследственного дела, искусственно создал подсудность оного другому Окружному Суду, которому и дал заведомо неверное сведение о составе наследственного имущества, когда имущество было на гораздо большую сумму. (Мск. 01/ 02-7, ч. 1).

[440] Нельзя не поставить в вину присяжному поверенному написание им для доверителя объяснения в Судебную Палату, которое составляло как бы дополнение к апелляционной жалобе самого присяжного поверенного и вместе с тем служило объяснением на объяснение против апелляции. Не говоря уже о том, что закон не устанавливает для апелляционной инстанции подобного рода состязательных бумаг, нельзя не обратить внимания на то, что тон бумаги и содержащиеся в ней аргументы в пользу доверителя таковы, что даже трудно поверить, чтобы автором ее был присяжный поверенный. (Мск. 05/06-99, ч. 2).

[441] Присяжный поверенный обязан объяснить своему доверителю важность спора о подлоге, его последствия, потребовать до-

казательство и оставить доверителя, если спор бездоказателен. (С.-Пб. 86/87-77).

[442] Предъявление отвода против экспертов, не основанного на законных поводах и заявленного в форме простой и ничем не мотивированной просьбы, Совет не может признать уместным и правильным, так как такая голословная, ничем ни фактически, ни юридически не обоснованная просьба могла подать повод заинтересованным лицам истолковать эту просьбу как намек на существование каких-либо особых отношений между тяжущимися и теми лицами, против которых был заявлен такой отвод. (Мск. 01/ 02-216, ч. 2).

[443] Если заявление отвода представляется поверенному согласным с интересами его доверителя, то уместно ли сего стороны заявлять такой отвод в то время, когда в его руках нет еще достаточных данных, могущих служить для Суда доказательством основательности отвода? На этот вопрос Совет дал утвердительный ответ. На поверенном, как на представителе тяжущихся в процессе сторон, не лежала безусловная обязанность представления доказательств одновременно с самым заявлением, требовавшим надлежащего подтверждения: такие доказательства могли бы быть представлены и при дальнейшем производстве дела. Присяжного поверенного можно было бы винить в непредставлении доказательств возбужденного отвода только в том случае, если бы была возможность установить, что, заявляя отвод, компрометирующий противника, он не только не имел доказательств отвода в своих руках, но и не имел их даже в виду и руководился при этом одними подозрениями, ни на чем не основанными. (Харьк. 84/85-194).

[444] Совет не может не обратить внимания на то, что, если должник и устраивавшие его денежные дела родственники могли считать временное отсутствие его из города полезным для устройства его дел, то помощник присяжного поверенного не должен был пользоваться этим временным отсутствием для предъявления отводов о неподсудности, зная, что должник выехал из города лишь для того, чтобы стеснить кредиторов в производстве с него взысканий, ибо присяжные поверенные и их помощники должны ограждать интересы своих доверителей только правильными и прямыми средствами, не прибегая к ухищрениям и уловкам. (С.-Пб. 76/77-42).

[445] Присяжный поверенный, ведя порученное ему дело, не должен прибегать к каким-либо искусственным и предосудитель-

ным приемам, которые бы отдаляли время разрешения дела судом и препятствовали бы правильному отправлению правосудия. Но отсюда не следует, чтобы на присяжных поверенных возложена была законом положительная обязанность содействовать Суду в скором решении дел. Присяжные поверенные в гражданских делах являются и представителями тяжущихся и защитниками их прав и интересов, и нельзя ни на минуту упускать из виду, что правильная защита прав тяжущихся, требуя обстоятельного исследования фактической и юридической стороны дела, может очень часто находиться в полном противоречии со стремлением ускорить разрешение судебного дела. В настоящем случае отсутствие присяжного поверенного в зале заседания во время слушания дела давало его противнику право требовать постановления заочного решения (1 п. 718 ст. Уст. Гр. Суд.); но помощник присяжного поверенного не воспользовался этим правом и просил исключить дело из очереди. Это обстоятельство не может быть поставлено ему в вину, так как он только воспользовался предоставленным ему законом правом, и ему лучше, чем кому-нибудь другому, можно было знать, о чем в данном положении дела следует ходатайствовать перед Судом в интересах его доверителя. (С.-Пб. 88/89-182).

[446] В каком смысле обязательна должна быть для присяжного поверенного дача ответа на вопрос, предложенный кем-либо из членов судебной коллегии в порядке 335 ст. Уст. Гр. Суд.? В основание действующего процесса положено начало свободного состязания между тяжущимися, при котором усмотрению каждого из участников предоставляется приводить те или иные доводы в защиту своего права, а также представлять или не представлять известные доказательства своих прав. Правила процесса в этом отношении никакой обязательности не устанавливают для тяжущихся. Немыслимо поэтому принуждение со стороны Суда к представлению кем-либо из тяжущихся известного доказательства, хотя бы доказательство такое бесспорно в его руках находилось: принимая на себя тяжесть последствий от непредставления известного акта, сторона не выходит в этом случае из пределов своего права. Еще менее тяжущийся может быть лишен возможности отказаться от дачи какого бы то ни было ответа на предложенный ему в судебном заседании вопрос. В качестве представителя стороны в процессе присяжный поверенный точно так же может находить несоответствующим интересам своего доверителя известного рода объяснение или ответ, который от него пожелали бы получить Суд или же противная сторона. Разрешая по изложенным соображениям в положительном

смысле поставленный выше вопрос о возможности для присяжного поверенного отказаться от дачи ответа на предлагаемый ему по ст. 335 Уст. Гр. Суд. вопрос, Совет при всем этом находит, что присяжный поверенный в настоящем случае обнаружил тот недостаток профессионального такта, который, не имея характера явного неуважения к Суду, тем не менее, представляет весьма нежелательное в членах сословия явление. Признавая какой бы то ни было ответ интересам его верителя несоответствующим, он должен был определительно заявить Окружному Суду о нежелании своем дать требуемый от него ответ и тем избавить Суд от необходимости неоднократного внесения в список дел, назначаемых к слушанию, упомянутого дела его, по коему он вовсе не был намерен являться. (Мск. 91/92-21).

[447] Отводы против судей допускаются законом (ст. 85 Уст. Уг. Суд.) только тогда, когда особые отношения судей к участвующим в деле лицам или к самому делу дают повод сомневаться в беспристрастном отношении к делу и участвующим в нем лицам. Но разговор о деле и даже выражения сочувствия одной из сторон не ставят судью ни в каике отношения ни к делу, ни к участвующим в нем лицам, и, во всяком случае, не дают основания к предвидению мнения судьи по делу в том виде, в каком оно будет раскрыто и установлено на Суде. Ввиду этих соображений Совет нашел вообще неприличным предъявление отводов, явно не допускаемых законом. (Харьк. 80/81-52).

[448] Ни законом о судопроизводстве гражданском, ни судебным приличиям не противоречит принятие тяжущимися или их представителями во время судебного заседания от посторонних процессу лиц тех или иных документов, и противная сторона не вправе в таком случае допытываться от своего противника, на каком основании в его распоряжение передан тем или иным лицом тот или другой документ. (Мск. 900/91-73, ч. 2).

[449] Показание противной стороне документов, на которых ответчик желает основать свои возражения и которые поэтому будут представлены в Суд, не представляет собою ничего предосудительного, так как приведение в ясность счетов и возражений ведет за собою только большую ясность дебатов на Суде и устранение излишних словопрений. (Мск. 01/ 02-127, ч. 2).

[450] Основным принципом присяжной адвокатуры является то, что присяжные поверенные не только защитники частных интересов, но и слуги закона, общества и правосудия, и могут бороться лишь законными, честными и не возбуждающими нареканий средствами, а потому источник и способ добытия их должны быть выше подозрений.

К числу последних никак нельзя отнести представление чужих писем без ведома и согласия их владельцев.

Ниже достоинства адвоката советовать доверителю то, чего он сам не желает сделать; не следует, однако, забывать, что не все за своего доверителя поверенный может совершить; есть случаи, когда каждый сам без участия адвоката должен действовать, например, возбуждение некоторых уголовных дел, просьбы об узаконении и т.п. Стало быть, бывают случаи, когда ответственность за известное действие требует, чтобы поверенный не заменял доверителя, и в данном случае, раз доверитель хотел непременно представить в Палату письмо, то, ввиду возможного подозрения о способе добытия его, присяжному поверенному надлежало решить, следует ли этим письмом пользоваться или нет; если он находил, что представление письма, таким путем добытого, отвечает целям правосудия и согласно с достоинством присяжного поверенного, то мог в деле оставаться, если же, наоборот, известный нравственный ригоризм подсказывал, что таким письмом и доверителю не следует пользоваться, то либо должен был настоять, чтобы письмо в Палату не представлялось, либо от дальнейшего ведения дела отказаться.

Не всегда возможно поверенному объединять себя с личностью своего доверителя, и не всегда вместе с тем возможно и дозволительно подчиняться таким требованиям его, которые хотя в конечном результате и преследуют благую цель, но идут вразрез с тем, чем должен дорожить всякий присяжный поверенный. Можно привести пример.

Присяжный поверенный нашел случайно оброненный его противником по делу документ, уничтожающий в корне его иск, документ, который для них чрезвычайно важен и которого он не может достать. Разве может первый присяжный поверенный представить этот документ в Суд, а не возвратить его тому, кто его потерял, и уже дело совести последнего представить его или же нет; разве он обязан подчиниться противоположному требованию своего доверителя? Надо думать, ответ на это один – нужно отдать утраченный документ. (Мск. 03/ 04-12).

[451] Указание в Суде на сделанное противником до заседания по делу предложение неуместно, ибо слова, сказанные в частной беседе, могут совершенно изменить свой характер при произнесении их в публичном месте. Кроме того, присяжным поверенным должно быть хорошо известно, что частные разговоры до заседания не могут и не должны быть предметом судоговорения. (Одес. 10-100).

[452] Основная цель всякого правильного процесса – водворить «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех». Медлительный суд и затяжной процесс не будет равным для всех, ибо создает выгоду в пользу той стороны, которой желательно затягивание дела, и нарушает равновесие против той, которая от такого затягиванья страдает. Посему деятельность поверенного, направленная без достаточных оснований к замедлению процесса и умышленно посягающая на одно из его основных начал – во вред противнику, – будет деятельностью несогласную ни с законом, ни с достоинством звания, принцип коего – честность и добросовестность вообще, а не только в достижении выгоды доверителя.

Уже кодекс Юстиниана (I. II tit. VII c. 6 § 4) воспрещал умышленное затягиванье дела; о том же гласила формула старинной французской присяги на звание адвоката по ордонансу 1344 г. (quod in jus causis dilationes et subterfugia malitiose non quaerent). И если коронный суд часто бессилен бороться с этим злом, то Совет, обсуждающий деятельность собрата с точки зрения не только закона, но и профессиональной морали, всегда может подвергнуть своему суждению систематическую деятельность поверенного, направленную к замедлению процесса, предосудительность коей, по мнению Совета, не вызывает сомнений.

Встречный иск имеет целью ускорение производства путем единовременной ликвидации взаимных расчетов сторон. К сожалению, редакция 240 ст. Уст. Гр. Суд. не всегда приводит к этой цели. «По единогласному отзыву судебных деятелей и литературы, на практике заявление желания предъявить встречный иск служит средством затяжки дела». (Объяснительная записка к проекту нов. ред. Уст. Гр. Суд. 1900 г. т. 1 стр. 175). Такая практика есть, в сущности, обход закона. Как разъяснило общее собрание в решении за 1881 год № 49, обход закона – «есть само по себе действие предосудительное даже, если бы оно совершено было по просьбе и по желанию доверителя», и находящееся «в явном противоречии с теми качествами, которые закон требует от лиц, коим вверяется ходатайство по чужим делам». (Одес. 08-63).

[453] Совет нашел действия присяжного поверенного неправильными, унижающими достоинство присяжного поверенного, призванного служить правосудию и законными средствами защищать интересы доверителя, отнюдь не прибегая к измышлениям и изворотам. Путем предъявления неосновательного встречного иска, чтобы содействовать затянуть бесспорное дело, присяжный поверенный помогал доверителю уклоняться от платежа следуемых денег в течение долгого времени. Несомненно, что, при наличных обстоятельствах, поверенный не вправе был принять заведомо неосновательное дело с единственной целью «затянуть производство». К такого рода действиям присяжного поверенного Совет должен отнестись с большою строгостью. (Новочерк. 08/09-70).

[454] Закон, разрешающий предъявление словесных встречных исков и отсрочку вследствие этого судебного заседания, предусматривает, конечно, случаи действительного намерения тяжущихся восстановить свое нарушенное право или сосчитаться с истцом во взаимных предполагаемых претензиях. Ни для каких других целей пользоваться этим законом нельзя, и это должно быть лучше всего известно представителю присяжной адвокатуры, бывшему до того членом гражданского суда. (Иск предъявлен с целью добиться отложения дела). (Новочерк. 07/08-67).

[455] Недовольство содержанием речи присяжного поверенного, формой ее изложения, недостаточностью или краткостью, если в деле не содержится указаний на то, что это произошло вследствие небрежного исполнения защитником своих обязанностей или незнакомства с обстоятельствами дела, само по себе не может служить основанием к наложению дисциплинарного взыскания. (Мск. 02/03-24, ч. 2).

[456] Способ ведения дела в пределах, указанных законом, зависит от сторон, и потому представление тех или иных объяснений или жалоб всецело зависит от тяжущихся и их поверенных и подлежит оценке судебного места, разрешающего дело по существу, а не Совета, не имеющего права разрешать спорные по делу вопросы. Но Совет нашел, что поверенные не должны сознательно затягивать дело, пользуясь указанными в законе сроками, в особенности, в целях склонения противной стороны к мировому окончанию дела. (С.-Пб. 10/11-405).

[457] Удостоверение на Суде присяжным поверенным ложного факта должно быть признано весьма предосудительным явлением. (Мск. 85/86-30).

[458] Поверенный, не проверив фактов лично, не должен утверждать о них перед Судом категорично, без указания источника, на основании которого он делает такое заявление, как, например, без указания на то, что он об этом заявляет со слов своего доверителя, ибо заявления присяжного поверенного, сделанные на Суде в прямой и категорической форме, самой этой категоричностью своей могут иногда вводить Суд в заблуждение при доверии к присяжному поверенному. (Каз. 10/11-157).

[459] Присяжный поверенный не должен вознаграждать свидетеля за даваемое им на Суде показание, так как вознаграждение свидетеля за показание может оказать влияние на беспристрастие такового. Свидетель, находящий возможным принимать вознаграждение за исполнение своей гражданской обязанности, заключающейся в правдивом открытии перед Судом известных ему фактов, едва ли способен сохранить полную объективность и беспристрастие в отношении к делу. Независимо сего, те основания, по которым сторона считает необходимым вознаградить свидетеля за данное показание, неуловимы и не поддаются проверке. (С.-Пб. 08/09-398).

[460] Посещение помощником присяжного поверенного постороннего лица с целью выяснить его отношения, как свидетеля, к возбуждаемому делу, нельзя не признать предосудительным. (С.-Пб. 10/11-649).

[461] Выяснение отношений свидетелей к стороне в процессе иногда бывает необходимо с целью установить достоинство свидетельских показаний, почему применение этого способа достижения истины запрещено быть не может; но когда отношения эти касаются чести свидетеля, в особенности, женщины, то раньше, чем на них ссылаться, нужно их твердо установить и охарактеризовать эти отношения корректно. Недостаток необходимой сдержанности и осмотрительности в объяснениях на Суде по щекотливому вопросу должен быть поставлен в вину присяжному поверенному. (Мск. 899/900-116, ч. 2).

[462] Следует быть осмотрительным в выражениях по отношению к свидетелю и не забывать под влиянием спора, что поверенный на Суде отвечает за всякое неосмотрительное выражение, относящееся к личности свидетеля. (Мск. 97/98-227).

[463] Вручение повестки ответчику, когда он уклоняется, – очень тяжелая обязанность, и Совет никогда не рекомендует членам сословия принимать участие в действиях должностных лиц по вручению повесток. Но и запрещать это Совет не считает возможным. Нельзя не признать, что иногда весь успех дела, порученного поверенному, зависит от вручения повестки. Однако, рискнув принять на себя обязанности по вручению повестки, присяжный поверенный должен относиться к своим действиям очень строго и не давать основания к обвинению в нарушении неприкосновенности жилища и личности. (Мск. 05/06-144).

[464] Совет всегда держался правила, что присяжные поверенные должны с особою осторожностью относиться в бумагах и речах к вопросам, касающимся чести других лиц. Но в тех случаях, когда это требуется интересами судебной истины, поверенный должен говорить всю правду, если она ему достоверно известна. По ходу судебных дел нередко приходится заявлять Суду не только о событиях, порочащих честь, но и о преступлениях. На поверенных лежит обязанность удостовериться, по мере возможности, в правдивости события, о котором он должен заявить, чтобы легкомысленным сообщением не причинить напрасного вреда и не послужить невольным орудием в руках недобросовестного доверителя. Но лишать поверенного права и возможности делать заявления такого рода, когда он убедился в их достоверности и признал полезными для дела, – значило бы лишать тяжущегося одного из средств защиты. (Мск. 08/09-134).

[465] Относительно заявляемых в заседании признаний Совет дал такое указание, что хотя сделанное поверенным признание не вносило ничего нового в положение вопроса, тем не менее, он словесно на Суде признал такое обстоятельство, которое послужило к утверждению права его противника и хотя оспаривать на Суде очевидную истину явилось бы с его стороны делом в высшей степени предосудительным, он все-таки в данном случае поступил бы более осмотрительно, если бы отказался от дела и попросил его отложить ранее того момента, когда сделал свое признание. (Мск. 01,02-31, ч. 3).

[466] Принимая в соображение, что присяжному поверенному принадлежит избрание того способа ведения дела, который представляется ему наиболее правильным при данных условиях, Совет находит, что присяжный поверенный имеет право воздержаться от расспросов свидетелей, которые в его присутствии допрашиваются самим судьею. (Мск. 899/900-74, ч. 2).

[467] Действия присяжного поверенного, заключавшиеся в утверждении им на Суде таких обстоятельств, несправедливость которых доказывается не только документом, представленным на Суде, но и последующими действиями и объяснениями его самого, в высшей степени предосудительны для присяжного поверенного, а потому достойны строгого дисциплинарного взыскания. (Мск. 85/86-251).

[468] По удостоверению вполне компетентного и беспристрастного свидетеля, члена Суда, присяжный поверенный позволил себе при отправлении своих обязанностей, допрос свидетелей в Коммерческом Суде, не только вполне неизвинительную грубость и резкость по отношению к своему товарищу обозванием его поведения «неприличным», но и вполне неуместную и оскорбительную для этого товарища просьбу к члену Суда о его вмешательстве для устранения указанного «неприличия», причем эта просьба была отклонена, как неуважительная, а сам присяжный поверенный призван к порядку с напоминанием о принятии репрессивных мер. По удостоверению члена Суда, самый допрос свидетелей был производим присяжным поверенным не только без той сдержанности и самообладания, которые обязательны для адвоката, независимо от его темперамента и степени взволнованности характером дела или свойством выслушиваемых свидетельских показаний, но и с прямым нарушением закона и общепринятого порядка, куда Совет не может не отнести резкое вмешательство в вопросы, предлагаемые судьей и противником, многократное перебиванье речи свидетеля и доведение его тем до грубых противоречий и до состояния, которое судья-свидетель характеризует в своем показании выражением – «сбитый с толку». Последнее обвинение, по мнению Совета, является особо тяжким. Правильно понимающие свои обязанности в отношении своих доверителей и бережно охраняющие высокое достоинство носимого ими звания присяжные поверенные отнюдь не должны давать повода к возникновению таких обвинений, а тем более, среди судей, мнением которых о сословии и практикуемых членами его

приемах их профессиональной деятельности нельзя не дорожить, так как только при взаимном доверии и уважении судьи и адвоката их совместное служение правосудию может быть целесообразным и благотворным; достойное отправление адвокатских обязанностей станет вполне невозможным, если судьи усвоят себе взгляд на членов нашего сословия не как на своих ближайших и необходимых сотрудников в нелегком деле разыскания истины и правды в судебных спорах, а как на лиц, способных во имя отстаиваемого частного интереса «сбивать с толку свидетелей» и ставить затруднения судейской деятельности, вместо того, чтобы своим живым, энергичным, но и вполне безупречным участием облегчать эту деятельность и помогать ей. (Мск. 03/04-423, ч. 2).

[469] Располагая документом, доказывающим неправоту предъявленного иска, добиваться удовлетворения этого иска через умолчание об означенном документе, запугивать противника угрозою подвести его под гербовый штраф и опорочивать в одном деле документ, коим воспользовался для судебного ходатайства в другом деле, – заслуживает строгого осуждения. (Мск. 01/02-21, ч. 3).

[470] Обращаясь к обсуждению действий присяжного поверенного, Совет нашел, что присяжный поверенный уже после решения Окружным Судом дел не в пользу N, несмотря на признание ответчика исков правильными, принял от последнего доверенность на ведение этих дел в Палате, причем, вопреки данной им присяги охранять интересы своих доверителей, согласился с правильностью толкования поверенным истца духовного завещания N, толкования, служившего основанием иска, чем и признал этот иск подлежащим удовлетворению. Между тем, при правильном отношении к обязанностям принятого им поручения присяжный поверенный должен или вовсе не принимать ведение этого дела со стороны ответчика, если находил, что толкование завещания в интересах истца правильно, или же, если он принял ведение дела в интересах опеки, то своими доводами относительно толкования завещания должен был не подкреплять требования истца, а, наоборот, опровергать их. Это согласие убеждения проверенного, принявшего защиту одной стороны в гражданском деле с интересами доверителя, представляется особенно важным в процессе, где поверенный представляет опеку, т. е. охраняет права не только частные, но и публичные. (Мск. 85/86-170).

[471] За отсутствием условия на присяжного поверенного не может быть возложена обязанность взыскивать вознаграждение за ведение дела, каковое взыскание может быть произведено самим доверителем. (Мск. 94/95-20).

[472] Доверитель, предоставивший своему поверенному определить размер отыскиваемого вознаграждения, этим самым уполномочил его и на уменьшение исковых требований. (Мск. 02/03-15, ч. 2).

[473] Хотя бы в доверенности, данной присяжному поверенному, и не упоминалось о праве на прекращение дела, так как такое упоминание не требуется 250 ст. Уст. Гр. Суд., Совет не считает присяжного поверенного превысившим свои полномочия, тем более, что просителю остается еще более двух лет до давностного срока по его векселю. (Мск. 87/88-64).

[474] Отказ от всего иска, а равно необжалование отказа со стороны Суда, могут последовать только с согласия доверителя, следовательно, при возникновении спора о данном согласии, это обстоятельство должно быть, доказал поверенным. (С.-Пб. 83/84-55).

[475] Никакие соображения личной и профессиональной этики не могут оправдать отказа в принятии повестки на том только основании, что в обозначении имени и отчества истца была допущена ошибка; присяжному поверенному хорошо были известны личность истца, предмет и основания самого требования и то, что это требование относилось именно к нему, а не к кому-либо другому. Точно так же профессиональная этика никогда не выступит в защиту образа действий того присяжного поверенного, который затрудняет своего доверителя излишними хлопотами по совершенно правильному судебному требованию своих денег и затрудняет мирового судью, создавая заведомо и намеренно два производства по одному и тому же делу вместо одного. (Мск. 900/901-26).

[476] Уклонение присяжного поверенного от принятия повестки не может быть признано одобрительным. Так, он, обязанный по ст. 257 Уст. Гр. Суд. указать в исковом прошении свой адрес, умышленно не исполнил этого, а на приглашение товарища председателя принять повестку в Суд уклонился от принятия таковой, заявив, что примет повестку лишь в месте его жительства, которое значится в справках адресного стола. Такого рода приемы в способе

ведения дел присяжного поверенного, независимо от того, к какой бы цели они ни клонились, представляются неуместными и неприличными. (Мск. 84/85-153).

[477] Помощник присяжного поверенного обязан принять все меры, чтобы повестка ему была вручена, должен заявить Суду о перемене своего адреса, должен следить за временем слушания дела. (Мск. 05/06-192).

[478] Не получив от своего доверителя обещанных документов и списка свидетелей, присяжный поверенный был вынужден домогаться отсрочек заседаний в интересах своего доверителя, и достигал ли он этих отсрочек путем личных просьб в заседаниях Суда, или путем письменных прошений единоличных, или совместных с своим противником, для доверителя его безразлично, он одинаково выигрывал время для собрания недостающих доказательств и сведений. (Мск. 900/901-91).

[479] Совет нашел, что помощник присяжного поверенного проявил по делу несомненную небрежность. Хотя в его распоряжении и не было необходимых документов для утверждения в правах наследства доверительницы, тем не менее, приняв к своему производству дело, прежде всего, он должен был навести справки о том, когда истекает срок для утверждения в правах наследства на основании сделанных публикаций о вызове наследников, и немедленно, по истечении этого срока, заявить о правах своей доверительницы, хотя бы у него не было всех документов. Этим заявлением он предупредил бы утверждение в правах наследства конкурирующих наследников в ущерб своей доверительнице. (Мск. 10/11-105).

[480] Присяжный поверенный принес на решение в последний день апелляционного срока апелляционную жалобу необычным способом, но посредством телеграфической депеши, в которой, однако, была соблюдена установленная законом и обычаем форма апелляции. Оставляя в стороне вопрос, в какой мере такой способ принесения апелляции по гражданским делам представляется законным, Совет полагает, что как бы убедительными ни казались доводы в пользу утвердительного разрешения этого вопроса, этот последний относится, однако, к числу вопросов, судебною практикой не только не решенных, но и ни разу не поднятых. Присяжный поверенный для защиты доверенных ему интересов прибег, таким образом, к такому способу, который хотя и не воспрещен никаким за-

коном, однако, судебною практикою не предусмотрен, а потому для интересов доверителя рискован. К употреблению подобных средств поверенному дозволительно прибегать только в случаях крайней необходимости, когда употребление других, обычных и общепризнанных судебною практикой средств представляется почему-либо невозможным. Хотя само собой разумеется, что присяжный поверенный свободен в своих юридических воззрениях и с этой стороны не подлежит контролю, но, с другой стороны, это правило не дает присяжному поверенному права рисковать интересами своих доверителей из-за настойчивого проведения только своих воззрений, расходящихся с обыденными воззрениями практики, и подобный риск может быть оправдан лишь при условии, что необычный способ действий поверенного в каждом данном случае представлялся единственно возможным. (Мск. 88/89-8).

[481] Присутствие стенографа, приглашенного присяжным поверенным, в зале заседания по делу, производящемуся при открытых дверях, не может ни в каком отношении считаться нарушением порядка при слушании дела, и, по точному смыслу судебных уставов, Суд должен скорее содействовать, чем препятствовать нахождению в зале заседания стенографа, раз двери заседания открыты. (С.-Пб. 81/82-92).

[482] Зная о существовании претензии верителя, присяжный поверенный при самом получении денег должен был по размеру отчисленной на долю его верителя суммы заметить, что при расчете произошла ошибка, и выяснить причину этой ошибки, а не пользоваться ею для получения денег и не отстаивать затем притязания верителей своих ан эти деньги. Присяжный поверенный должен знать, что чужая ошибка не может создавать прав для третьего лица и обязан принять самостоятельно меры к ее исправлению, разъяснить своим доверителям, в случае желания их воспользоваться ошибкою, неправильность и безнравственность такого желания, и ни в каком случае не принимать участия в его осуществлении. (С.-Пб. 93/94-131).

[483] Помощник присяжного поверенного, прекращая предъявленный иск, не заручился доказательством согласия своей доверительницы на такое прекращение. Хотя поверенный и не может быть принужден к поддержанию требований, которые он признает неправильными или опровергнутыми, но, во всяком случае, прекращение

предъявленного иска может иметь место лишь при согласии на то доверителя. (С.-Пб. 08/09-294).

12. ОТНОШЕНИЕ К ПРОТИВНИКАМ ПО ДЕЛУ

[484] Всякий гражданский процесс, в существе своем, представляет для участвующих в нем присяжных поверенных известную арену борьбы, в которой представители столкнувшихся интересов, силою своей эрудиции и талантов, оспаривают друг у друга торжество своих положений; недаром сам закон употребляет термин «состязание сторон», обозначая им тот доблестный турнир, который в интересах права и правды ежедневно происходит перед глазами Суда. Как и в настоящем турнире, взаимное уважение противников друг к другу и безусловная честность приемов самой борьбы составляют необходимые условия, какие должны строго выполняться присяжными поверенными. Всякое уклонение от этих правил, роняя достоинство адвоката в глазах общества и Суда, само по себе взывает к соответствующей каре. (Мск. 97/98-193).

[485] Адвокат не обязан охранять интересы противника. Это верно. Но он должен относиться к личности своего противника, как и каждого участвующего в процессе, с крайней осторожностью и полной корректностью. Иначе пришлось бы считать допустимым по отношению к противнику брань, угрозы, клевету и т.п. (Мск. 05/06-241).

[486] Поверенный должен убеждать Суд в правоте своего доверителя представлением по делу доказательств, надлежащею группировкою таковых, указанием на соответствующие законы и представлением юридических выводов и соображений, но не должен прибегать к оскорбительной характеристике высказываемых противником взглядов и называть таковые недобросовестными. Поверенный не имеет права считать своих противников по делу и их поверенных, так сказать, безапелляционно и безошибочно недобросовестными и это свое мнение, быть может, и неосновательное, а, во всяком случае, для уяснения дела на Суде не нужное, объявлять Суду. Укоренение таких принципов в адвокатуре является нежелательным и то, чтобы по поводу ведущихся на Суде дел возникали потом между поверенными противниками личные счеты и чтобы таковые сводились ими в Судах возбуждением дел о личных обидах. (С.-Пб. 93/94-68; Мск. 900/901-79).

[487] Член присяжной адвокатуры, являясь представителем интересов одной из спорящих сторон, не должен вносить своей горячностью и возбужденностью обострения в отношения сторон, а должен охранять спокойствие и серьезность, необходимые для урегулирования спорных отношений сторон. (С.-Пб. 09/10-463).

[488] Обязанность каждого из нас быть сдержанным, к своему противнику проявлять чувство уважения, спор и полемику вести в тоне, усвоенном приличными и воспитанными людьми, иначе один шаг до брани. (Мск. 03/04-180, ч. 2).

[489] Присяжный поверенный при отправлении обязанности своего звания должен быть безусловно вежлив и сдержан в своих словах и проступках, и как бы с его точки зрения ни представлялись ему неправильными и несимпатичными действия противника его доверителя, не должен позволять себе произносить какие-либо резкие выражения по адресу противника. (Мск. 97/98-107).

[490] Присяжный поверенный, выступая в Суде в качестве поверенного ответчиков против исков, предъявленных лицом, состоявшим в числе помощников присяжного поверенного, выставил такие возражения, которые заключали в себе обвинения истца в действиях, не только предосудительных, но прямо преступных не располагая притом никакими доказательствами действительности заявленных им фактов. Ссылка присяжного поверенного на то, что он говорил на Суде со слов своих доверителей, отнюдь не может служить оправданием его образа действий, так как он не может являться на Суде слепым орудием своего доверителя, а должен всегда сохранять свою самостоятельность, руководствоваться законом и собственной оценкой предоставляемого в его распоряжение материала. Такое необоснованное обвинение противной стороны в процессе в преступных деяниях, вообще несовместимое с достоинством присяжного поверенного, было в данном случае тем более неправильно, что оно направлено было против лица, принадлежавшего к составу присяжной адвокатуры, к чести которой члены сословия должны относиться особенно осторожно и бережно. (С.-Пб. 10/11-352).

[491] Присяжный поверенный не может прибегать к голословным и оскорбительным для своего противника намекам, основываемым только на словах своего доверителя. (С.-Пб. 97/98-128).

[492] Доказывая на Суде права своего доверителя, поверенному приходится по необходимости указывать и доказывать те незакономерные, иногда и преступные действия противника, на которых основываются защищаемые им права его доверителей, но при этом, во-первых, нельзя выходить из рамок тех обстоятельств, установление которых для данного дела необходимо, а, во-вторых, утверждения свои, раз они отрицаются, необходимо подтверждать доказательствами. Но чернить противника на Суде «так, между прочим», без нужды для дела и не подкрепляя своих слов доказательствами, нельзя. (Харьк. 10/11-322).

[493] Присяжный поверенный, принимая к своему производству то или иное дело, должен вести его прямым законным путем, избегая таких приемов, которые, не являясь, может быть, сами по себе предосудительными, все же способны вызвать более или менее основательное предположение о желании его оказать давление на волю противной стороны. Присяжный поверенный должен понимать, что жалобой своей начальнику на незакономерные действия подчиненного, еще не признанные таковыми подлежащим Судом и не относящиеся к служебной деятельности последнего, он ставит его в заведомо неравное с собой положение, ибо выбирает судьей человека, с мнением которого он сам вправе и не согласиться, но мнение которого подчиненным, в силу не относящихся совершенно к делу чисто служебных соображений, может быть понято и принято как приказание.

Возможно, что такой способ является наиболее простым и скорым, но, будучи по существу ничем иным, как попыткой добиться в споре гражданском или при уголовном преследовании административного воздействия, он безусловно недопустим для присяжного поверенного. (Харьк. 08/09-203).

[494] Присяжный поверенный, который, ограждая интересы своих доверителей, должен пользоваться лишь правовыми путями, не может прибегать для понуждения должника к исполнению своих обязательств к такому способу воздействия, как обращение к начальству, которое, с одной стороны, привлекает к разбору гражданского спора не надлежащую власть, а с другой стороны, представляет некоторую угрозу служебному положению должника. То обстоятельство, что присяжный поверенный действовал в данном деле не от своего имени, а лишь принимал участие в составлении прошений, не имеет существенного значения, так как деятельность присяжного поверенного не ограничивается лишь формальным

представительством, но к области ее относятся также дача советов и составление деловых бумаг: равным образом, оправданием допущенной присяжным поверенным неправильности не может служить и указание его, что он действовал в качестве знакомого, каковы бы ни были мотивы, заставившие его принять участие в деле, ибо к нему обратились за советом и содействием, как к присяжному поверенному, могущему оказать помощь своими юридическими познаниями и опытом. (С.-Пб. 08/09-319).

[495] Присяжный поверенный обратился в управление участка с просьбою сделать распоряжение о прописке ответчика по порученному ему делу, если подтвердятся дошедшие до него сведения, что последний, отмеченный по адресному столу выбывшим на родину, проживает в городе, и если полиция, исполняя его просьбу, вышла из пределов предоставленной ей власти, то такие действия не могут быть поставлены в вину присяжному поверенному, не присутствовавшему при совершении их. (Мск. 900/901-54, ч. 2).

[496] Помощник присяжного поверенного весьма неосторожно вступил для ограждения интересов своего верителя на такой путь, который заслуживает, бесспорно, порицания, так как, пользуясь содействием сыскного отделения, присяжный поверенный не может не понимать, что содействие это заключается только в давлении на противную сторону дискреционною силою административной власти. Посему Совет признает, что помощник присяжного поверенного в защите интересов своего верителя прибегал к средствам, которые заслуживают порицания. (С.-Пб. 76/77-43).

[497] Совет высказал строгое осуждение присяжному поверенному за его сообщение полиции о возбужденном им же против своего противника обвинении для лишения его права содержания питейного заведения. Такое сообщение имеет, несомненно, предосудительный характер. Присяжному поверенному совершенно не подобает пользоваться подобными средствами, направленными к нанесению материального вреда их противникам, способами, выходящими из границ, очерченных законом для осуществления задач, связанных с защитой интересов их доверителей. (С.-Пб. 09/10-579).

[498] Угрозы уголовным преследованием, да еще сопровождаемые мировыми предложениями, не могут быть допускаемы со стороны присяжного поверенного в его сношениях с противниками, и

такого рода действия составляют один из серьезных профессиональных проступков. (Мск. 09/10-325, ч. 3).

[499] Угроза процессом, при котором обнаружатся «многие обстоятельства, неприятные» для лица, представляет собой такую неразборчивость в выборе средств при ведении чужих дел, которая заслуживает самого строго взыскания. (С.-Пб. 89/90-137).

[500] Угроза уголовным преследованием в целях понудить противную сторону к уплате денег, исполнению обязательства, возмещению убытка или иным действиям в интересах своего доверителя, недопустима со стороны члена сословия. (Мск. 09/10-302, ч. 3).

[501] Присяжный поверенный явился в контору фирмы и, передав представителю ее набранный в типографии своей матери оттиск публикации для вручения его своему противнику в процессе, объявил, что если взыскание не будет окончено миром, то публикация будет напечатана в главнейших газетах. Оттиск этот был составлен и набран, как видно из его содержания, по-видимому, с единственной целью – предъявить его конторе и тем вынудить ее на более или менее выгодную мировую сделку по присужденному уже Судом взысканию. Такие действия Совет нашел в высшей степени предосудительными и заслуживающими строгого взыскания. (Мск. 94/95-911, ч. 2).

[502] Помощник присяжного поверенного совершил тяжкое профессиональное нарушение. Обращаясь к самому факту посылки письма с предварением возбудить дело, не касаясь его содержания, Совет не может не указать, что им неоднократно уже высказывался взгляд о необходимости соблюдать чрезвычайную осторожность в редактировании подобного письма. Оно никоим образом не должно заключать в себе не только угроз, но даже и намека на них. Самое большее, что такое предваряющее письмо может в себе заключать, это – изложение самого события поступления к присяжному поверенному такого-то дела. Но и такое письмо возможно лишь послать, имея к тому серьезные основания, убедившись в полной обоснованности, насколько это можно выяснить, заявленной претензии. Отступление от этого правила роняет положение адвоката, дает основание предполагать желание запугать, может даже причинить ущерб тому лицу, кому письмо адресовано, и вообще вызвать серьезные последствия. В настоящем случае некоторым оправданием посылки такого предупреждающего письма может служить желание не дово-

дить дело до Суда, в особенности, имея в виду честь женщины, тяжесть для нее подобного процесса, необходимость все сделать для облегчения ее положения. (Мск. 06/07-252, ч. 2).

[503] Присяжный поверенный никогда не должен совершать сознательно сделок во вред третьим лицам; посему действие присяжного поверенного, приобретшего исполнительный лист своего верителя на судебные издержки, зная, что у должника есть уже присужденная претензия, подлежащая зачету, должно быть признано крайне предосудительным и заслуживает одного из самых строгих взысканий. (С.-Пб. 89/90-84).

[504] Присяжный поверенный не обязан предварять ответчика о предъявлении к нему иска. (Мск. 08/09-207, ч. 2).

[505] Хотя присяжный поверенный не обязан передавать противнику факты, сообщенные ему доверителем, но он не вправе предпринимать действия, лишающие противника возможности узнать настоящее положение дела и способствующие доверителю скрывать существующие факты. (С.-Пб. 76/77-52).

[506] Помощник присяжного поверенного виновен в том, что, вступая в сделку с противником, умолчал о всех обстоятельствах, ему известных, относительно претензии его верителя, что, выдавая ему расписку и заявление на имя судебного пристава, в этих документах с недостаточною точностью и ясностью определил условия сделки, чем мог вовлечь в заблуждение его относительно предмета сделки. Такого рода действия нельзя признать совместными с достоинством помощника присяжного поверенного, а потому он подлежит, по мнению Совета, за эти действия высшей мере дисциплинарной ответственности. (Мск. 90/91-147).

[507] Помощнику присяжного поверенного не следовало бы вообще, прося отмены продажи описанного имущества его доверителя, выдавать от своего имени обязательство и уверять честным словом об уплате денег к известному сроку, а тем более подобные действия представляются неправильными, когда по объяснению его самого, он доверителя своего мало знал и не имел понятия о его имущественном положении. Хотя помощник присяжного поверенного в оправдание своих действий и указывает на то, что деньги по залогу дома его доверителя получить должен был он, и что он имел согласие на удовлетворение из них претензии, по которой было

назначено в продажу имущество, но объяснение это не может служить оправданием его действий, так как доверитель мог прекратить данную ему доверенность, и тогда он не имел бы права получить деньги по залогу дома, имел право изменить данное разрешение, наконец, на деньги эти мог быть наложен арест по другим взысканиям, и тогда при всем желании его исполнить данное честное слово он имел бы возможности. (Мск. 900/901-224).

[508] По 403 ст. Пр. Суд. Уст. присяжному поверенному воспрещается оглашать тайны своего доверителя; посему высказывание своего мнения о положении того или другого постороннего для него лица (противника) в процессе не может быть признано предосудительным, и присяжный поверенный, как и всякое другое лицо, имеет несомненное право высказывать свое мнение, тем более, что в данном случае присяжный поверенный выражал мнение о положение противника в процессе в частной беседе, в кругу товарищей и близких знакомых лиц, по заявлению самого жалобщика к данному процессу. (Мск. 900/901-98, ч. 2).

[509] Как в жалобе в Правительствующий Сенат, так в Коммерческом Суде и Палате присяжный поверенный характеризовал действие одного лица, как «мошенничество». По мнению Совета, квалификация известных действий, доказываемых на Суде, не может иметь характера оскорбления или клеветы. Присяжный поверенный не может быть также назван неосмотрительным или легкомысленным обличителем, так как факт, который приписываем был им лицу, подтвержден свидетельскими показаниями. (С.-Пб. 84/85-47).

[510] Присяжному поверенному вексель был послан для взыскания, но иска по нему предъявлено не было, так как должник явился к нему и пожелал уплатить долг. Хотя вексель просрочен и опротестован, но, если платеж произведен в надлежащем месте до предъявления его в Суде ко взысканию, платеж этот безусловно погашает претензию. При таком положении для требования с должника дополнительной суммы, как вознаграждения за ведение дела, уже нет никакого основания, а потому и поверенный его не имел законного основания настаивать на уплате назначенной им дополнительной суммы. Требование доверителя не может служить оправданием для поверенного в его действиях. Если эти требования не согласуются с законом, поверенный должен отказаться от их исполнения или отказаться от ведения дела. (06/07-107, ч. 2).

[511] Совет усмотрел в письме помощника присяжного поверенного следующие отступления от обычной формы вежливого делового письма: 1) вместо общеупотребительного обращения, в котором за словами «Милостивый Государь» следуют имя и отчество адресата, поставлены только две буквы «М. Г. «; 2) требование письма выражено не словом «прошу», как это принято в переписке между равными, а словом «предлагаю», уместным лишь в предписании начальника лицу, ему подчиненному; 3) подписи не предшествует обычное заявление об уважении к адресату. Будучи человеком образованным, нельзя не знать, что в деловых сношениях как личных, так и письменных, необходимо соблюдать обычные правила вежливости. В деловых отношениях к противнику доверителя адвокат должен соблюдать строгую сдержанность, памятуя, что замечания, упреки и вообще всякие виды осуждения уместны лишь при родственных, дружеских и товарищеских отношениях, а не по отношению к лицам для нас посторонним, с которыми мы сталкиваемся лишь на деловой почве. Выдержка и спокойствие в отношениях к вероятному противнику на Суде является тем более необходимым, что, настаивая на своем праве, было бы несправедливо отказывать противнику в праве самостоятельно судить, должен ли он признать предъявленное к нему требование правильным или объявить спор. (Мск. 02/03-319, ч. 2).

[512] Входить в сделки со своим противником, давать ему взаймы, занимать у него – это подрывать основы адвокатской деятельности, попирать ее заветы. (Мск. 07/08-392, ч. 3).

13. ВЕДЕНИЕ ДЕЛ ПО ПРАВУ БЕДНОСТИ

[513] Назначение Советом присяжных поверенных для ведения гражданских дел, по точному смыслу 4 и 5 п. 367, 388 и 392 ст. Учр. Суд. Уст., может иметь место только в двух случаях, – или когда тяжущийся пользуется правом бедности, или в тех местах, где состоит полное, определенное табелью число присяжных поверенных.

[514] Обязанность ведения дел по праву бедности и защите его по уголовным делам по назначению от Суда представляется одной из самых важных функций присяжной адвокатуры, как судебного сословия. Исполнение этих обязанностей проводит резкую грань

между адвокатурой, как сословием, призванным отправлять функции судебных органов, и между ходатаями, как защитниками частных интересов. Поэтому обязанности по ведению дел по праву бедности и защите по назначению должны исполняться самым строгим образом. Промедление и небрежность в этих делах совершенно недопустимы. (Мск. 06/07-144, ч. 2).

[515] При ведении дел лиц, пользующихся правом бедности, присяжные поверенные должны быть особенно аккуратными и осторожными, дабы не навлекать на сословие тяжких обвинений, подрывающих его честь и добрую репутацию. (Мск. 900/901-59, ч. 2)

[516] По ст. 367 п. 4 Учр. Суд. Уст., лицам, пользующимся правом бедности, Совет назначает поверенных по очереди, и всякий присяжный поверенный, в силу своего звания, признается способным и подготовленным для ходатайства по всем делам, по которым законом предоставлено право действовать через поверенных во всех существующих в Империи учреждениях. (С.-Пб. 90/91-37).

[517] Присяжный поверенный, уклонившись от явки в судебные заседания Окружного Суда и Судебной Палаты при рассмотрении порученного ему Советом дела, не исполнил ни возложенной на него обязанности охранения интересов лица, вверенного его попечению, ни обязанности по долгу носимого звания, а потому, ставя в вину присяжному поверенному неявку его в судебные заседания по делу, Совет признал его за сделанные им упущения подлежащим дисциплинарному взысканию. (Мск. 96/97-22).

[518] При переходе дел из провинциального Окружного Суда в Судебную Палату, Совет, по просьбе тяжущихся, пользующихся правом бедности, или их поверенных, назначает им для защиты дел в Судебной Палате поверенных из числа присяжных поверенных, живущих в городе, где находится Палата. (С.-Пб. 07/08-41).

[519] С.-Петербургский Совет нашел, что подведомственные ему присяжные поверенные обязаны вести дела лиц, пользующихся правом бедности, лишь в судебных учреждениях округа Судебной Палаты, Гражданский же Кассационный Департамент Правительствующего Сената состоит вне округа, и поэтому Совет не может назначать поверенных для ведения в оном деле в порядке 4 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст. (С.-Пб. 07/08-39).

[520] Назначенный для ведения дела по праву бедности присяжный поверенный не обязан выезжать на осмотр далеко за пределы того города, в котором он живет, не получив на то необходимых средств. (Мск. 899/900-5, ч. 2).

[521] По силе 394 ст. Учр. Суд. Уст. назначенный присяжный поверенный обязан представить Совету объяснение достаточности причин к отказу от ведения дела, причем оценка этих причин должна быть более строгою, чем в делах по соглашению. В первом случае для отказа недостаточна сомнительность дела, а необходима его очевидная безнадежность или безнравственность. (Одес. 08-101; С.-Пб. 82/83-50).

[522] Поверенный, которому поручается ведение гражданского дела лиц, пользующихся правом бедности, не имеет права отказываться от ведения порученного ему дела, вследствие его неосновательности, недоказанности, безденежности и т. д. В этих случаях иск, как бы ни казался неправильным и безнадежным, должен быть предъявлен, если доверитель, предупрежденный поверенным о последствиях проигрыша, все-таки настаивает на его предъявлении. На Суде ответчик может признать иск, может не воспользоваться своим правом возражения о давности, об отводах и т.п., и при таком поведении ответчика на Суде и совершенно безнадежный иск может быть выигран. Практика указывает, что громаднейший процент гражданских дел, по коим Совет назначает поверенных лицам, пользующимся правом бедности, представляются делами малоосновательными, или даже совсем неосновательными со стороны лиц, которые ходатайствуют о назначении им поверенного. Это обстоятельство объясняется, по мнению Совета, тем, что правильные иски и основательные дела попадают к поверенным по соглашению; и если бедняк обращается в Совет с просьбою о назначении поверенного, то в громадном большинстве случаев это означает, что никто из адвокатов такого дела ввиду его неосновательности и неправильности не принял. Таким образом, если бы в принципе предоставить Совету или назначенному им поверенному отказывать и отказываться от таких дел, то это значило бы лишить бедных людей предоставленного им по закону права иметь специалиста поверенного для предъявления и защиты их прав на Суде. (Сарат. 05/06-33).

[523] Присяжный поверенный, назначенный Советом для ведения дела лиц, пользующихся правом бедности, обязан вести это

дело, хотя бы оно представлялось ему невозможным к выигрышу, так как только Суд может определить его основательность, а предварительная поверка основательности Совету не предоставлена. (С.-Пб. 83/84-52).

[524] Существует разница между отказом поверенного от ведения дела, принятого от доверителя и порученного ему Советом присяжных поверенных. В то время, как в первом случае поверенный всегда может сложить с себя принятую им обязанность, будучи обязан только заблаговременно уведомить об этом доверителя (ст. 2333, X т., ч. 1 и 252 Уст. Гр. Суд.), при поручении дела Советом, присяжный поверенный не может отказаться от исполнения данного ему поручения, не представив Совету достаточных для освобождения от данного поручения причин. (Харьк. 06/07-116; Мсек. 09/10-166, ч. 3; 10/11-22, ч. 3).

[525] Совет нашел, что жалобщик не имеет никаких оснований для предъявления того иска, ведение коего Совет поручил присяжному поверенному по праву бедности, и постановил освободить присяжного поверенного от обязанности вести дело жалобщика. (Мск. 97/98-109).

[526] Безвозмездное ведение, по поручению Совета, гражданских дел лиц, за которыми Судом признано так называемое право бедности, есть для присяжного поверенного повинность общественного характера в той же мере, как и безвозмездная защита по назначению председателей судебных мест в Суде уголовном. Повинность эта налагается Советом и снята может быть только Советом так же точно, как освобождение от защиты может состояться только по распоряжению председателя судебного места или определением Суда. Своею волею, хотя бы по причинам серьезным, присяжный поверенный не имеет права сложить с себя ни той, ни другой повинности. И, конечно, вопрос здесь не в соблюдении субординации, не в разграничении сфер автономии присяжного поверенного и его подчиненности Суду и Совету, не вопрос властвования и подчинения, здесь – серьезный момент общественного служения по поручению и под контролем Суда и Совета. Суд и Совет поручают вести дело обыкновенно по очередному списку: все равно обязаны, никто не вправе сказать «не хочу» перед компетентным органом, перед Судом и свободно избранным органом корпоративного надзора и дисциплинарного Суда. Только потому общество и может быть уверено, что «не могу» не есть замаскированное «не хочу» и притом, мо-

жет быть, из соображений корыстного характера, и что служба ему поставлена в такие условия строгого и нелицеприятного надзора, судебного и общественно-корпоративного, которые исключают не только корысть, но и прихотливые особенности симпатий, вкусов, настроений, взглядов отдельных лиц. Это не трудно понять и обязательно хорошо помнить. Дела по назначению Совета присяжные поверенные обязаны вести сами лично и передоверять их для ведения права не имеют, иначе ведение таких дел не было бы повинностью, для всех равно обязательной: одни несли бы эту повинность добровольно или по отсутствию у себя сотрудников, другие – передавали бы ее, причем эта передача совершалась бы вне контроля Совета; следовательно, дела по назначению Совета фактически могли бы вести и помощники присяжных поверенных и даже частные поверенные, тогда как Совет, по закону, для ведения дел по праву бедности имеет право назначать только присяжных поверенных. Поэтому пользоваться правом передоверия при ведении дел по назначению Совета присяжные поверенные могут только в самых крайних случаях, когда действие по делу лично совершить безусловно невозможно, а между тем, оно настоятельно и немедленно в интересах доверителя необходимо. (Мск. 09/10-372, ч. 3).

[527] Обязанность присяжного поверенного вести дела по праву бедности покоится на принципе общественного служения адвоката, его общественного призвания. От несения такой общественной обязанности присяжный поверенный не может уклониться, перекладывая эту обязанность, возложенную на него Советом, на своего помощника или другого присяжного поверенного. Подобного рода дела присяжный поверенный должен вести лично и только в крайних случаях, при особо уважительных обстоятельствах, может передоверить выход на отдельное заседание кому-либо из своих товарищей, но и то под своею ответственностью за правильное ведение дела. (Мск. 08/09-164, ч. 3).

[528] Совет находит, что присяжный поверенный уклонился от личного исполнения обязанности, составляющей законную повинность членов сословия, и сложил с себя не только ведение, но и непосредственное наблюдение за ходом дела, на него возложенного. При этом самое ведение дела было возложено даже не на присяжного поверенного, а на помощника. Согласие, выраженное доверительницею, не является обстоятельством извиняющим. Если присяжный поверенный фактически не мог принять на себя поручения Совета, а доверительница действительно желала вместо него иметь

своим поверенным помощника присяжного поверенного, то присяжному поверенному следовало бы об этом тогда же объяснять Совету, а она должна была выдать доверенность избранному ею поверенному. (Мск. 05/06-193).

[529] Присяжный поверенный был назначен Советом для ведения дела по праву бедности. Вместо того, чтобы по получении ордера Совета приступить к исполнению своих обязанностей, он пишет в Совет просьбу об освобождении его от ведения этого дела. Резолюцией Совета просьба его оставлена без уважения, и после такого подтверждения он был обязан приступить к немедленному и неуклонному исполнению своих обязанностей без всяких отговорок или обжаловать это постановление в Судебную Палату, но, не подав на постановление Совета жалобы, после того, как это постановление вступило в законную силу, присяжный поверенный подает в Окружной Суд совершенно незаконную просьбу об освобождении его от обязанностей вести дело, не зная, не осведомившись в законе, или, что еще хуже, зная, что Суд некомпетентен в разрешении такой просьбы. В обращенной к Суду просьбе, как на мотив об освобождении его от ведения дела, он указывает на обстоятельство, что иск предъявлен с нарушением 7 п. 683 ст. X т. 1 ч. Зак. Гр., так как событие увечья произошло 29 ноября 1899 г., т. е. ранее подачи прошения в Суд более чем на год, и тем указывает своему противнику возражение по делу своего доверителя, интересы которого он призван был отстаивать на Суде, прошение это он подает как состязательную бумагу с копией для противной стороны, облегчая ей таким образом даже самый способ ознакомления с слабыми, по его мнению, сторонами в деле его доверителя. По всем сим основаниям присяжный поверенный, если бы Совет нашел его образ действий умышленным, подлежал бы самому тяжелому взысканию за силою 405 ст. Учр. Суд. Уст., но в данном случае Совет находит, что он поступил без всякого намерения и злого умысла, а посему и определяет: присяжному поверенному запретить отправление обязанностей поверенного на две недели. (Мск. 02/03-52, ч. 1).

[530] Умедление в представлении доверителем нужных по делу сведений дает право поверенному напомнить доверителю об обязанности его представить такие сведения и задержать предъявление иска до представления их, но само по себе оно не может служить основанием к освобождению поверенного от исполнения лежащей на нем по закону обязанности, ибо выбор подходящего времени для предъявления иска зависит вполне от доверителя и всецело входит в

пределы интересов сего последнего. Но вместе с сим, Совет находит, что собирание доказательств иска не входит в круг обязанностей присяжного поверенного, назначенного для ведения дела по праву бедности. (Каз. 08/09-114).

[531] Присяжный поверенный, назначенный для ведения дела лица, пользующегося правом бедности, не может считать исполненными до конца свои обязанности до тех пор, пока порученное ему дело не получить окончательного разрешения по существу. (С.-Пб. 87/88-109).

[532] С.-Петербургский Совет требует, чтобы присяжные поверенные, которые ведут дела по поручению Совета, сообщали ему по окончании дел результат их ходатайств. (С.-Пб. 90/91-5).

[533] Просьба присяжного поверенного избавить его от докучливого доверителя и освободить его от возложенных на него Советом обязанностей вести его дело не может заслуживать уважения, так как личные недостатки в характере доверителя не являются серьезным основанием для того, чтобы Совет мог освобождать присяжных поверенных от защиты интересов людей, силою обстоятельств поставленных в невозможность условиями воспитания усвоить себе правильные представления об отношениях к своему поверенному. (С.-Пб. 05/06-12).

[534] Помещенные в прошении оскорбительные для чести присяжного поверенного выражения могут служить достаточным поводом для присяжного поверенного к отказу от ведения дела, не говоря уже о том, что присяжный поверенный не может быть принуждаем к ведению неосновательного, по его мнению, дела. (Одес. 07-74).

[535] Пользующийся правом бедности не мог в доверенности, выданной на бланке, зачеркивать фразу, ограничивающую права поверенного, и тем как бы давать основание к предположению, что он не вполне доверяет тому поверенному, который, по его же просьбе, назначен ему Советом для ведения его дела. Еще менее такое отношение могло быть допущено не со стороны его самого, а его поверенного, явившегося каким-то посредником, что во всяком случае не может быть допущено при назначении Советом по праву бедности поверенного, и исполняющего это поручение Совета, как обязанность, наравне с защитою подсудимого по назначению Суда. В

смысле получившего от Совета уполномочие на ведение дела лица, пользующегося правом бедности, присяжный поверенный естественно не должен допускать выражения хотя бы и тени недоверия к нему доверителя, к которому он стал в отношение поверенного не по собственному желанию и выбору, а в силу исполнения одной из повинностей своего звания. (Мск. 96/97-61).

[536] Совет нашел возможным освободить присяжного поверенного от ведения дела (лица, пользующегося правом бедности) вследствие его болезненного состояния. (Новочерк. 10/11-233).

[537] Совет отказал просителю в назначении ему вместо ранее назначенного нового поверенного на том основании, что, раз, отказавшись от назначенного ему Советом поверенного, он не может требовать назначения ему другого, потому что, по п. 4 ст. 367 Учр. Суд. Уст., поверенные по делам лиц, пользующихся правом бедности, назначаются им по очереди, а не по их выбору. (С.-Пб. 88/89-17).

[538] За доверителями не может быть признано право просить о назначении им другого поверенного. Если доверитель почему-либо недоволен действиями назначенного ему поверенного, то может обжаловать эти действия в установленном порядке или отказаться от его помощи, тем самым лишаясь права впредь требовать назначения нового поверенного, согласно ст. 368 Уст. Гр. Суд. (Сарат. 05/06-33).

[539] Присяжный поверенный, будучи назначен на защиту подсудимого, следовательно, на безвозмездное исполнение этой обязанности, позволил себе в записке, обращенной к доверителю, напомнить последнему о необходимости произвести денежную уплату за этот труд. Находя такой поступок предосудительным и крайне неприличным, Совет подверг присяжного поверенного взысканию (Харьк. 83/84-97).

[540] На присяжном поверенном, назначенном поверенным по праву бедности, не лежит обязанность производить расходы по делу из собственных средств, равно не может быть вменено ему в обязанность и разыскание необходимых документов. (Мск. 92/93-84, ч. 2).

[541] При назначении Судом или Советом Присяжных Поверенных очередного присяжного поверенного для защиты интересов тяжущегося, пользующегося правом бедности, выбранный присяжный поверенный не вправе входить со своим доверителем в соглашение о добровольном вознаграждении, так как закон (4 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст.), возлагая эту обязанность на присяжного поверенного, называет таковую обязанность безвозмездным хождением по делам лиц, пользующихся правом бедности. Следовательно, закон устанавливает общее правило о безвозмездности ведения таковых дел присяжным поверенным и делает из этого общего правила единственное исключение в статье 397 Учр. Суд. Уст. По прямому смыслу этой последней статьи, не возбуждающему сомнения, в особенности при сопоставлении ее с 396 ст. Учр. Суд. Уст., назначенный присяжный поверенный вправе получить в свою пользу в вознаграждение за ведение дела тяжущегося, пользующегося правом бедности, лишь то вознаграждение, которое определено Судом с обвиненной стороны, и в добавление к этому вознаграждению, ничего уже не может требовать со своего доверителя по праву бедности с отказанной ему части иска, т. е. не может требовать применения 12 п. таксы, установленного для доверителей, могущих, независимо от таксы, вступать с своим поверенным в соглашение по вознаграждению за ведение гражданского дела, безвозмездность какового ведения дела присяжным поверенным, несмотря на его конечные результаты, в этом случае не предполагается по закону (395 и 396 ст. Учр. Суд. Уст.). Принципом безвозмездности ведения дел по праву бедности поверенным по назначению или Совета, или заменяющего его место Суда, и могут быть объяснены практические случаи неполучения вовсе присяжными поверенными вознаграждения, при отказе, например, в большей части иска, предъявленного по праву бедности. (Каз. 08/09-38; Мск. 900/901-51, ч. 2).

[542] Присяжный поверенный, ввиду избрания его членом Государственной Думы, ходатайствовал об освобождении его от обязанностей по ведению дел лиц, пользующихся правом бедности, и от уголовных защит по назначению Председательствующих судебных мест. Принимая во внимание, что, сохраняя звание присяжного поверенного, член Государственной Думы должен исполнять и сохраненные с этим званием обязанности, в числе которых важнейшими признаются защиты подсудимых по назначению Суда и ведение дел по праву бедности, что занятия, связанные с званием члена Государственной Думы, как бы ни были важны и многосложны, фактически не лишают члена Думы возможности уделить часть сво-

его времени и своих сил другой должности, в том числе адвокатской, и что в случае коллизии, в смысле совпадения по времени, обязанностей члена Думы и присяжного поверенного, от лица, исполняющего и те и другие обязанности, зависит принять соответствующие меры, Совет ходатайство это оставил без удовлетворения. (С.-Пб. 07/08-42).

14. УЧАСТИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

[543] Звание председателя конкурса по закону присваивается профессии присяжного поверенного (ст. 10 прил. к ст. 1400 прим. Уст. Гр. Суд.), а следовательно, и самые эти действия подлежат дисциплинарному контролю Совета. (С.-Пб. 88/89-75).

[544] Совет находит, что согласно реш. Сен. за 80 г. № 279 по д. Яковлевых, несостоятельный должник, при определении свойства его несостоятельности, не лишен права защиты и замены его лицом, уполномоченным законною от него доверенностью. Защищать личные права свои не воспрещено законом несостоятельному, даже выехавшему за границу вопреки данной им подписки. Независимо сего должник вправе жаловаться на действия конкурса, коими наносится ущерб конкурсной массе, и вообще на неправильные распоряжения конкурса по управлению имуществом (С.-Пб. Посенко II № 1259 и 1284). Наконец, «в тех случаях, когда вопрос возбуждается о правах неимущественных, нет никакого основания лишать должника права искать и отвечать на Суде», а, следовательно, и ходатайствовать в административных учреждениях (Шершеневич. Учение о несостоятельности. Казань, 1890 г., стр. 208, § 130). Если же на все это несостоятельный должник имеет право, то для защиты таких своих прав он может уполномочить поверенного. Посему, если бы даже присяжный поверенный справлялся о деятельности конкурса или содействовал несостоятельному в получении свидетельства от консула, действуя при этом не только по поручению, но и по формальной доверенности его, то в этом нельзя было бы усмотреть нарушения профессиональных обязанностей. Для того, чтобы уличить присяжного поверенного в содействии должнику в сокрытии имущества и в совершении незаконных сделок, недостаточно предположения о «сочувствии», в коем не может быть отказано по долгу человечности даже уличенному преступнику. (Одес. 08-54).

[545] Крайне неосмотрительно было принимать на себя ведение всех дел Конкурса, тогда как в числе спорных векселей в Конкурсе числились именно векселя его доверителя. Эту неосмотрительность он усугубил, когда по делу о взыскании с Конкурса по тем векселям выступил в Коммерческом Суде поверенным Конкурса. В двусмысленном положении, занятом, таким образом, Совет не усматривает явного нарушения 402 ст. Учр. Суд. Уст., или 252 ст. Уст. Гр. Суд., запрещающих присяжным поверенным переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой, так как в данном случае вышеозначенное двусмысленное положение обусловлен было, в известной мере, характером самого конкурсного производства. Закон (ст. 525 Уст. торгового) не воспрещает составлять Конкурсное Управление из заимодавцев несостоятельного (а, следовательно, и их поверенных) и этим самым придает заимодавцу и его поверенному, вступившему в состав Конкурсного Управления, некоторое двойственное положение: и защитника общих интересов кредиторов, и в то же время неизбежного ревнителя своих собственных интересов. Но во всяком случае, нежелательно развивать это начало до крайних пределов. Положение, уместное в управлении имуществом, является неуместным, когда дело доходит до судебного спора. Когда противоположные интересы представлены пред Судом, тогда одно и то же лицо не может являться достойным защитником обеих сторон; это именно и предусмотрено по отношению к присяжным поверенным законом (ст. 402 Учр. Суд. Уст. и 252 Уст. Гр. Суд.) и правило, высказанное законом, справедливо распространить на конкурсное производство, вопреки букве Торгового Устава. На основании всего сказанного, Совет признает, что присяжный поверенный, бывший в Конкурсном Управлении представителем интересов некоего лица, допустил в своих действиях крайнюю неосмотрительность, когда выступил поверенным Конкурса в деле Конкурса с тем же лицом. (Мск. 88/89-17).

[546] То обстоятельство, что присяжный поверенный является скрытым поверенным несостоятельных должников, их деятельным помощником и вдохновителем, выступающим лишь под флагом поверенного кредиторов, которые в свою очередь тоже являются пособниками злостных банкротов, то обвинение в подобных деяниях, если бы оно было доказано, представляется столь тяжким, что виновный в совершении их присяжный поверенный, без сомнения, не мог бы быть более терпимым в среде сословия. Представляя собою как бы в виде переживания, к счастью, исчезающий теперь, тип времен дореформенной юстиции, тип, отраженный нашей литературою

под известным названием «конкурсных дел мастеров», такой адвокат являл бы собою живое отрицание самых существенных основ присяжной адвокатуры, как чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности пред правительством. (Мск. 97/98-190).

[547] По ст. 10 прил. к 1400 Уст. Гр. Суд., принятие звания присяжного попечителя вполне зависит от письменного согласия назначенного на эту должность присяжного поверенного, вследствие чего уклонение от исполнения этой должности или составляет проступок по должности, подведомственной Суду, или не будет составлять никакого проступка, если назначенный не дал своего согласия в письме. (С.-Пб. 87/88-101).

[548] Совет нашел, что присяжный поверенный весьма неосмотрительно принял на себя звание присяжного попечителя по делам лица, бывшего перед тем постоянным его доверителем, и притом по указанию кредиторов, состоявших с последним в близких родственных отношениях, так как это могло дать повод заподозрить присяжного поверенного в пристрастных в пользу должника действиях. С целью ввести в состав Конкурса другого присяжного поверенного, без всякой, впрочем, корыстной цели, а лишь с намерением доставить товарищу заработок, присяжный поверенный фиктивно перевел на его имя часть своей претензии к несостоятельному должнику, чем нарушил обязанности присяжного поверенного, долженствующего всегда действовать открыто, не вводя никого в заблуждение; в тот же конкурс он ввел помощника присяжного поверенного, бывшего постоянным его сотрудником и не имеющего вследствие сего по самому положению своему возможности действовать в Конкурсе вполне самостоятельно. В отношении второго из присяжных поверенных Совет нашел, что он заявил, с целью войти в состав Конкурсного Управления, от своего имени претензию, в действительности, принадлежавшую другому лицу; хотя это сделано по просьбе сего лица, тем не менее, Совет признал поступок этот неправильным ввиду того, что им могли быть введены в заблуждение кредиторы, избиравшие в Конкурс присяжного поверенного, как лицо самостоятельное, тогда как в действительности он был представителем другого члена Конкурса. (С.-Пб. 81/82-69).

[549] Присяжным попечителем по делам несостоятельного был присяжный поверенный, в лице которого, по мнению Судебной Палаты, вопреки 402 ст. Учр. Суд. Устан., сосредоточилось представительство и истца и ответчика. Палата признала необходимым со-

общить Совету «о действиях присяжного поверенного, ничем перед Палатой не объяснившего принятие им на себя обязанностей присяжного попечителя несостоятельного ответчика в то время, когда он состоит поверенным истца».

Рассмотрев изложенное, Совет не видит в действиях присяжного поверенного никаких неправильностей. Уже не говоря о том, что назначение присяжных попечителей производится Окружными Судами, которые обычно не спрашивают предварительно назначения согласия назначаемых, но в самом факте возложения обязанностей присяжного попечителя на поверенного кредитора, т. е. противника несостоятельного, нет ничего неправильного, и факт такой является обычным в практике Судов. Существо всего производства о несостоятельности заключается в том, что заведывание делами должника, запутавшегося до степени несостоятельности, передается его кредиторам. Конкурсное Управление является представителем конкурсной массы и имущественной личности должника, но делается оно таким представителем не по избранию и доверию должника, а именно «в качестве уполномоченного от всех заимодавцев», как это прямо и выражено в 552 ст. Уст. Судопр. Торг. (по изд. 1887 г.); кредиторами оно и избирается (там же ст. 527 и след.). Такой же характер носит деятельность и присяжного попечителя: хотя присяжного попечителя назначает Окружный Суд, но преимущественно из лиц, «указанных кредиторами» (ст. 10 приложения 3-го к ст. 1400 Уст. Гр. Суд.); отчет о своих действиях присяжный попечитель дает Конкурсному Управлению, т. е. представителю кредиторов (ст. 549 Уст. Суд. Торг. изд. 1887 г.); общему собранию кредиторов принадлежит право привлекать или не привлекать присяжного попечителя к ответственности за его упущения (ст. 550 Уст. Суд. Торг.); определение размера вознаграждения отличившегося усердием присяжного попечителя сверх назначенных законом процентов предоставлено также общему собранию кредиторов (ст. 640 Уст. Судопр. Торг.); наконец, в случае, указанном в ст. 15 приложения 3 к 1400 ст. Уст. Гр. Суд., присяжный попечитель исполняет во все время производства несостоятельности обязанности Конкурсного Управления по распоряжению имуществом несостоятельного и по представительству его на Суде. Таким образом, характер деятельности Конкурсного Управления и присяжного попечителя один и тот же – на них возложено законом представительство должника, но в интересах не его собственных, а в интересах кредиторов. В настоящем случае доверитель присяжного поверенного именно в качестве противника несостоятельного, в качестве взыскателя был заинтересован в том, чтобы его поверенный принял возможно близкое участие в делах

несостоятельного, дабы разыскать его имущество для удовлетворения долгов; если бы для этой цели доверитель сделался представителем должника с помощью какого-либо злоупотребления доверием последнего, то это было бы, конечно, предосудительно, но цель эта достигнута именно тем путем, который указан для этого законом – путем такой передачи всех дел должника в руки кредиторов, которая указана при несостоятельности. Само собою разумеется, что отсюда не следует, чтобы поверенный одного из взыскателей, ведя процесс с конкурсной массой, мог бы в этом же процессе выступить представителем интересов этой массы, так как в этом случае ему пришлось бы защищать на Суде интересы противоположные, что, конечно, невозможно: Конкурсное Управление обычно составляется из кредиторов или их поверенных; все вместе они представительствуют от всей конкурсной массы, но интересы каждого из них в отдельности обычно противоположны интересам всей массы. Дабы не впадать в противоречие с самим собою, кредитор или его поверенный, участвуя вообще в Конкурсе, не участвует в рассмотрении собственной претензии, а если по поводу этой претензии ведется процесс, как было в данном случае, то такой кредитор в этом процессе продолжает отстаивать свои личные интересы, его поверенный остается на своем посту, а защита интересов конкурсной массы вверяется Конкурсным Управлением другому члену Конкурса или особому поверенному. И в настоящем случае Конкурсное Управление защиту интересов конкурсной массы в процессе поручило другому лицу – куратору; присяжный поверенный, судя по его объяснению перед Советом, заблуждался лишь в том отношении, что, принимая на себя звание присяжного попечителя по делам несостоятельного, нашел необходимым вследствие этого сложить с себя обязанности поверенного кредитора; если бы здесь была несовместимость обязанностей в смысле 402 ст. Учр. Суд. Уст., то она не устранялась бы сложением обязанностей поверенного, так как 402 ст. воспрещает не только одновременное представительство противоположных интересов, но и последовательный переход на сторону противника; однако, такой несовместимости здесь вовсе не было, и присяжный поверенный до конца процесса мог бы оставаться поверенным истца. Дело же, конечно, не могло слушаться без представителя интересов конкурсной массы, но присяжный попечитель вовсе не обязан во всех процессах, касающихся интересов конкурсной массы, брать на себя непременно личную защиту этих интересов на Суде. Необходимо было, чтобы в этом процессе защитников интересов массы явился другой, как он и явился впоследствии в лице другого присяжного поверенного. (Харьк. 09/10-162).

[550] На присяжном поверенном не лежит по закону обязанность содействовать Конкурсному Управлению в поимке несостоятельного. Если присяжный поверенный, будучи защитником подсудимого в совершении преступления, не вправе выдавать своего доверителя посредством сообщения доверенных ему тайн (ст. 403 Учр. Суд. Уст.) даже Суду, то тем менее основания Конкурсному Управлению требовать от поверенного такой предупредительности, чтобы он по отношению к лицу, даже не обвиняемому ни в каком преступлении, явился в роли доносителя и сыщика. (С.-Пб. 88/89-144).

[551] Принятие дела против конкурсной массы куратором на условиях вознаграждения половиною того, что будет присуждено, равняется в сущности приобретению половины иска, т. е. действию, запрещенному куратору по 1909 ст. Тор. Уст. и по 400 ст. Учр. Суд. Уст. присяжному поверенному. Принятие куратором нового дела против конкурсной массы противно правилу, по которому присяжные поверенные не могут одновременно являться поверенными обеих тяжущихся сторон. Рассматриваемое с точки зрения куратора, такое действие имеет вид взятки, так как масса, на которую рассчитывают контрагенты при заключении подобного условия, находится в распоряжении самих кураторов. (С.-Пб. 84, 85-84).

[552] Совет считал необходимым определить общие начала дележа вознаграждения по-товарищески между кураторами и председателем Конкурсного Управления, ввиду того, что закон не определил оснований этого дележа, что нет также установившегося по этому предмету обычая, что членами Конкурса бывают часто члены адвокатской корпорации, и что неопределенность оснований дележа порождает, как и в настоящем случае, неприличные споры, которые не могут не вредить сословию в общественном мнении. Случается, что в крупных конкурсных делах общее собрание кредиторов, ассигнуя сумму на Конкурсное Управление, определяет подробно и способ распределения тех денег, которые окажутся в остатке по окончании Конкурса для вознаграждения кураторов и председателя за их труды. Вопрос, подобный настоящему, может возникнуть только тогда, когда общее собрание кредиторов ассигновало общую сумму на содержание Конкурса, не выразив своих намерений относительно неизрасходованной части ассигнованной суммы. При обсуждении этого вопроса в Совете образовалось два мнения. Меньшинство из трех членов полагало, что так как сам закон, в ст. 642 Уст. о Торг Несост., положил при окончании дела кураторам за тру-

ды их два процента с вырученной суммы от ликвидации имущества (которые по настоящему делу получены членами Конкурса), то неизрасходованный остаток суммы, ассигнованной на содержание Конкурса, должен быть занесен на приход и подлежит распределению между кредиторами, если кредиторы не дадут ему иного назначения. Остальные члены Совета признали, что самою неопределенностью фразы «на содержание Конкурса», подтверждается показание кредиторов, что они предоставили по настоящему делу остатки в полное распоряжение членов Конкурсного Управления за их труд. Из общей суммы, отпущенной на содержание Конкурса, должны быть вычтены, по 10 п. 599 ст. Уст. о Торг. Несост., издержки на содержание канцелярии, гербовый сбор по искам, почтовые сборы и тому подобные расходы: затем из свободного остатка половина должна быть отнесена на долю председателя, как наиболее трудившегося и несшего наибольшую за сохранность документов конкурсной массы ответственность, а другая половина должна быть предоставлена всем остальным кураторам, сколько бы их ни было, в равных частях. (С.-Пб. 93/94-115).

15. УЧАСТИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В БРАКОРАЗВОДНЫХ ДЕЛАХ

[553] Присяжный поверенный, принимающий участие в бракоразводном деле, ввиду особенностей обстановки, при которой приходится производить подобного рода дела, обязан строго относиться к своим профессиональным обязанностям; между тем в данном случае обнаружилось, что задолго до судебного производства присяжный поверенный участвовал в переговорах, которые имели целью устройство развода супругов, уговаривал их установить условия, на которых развод должен был осуществиться на Суде, убеждал согласиться на уступки, которые должны были облегчить формальный развод, закрепил эти уступки письменным актом, получив, как сам утверждает, акт под влиянием личного к себе доверия, в нарушение этого доверия сообщил акт другой стороне, выговорил себе по условию значительную сумму, оставляя неясным, на какие цели она предназначена, с обращением ее в свою пользу, в случае невыдачи или прекращения доверенности или прекращения иска и с возвращением доверителю при неудачном исходе дела. Вести такими способами бракоразводное дело – значит, участвовать в нем в качестве не адвоката, а посредника-устроителя бракоразводной сделки. Такие приему не могут быть терпимы в деятельности лиц, которых

закон признает «удостоенными» звания присяжного поверенного (см. 1064 Уст. Уг. Суд.). (С.-Пб. 89/90-126).

[554] Принятие бракоразводных дел, основанных на прелюбодеянии одного из супругов, не может быть возбранено присяжным поверенным. Но условия производства таких дел, требующие установления факта прелюбодеяния свидетелями-очевидцами, какими нередко являются если не лжесвидетели, то нарочно наведенные люди, ставят присяжного поверенного в необходимость особенно зорко следить за соблюдением обязанностей, наложенных на них сословной этикой. Само собою разумеется, что по отношению к этим свидетелям, ради охранения своего звания от каких-либо нареканий, обязанности присяжного поверенного должны ограничиваться исключительно лишь указанием их Консистории и участием в официальном их допросе. Никакие частные сношения с ними для присяжных поверенных, по мнению Совета, нежелательны, не говоря уж о том, что разыскивать их, а тем более участвовать в наведении их для удостоверения факта прелюбодеяния, а также поучать и подготовлять их к даче показаний не может входить в обязанности присяжных поверенных, которые должны тщательно избегать всего, что могло бы давать малейший повод к заподозрению их в каком-либо воздействии на свидетеля. Всякое уклонение с этого пути роняет достоинство присяжной адвокатуры. (С. 0-Пб. 10/11-641; Одес. 910-151).

[555] Совет не может не остановиться на ложном указании места жительства свидетелей, как на поступке, совершенно несовместимом с достоинством присяжного поверенного. Присяжный поверенный во всех своих заявлениях судебным и административным учреждениям должен безусловно придерживаться одной лишь правды, и никакие практические соображения о пользе и выгоде его доверителя не оправдывают заведомого уклонения его с этого пути. Даже если бы неправильное указание места жительства свидетелей было в Консистории общепринятым явлением, рекомендуемым самой канцелярией, в чем Совет не может не сомневаться, это обстоятельство ничуть не могло бы послужить оправданием для присяжного поверенного, обязанного знать, что искусственное перенесение места допроса путем ложного заявления о жительстве свидетеля в таком месте, с которым он ничего общего не имеет, есть явное нарушение профессиональных обязанностей адвоката. Редактирование показаний, поучение свидетелей давать свои показания в такой-то более ясной форме – есть совершенно недопустимая и никакими

законами не предусмотренная мера воздействия на свидетелей, к которой, конечно, присяжный поверенный прибегать не должен. (С.-Пб. 10/11-642; Одес. 910-153).

[556] Совет не нашел неправильным принятие на себя присяжным поверенным переговоров по поводу бракоразводного дела, которое должно было начаться, и по поводу которого могли возникать разные вопросы, требующие участия юриста (супруги иностранные подданные); что же касается до посещения присяжным поверенным квартиры лица, интересы которого противоположны защищаемым им интересам, то Совет нашел, что без крайней необходимости присяжный поверенный не должен этого делать, так как подобное посещение, бывая по большей части бесполезным, может ставить присяжного поверенного в весьма ложное и несоответствующее его достоинству положение. (С.-Пб. 97/98-119).

[557] Принятие на себя присяжным поверенным ведения бракоразводного дела со стороны обоих супругов, хоты бы одновременно и по обоюдному соглашению к нему обратившихся с тем, чтобы вести дело от имени одного непосредственно самому, а от имени другого – чрез своего помощника, оказывается несогласным с требованием 402 ст. Учр. Суд. Уст. Поэтому Совет признал виновными в нарушении этого закона и присяжного поверенного, и его помощника. (С.-Пб. 94/95-114).

[558] Помощник присяжного поверенного являлся поверенным жены жалобщика; от ее имени он должен был вчинить и вчинил иск о разводе; между тем, он принял дело, не получив никаких указаний и инструкций от своей доверительницы; все сношения по делу он вел с жалобщиком, который был ответчиком по делу, и от него помощник присяжного поверенного, выступая по доверенности жены жалобщика, в то же время действовал по указаниям противной стороны, являясь фактическим представителем и ее интересов.

Согласно ст. 402 Учр. Суд. Уст., присяжный поверенный не может быть в одно и то же время поверенным обеих тяжущихся сторон. Правило это должно иметь применение не только в случаях формального представительства тяжущихся на Суде, но вообще представляется недопустимым, чтобы поверенный одновременно являлся представителем интересов двух лиц, права которых подлежат разграничению путем судебного решения. Недопустимость такого совместительства является совершенно очевидной, когда интересы этих лиц не солидарны, так как поверенный не может пред-

ставлять и охранять интересы и права, взаимно исключающие друг друга. Совет находит, однако, что подобное совместительство недопустимо и в том случае, когда между сторонами нет спора по существу и когда стороны согласны относительно способа и условий разграничения их спора; во всяком судебном процессе воля сторон должна проявляться совершенно свободно и сознательно; эта свобода и сознательность воли и действий каждой из сторон не обеспечена в том случае, когда руководителем и советником той и другой стороны является одно лицо.

Адвокат не может брать на себя роли руководителя и советника обоих тяжущихся также и потому, что он ставит себя этим в ложное положение: существующее между сторонами согласие может каждый данный момент прекратиться, и тогда единственным выходом для поверенного будет полное устранение себя от ведения дела и какого бы то ни было представительства интересов как того, так и другого тяжущегося, что при наличности известных условий не может не принести ущерба делу. Независимо сего, даже и при отказе от дальнейшего ведения дела, поверенный не может отказать своему бывшему доверителю в сообщении сведений и данных, касающихся этого дела; между тем, при наличности вышеуказанного совместительства для поверенного будет невозможно сноситься по делу с кем-либо из своих бывших юридических или фактических доверителей.

Наконец, ложность положения, в которое ставит себя поверенный при совместном представлении интересов тяжущихся, даже при наличности согласия между ними, заключается еще и в том, что он легко может подвергнуться как со стороны посторонних, так и со стороны своих верителей нареканиям и подозрениям в пристрастном отношении к одной из сторон, между тем поверенный для охранения достоинства своего звания никогда не должен давать поводов для подобного рода нареканий. (С.-Пб. 08/09-348).

[559] Присяжному поверенному запрещена Советом практика за то, что он позволил себе принять доверенность на ведение дела о расторжении брака по неверности жены, зная что никаких доказательств этой неверности нет, как нет даже и уверенности в том, что такие доказательства могут быть добыты. Несмотря на то, что доверитель не имел «основательных поводов» обвинить жену свою в супружеской неверности, присяжный поверенный, тем не менее, в прямое и очевидное нарушение всех требований нравственной опрятности, принял на себя труд собирать, при помощи приглашенных им добровольцев-соглядатаев нужные для начатия бракораз-

водного процесса материалы и сведения и щедрою рукой оплачивал услуги явившихся на призыв его сыщиков. (Новочерк. 04/05-46).

[560] Совет нашел действия присяжного поверенного при ведении бракоразводного дела супругов неправильными с точки зрения профессиональной, так как из обстоятельств дела не видно, чтобы он должным образом оформил прекращение своих отношений, как поверенный, по первоначальному делу о разводе и чтобы озаботился получением письменного согласия на возбуждение им же, присяжным поверенным, дела против него, как своего бывшего доверителя. (С.-Пб. 08/09-374).

[561] В образе действий присяжных поверенных обнаружены факты неблаговидные и заслуживающие порицания. Заранее условленное пребывание присяжных поверенных в номерах гостиницы – в качестве представителей супругов, из коих один должен совершить необходимое для развода прелюбодеяние при свидетелях, которые должны будут видеть таковое и подтвердить в Консистории, – является бесспорно деянием явно неприличным для присяжных поверенных. (Мск. 93/94-95, ч. 2).

[562] Избираемый большинством кредиторов в состав Конкурсного Управления присяжный поверенный исполняет свои обязанности не в силу данной ему доверенности тем или другим кредитором, а действует в силу акта избрания и доверия, оказанного ему большинством кредиторов, вследствие чего рассуждения его как члена Конкурса должны быть совершенно свободны и независимы от взглядов его доверителей; неуверенность в бесспорности тех или других улик также не дает члену Конкурса право менять свое заключение сообразно желаниям или воле доверителей. (С.-Пб. 89/90-141).

16. УЧАСТИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ПРИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

[563] К числу наиболее неприятных обязанностей, исполнения которых требует профессиональная деятельность адвоката, следует отнести участие в исполнительном производстве.

Понудительное взыскание с его описью и арестом, оценкой и продажей имущества, возбужденное в большинстве случаев состояние должника, в особенности при уклонении от платежа или когда

взыскание является для него тяжелым ударом, все это требует и большого такта и спокойствия со стороны присяжного поверенного, участвующего в приведении решения в исполнение и обязанного стоять на страже доверенных ему чужих интересов. Но как ни неприятна, ни тяжела эта обязанность, все же исполнение ее вытекает из существа деятельности нашей, имеет своей целью доведение до конца дела правосудия, без чего судебное решение было бы мертвой буквой. Ввиду этого представляется вполне понятным, что на этой почве часто возникают недоразумения. Обращение взыскания на ценности есть мера, законом не воспрещенная; открытие закрытых помещений для заарестования находящихся там, по убеждению присяжного поверенного, процентных бумаг, сделано, правда, по прибытии полиции, но не может быть поставлено присяжному поверенному в вину, ибо только этим вполне законным путем (2 п. 978 ст. Уст. Гр. Суд.) и можно было достигнуть конечной цели описи – заарестования ценностей. Представлялось бы крайне предосудительным, заслуживающим строгого порицания, если бы присяжный поверенный дозволил себе действительно произвести обыск, – меру, на которую закон его не уполномочивал, а звание присяжного поверенного прямо воспрещало. Затем взыскатель, согласно 948 ст. Уст. Гр. Суд, имеет право указывать способы взыскания и имущество должника, а на основании 972 ст. Уст. Гр. Суд. пригласить свидетеля. (Мск. 03/ 04-43).

[564] Присяжный поверенный, как поверенный взыскателя, имеет право указывать производящему опись судебному приставу имущество должника. Если по его указанию было описано имущество, принадлежащее постороннему лицу, то последнее могло восстановить свое право путем предъявления иска об исключении из описи принадлежащего ему имущества. (Мск. 96/97-54).

[565] Общие правила устава вооружают взыскателя такими средствами взыскания, которые в отдельных случаях могут оказаться излишними или даже бесцельно суровыми и могут причинить напрасное стеснение или даже напрасный вред не только должнику, но и посторонним лицам, обществу и государству. В таких случаях практический такт и чувство справедливости самого взыскателя должны служить коррективом против неизбежной строгости закона, как общей нормы, неспособной предусмотреть все особенности жизненных условий, при которых судебные решения приводятся в исполнение. Ожидать такого смягчения строгости и суровости легальных мер взыскания от самого взыскателя не всегда возможно,

так как, между прочим, его личный интерес, и иногда интерес насущный, подавляет в нем более или менее слабо развитое чувство справедливости. Но от поверенного взыскателя, когда он носит звание присяжного поверенного, общество вправе требовать, чтобы он неограниченным и неумеренным осуществлением права своего доверителя не вредил интересам посторонних лиц и общества и не подвергал напрасному ущербу интересы противника. При таком взгляде на роль поверенного, производящего взыскание в пользу своего доверителя, Совет полагает, что присяжный поверенный должен помнить ту истину, что не все дозволяемое законом дозволительно с точки зрения справедливости и общежитейского такта. (Харьк. 84/85-143).

[566] Приняв по предложению доверителя участие в происходившем в квартире обыске, помощник присяжного поверенного, очевидно, не давал себе отчета в том, в какой мере эти действия отвечают его профессиональной деятельности. Нельзя допустить того, чтобы члены сословия присяжной адвокатуры, подчиняясь воле своих доверителей, принимали от них полномочия, которые не соответствовали бы их профессиональной деятельности, умаляли достоинство их звания, а потому помощник присяж. повер., приняв активное участие в обыске и выемке, тем самым дал повод принимать его за агента сыскной полиции, а не представителя интересов потерпевшего лица. (Мск. 07/08-260, ч. 3).

[567] Непринятие со стороны поверенного мер к понудительному взысканию присужденных с ответчика денег, если сам взыскатель не знает и не указывает поверенному никакого имущества должника, на которое могло бы быть обращено взыскание, не может быть поставлено в вину поверенному. (Харьк. 88/89-139).

[568] Совет нашел способы и приемы, употреблявшиеся присяжным поверенным при взыскание денег и состоявшие, по его словам, в найме и содержании агентов из разных слоев общества, которые бы доносили ему о том, когда у противника должны быть деньги, – неприличными и несоответствующими обязанностям и званию присяжного поверенного. (Мск. 85/86-249).

[569] Закон представляет взыскателю право налагать свои печати на описанное имущество. Но не всяким правом следует пользоваться, а тем более злоупотреблять им. В данном же случае не представлялось никакой действительной необходимости в той мере, к

которой прибегнул помощник присяжного поверенного; наложение собственных печатей на видные места было с его стороны скорее актом личного раздражения, сведением личных счетов, чем реальной охраной интересов доверителя. (Мск. 08/09-179, ч. 3).

[570] Присяжный поверенный, которому поручено ведение дела с взысканием по исполнительному листу, не может быть лишен всякого личного усмотрения, как производить это взыскание, если об этом не оговорено при передаче ему дела; тем не менее, поверенный ради осторожности, во избежание упреков в самовольных действиях по взысканиям, должен брать с доверителей письменные доказательства того, что доверителям его известны допущенные им льготы в отношении взысканий с ответчика, и если присяжный поверенный этого не сделал, то это может быть поставлено ему в упрек. (С.-Пб. 09/10-335).

[571] Принимая участие в публичном торге не для покупки продаваемого имущества, а лишь для того, чтобы в интересах взыскателя сделать назначенный торг состоявшимся, присяжный поверенный стремится, очевидно, к тому, чтобы парализовать действие 1 п. 1062 ст. и 1 п. 1170 ст. Уст. Гр. Суд. Являясь в интересах взыскателя на торг под личиною желающего торговаться, а в действительности без всякого серьезного к тому намерения, присяжный поверенный, прежде всего, вводит в заблуждение производящие торг судебные органы и затем прямо нарушает закон, постановленный в ограждение интересов не только взыскателя, но и собственника продаваемого имущества, а равно и его кредиторов. Уже по одной этой причине, независимо от всевозможных последствий такого фиктивного участия в публичном торге, роль подставного покупателя должна быть признана совсем несоответствующею званию присяжного поверенного. (С.-Пб. 92/93-15).

[572] Совет по одному делу признал, что неявка присяжного поверенного к описи не есть упущение, ибо он к описи являться не был обязан ни по закону, ни по договору; не доказано, чтобы неявка его привела к невыгодным для его доверителя последствиям или чтобы оценка была несоразмерна; присяжный поверенный был бы обязан жаловаться на нее лишь в том случае, если бы имел к тому основательные причины, но так как таковых из дела не видно, и не доказано, чтобы доверитель указал их ему, то необжалование оценки нельзя признать за нарушение присяжным поверенным своих обязанностей. (Мск. 79/80).

[573] Совет нашел, что, «подавая заявление судебному приставу об исполнительных действиях», проситель обязан представить все следуемые с него сборы, без чего судебный пристав вправе не приступать к исполнительным действиям. Если, тем не менее, судебный пристав, ввиду того, что заявление поступает от присяжного поверенного, не считается с отсутствием следующих с него денег и совершает требуемые действия, то отсюда не вытекает, что присяжный поверенный, воспользовавшийся этими действиями, свободен от представления следующих судебному приставу по закону денег. Но освобождает от этого и отсутствие денег доверителя, так как прежде, чем подавать заявление от своего имени судебному приставу, нудно потребовать от доверителя все нужные на расходы деньги или, ведя дело на свой счет, действительно и нести все расходы. Общественное положение присяжного поверенного дает ему право на доверие к нему судебных приставов, но в то же время налагает нравственную обязанность, чтобы это доверие было всегда и во всем оправдано». Отсутствие средств у доверителя не может служить извинительным обстоятельством, так как признанное в судебном процессе право бедности не распространяется на исполнительные действия, и, очевидно, по этому же делу присяжный поверенный должен был внести гербовый сбор 75 коп. на оплату заявления судебному приставу, так что известную долю расходов он вынужден был понести. (Мск. 10/11-71, ч. 3).

[574] Совет находит образ действий присяжного поверенного неправильным. Если судебный пристав, доверяя званию присяжного поверенного, произвел, по его требованию, меры взыскания без предварительного получения таксионных сборов, то это обязывало и его принять со своей стороны все необходимые меры к тому, чтобы судебному приставу была уплачена причитающаяся ему за исполнительные действия сумма. При таких условиях, если присяжный поверенный не получил сам от своих доверителей соответствующей суммы на расходы, ему надлежало во всяком случае сообщить судебному приставу адрес своих доверителей, дабы он мог снестись непосредственно с последними по поводу уплаты таксионных сборов. Между тем, присяжный поверенный, не уплачивая последних, не сообщает судебному приставу о месте жительства своих доверителей и тем ставит его в невозможность получить законное вознаграждение. Ввиду изложенного Совет подверг присяжного поверенного взысканию. (Мск. 10/11-95, ч. 3; 98/99-200, ч. 2).

[575] Совет признал виновным присяжного поверенного в том, что он вошел в соглашение с должником его доверителя, направленное к тому, чтобы удовлетворение из единственного имущества должника было получено только доверителем его, причем остальные кредиторы лишались возможности получить удовлетворение, с каковою целью имущество должника было назначено в продажу в ускоренный срок и без публикации. (Харьк. 84/85-117).

17. ОТКАЗ ОТ ВЕДЕНИЯ ДЕЛ

[576] Присяжный поверенный не может быть принужден ни к принятию ведения дела, ни к отказу от ведения принятого дела, так как принятие и отказ от ведения дела вполне зависят от воли поверенного. (Мск. 899/900-43, ч. 2; 01/02-18 и 171, ч. 2).

[577] Раз жалобщик не пожелал следовать способу защиты дела, принятому поверенным, то последний имел полное право отказаться от дальнейшего ведения дела, хотя бы от этого и произошло замедление в разрешении дела Судом. (С.-Пб. 88/89-216).

[578] Присяжный поверенный не может быть стеснен в праве отказываться от ведения каких-либо дел, при поручении же писем оскорбительного характера поверенный не только мог, но и обязан был вернуть доверенность автору писем, чтобы охранить достоинство своего звания. (Мск. 07/08-167, ч. 2).

[579] Подача жалобы на присяжного поверенного никаким образом не влечет за собой приостановление производства, если только, конечно в жалобе не заявлено о прекращении полномочий. (Мск. 06/07-149, ч. 2).

[580] Приняв на себя ведение дела, по сообщенным доверителем данным, и высказав, на основании их то или иное заключение, поверенный имеет безусловное право впоследствии, по собрании всех нужных, по его мнению, справок и документов и после детального изучения фактической и юридической сторон предположенного процесса, изменить свое первоначальное заключение и, если найдет нужным, отказаться от ведения принятого дела. На нем в подобных случаях лежит одна обязанность – своевременно осведомить доверителя об изменении своего взгляда на дело. (Мск. 01/02-106, ч. 2; 08/09-81, ч. 3; 05/06-15 и 33; 02/03-334, ч. 2).

[581] Заявив доверителю о своем отказе поддерживать на Суде исковые требования, присяжный поверенный не обязан являться в то заседание Суда, в коем дело Судом заслушано, однако, при этом, независимо от объяснений с доверителем, освободившим его от явки в Суд, он должен, согласно 252 и 253 ст. Уст. Гр. Суд., заявить Суду о своем отказе от ходатайства по делу. (Мск. 01/02-133, ч. 2; 09/10-121, ч. 3; Харьк. 88/89-113).

[582] Принадлежащее поверенному право отказа от ведения дела должно быть осуществляемо им с крайней осторожностью и с соблюдением всех условий, при коих доверитель не был бы поставлен в невыгодное для него положение в процессе; существенным из этих условий является заблаговременное поставление доверителя в известность об отказе. (Харьк. 10/11-214; Мск. 08/09-227; С.-Пб. 09/10-124).

[583] Не желая продолжать ходатайства по делу, присяжный поверенный обязан своевременно уведомить о том доверителя с возвращением ему полученных от него документов. (Мск. 92/93-12, ч. 2; 899/900-125).

[584] Приняв на себя ведение дела, присяжный поверенный должен следить за ним и участвовать в его производстве, пока он не заявил своему доверителю об отказе, хотя бы доверитель был неисправен в исполнении своих обязательств. Неисправность доверителя может дать основание отказаться от ведения дела, но пока доверитель не извещен об этом отказе, он вправе думать, что поверенный ведет его дело и не желает считать неисправность поводом к отказу. Если присяжный поверенный не получил от своих доверителей части гонорара в установленный срок, если он желал воспользоваться предоставленным ему по условию правом отказаться от дальнейшего ведения дела, он должен был немедленно сообщить об этом своим доверителям. (Мск. 03/04-202, ч. 2).

[585] Необходимо оформить сообщение доверителю об отказе от дальнейшего ведения дела. (Одес. 10-87).

[586] При отказе от ведения дела следует возвращать доверителю доверенность или брать с него расписку в том, что ему известно об этом отказе. (Мск. 05/06-124).

[587] Не признавая за просителем права на взыскание, присяжный поверенный обязан немедленно сообщить ему об этом с возвращением доверенности и документов, чтобы он мог заблаговременно обратиться к другому поверенному. (Мск. 97/98-88).

ЗАЩИТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

[588] Совет неоднократно указывал на необходимость с особым вниманием относиться к обязанностям защитника по назначению от Суда и поверенного по назначению от Совета по делам лиц бедного состояния, так как эта деятельность присяжных поверенных составляет вид того общественного служения, которое и является существеннейшей задачей присяжной адвокатуры. (Мск. 900/901-12, ч. 3; С.-Пб. 09/10-467; 01/ 02-48).

[589] Дисциплинарное обсуждение деятельности поверенного в качестве защитника по уголовному делу может иметь место по обвинению его в явных ошибках или грубом незнании таких обстоятельств, которые предполагаются известными каждому присяжному поверенному, и без знания которых нельзя заниматься ведением дел. Кроме того, контролю Совета может подлежать сделанный присяжным поверенным выбор средств защиты, с точки зрения их дозволенности. Совет призван наблюдать, чтобы защитник не нарушал основного правила деятельности присяжного поверенного, которое предписывает им не прибегать при защите своего доверителя к средствам предосудительным, осуждаемым законом и нравственностью. (Харьк. 82/83-130).

[590] В уголовном деле присяжный поверенный не должен принимать обвинения с обязательством непременно добиваться наиболее строгого наказания, так как это значило бы служить чувству мести своего доверителя, а не домогаться восстановления нарушенной против доверителя справедливости, в каковых пределах требуется достижение не высшей меры наказания за те преступления, за которые обвиняемые совершившие против доверителя уголовное деяние, судятся. Поэтому неподдерживание требования об усиленном наказании при существовании сознания, что в деле имеются основания для смягчения наказания, не только нельзя ставить в вину проверенному, но, наоборот, поддержание требования о высшей мере наказания, вопреки обстоятельствам дела, только ради ис-

полнения желания доверителя, было бы поступком, недостойным уважающего себя присяжного поверенного. (С.-Пб. 07/08).

[591] Имея дело с фактами и делая из них выводы, присяжный поверенный обязан не искажать первых и быть приличным в своих заключениях. Но факт, как бы таковой кому-либо неприятен ни был, он сообщить может, а иногда даже и обязан, в интересе лиц, вверивших ему свою защиту. (Мск. 87/88-94).

[592] Совет по вопросу о средствах защиты выработал основное начало, по которому, защищая и охраняя права своих доверителей, присяжный поверенный не должен нарушать ни общих законов, ни правил нравственности и чести, не должен прибегать для достижения цели к предосудительным средствам, хотя бы этого прямо требовал от него доверитель. (К.К.Арсеньев: Заметки о русской адвокатуре, отдел 1, стр. 179). В журнале 19 февраля 1871 года Совет высказал, что присяжные поверенные, действуя в видах правосудия, не должны защищать заведомо безнравственных домогательств, при защите же вверенных им интересов должны пользоваться только законными и честными средствами; в постановлении 21 сентября 1868 г. высказано, между прочим, что присяжный поверенный действиями своими на Суде должен внушить уважение к Суду, ни в каком случае не давать повода к предположению, что присяжные поверенные лишены правдивости, хотя бы нарушение этой правдивости было допущено для достижения самых «невинных целей» (там же, отд. 11, стр. 122 и 127). Точно так же и в последующее время Совет не считал себя вправе уклоняться от рассмотрения возникших против присяжных поверенных обвинений в умышленном искажении перед Судом фактов. (С.-Пб. 86/87-17; 89/90-115).

[593] Выступая перед Судом в качестве поверенного стороны или в качестве защитника подсудимого по соглашению с ним, присяжный поверенный не может и не должен говорить заведомой неправды; добросовестность и правдивость его объяснений перед Судом составляют существенное условие правильного отправления им своих обязанностей; только при соблюдении этого требования присяжный поверенный может снискать доверие и уважение Суда и общества, посредником между которыми он призван быть. То обстоятельство, что присяжному поверенному нередко доверяются доверителями тайны, которые и закон ему предписывает не оглашать даже перед Судом, нисколько не изменяет высказанного положения. В таких случаях присяжный поверенный должен

молчать, но не может утверждать прямо противоположное тому, что ему положительно известно. Разумеется, и сознающийся в совершении преступления подсудимый может быть защищаем присяжным поверенным, даже с ходатайством об оправдании подсудимого, лишь бы защита не была обусловлена отрицанием фактов, в совершении которых подсудимый ему сознался. Положение защитника подсудимого по назначению Суда представляется более трудным, чем положение защитника, избранного самим подсудимым. Последний может всегда отказаться от защиты, если выполнение ее сопряжено с нарушением лежащего на защитнике нравственного долга не говорить перед Судом заведомую неправду. Назначенный Судом защитник не может самовольно отказаться от исполнения возложенных на него обязанностей, в какое бы тяжелое положение его ни ставил подсудимый своим поведением. Но и в этом случае защитник не отождествляется с подсудимым, и, оставляя на его ответственности все лживое, чем он считает нужным себя оправдывать, может основывать защиту на фактах, в истинности которых он убежден, и представить соображения, которые помогут Суду всесторонне рассмотреть дело. И в этом случае утверждать заведомо ложные факты ни по закону, ни по совести присяжный поверенный не может. Совет уверен, что сословие присяжных поверенных при отправлении своих обязанностей руководится этими правилами, так как до него не доходили сведения о нарушении их. (С.-Пб. 97/98-134).

[594] Выбор системы защиты составляет личное дело защитника, и в этом направлении никаких указаний, обязательных для него, делаемо быть не может. (Мск. 92/93-18, ч. 2).

[595] Защитник свободен в юридической квалификации данного деяния; ему в этом отношении принадлежит не только свобода выбора между несколькими юридическими воззрениями, но он может даже идти открыто против постановления самого закона, доказывая, например, что какой-либо признак деяния, важный в глазах закона, имеет иное значение с точки зрения жизненной правды. Но ни в каком случае непозволительно основывать квалификацию деяния на извращении очевидных обстоятельств дела. (Мск. 87/88-126).

[596] Требование или нетребование защитником предъявления вещественных доказательств, план защиты и вообще отношение защитника к материалу, даваемому делом, не может подлежать контролю Совета и должно быть предоставлено усмотрению защитни-

ка, добросовестно исполняющего свои обязанности. (Мск. 92/93-78, ч. 2; 88/89-25).

[597] Наш закон считает участие защитника по серьезным уголовным делам необходимым условием правильного отправления правосудия и не лишает защитников права действовать по совести. 394 ст. Учр. Суд. Уст. дает присяжному поверенному право отказаться от защиты по назначению, представив «достаточные для сего причины». Нельзя не признать, что достаточной причиной может считаться внутреннее отвращение к тому преступлению или преступнику, которого член сословия назначен защищать. Вынуждать человека при таких обстоятельствах выступать защитником значило бы извращать намерение законодателя и сущность института защиты, ибо такой защитник едва ли может быть полезен подсудимому и правосудию. Однако, переходить из положения защитника в роль обвинителя закон защитникам не разрешает. Между тем, присяжный поверенный, как видно из его изложения своей речи, не сделал попытки отказаться от защиты и привел некоторые соображения, говорящие не только против оправдания подсудимого, но и против оказания ему снисхождения. Такая речь защитника не может быть признана соответствующей возложенным на него обязанностям и представляет собою профессиональный проступок. Русская адвокатура, в соответствии с общим течением русской общественной мысли и литературы, никогда не забывала, что в душе каждого преступника можно найти «искру Божию», и что социальные и личные условия жизни часто объясняют и делают понятным преступление, кажущееся на первый взгляд только проявлением похоти и злой воли. Поэтому случаи, когда присяжный поверенный, защищающий по назначению, не может найти доброго слова в защиту подсудимого, чрезвычайно редки в нашей практике. (Мск. 09/10-218, ч. 3).

[598] Присяжный поверенный, являясь поверенным потерпевшего лица в гражданском процессе, из которого возникло дело уголовное, и, исполняя роль советчика того же лица во время предварительного следствия, в судебном производстве дела занял положение защитника одного из обвиняемых. То обстоятельство, что фактически потерпевшее лицо было в данном случае заинтересовано в оправдании виновного, не устраняло взаимного противоречия двух положений, последовательно занятых присяжным поверенным. В каждом уголовном деле надлежит наблюдать, чтобы защитник был совершенно свободен от всяких, могущих, хотя бы таковым ли-

цом являлся потерпевший, по существу, расположенный к подсудимому. (Мск. 03/ 04-22).

[599] Обязанность защиты не ограничивается участием в Окружном Суде, но обнимает собою и необходимость просмотра протокола заседания, сделания на него замечаний и составления кассационной жалобы, если есть к тому основания или объявления о том, что нет основания приносить жалобы. (С.-Пб. 97/98-110).

[600] Защитнику не может не быть предоставлено широкое право оценки и обсуждения деятельности должностных лиц; он может даже отвечать как за упущение, если бы, усмотрев неправильность в действиях сих лиц, от которой зависят интересы его доверителя, он бы умолчал об этом по каким-либо личным соображениям. (С.-Пб. 83/84-42; Мск. 99/900-122, ч. 1).

[601] Указание одною стороною на неправильность действий, совершенных на Суде другою стороною (прокурором), представляется настолько же дозволительным, насколько дозволительной представляется подаваемая стороною в высшую инстанцию жалоба на неправильность действия или решения низшей инстанции Суда. (Мск. 07/08-216).

[602] Нарушил ли присяжный поверенный обязанности своего звания, если в своей защитительной речи он вошел в оценку действий следственной власти, – ответ на этот вопрос дает решение Угол. Касс. Деп. Сената по делу г-на Берга и др. 1868 г., № 577: «защитнику воспрещается не оценка действий должностных лиц, участвовавших в производстве дела, а лишь нарушение должного к ним и вообще к установленным властям уважения, в чем различие очевидно». Если при таком взгляде Сената председательствующий, тем не менее, нашел нужным заметить, что «защита не должна входить в оценку действий следственной власти», то присяжный поверенный, без сомнения, должен был подчиниться такому распоряжению и ни в какие пререкания с председательствующим не вступать. (Мск. 899/900-153, ч. 1).

[603] Частная, интимная жизнь лиц, участвующих в процессе, может делаться предметом разоблачения и публичного обсуждения лишь в случаях безусловной необходимости, когда невозможно иным путем оградить интересы своего доверителя. (Мск. 05/06-140).

[604] Вопрос о том, дозволительно ли защитнику обвиняемого прибегнуть для защиты его к обвинению постороннего лица, к Суду не привлеченного, не может быть безусловно разрешен в отрицательном смысле. Можно единственно сказать, что такой прием защиты должен применяться с величайшей осторожностью. Легкомысленное, ни на чем не основанное обвинение постороннего с целью оправдать сильно уличаемого подсудимого, оговор, выставляемый защитником против непривлеченного лица при отсутствии оправдывающих такое заявление достаточных оснований, будучи проступком со стороны адвоката, совершенно справедливо должен восстановить против него всякого порядочного и добросовестного человека. С другой стороны, можно и должно допустить случаи, где при защите обвиняемого защитник не только вправе, но нравственно обязан указать Суду на те обстоятельства, которые, навлекая сильное подозрение на лиц, хотя бы к Суду не привлеченных, тем самым очищают подсудимого от взведенного на него обвинения. Такие случаи имеют, несомненно, место в особенности, там, где при слабости и неясности доказательств против преданного Суду лица защитник может сослаться на доказательства, свидетельствующие о необходимости искать виновного не там, где его искала обвинительная власть. Такое право и даже нравственная обязанность защитника вытекают из государственного характера уголовной юстиции; из первого требования, предъявляемого к ней, чтобы она карала виновного и только виновного; из публичного интереса, принадлежащего поэтому функции защитника, именно вследствие помощи, оказываемой им государству при осуществлении этой верховной цели юстиции; из так называемого favor defensionis, логически связывающегося с таковым интересом, как средство для его осуществления. Дозволительность для защитника таких заявлений, которые заключают в себе по существу оскорбления противника, если они требуются свойствами дела, признавалась в Римском гражданском праве, которое в этом отношении установляло одно ограничение: non ultra quam litium pascit utilitas. Ссылаясь на это начало, известный итальянский адвокат Цанарделли в своей книге «L'awocatura» Discorso secondo, стр. 142, замечает, что существуют дела, в которых принятая защита была бы бесцельна, если бы нельзя было доказать злоумышленности сторонних лиц; есть судебные процессы, которые сами собой обязывают к объяснениям, по необходимости влекущим за собою оскорбление чести той или другой стороны. Если такое начало должно быть приинято в гражданском процессе при рассмотрении гражданских дел, то a fortiori нужно допустить его в делах уголовных, где в отличие от частного индивидуального интереса

гражданского процесса речь идет о гораздо более широком, гораздо более всеобщем интересе. (Мск. 84/85-111).

[605] Защищая подсудимого, защитник обязан пользоваться всеми средствами, какие он считает нужными для защиты доверителя, в том числе как отводом, так и критическим объяснением данного свидетелем показания, причем он, не вправе жертвовать интересами правосудия ради товарищеских отношений. (С.-Пб. 81/82-58).

[606] Закон, считая подсудимого и защитника одною стороною на Суде, предоставляет и самому подсудимому, независимо от защитника, все законные способы к оправданию (683, 723, 749 и др. ст. Уст. Гр. Суд.), к числу которых, несомненно, должно быть отнесено и предложение того или другого вопроса свидетелю. (Мск. 88/89-6).

[607] Защитнику, во всяком случае, принадлежит полное право относительно постановки вопросов в том или в другом смысле руководствоваться собственным мнением, не стесняясь заявлениями подсудимого, и последний, в крайнем случае, имеет право и сам заявить ходатайство о постановке дополнительного вопроса. (Мск. 88/89-50).

[608] Задача защитника подсудимого на Суде не ограничивается произнесением защитительной речи и заявления относительно применения наказания, и роль его не заканчивается с окончанием судебного заседания. Защитник должен изыскать все способы к тому, чтобы подсудимый, вручивший судьбу его защите, не понес наказания свыше следуемого ему по закону. Заметив ошибку Суда в применении наказания, несоответствующего преступлению, он должен принять меры к тому, чтобы ошибка Суда не имела вредных последствий для судьбы доверителя. Обязанности защитника продолжают лежать на поверенном до тех пор, пока сам подсудимый не откажется от его защиты. (Харьк. 82/83-47).

[609] Если сторона, стесненная в одном процессуальном действии, прибегает для выяснения существенного для нее вопроса к другим законным способам, то видеть в том ослушание председателя значило бы порабощать стороны не только приказаниям председателя, но и его идее, его взглядам на дело, чего допустить нельзя ввиду 630 ст. Уст. Уг. Суд. (С.-Пб. 86/87-32).

[610] По закону, назначенный Судом для ограждения интересов подсудимого, защитник не может сам по своему усмотрению, без прямого желания подсудимого, лишить его какой-либо из гарантий, предоставленных ему законом. Посему Совет нашел, что присяжный поверенный был вынужден для сохранения за своим доверителем права на принесение отзыва на заочный приговор уклониться от защиты интересов его на Суде. Поступок его тем более правилен, что он действительно не мог защищать доверителя по его отсутствию, по невозможности войти с ним в сообщение и по неимению материала для защиты и для проверки показаний жалобщика и выставленным им свидетелей. При таких условиях защита со стороны его не могла быть добросовестною, а являлась бы произвольною попыткою защитника оспаривать то, что, может быть, не подлежало бы вовсе оспариванию, и сочинением, может быть, праздных и неосновательных доводов к опровержению обвинения без знания о том, насколько эти доводы соответствуют истине и интересам подсудимого. (С.-Пб. 88/89-85; Мск. 900/901-190).

[611] Написание кассационной жалобы не может быть непременно вменяемо в обязанность защитнику, если, по убеждению его, в деле не представляется оснований для подачи такой жалобы. (Мск. 77/78-79).

[612] Присяжный поверенный допустил важное нарушение обязанностей своего звания пропуском срока на принесение кассационной жалобы, вопреки принятой им доверенности. Восстановление Окружным Судом кассационного срока, давшее возможность принести жалобу, несмотря на упущение присяжного поверенного, не может иметь в глазах Совета никакого исключающего ответственность значения; постановление Окружного Суда о восстановлении срока на принесение кассационной жалобы соответствует известному основному положению уголовного процесса. Согласно этому положению, публичный интерес уголовной защиты не может быть поставлен в зависимость от неправильных действий должностных лиц, в том числе и защитника; он требует непременного осуществления и стоит выше формальных ограничений. (Мск. 84/85-34).

[613] Принятие поверенным уголовной защиты создает предположение, что в обязанность защитника входит и принесение в случае надобности кассационной жалобы. Если защитник этой обязанности на себя не принимал, то он должен был определенно обу-

словить это со своим верителем. Признавая, что поверенному не может быть вменено в обязанность приносить жалобу, когда он не усматривает к этому оснований, Совет нашел, однако, что защитник должен был непосредственно предупредить об этом обстоятельстве своего верителя. (С.-Пб. 09/10-412).

[614] Обязанности защитника на Суде уголовном кончаются с момента произнесения приговора и подачи на оный кассационной жалобы, если к тому имеются достаточные основания; дальнейшие обязательства присяжного поверенного к доверителю по ходатайству в кассационной инстанции могут быть возлагаемы на него лишь в силу принятой по договору обязанности, а не силою закона; присяжный поверенный не мог быть понуждаем к поддержке жалобы в Правительствующем Сенате, раз она подверглась таким изменениям и дополнениям самого доверителя, что поддержка ее представлялась для присяжного поверенного неудобной; нельзя требовать от защитника на Суде уголовном, чтобы он, без всякой нужды, единственно ради беседы с подсудимым, навещал его, после итого, как все обязанности свои относительно обвиненного по Суду были им окончены. (Мск. 84/85-90).

[615] Помощник присяжного поверенного удалился из зала судебного заседания, не дождавшись объявления Окружным Судом резолюции по делу, защитником которого он состоял по соглашению. Условия правильного течения уголовного процесса требуют присутствия всех участников его до совершенного окончания, почему присяжный поверенный не вправе удаляться из здания судебных установлений, не исполнивши всех обязанностей, на нем лежавших, по званию защитника. (Мск. 90/91-158).

[616] Если присяжный поверенный при открытии заседания уже имел поручение доверителя отказаться от гражданского иска, формально, конечно, не имел права на участие в процессе, а должен был ограничиться заявлением Суду этого отказа. Но так как детали поручения, данного его доверителем, Советом проверены быть не могли, Совет нашел, что участие присяжного поверенного в судебном следствии и выступление с первой речью не могут быть ему поставлены в вину. Нет сомнения, что отказ прокурора от обвинения не может стеснять убеждения поверенного гражданского истца, но и просьба доверителя во что бы то ни стало обвинять лицо, невиновность которого установлена объективными данными, также не должна стеснять уважающего свое звание присяжного поверенного

в неуклонно корректной оценке материала, проверенного судебным следствием. Неприличным, по мнению Совета, представляется и домогательство присяжного поверенного возражать на речи защитников после того, как он заявил об отказе своего доверителя от гражданского иска. (Харьк. 08/09-315).

[617] Одновременное состояние поверенным двоих обвиняемых, интересы которых не солидарны, должно быть признано невозможным, во избежание тяжкого нарекания, что, состоя поверенным обоих обвиняемых, присяжный поверенный умышленно приносит интересы одного в жертву интересам другого. (Мск. 01/ 02-118, ч. 2).

[618] Совет признал присяжного поверенного виновным в том, что, в желании облегчить себе защиту доверителя, он советовал другим подсудимым по сему делу отказаться от прежних своих показаний, в которых они сознавались в взведенном на них обвинении и оговаривали его доверителя. Совет находит этот поступок присяжного поверенного заслуживающим строгой дисциплинарной кары. Назначение защитника на Суде состоит в том, чтобы заботиться не о торжестве порученного ему дела, а о торжестве истины, в том, чтобы помочь Суду раскрыть и выяснить правду. Нет сомнения поэтому, что когда защитник, вместо исполнения этой лежащей на нем обязанности, принимает меры к тому, чтобы запутать и затемнить дело, он нарушает самую существенную обязанность своего адвокатского призвания. (Каз. 10/11-180).

[619] В указании, данном подсудимому его защитником, сознаться пред Судом в преступлениях, действительно совершенных, не заключается ничего предосудительного. (Мск. 88/89-25 и 84).

[620] Неуказание свидетелей, вопреки желанию доверителя, составляет важное нарушение обязанностей адвоката, особенно в деле уголовном, равным образом, и несообщение доверителю проекта жалобы в деле уголовном, когда противное сему было обещано, не может остаться без порицания со стороны Совета. (С.-Пб 89/90-117).

[621] Все, что касается выяснения истины в процессе, должно делаться в стенах судебной залы и во время судебного следствия. Защитник, в частности, может, конечно доказать перед Судом некомпетентность эксперта в вопросах, предлагаемых на его заключе-

ние Судом, но черпать факты, обосновывающие его мнение, он должен из источника проверенного перед лицом Суда. Доказательства некомпетентности эксперта не могут быть добыты защитниками вне Суда путем испытания знаний эксперта. (Мск. 10/11-11, ч. 3).

[622] Совет разъяснил присяжному поверенному неуместность обращения его к присяжным заседателям с замечаниями по поводу исполнения ими их служебных обязанностей. (Мск. 95/96-122, ч. 2).

[623] Совет нашел, что присяжный поверенный действовал неосмотрительно, вступая в разговор со свидетелем в коридоре Суда или в свидетельской комнате. Такой разговор и заявление, что он отказывается от допроса его на Суде, очевидно, вызвал у него убеждение, будто он может самовольно удалиться из Суда, тогда как он за это подвергнут штрафу, и отлучка его могла повлечь за собою по требованию прокурора отсрочку судебного заседания по делу арестантскому. (Мск. 95/96-14, ч. 1).

[624] Защитник спрашивал присяжного заседателя о том, как относятся к своим обязанностям некоторые из знакомых ему, присяжному поверенному, заседателей… Совет нашел, что хотя защитник и имеет право собирать сведения о присяжных заседателях, но при этом не может нарушать законом установленных правил, для ограждения свободы суждений присяжных заседателей, и что по силе 677 ст. Уст. Уг. Суд. присяжные заседатели не могут разглашать тайны их совещаний, а, само собою разумеется, что, сообщая о качествах своих товарищей по сессии, как присяжный заседатель, он может делать эти сообщения лишь в силу высказываемых ими суждений по уголовным делам, составляющим тайну их совещаний. Поэтому Совет признал поступок присяжного поверенного заслуживающим порицания. (С.-Пб. 76/77-32).

[625] Нельзя установить общим правилом, что защитник одного обвиняемого не имеет права пользоваться, в интересах своего доверителя, судебным материалом, служащим к обвинению другого подсудимого, ибо, прежде всего, на нем лежит прямая обязанность ограждать интересы своего доверителя, и посему такой образ действий, в тех исключительных случаях, когда тот оправдывается интересами его доверителя, не может быть признан предосудительным; тем не менее, коль скоро присяжный поверенный был избран защитником подсудимого, допущен Судом, имел с ним свидание в тюрьме, то в ограждение достоинства носимого им звания он мог бы

принять на себя защиту другого в этом деле подсудимого, лишь предварительно убедившись, что защита может быть проведена, не касаясь обстоятельств, уличающих виновность первого, от защиты которого он отказался. (Мск. 03/ 04-447, ч. 2).

[626] Присяжный поверенный, явившийся в канцелярию для обозрения дел, лишен был возможности изучить дела эти, так как в канцелярии не оказалось свободного для него места, а прежний порядок посылки дел защитникам по назначению, как и прокурорам, на дом, в это время был отменен. Таким образом, Совет не усматривает в действиях присяжного поверенного какого-либо профессионального нарушения, так как, исполняя возложенную на присяжных поверенных законом обязанность, присяжные поверенные имеют право желать исполнить свою обязанность с полной тщательностью и вниманием, которые возможны лишь при занятиях в соответствующих условиях. (Мск. 07/08-47, ч. 3).

[627] Роль защитника может и до суда присяжных выразиться дачею советов, писанием прошений от имени подсудимого и другими действиями. (Сарат. 05/06-110; Харьк. 90/91-148).

[628] Совет нашел, что присяжный поверенный исполнил принятые на себя обязанности, представив все имевшиеся у него доказательства судебному следователю, производившему следствие; не может быть поставлено ему в вину оставление без обжалования определения Суда о прекращении дела по ст. 277 Уст. Уг. Суд., состоявшегося после доследования, так как это доследование не дало оснований для предания его доверителя Суду. (Мск. 900/901-55, ч. 2).

[629] Личное свидание с подсудимым, содержащимся под стражей и, следовательно, обвиняемым в более или менее тяжком преступлении, в большинстве случаев бывает необходимо и существенно важно для дела и для защиты. Но поставить эти свидания в неуклонную обязанность, независимо от подробностей каждого отдельного дела, не представляет ни законных, ни практических оснований. В Уставе Уголовного Судопроизводства и вообще нигде в законе такого прямого требования не содержится. Защитник имеет право объясниться с заключенным подсудимым наедине, но не обязан. Защитнику закон доверяет охрану интересов подсудимого, а в силу такого доверия не может связывать его непременно теми или иными формальными требованиями. Нельзя не признать защитника,

– раз ему, в силу его звания присяжного поверенного, вверяется такая ответственная роль, – более компетентным в том, каким путем лучше приготовиться к защите, а следовательно, на его совести и чувстве долга должно лежать решение вопроса: нужно или не нужно в каждом данном случае лично переговорить с подсудимым. Закон же его в этом не связывает. Поэтому и Совет, в оценке самого факта неявки для свидания, не может идти далее требований уголовно-процессуального закона.

Иное дело – отказ от явки в тюрьму по требованию подсудимого. Такой отказ, хотя и не карается законом, но с точки зрения профессиональной этики составляет проступок. Подсудимый из тюрьмы придти к защитнику не может, потому, пусть бы даже его желание видеть защитника ничего полезного для защиты не принесло, защитник не вправе пренебрегать интересами того, к коему он обязан быть внимательнее более, чем кто-либо другой. (Новочерк. 08/09-157; Мск. 97/98-45; 94/95-4, ч. 1).

[630] Предъявление защитником свидетельства Суда, из которого видно, что он допускается для свидания в доме предварительного заключения и, значит, состоит защитником данного подсудимого, должно считать достаточным доказательством на несомненное право защитника совещаться со своим подзащитным и во время перерывов Суда. Заставлять защитника обращаться в таких случаях к председательствующему в заседании Суда представляется напрасным как отвлечением защитника от его обязанностей по защите, так и обременением Суда. (С.-Пб. 08/09-290).

[631] Передача денег непосредственно подсудимому, находящемуся под стражей, представляет нарушение не только закона, но и профессионального долга, ибо закон, оказывая защитнику широкое доверие, предоставляя ему возможность свидания наедине с подзащитным и охраняя самую тайну свидания, исходит из предположения, что это доверие будет оправдано, и тайна свидания будет служить исключительно законным целям судебной защиты. Обращаясь к определению меры дисциплинарного взыскания по такому делу, Совет нашел, что из четырех мер, предусмотренных 368 ст. Учр. Суд. Уст., последние две меры, как влекущие за собою временное устранение или даже исключение из сословия, по самому своему назначению могут быть применяемы в тех лишь случаях, когда нарушение профессионального долга или закона таково, что роняет достоинство звания и делает погрешившего присяжного поверенного недостойным временно или постоянно оставаться в рядах сосло-

вия, причем под достоинством звания должно разуметься, прежде всего, и первее всего достоинство человека. Но, рассматривая в данном случае поступок присяжного поверенного с точки зрения широкой общечеловеческой морали и памятуя, что защитник во время судебного следствия и тяжких минут объявления обвинительного приговора есть ближайший и почти единственный близкий подзащитному человек, Совет нашел, что присяжный поверенный, физически разбитый продолжительностью процесса и нравственно измученный предвиденным роковым исходом его, и в эту тяжелую минуту давший место в своем сердце общечеловеческому чувству жалости и к подсудимому и к его родственникам и не нашедший в себе достаточно профессиональной выдержки, чтобы отказать в последней просьбе тех и других, последней в буквальном смысле слова и не преследовавшей целей по существу противозаконных, – если и отступил от требований, налагаемых на него суровым профессиональным долгом, то не преступил при данных обстоятельствах закона общечеловеческой морали и не совершил проступка, роняющего достоинство звания. Принимая же во внимание, что присяжный поверенный первый сознал профессиональную неправильность своего поступка и первый сообщил о нем дежурному офицеру, – Совет нашел, что в дисциплинарном порядке к нему может быть применена лишь мера, обозначенная в 1 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст., и определил объявить присяжному поверенному предостережение (Одес. 08-199).

[632] Принимая во внимание, что, по закону, находящимся под стражей обвиняемым воспрещена передача каких-либо вещей или писем без разрешения начальства; что присяжный поверенный не состоял защитником того обвиняемого, которому он передал цветы от «неизвестной дамы», и мог совершить эту передачу только потому, что, как защитник другого обвиняемого, имел право входа в помещение для арестованных, что таковая передача является поступком незаконным, – Совет поставил на вид неправильность его действий. (Мск. 09/10-117, ч. 3).

[633] Присяжный поверенный при свидании с обвиняемым, в качестве его защитника, передал ему письмо от вдовы его брата. Такое действие со стороны присяжного поверенного является нарушением профессиональных его обязанностей, так как защитник допускается на свидание с подсудимым наедине с исключительною целью вести переговоры в интересах защиты, и в этих пределах защитник может вести всякие, относящиеся к делу разговоры, рассматривать

документы, получать от арестованного записки и пр., что он находит необходимым в интересах вверенной ему защиты. Но вести какие-либо посторонние защите переговоры или тем более передавать посторонние защите вещи, документы и письма, поверенный не может. Неисполнение этого правила может считаться лишь формальным нарушением в тех случаях, когда защитник, движимый состраданием, передает арестованному вещи, документы и письма характера и содержания совершенно допустимого по тюремным порядкам. Таким простым формальным нарушением будет передача, например, иконы, съестных припасов, какой-либо книги духовного содержания, письма чисто семейного содержания. (Мск. 08/09-322).

[634] Закон, предоставляя защитнику иметь свидания с подсудимым и гарантируя тайну их совещаний, ни в чем не ограничивает прав защитника сообщаться с подсудимым в интересах всестороннего изучения дела и надлежащего исполнения обязанностей по защите и не устанавливает, чтобы подсудимый мог делать свои сообщения защитнику лишь в словесной форме, в сложных делах с большим материалом для защитника может встретиться прямая необходимость в получении от подзащитного письменных указаний и заметок, причем подобного рода заметки и сообщения должны быть переданы защитнику непосредственно, помимо тюремной администрации и прокурорской власти, как не подлежащие контролю. (С.-Пб. 09/10-316).

[635] По вопросу о праве присяжного поверенного составлять от имени заключенного в тюрьме арестанта бумаги и передавать их с его верительной надписью непосредственно в Суд, помимо прокурорского надзора, Совет высказал следующие соображения: ст. 232 названного Уст. о содержании под стражей говорит: «содержащимся под стражею не возбраняется в местах их содержания писать всякого рода бумаги, по закону не запрещенные и единственно до имения и лица их относящиеся, и способы к сему у них не отнимаются. Но все сии бумаги должны быть отправляемы не иначе, как по рассмотрении их лицами местного прокурорского надзора и через их посредство; сами же содержащиеся под стражею для представления бумаг в присутственные места или для отправления их через почту, за силою ст. 255, отпускаемы быть не должны». Логическое построение двух последних периодов ясно указывает на то, что главная мысль приведенного закона вовсе не в том, что арестанты подают свои бумаги через посредство прокурорского надзора, а в том, что сами они для подачи этих бумаг ни в каком случае из тюрьмы не от-

пускаются. Мысль о посредничестве прокурорского надзора является здесь только тем необходимым звеном, которое связывает два основные положения, выставленные законом: что арестантам писать бумаги не возбраняется, но что выпускать их для подачи этих бумаг из тюрьмы нельзя. Такое второстепенное, так сказать, служебное значение разбираемой мысли яснее всего обнаруживается по сравнении текста ст. 232 с ее первоисточником – указом Сената от 18 апреля 1827 года, в котором говорится, что арестантам «не надлежит возбранять в том месте, где содержится, писать всякого рода бумаги, по закону не запрещенные и единственно до имения и до лица их относящиеся; но для отвращения всякого при том злоупотребления подтвердить губернским прокурорам, на коих по 405 ст. Учр. о Губерн. возложено наблюдение за содержанием арестантов, чтобы все сии бумаги не иначе были отправляемы, как по рассмотрении оных губернским прокурором и через его посредство, ибо содержащиеся под стражей не могут, по указу 1814 г. июня 24, быть отпускаемы для подачи тех бумаг в присутственные места или для отправки оных через почту» (Полн. Собр. Зак. 1827 г. № 1036). Сопоставление ст. 232 с ее первоисточником не оставляет никакого сомнения в том, что истинный разум закона, установившего передачу арестантских бумаг через посредство прокурорского надзора, заключается в том, чтобы людям, лишенным свободы, дать фактическую возможность пользоваться предоставленным им правом – подавать нужные по их делам бумаги. В 1827 году Сенат усматривал эту возможность единственно в посредничестве губернских прокуроров, которые, имея наблюдение за тюрьмами, одни только могли входить в непосредственные сношения с арестантами; доверять такое важное дело лицам тюремной администрации было, очевидно, нельзя, Сенат того времени не мог, конечно, предвидеть, что пройдут десятки лет и настанет иная пора, когда правда и милость краеугольным камнем лягут в основу всей деятельности нашего Суда, когда их животворящий луч проникнет и под мрачные своды казематов и тюрем, когда заключенные в них увидят перед собой иного посредника, чем вооруженный обвинительной властью прокурор, словом, когда явится правильно организованный институт защиты. Если присяжный поверенный, назначенный или допущенный Судом к защите лица, содержащегося под стражей, может свободно проникать теперь за ограду тюрьмы, если он может видеться с заключенным доверителем и беседовать с ним наедине, составляя для него всякие нужные по делу бумаги, то какое же основание отказывать ему в праве представить какую-либо из этих бумаг от имени защищаемого им лица непосредственно в Суд? Отыскать такое основа-

ние в истинном разуме ст. 232 Уст. о сод. под. стр., по крайней мере, нельзя. Не следует забывать и того, что присяжные поверенные принадлежат к тому сословию, в самом установлении которого законодатель видел уже «верное ручательство в нравственности, знании и честности убеждений», составляющих его лиц (комментарии к ст. 534 Учр. С.У.). Признавая, что «при назначении защитников от самого Суда, правительство принимает уже некоторым образом на себя нравственную ответственность за избранных Судом лиц», законодатель прямо указал на присяжных поверенных как на таковых, которые «представляют надлежащие гарантии в том, что исполнять свои обязанности добросовестно и со знанием дела» (комм. к ст. 566 Уст. Гр. Суд.). При таком доверии, с каким относится к институту присяжной адвокатуры самый закон, доказывать далее право присяжного поверенного подать в Суд бумагу, написанную его лишенным свободы доверителем, уже не приходится. (Мск. 899/900-147).

[636] Совет счел нужным разъяснить присяжному поверенному необходимость до заседания видеться с подсудимым, как бы ни представлялось дело ясным и несложным по данным предварительного следствия, так как на Суде оно может получить совершенно другой характер, и подсудимый может изменить свои показания. (С.-Пб. 82/83-45; Мск. 90/91-6; С.-Пб. 09/10-408).

[637] Совет нашел, что помощник присяжного поверенного поступил неправильно, принял письмо от заключенного для передачи его по назначению помимо тюремной администрации. (С.-Пб. 08/09-337).

[638] Не следует забывать те особые условия, в которые самою природой вещей ставится судебное красноречие. Живое слово судебного оратора, произносимое под живым впечатлением раскрывающихся на Суде фактов, в разгаре страстной подчас борьбы, естественно не может укладываться в рамки риторических периодов и с точной соразмерностью всех расставляемых в них выражений, строго обдуманных и выношенных в тиши рабочего кабинета; с другой стороны, и самый стиль судебных речей, стоя в зависимости от индивидуальных свойств оратора, от характера его аудитории, а еще более от конкретных особенностей дела, никакой регламентации не подчиняется. Чем ярче раскрывшийся факт, чем больше поражает он или приковывает к себе общее внимание, тем с большею силой отражается он в слове оратора, тем импульсивнее находит свою форму его мысль. Предписывать здесь какие-либо правила столько

же нежелательно, сколько и невозможно. Одна только полная свобода, окрыляя творческую мысль оратора, поднимает его могучее слово на высоту того истинного вдохновения, при котором только и может он властно управлять настроением слушателей, «глаголом жечь сердца людей», по выражению поэта. (Мск. 98/99-184, ч. 2).

[639] Как ни сильны переживаемые защитником при исполнении его обязанностей душевные эмоции, как ни трудно для него порою уберечься от увлечения, от случайной резкости в тоне или в отдельных выражениях его речи, но все же он никогда не должен утрачивать самообладание и из чувства уважения к суду и к собственному личному и профессиональному достоинству не может и не должен унизиться до употребления грубых и оскорбительных выражений по адресу своих противников в судебной борьбе. (Мск. 03/ 04-26).

[640] Если оскорбительных по форме выражений защитник не употреблял, то едва ли вообще возможно вменять в вину присяжному поверенному тот или другой тон речи. Необходимо иметь в виду напряженное состояние защитника, не всегда позволяющее ему вполне овладевать всеми оттенками своей речи; не только в тоне, но и в отдельных выражениях речи нередко могут встретиться неловкости, объясняемые волнениями оратора. Полное же отсутствие в речах защитника оскорбительных выражений свидетельствует, что он следил за собою и в достаточной мере осторожно касался обсуждаемых вопросов. (Мск. 09/10-359, ч. 3).

[641] Когда поверенный, естественно взволнованный своим положением защитника интересов своего доверителя, говорит на Суде, то увлечение его за пределы дозволенного красноречия может быть до известной степени извинительно именно ввиду невозможности соблюсти хладнокровие и строго обдумать каждую мысль и отделать фразу, но когда речь излагается на письме в кабинете, по окончании процесса, когда речь напечатана им в газете, то наличность в ней неуместных фраз и оборотов терпима быть не может. Необычайно развязный тон речи составляет такое уклонение от идеалов судебного красноречия, которое неуместно не только в Суде, но и ни в каком другом месте, где присяжному поверенному прилично выступать в качестве оратора. Фраза о глубоком убеждении присяжного поверенного, что доверителю «и Суд и все истинно честные и благомыслящие люди скажут: «мы не признаем тебя виновным ни перед честью, ни перед совестью, ни перед формальным

законом», неуместна потому, что сулит аттестат истинной честности и благомыслия только тем, которые согласны с мнением оратора, почему всем остальным остаются в удел противоположные качества. То же нужно сказать и о фразе, в которой оратор, обращаясь к судьям, говорит: «когда вы спокойно и разумно, как истинные юристы, а не как люди толпы и случайного настроения, обсудите все обстоятельства настоящего дела, то вы не будете в состоянии вынести моему доверителю другого приговора, кроме оправдательного». Присяжный поверенный должен выбирать слово и знать, к чему обязывает его достоинство носимого им звания и уважение к месту, где ему приходится действовать. (Мск. 899/900-119, ч. 1).

[642] Присяжный поверенный, для которого судебная деятельность является не случайным занятием, обязывается этим строго различать возможные в ней приемы, избегая всего резкого, а тем более низменного; занимая кафедру защитника, он должен и может служить образцом сердечного отношения к подсудимому, участливого к потерпевшему и уважительного к Суду в лице присяжных заседателей и коронных судей, памятуя, что равнодушие к участи непосредственных участников процесса и неуважение к Суду роняют в глазах публики не только его самого, но и дело защиты вообще, служить коему составляет одно из его призваний. (Мск. 900/901-75).

[643] Защитник не должен низводить свое слово до личных нападок; забота о нравственном достоинстве своей речи должна быть равной заботе об участи подсудимых. (Мск. 09/10-180).

[644] Экскурсии в область богословия, составляющие слабость многих наших судебных ораторов, это прием, от которого вообще лучше было бы воздерживаться; напоминать же присяжным заседателям о великой заповеди всепрощения после того, как они дали присягу в том, что не будут оправдывать виновного, является, конечно, неуместным. (Мск. 899/900-155, ч.1).

[645] Неосторожное отношение к вопросам личного достоинства и чести не может быть допустимо в человеке, самое звание которого предъявляет уже к нему весьма определенные в этом смысле требования; более чем кто-либо другой присяжный поверенный должен знать, что к чужому доброму имени надо подходить осторожно, что всякое выражение, направленное к омрачению доброй репутации другого, вызывает в душе каждого человека с развитым сознанием собственного достоинства чувства жгучего страдания,

тем более жестокого, когда такое отношение к оскорбленному не вызывалось с его стороны решительно никаким действием. Тот, кто позволяет себе без всяких к тому оснований затрагивать честь и доброе имя другого, не может претендовать, если встретит такое же отношение и к себе самому. Так присяжные поверенные поступать не могут. (Мск. 899/900-144, ч. 2; 97/98-52).

[646] Помощник присяжного поверенного настаивал в Суде на том, что согласие, данное потерпевшим, на получение пощечины, устраняет в данном случае состав преступления, почему просил об оправдании подсудимого. Такой прием защиты, по мнению Совета, не представляет собою ничего неправильного. Действительно, по распространенному в уголовной доктрине воззрению, при посягательстве на честь лица согласие лица пострадавшего устраняет уголовную ответственность обидчика (см. Таганцев, Курс уг. пр. 1 пар. 181, по изд. 1874). Помощник присяжного поверенного не только имел право, но по долгу защитника был обязан привести этот довод пред Съездом. Вместе с тем, Совет находит, однако, что достоинство уголовной защиты, как участника в акте правосудия, не уполномочивает ее обращать пострадавшее лицо в предмет глумления. (Мск. 900/901-207).

[647] Совет нашел, что присяжный поверенный действительно имел повод коснуться нравственной личности товарища; оттенить таковую он решил путем контраста, – отсюда цитата, говорящая о типе, противоположном присяжному поверенному. Что же касается вопроса, насколько употребленная в речи цитата удовлетворительна как ораторский прием, насколько она отвечает требованиям художественного вкуса и хорошего стиля, то этот вопрос не может быть предметом рассмотрения суда дисциплинарного. Совет уже имел случай высказать, что живое слово судебного оратора, произносимое подчас в разгаре страстной борьбы, и самый стиль судебных речей не могут подчиниться какой-либо регламентации. Предписывать здесь какие-либо правила столько же нежелательно, сколько и невозможно. (Мск. 03/ 04-377, ч. 2).

[648] Характеристика исторической личности, сошедшей с поля деятельности, могла быть сделана в судебном заседании, и если можно высказать, что бывший министр принес пользу судебному ведомству, был его другом, то возможно высказывать и противоположные мнения. Если допустимы отзывы положительные, то допустимы и отзывы отрицательные. Если Судебная Палата не разделяла

высказанной присяжным поверенным оценки, то, во-первых, присяжный поверенный не обязан был знать, как относились чины Судебной Палаты к бывшему министру и выражали ли они ему уважение «телеграммами и адресами», а во-вторых, никогда не было несогласие с его мнением, наоборот, ложное выражение согласия с мнением другого должно почитаться за признак неуважения к последнему.

И если бы выражение мнения, не согласного с мнением Суда, считалось признаком неуважения к последнему, то невозможны бы были апелляционные жалобы и протесты. (Харьк. 08/09-230).

[649] Произнесение в судебном заседании при защите подсудимого таких выражений, которые явно содержат в себе свидетельское показание об обстоятельствах, клонящихся к оправданию подсудимого, составляет нарушение положительно выраженного в законе (ст. 709 Уст. Угол. Суд.) правила о несовместимости роли свидетеля с ролью защитника подсудимого и проступок против обязанностей звания присяжного поверенного. (Харьк. 08/09-290).

[650] Призванный по назначению от Суда к исполнению обязанностей защитника подсудимого, обвиняемого в публичном оскорблении чести женщин при исполнении им служебного долга, присяжный поверенный, естественно, не мог не возмутиться поступком обвиняемого, совершенным им в качестве низшего чина полиции, призванной, по закону, охранять общественный порядок и безопасность. Но по обязанности защитника обвиняемого на Суде присяжный поверенный должен был отнестись с полным спокойствием и сдержанностью к предстоящей ему задаче, сгруппировать и выставить на вид обстоятельства, смягчающие вину подсудимого. Обращаясь к речи, произнесенной им, Совет не может не отметить внесенную им в речь запальчивость при характеристике чинов полиции вообще, не вызывавшуюся обстоятельствами дела и предстоявшею ему задачей, как защитника. (Мск. 899/900-107, ч. 1).

[651] Хотя ограждение и восстановление интересов частных лиц, нарушенных чьим-либо преступным деянием, и составляет одну из задач уголовного суда, но, тем не менее, несомненно, что правосудие в отправлении своих обязанностей руководствуется не мотивом выгоды, а началом справедливости. Проведение со стороны защитника в его защитительной речи взгляда на уголовный приговор, как на выгодную сделку, должно быть признано неуместным и неприличным приемом, несогласным как с достоинством защиты,

так равно и с задачами уголовного правосудия. В данном случае, по объяснению помощника присяжного поверенного, его намерение и мысль состояли лишь в том, чтобы указать, между прочим, присяжным заседателям на то обстоятельство, что обвинительный приговор лишит подсудимого возможности вознаградить ущерб потерпевшего, тогда как оправдание даст ему к тому средства и возможность. (Мск. 88/90-149).

[652] Каждый защитник подсудимого вполне свободен в установлении той или другой точки зрения на систему защиты, в пользовании имеющимися в деле доказательствами и представлении объяснений в пределах, указанных ст. 744 и 745 Уст. Уг. Суд.; но, тем не менее, он должен подчиняться требованиям председателя, которому на основании Уст. Уг. Суд. Императора Александра II принадлежит управление ходом судебного заседания (611 ст. Уст. Уг. Суд.) и направление этого хода к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины (ст. 613). В законе указывается точно так же и средство ограждения защиты от несогласных с законом распоряжений и требований председателя, а именно, занесение в протокол судебного заседания всех подобного рода действий, нарушающих права защиты и интересы подсудимого (ст. 837 Уст. Уг. Суд.). Наконец, если способ обращения с защитником со стороны председателя является грубым и неприличным, замечания ему делаются в резкой, несоответствующей достоинству Суда форме, то защитник не должен терпеть такого унизительного обращения, но обязан заявить Суду о невозможности продолжать при подобных условиях свою защиту и, сложив с себя обязанности защитника, удалиться из зала судебного заседания. Такой исход представляется единственно возможным средством охранять как достоинство и честь адвокатского сословия, так равно и интересы правосудия, ибо, конечно, при сказанных условиях защитник не в состоянии надлежащим образом разумно и спокойно продолжать исполнение своих обязанностей по защите вверенной ему подсудимым участи. (Мск. 92/93-38, ч. 3; 03/ 04-481, ч. 3).

[653] Исход уголовного дела, решаемого с участием присяжных заседателей, во многих случаях зависит от тех отношений, в которые при рассмотрении дела поставит себя защитник к Суду и к председательствующему в заседании в особенности. Силою присяги и важностью своего положения в качестве защитника подсудимого присяжный поверенный ни на одну минуту не должен забывать, что ему вверены дорогие интересы его доверителя, и что, в силу этого,

он обязан пользоваться всеми законными и нравственными средствами для облегчения участи обвиняемого. К числу таких могущественных влиятельных средств, несомненно, относятся и вполне бесстрастные и уважительные отношения защитника к председательствующему во время разбирательства дела. Влияние председателя в качестве руководителя судебного заседания, несомненно, отразится на исходе дела, смотря по тому, в каких отношениях председательствующий находится к защитнику подсудимого. Подчиненный во время судебного заседания, как и все находившиеся в заседании и участвующие в деле, дисциплинарной власти председательствующего, присяжный поверенный не только в интересах своего сословия, но и в интересах подсудимого, не может не стремиться к тому, чтобы установить вполне беспристрастные отношения председательствующего к своим действиям в качестве защитника. А потому он должен избегать всего излишнего, что может нарушить правильные отношения к нему председательствующего. (Мск. 86/87-30; 85/86-44).

[654] N Судебная Палата полагает, что, как бы распоряжение председателя ни стесняло права защиты на Суде, последняя может лишь ходатайствовать о занесении этого распоряжения в протокол для обжалования его в установленном порядке, отнюдь не слагая с себя принятых ею обязанностей; эти же обязанности заключаются не в разъяснении одного какого-либо обстоятельства из дела, а в участии защитника во всех стадиях процесса вплоть до объявления резолюции по делу. Это рассуждение Палаты следует признать правильным, но также и только с формальной его стороны. Представим себе случай, маловероятный, конечно, когда защитник пришел в Суд с единственной надеждой установить alibi обвиняемого и когда председателю собственной властью останавливает на судебном следствии всякую его попытку установить это alibi. В данном случае весь вопрос сводился бы к разъяснению одного только обстоятельства по делу, но ведь разъяснением этого обстоятельства исчерпывалось бы все содержание защиты; вне этого разъяснения защите делать было бы нечего, и дальнейшее участие ее в процессе, вплоть до объявления резолюции по делу, выразилось бы лишь в молчаливом созерцании всего происходящего. Не подлежит никакому сомнению, что защитник, как и все участвующие в процессе лица, обязан подчиняться распоряжениям председателя на Суде, без всякого соображения со степенью их соответствия требованиям закона или обстоятельствам дела. Встречаясь с такими распоряжениями председателя, которые стесняют ее права, защита может только просить

о занесении этих распоряжений в протокол для обжалования их в установленном порядке. Оставаться, однако, в таком положении, как в вышеприведенном примере, когда распоряжениями председателя защита обрекается на полное бездействие; оставаться до конца процесса, вплоть до объявления резолюции, присяжный поверенный обязан лишь только тогда, когда он ведет защиту по назначению, т.е. по обязанности, и когда причины к освобождению его от этой обязанности, при ходатайстве его об этом, будут признаны Судом недостаточными (ст. 394 Учр. Суд. Уст.). Находясь же в подобном положении при отправлении обязанностей защиты, принятых на себя добровольно, присяжный поверенный имеет полное основание отказаться от дальнейшего участия в процессе и заявить о сем Суду. За него будет в таком случае не одно только формальное право, бесспорно принадлежащее ему по закону, но и сама справедливость. (Мск. 02/ 03-84, ч. 1).

[655] Совет допускает чрезвычайно тяжелое положение защитника в деле защиты законных интересов своего доверителя при частых столкновениях председательствующих с защитниками, отголоски которых все чаще и чаще в производстве Совета. Однако, уважение к закону и праву – долг защиты, нарушать который нельзя без серьезных опасений подорвать значение и существо самого института защиты. Досадно быть свидетелем тенденциозных резюме председательствующих, ибо они нарушают закон и расшатывают основы правосудия, не соответствуют духу Судебных Уставов, но ни эти обвинительные тенденции председательствующих, ни даже прямые нарушения ими закона не должны и не могут вызывать нарушения законов и со стороны защиты, которая вправе лишь указывать, насколько затруднительна в настоящее время роль защиты и насколько она вызывает сочувствие, исполняя свой долг и при таких неблагоприятных условиях. Присяжный поверенный нарушил закон, позволяя себе критику резюме, которого он не слышал, указав в своей речи, что председателем будет сказано обвинительное резюме. (Мск. 10/11-62, ч. 3)

[656] Во время провозглашения приговора или решения Суда, в этот торжественный момент отправления правосудия, все присутствующие, а тем более стороны должны относиться к выслушанному с совершенным спокойствием и не позволять себе никаких замечаний или возражений. В такую минуту укоризна, обращенная к судье, недопустима не только с точки зрения охраны достоинства судебных решений, она несправедлива и оскорбительна лично для

судьи, потому что порицает и унижает тот самый приговор, который судья должен постановить по мере своего разумения и почерпнуть из глубины своей совести. Положение это должно быть настолько ясно для поверенного, а применение его настолько непоколебимо, что ни волнение, ни раздражение, ни полное несогласие с объявленным решением не могут извинить малейшего его нарушения, ничтожного эксцесса. Недовольство стороны находит исход в обжаловании, но не в упреках, обращенных к Суду, постановившему решение (Мск. 03/ 04-30).

[657] Для того, чтобы заменить себя другим защитников не по назначению председателя, а по соглашению с обвиняемым, требуется достигнуть этого соглашения обвиняемого, и в случае, если это соглашение последует, необходимо его оформить в надлежащем заявлении Суду. Лишь исполнив все это, присяжный поверенный имел бы основание полагать, что обязанность защитника подлежащим образом, т.е. и с согласия обвиняемого и с согласия нового защитника, возложена на этого нового защитника; лишь после этого он мог бы считать себя покойным и освобожденным от этой защиты. Без соблюдения же этого порядка, даже при наличности товарища, соглашающегося взять на себя защиту, нельзя быть покойным, ибо обвиняемый имеет право не дать своего согласия на такую замену. Поэтому с формальной стороны ответственность за исполнение сословной обязанности в данном случае все время оставалась на присяжном поверенном. Но и по существу не следует забывать переданные дела, ибо хотя интересы предоставления занятий начинающим товарищам и создали на практике обычай замены опытных поверенных новичками, но, дабы такая замена не отражалась неблагоприятно на интересах судящихся, а также и в целях дидактических относительно новичков-товарищей, необходимо при замене себя молодежью снабжать молодежь своими советами по существу поручаемого дела, выслушав затем отчет о том, как дело прошло. (Харьк. 08/09-299).

[658] Замена назначенного Судом защитника, обусловленная согласием на то подсудимого допускается согласно 565, 568 и 569 ст. Уст. Уг. Суд. и принимается Судом лишь к сведению, вследствие чего при принятии на себя помощником присяжного поверенного обязанностей защитника с согласия подсудимого, по поручению назначенного Судом защитника, последнему не представляется оснований входить в Суд об этом с заявлением, как не требующим со стороны председательствующего каких-либо особых вне судебного

заседания распоряжений. Неизвещение Суда о перемене лица защитника не может быть рассматриваемо как признак невнимательного отношения к Суду. Напротив, устранение излишней переписки и необременение Суда бесцельными заявлениями скорее указывает на серьезное отношение к задачам Суда. С другой стороны, замена присяжного поверенного, назначенного к защите Судом, в известных случаях и при соблюдении известных условий представляется неизбежною, ибо в некоторых провинциальных судах, где приходится на каждого присяжного поверенного от 3 до 4 уголовных защит по назначению Суда в месяц, исполнение присяжным поверенным профессиональных своих обязанностей в отношении других доверителей являлось бы невозможным, так как нередко случается, что дела, в которых один и тот же поверенный должен участвовать, слушаются как в разных отделениях Суда, так и в апелляционной инстанции в один и тот же день. (Мск. 91/92-7; 97/98-46).

[659] Передачу принятой на себя по соглашению уголовной защиты другому лицу, без предварительного извещения о том подзащитного и без положительно выраженного на то последнего согласия, нельзя признать правильной. Выбор уголовного защитника обусловливается индивидуальным свойством последнего и тем особым доверием, которое подзащитный или заинтересованные в его судьбе лица питают к нему. Поэтому помощник присяжного поверенного решил, что он не может сам защищать, должен был заранее предупредить о том подзащитного, и лишь в том случае мог заменить себя товарищем, если бы обвиняемый согласился на это; в противном случае, ему надлежало отказаться от дела и возвратить полученный гонорар. Между тем помощник присяжного поверенного, исключительно по собственному почину и усмотрению, заменил себя другим помощником присяжного поверенного. Если сам подзащитный и выразил в заседании Суда согласие на то, чтобы его защищал другой, то такое согласие едва ли может рассматриваться, как вполне сознательное и непринужденное. Опасение остаться вовсе без защитника или нежелание откладывать дело (особенно естественное у лиц, содержащихся под стражею) может заставить обвиняемого согласиться на участие в процессе любого защитника, хотя бы в другое время и при другой обстановке он, может быть, и не пожелал бы воспользоваться помощью последнего. (Мск. 08/09-124, ч. 3).

[660] С точки зрения закона, присяжный поверенный поступил неправильно, передав порученные ему защиты помощнику при-

сяжного поверенного. Действительно, передача уголовных защит помощником присяжного поверенного не установлена. Но это допущенное присяжным поверенным уклонение от соблюдения законом установленного процессуального порядка Совет признал возможным оставить без дисциплинарного взыскания, так как образ действий его извиняется господствовавшею доныне долголетнею практикою судебных установлений, которые, под условием последующего, обыкновенно молчаливого, согласия подсудимых, допускали передачу уголовных защит помощникам присяжных поверенных, хотя такая практика судебных установлений и не оправдывалась точным смыслом закона, но она неизбежно вызывалась: а) вниманием судей, с одной стороны, к справедливым нуждам присяжного поверенного (а такое внимание дозволяется 394 ст. Учр. Суд. Уст.), с другой же – к потребности помощников присяжных поверенных иметь практику в уголовных процессах, без чего они не могут вступить в сословие присяжных поверенных (354 ст. Учр.), и б) убеждением судей, что подсудимые преимущественно ценят то, чтобы их защищали лица, добровольно согласившиеся позаботиться об их интересах и успевшие ознакомиться с их делами. (Харьк. 84/85-156).

[661] Невозможность личной явки на уголовную защиту дает назначенному на защиту присяжному поверенному одно только право просить об освобождении его от этой защиты, причем он, само собою разумеется, может указать Суду на лицо, согласившееся заменить его в данном деле; в таком случае от Суда будет зависеть, принять или не принять сделанное предложение, и при этом не будет сделано ничего такого, что хотя бы в малейшей степени и в чем-либо стесняло или умаляло права и интересы обвиняемого. Замена себя другим лицом, по соглашению с подсудимым, изменяет в значительной степени положение обвиняемого на Суде: болезнь такого защитника, неявка его в заседание, удаление из Суда и т.п. лишают подсудимого права требовать назначения другого защитника от Суда или отсрочки заседания. Значительное большинство подсудимых, пользующихся бесплатно помощью защитников по назначению, не знают законов и не понимают такой разницы в положении защитника, назначенного Судом и избранного подсудимым по указаниям сего защитника; они совершенно естественно смотрят и на избранного защитника как на защитника, по их выражению, «казенного», и не отказывают в своем согласии на замену одного защитника другим, предполагая, с одной стороны, право присяжного поверенного заменить себя своим помощником, а с другой стороны, опасаясь воз-

можной, в случае несогласия на замену, отсрочки заседания. Частые отлучки из города не могут вполне оправдывать присяжного поверенного; эти отлучки вызываются его личными делами, его положением юрисконсульта железной дороги, но эти дела не освобождают его от общей для всех присяжных поверенных обязанности лично защищать по назначению Суда подсудимых. Равным образом и практикуемая некоторыми присяжными поверенными та же система передачи дел не освобождает его от дисциплинарного взыскания, но лишь влияет на меру оного. Такая система никогда не оправдывалась Советом, одобрена им не была, и всякий случай жалобы или недоразумения, могущих от сего возникнуть, как и в данном деле, служит поводом к дисциплинарному взысканию с того поверенного, который так неправильно относится к одной из главнейших обязанностей сословия – отбыванию обязательных уголовных защит. (С.-Пб. 90/91-120).

[662] Защиту по назначению Суда, как один из видов общественного служения адвокатуры, Совет всегда считал в числе самых серьезных профессиональных обязанностей членов сословия, и хотя присяжный поверенный по уважительным причинам, и не лишен права заменить себя по защите, но, тем не менее, он не должен забывать, что до поступления в судебное место со стороны подсудимого заявления об избрании им другого защитника или до вступления такового в права защитника – назначенный для защиты присяжный поверенный не может считаться формально освобожденным от возложенной на него обязанности, а поэтому, даже передав защиту, не должен выпускать дело из виду. (Мск. 10/11-20, ч. 3).

[663] Принятие помощником на себя защиты, порученной Судом присяжному поверенному, не освобождает последнего от всякой ответственности по этому делу. Поручая дело помощнику, только что начинающему практику, присяжный поверенный не должен был оставлять его без всякого наблюдения; напротив, обязан был, насколько возможно, помогать ему своими советами и разъяснениями. Ввиду изложенного, и присяжный поверенный, и помощник являются виновными в недостаточно внимательном отношении к своим обязанностям. (Мск. 85/86-50).

[664] Присяжный поверенный поступил неосмотрительно, заявив на словах о своем отказе от защиты, тогда как ему надлежало оформить его подачей письменного заявления, что гарантировало бы его от возможной забывчивости канцелярии отметить в деле его

отказ, заявленный в устной форме. (Мск. 08/09-118, ч. 3; 99/900-122, ч. 1).

[665] Хотя по установившемуся обычаю присяжные поверенные с согласия подсудимых и передают иногда уголовные защиты своим помощникам, но такая передача может быть допускаема лишь по отношению к действительным помощника присяжных поверенных, правильно и законно носящим это звание с утверждения Совета присяжных поверенных, а не тем самозванным помощникам, которые Советом не признаются, ему вовсе неизвестны и стоят посему вне всякого контроля и надзора с его стороны. Рекомендуя вместо себя на уголовную защиту известное лицо, присяжный поверенный не может не нести на себе нравственной ответственности за подобную рекомендацию; ответственность же эта может иметь действительное значение лишь в отношении таких лиц, которые входят в состав сословной организации. (Мск. 88/89-121)

[666] Отказ от возбуждения явно неосновательного уголовного преследования составляет не только право, но и обязанность поверенного. (Мск. 08/09-214, ч. 2).

[667] Защита подсудимых по назначению Суда является одной из важнейших, а с точки зрения общественного служения – одной из драгоценнейших обязанностей присяжного поверенного; уклонение от этой обязанности должно почитаться тяжким нарушением профессионального долга. Поэтому отказ присяжного поверенного от возложенной на него в порядке 566 ст. Уст. Уг. Суд. обязанности защитника не может не вызвать полного осуждения со стороны Совета. Оставляя в стороне те убеждения, кои изложены в его заявлении и кои относятся к вопросам совести и внутреннего мира каждого Совет не может обойти молчанием признания присяжного поверенного в том, что он «ничего не может сказать в защиту подсудимых», – признания, являющегося полным testimonium paupertatis для присяжного поверенного, много лет занимающегося судебной практикой. (Харьк. 10/11-216).

[668] Присяжный поверенный, назначенный для производства дела Советом или председателем судебного места, не может отказаться от исполнения данного ему поручения, не представив достаточных для сего причин (1089 ст. т. II ч. 1 св. зак. изд. 1876). Имея такие причины к отказу, присяжный поверенный не должен считать себя свободным от исполнения возложенных на него обязанностей

до тех пор, пока причины отказа не признаны «достаточными» со стороны компетентной власти, и пока не последовало распоряжение этой власти, освобождающего присяжного поверенного от исполнения данного ему поручения. Хотя это положение и не высказано прямо в учреждении судебных установлений, однако, оно неизбежно вытекает из 1089 ст. т. II ч.1 св. зак. т находит полное подтверждение в том, что даже и в гражданском процессе поверенный, отказывающийся от ходатайства по делу доверителя, отсутствующего, и не замененный новым поверенным, признается обязанным продолжать ходатайство до тех пор, пока не истечет определенный председателем Суда срок, после которого он считается свободным от своей обязанности (252-254 ст. Уст. Гр. Суд.). Поверенный, назначенный для производства дела Советом или председателем Суда, не должен своим несвоевременным отказом прерывать законное движение дела, так как это нарушило бы требование закона о непрерывности судебного заседания по каждому делу. (633 ст. Уст. Уг. Суд.) (Харьк. 80/81-37).

[669] Присяжный поверенный в праве принять на себя ту или другую защиту, вправе совсем ее не принимать, вправе, наконец, и отказаться от принятой, если условия, на которых защита была принята, не были исполнены. Но, признавая, что право присяжного поверенного на отказ от принятой по соглашению защиты бесспорно, Совет, тем не менее, не может не признать, что присяжный поверенный, несомненно, имеет право отказаться от защиты, раз условленных денег доверитель ему не заплатил, но отказ свой он должен послать своевременно, а не доводить расчеты с ним до последней минуты. Равным образом должен заблаговременно сообщить Суду об отказе от защиты, а не оставлять Суд в неведении по этому поводу и не подавать прошения в Суд об освобождении его от обязанностей защитника в самый день заседания. (Мск. 09/10-213, ч. 3).

[670] В праве ли присяжный поверенный отказаться от назначенной защиты, если ордер на таковую им получен за семь дней до слушания дела, а он, по условиям своей работы, находил недостаточным этот срок для подготовки к делу, которое, кроме того, считал сложным и требующим серьезного изучения? Из сопоставления 557, 556, 566 и 568 ст.ст. Уст. Уг. Суд. Нельзя не придти к заключению, что казенный защитник назначается в том случае, если подсудимые не избрали себе защитника по соглашению, о чем должны заявить в семидневный срок со времени получения обвинительного акта; что вместе с распоряжением о вызове в Суд кого следует,

председатель Суда назначает время и место судебного заседания по каждому делу, сообразуясь с отдаленностью местопребывания вызываемых лиц, со временем, необходимых для приготовления к защите подсудимых; что, таким образом, назначение к слушанию дела должно состояться или одновременно с назначением казенного защитника, или после такового, так как, назначая дело, надлежит иметь в виду необходимое для подготовки к защите время. Ст. 572 Уст. Уг. Суд., по которой каждое дело за неделю до слушания должно находиться в канцелярии Суда, указывает лишь на то, что закон обеспечивает сторонам перед самым слушанием возможность проверки своих знаний, возможность окончательной подготовки к делу, а никак не суживает прав стороны изучать дело в течение более продолжительного времени. Засим казенному защитнику предоставляется право в семидневный срок со времени вручения обвинительного акта просить о вызове нужных по делу свидетелей. Если согласиться с мнением Суда, что присяжный поверенный может быть назначен за семь дней до слушания дела, то это значит – тем самым упразднить не только вышеуказанное право защиты, но во многих случаях и ее прямую обязанность, с явным ущербом для правосудия. Далее присяжные поверенные несут и обязаны нести общественную повинность: бесплатно защищать подсудимых, не имеющих защитников, бесплатно вести гражданские дела лиц, пользующихся правом бедности, но источником их материального существования является частная возмездная практика. Отсюда логически вытекает, что эта частная практика налагает такие же обязанности, как по назначению от Суда, что присяжный поверенный всегда связан всякими сроками и заседаниями, что его время не вполне свободно, что таковое он должен планомерно распределять, что посему Суд, возлагая на присяжного поверенного обязанность защиты, должен это иметь в виду и посылать ордер с таким расчетом, чтобы добросовестное исполнение этой обязанности было действительно возможно. Нельзя согласиться с Судом, что по свойству данного дела семидневный срок более чем достаточен для ознакомления защитника, ибо, не говоря уже о том, что лучшим судьей при решении этого вопроса может быть сам присяжный поверенный, дело о 37 обвиняемых, из коих 21 вверяются защите одного присяжного поверенного, не может считаться делом простым и легким. Нужно же ознакомиться с фактической стороной, нужно изучить улики в отношении каждого из подзащитных и т.д. Наконец, прав присяжный поверенный, утверждая, что он не обязан в неприсутственные дни ходить в канцелярию Суда и свой досуг, предустановленный законом, отдавать для изучения дела только потому, что Суд несвоевре-

менно назначил его защитником. А раз присяжный поверенный к делу не был готов не по своей вине, то он не только имел право, но был обязан, в интересах достоинства защиты и во исполнение своего долга перед подсудимыми, заявить об этом, просить об отложении дела, и последствия такой отсрочки не на него должны падать. (Мск. 09/10-51, ч. 3; 91/92-9).

[671] Из однородных дел, поступающих в Совет по сообщениям Военно-Окружных Судов, усматривается, что Военные Суды иногда ставят защитников в слишком тяжелые условия в отношении ознакомления с делом, предоставляя для этого в распоряжение защитников даже несколько часов и перед самым заседанием, что, конечно, не дает возможности защитнику обстоятельно изучить дело. Ввиду таких обстоятельств Совет, хотя и не может не выразить пожелания, чтобы защитники из присяжных поверенных в Военных Судах были более предусмотрительными и не допускали тех случаев, когда подсудимый, получивши согласие со стороны присяжного поверенного на принятие защиты, остается в день слушания дела без защитника, тем не менее, не находит оснований подвергать ответственности принявших на себя защиту в Военно-Окружных Судах присяжных поверенных, когда последние получают слишком поздние уведомления о времени слушания дела. (Мск. 09/10-97, ч. 3).

[672] Председатель Суда прервал слова присяжного поверенного резким и вызывающим голосом, и каждую минуту можно было ожидать такого же оскорбления, какое было нанесено другому присяжному поверенному; не желая подвергаться этому, присяжный поверенный счел себя вынужденным оставить зал заседания. Уйти из зала заседания, будучи поверенным гражданского истца, присяжный поверенный считал себя вправе, так как доверительница его находилась налицо, никакого протеста не заявила и ныне претензии не заявляет. На вопрос о праве защитника по соглашению или гражданского истца отказаться от принятых на себя обязанностей Совет неоднократно останавливался и нашел, что вопрос этот разрешается точным содержанием 393 и 394 ст.ст. Учр. Суд. Уст., из сопоставления которых видно, что закон резко различает защитника по соглашению и защитника по назначению, и что первый вправе во всякое время сложить с себя обязанности защитника, «вовсе даже не объясняя причины такого образа своих действий». Конечно, такой уход по существу своему должен вызываться серьезными причинами, такими побуждениями или причинами, которые лишили защитника возможности исполнить принятую на себя обязанность; то душев-

ное настроение, в котором находился присяжный поверенный после полученных со стороны председателя Суда оскорблений, необходимое вследствие этого отсутствие равновесия, давали ему право уйти из залы и просить товарища заявить об этом. Не подлежит сомнению, что в случае внезапной болезни присяжный поверенный может уйти из залы Суда, и всякий товарищ, заявив об этом Суду, если он находится в таком положении, что не в состоянии сам этого сделать. Так и в этом случае душевное волнение не позволило присяжному поверенному явиться в залу, и не его вина, что он в таком положении очутился. Чего мог ждать присяжный поверенный, если бы он появился в зале и стал заявлять о своем уходе? Нужно было бы объяснять причину, а это, мог опасаться присяжный поверенный, повлекло бы за собой новые нежелательные осложнения.

А между тем, еще в 1892 году (отч. за 1892-93 г., стр. 39) Совет подверг дисциплинарному взысканию присяжного поверенного за то, что тот, невзирая на невозможное с ним обращение председателя, не отвечающее его достоинству и званию, остался в зале; Совет нашел, что присяжные поверенные в интересах охраны как своего достоинства и чести адвокатского сословия, так равно и правосудия обязаны не терпеть унизительного с собою обращения и обязаны уйти из залы. (Мск. 03/04-384, ч. 2).

[673] Право отказа от защиты, принятой по соглашению, несомненно вытекает из характера соглашения, допускающего и отмену соглашения сторонами, заключившими его, а также из аналогии с соглашением доверителя с поверенным по гражданским делам, каковое соглашение может быть отменено каждой из сторон во всякое время (ст. 251 и 252 Уст. Гр. Суд.). Поэтому в отказе, в особенности с согласия своих подзащитных, от дальнейшего ведения дела, Совет не может усмотреть неправильности. (С-Пб. 09/10-308; Мск. 09/10-47, ч. 3).

[674] Присяжный поверенный, чувствующий себя не совсем здоровым, все равно, будет ли то физическая болезнь или тяжелое самочувствие, не только может, но должен прервать исполнение профессиональных обязанностей, и если он назначен для защиты, обязан просить Суд освободить его, помня, что защитник, больной, с расстроенными нервами или с гнетущим болезненным настроением, принесет не пользу, а вред правосудию и своему доверителю. Противоположная точка зрения могла бы найти себе оправдание лишь во взгляде на исполнение обязанностей назначенного защитника, как на пустую формальность, или на присяжного поверенного,

как на автомата, который во что бы то ни стало должен отбыть наложенную на него повинность. Само собою разумеется, что не представляется возможным предполагать такие взгляды у кого-либо из судебных деятелей.

Причины, лишающие возможности исполнить профессиональные обязанности, могут быть физические и моральные: болезнь в тесном смысле слова и события личной или окружающей жизни, тяжело повлиявшие на душевное и нервное состояние – несчастье, постигшее близких – приравнивается в этом отношении законом к личным несчастиям. Но, с другой стороны, не может быть сомнения, что бедствия, обрушившиеся на общество, потрясают нас не менее личного горя; таковы, например, пожар, истребивший большую часть города; землетрясение, наводнение и т.п. Бедствия эти могут возникать как под влиянием стихийных сил природы, так и в области социальных отношений, и последние способны оказывать на нас еще больше влияния. Присяжный поверенный указал на одно из таких событий, имевшее место 9 января 1905 года и повлекшее за собою гибель большого количества людей. Это событие могло и действительно произвело на всех потрясающее впечатление. Нет никаких оснований сомневаться в том, что присяжный поверенный под влиянием известий об этом происшествии находился в таком подавленном настроении, что чувствовал себя неспособным защищать. (Мск. 07/08-75, ч. 3).

[675] Умаляет ли достоинство присяжного поверенного, заявляющего о своей болезни во время слушания дела, освидетельствование его через врача? По мнению Совета, оно равносильно публично выраженному Судом недоверию к заявлениям присяжного поверенного. В Уставе Уг. Суд. нет статьи, которая бы предписывала или разрешала такое освидетельствование. Если подобное освидетельствование немыслимо по отношению к члену Суда или лицу прокурорского надзора, то оно недопустимо и для исполняющего обязанности защиты присяжного поверенного, который в силу носимого им звания может требовать к себе доверия, равного доверию к члену Суда, или лицу прокурорского надзора. Вопрос об ответственности присяжного поверенного неразрывно связан с другим: обязан ли присяжный поверенный во время судебного заседания подчиняться всем распоряжениям, исходящим из Суда или от председательствующего? По мнению Совета, власть председательствующего точно определена законом (611-619 ст. Уст. Уг. Суд.). Только в этих пределах присяжный поверенный во всем, что касается его действий, обязан безусловному подчинению председательствующе-

му, вне же сих пределов начинается нарушение закона, которому присяжный поверенный не должен подчиняться; единственная статья устава, говорящая о болезни защитника, указывает лишь на то, что препятствием к открытию судебного заседания может служить и болезнь защитника, когда по краткости остающегося до заседания времени новый защитник не может приготовиться к защите. По разъясняющим 591 ст. Уст. Уг. Суд. кассационным решениям Суду предоставлено самое широкое право постановлять подсудимым защитника (72/1360; 73/523; 71/1551), но ни в одном из сенатских решений не указывается на то, чтобы Суд мог подвергать заявляющего себя больным защитника освидетельствованию. Могут, конечно, быть случаи злоупотребления присяжного поверенного заявлением о болезни, но Суд не остается бессильным по отношению к такому заявлению. Усмотрев неправильность в действиях присяжного поверенного, он может сообщить Совету Присяжных Поверенных, а где его нет – Окружному Суду, для возбуждения дисциплинарного производства против присяжного поверенного, возбудившего к себе недоверие. (С.-Пб. 87/88-66).

[676] Закон не приводит перечня «достаточных» причин для отказа от ведения дела и не указывает, каким способом Совет или председатель судебного места должен удостовериться в том, что причина существует и достаточна. Словом, сложная область не процессуальных, а личных отношений назначенного поверенного к органам назначающим осталась без законодательного определения.

Едва ли это случайно. Можно думать, что в цели закона и не входило излишней регламентацией стеснить и осложнить выполнение и без того тяжелой повинности. Составители Учреждения Судебных Установлений могли надеяться с полным основанием, что присяжная адвокатура исполнит свой долг с совершенной тщательностью, а председатели судебных мест, Советы Присяжных Поверенных и заменяющие их Суды отнесутся к ней с доверием, вниманием и благожелательностью, поставив своей задачей облегчить присяжным поверенным исполнение трудной обязанности, а никак не обременять их лишним формализмом и недоверчивостью, в личных отношениях для присяжного поверенного оскорбительною. И практика Судебных Установлений пошла по этому пути. Когда назначенный поверенный не может вести дела по самым разнообразным причинам, как-то: болезнь личная или болезнь близких, важное семейное событие, какой-либо несчастный случай, отъезд, невозможность подготовиться ввиду обременения в данное время делами и т.п., он заявляет об этом назначившему его учреждению, и

обыкновенно его заменяют другим лицом, не требуя при этом медицинских, полицейских или каких-нибудь иных свидетельств, представления которых не требует и закон. Да разве удостоверение врача или кого-либо другого может иметь большее значение, чем слово присяжного поверенного, сказанное им Совету или Суду, когда дело идет о нем лично? Подозревать, что присяжный поверенный способен, ради уклонения от своих обязанностей и ради переложения их на товарища, идти на сознательный обман перед Советом или Судом, предпочитать чье-то свидетельство заявлению присяжного поверенного, – это значило бы обнаруживать такой безысходно мрачный взгляд на присяжную адвокатуру, который идет вразрез с духом и смыслом Судебных Уставов, при котором отправление правосудия с непременным участием присяжных поверенных немыслимо, и который, к счастью, стоит в явном противоречии с установившимися в судебном мире отношениями и если существует, то является крайним и редким исключением. Не имея возможности вследствие тяжкой болезни зрения лично прочесть дело и в то же время не желая отказываться от положенной на него обязанности, присяжный поверенный немедленно заявил об этом Суду и просил дать возможность изучить дело тем способом, к какому обыкновенно прибегают при плохом зрении, т.е. при посредстве чтеца. Просьба эта была отклонена. Присяжный поверенный заявил, что он вынужден отказаться от защиты. Но он не только вынужден был отказаться, он должен был это сделать. Адвокат может принимать на себя обязанности защитника лишь в том случае, если его физическое здоровье и душевное состояние дают возможность как подготовиться к защите, так и принять деятельное участие в судебном заседании.

Нельзя, конечно, при этом делить дела на важные и неважные. Всякое дело, рассматривающееся в Суде, да еще перед присяжными заседателями, следует считать важным и требующим полного внимания и обладания физическими и душевными силами. А в судебном заседании адвокат, затрудняющийся быстро заглянуть в свои заметки, прочесть статью закона, представленный документ, разве такой адвокат не будет стеснять Суд, производить дурное впечатление и вредить доверителю, впадая в тяжелое душевное настроение из-за своего недостатка?

При таких обстоятельствах присяжный поверенный, лишенный возможности исправить плохое зрение при помощи чтеца, не вправе был принимать на себя защиту и должен был отказаться. Да и едва ли была какая-либо причина требовать, чтобы именно он защищал. При большом количестве присяжных поверенных в городе

N замена его другим лицом не представляла никаких затруднений. (Мск. 03/04-38).

[677] Присяжный поверенный, отправляющий обязанности защитника по назначению от Суда и отказавшийся от защиты в заседании Суда, нарушил ст. 394 Учр. Суд. Уст. Присяжный поверенный, отказавшись от защиты, имел в виду одну цель: отложить во что бы то ни стало слушание дела, вопреки состоявшемуся уже постановлению Суда. Отказ от защиты вынуждал Суд отложить заседание. Защитник, как и представитель обвинения, должны подчиняться постановлению Суда, и как тот, так и другой не могут отказаться от исполнения своих обязанностей, хотя бы и считали, что Суд постановлением своим нарушил закон. Единственный способ восстановить нарушенное право есть кассационный порядок. Разница между назначенным от Суда защитником и защитником по соглашению в том и состоит, что на последнего ст. 394 Учр. Суд. Уст. не распространяется. Отказ его от защиты не обязывает Суд откладывать заседание. (Мск. 05/06-157).

[678] Помощники присяжных поверенных обвинялись в том, что при разборе в Военно-Окружном Суде дела оставили зал заседания. Совет нашел, что если в действиях Суда защита усмотрела нарушение прав обвиняемых и обнаружила вполне понятное беспокойство за их судьбу, ввиду того, что им угрожало самое ужасное из наказаний – смертная казнь, – то отказ Суда занести содержание требования защиты и отказ в этом требовании со стороны Суда в протоколе судебного заседания были столь вопиющим нарушением прав защиты и законных интересов обвиняемых, так как лишало их возможности ссылаться на несоблюдение закона в кассационной инстанции, что уход защитников из залы заседания был единственным возможным и доступным им протестом против неправомерных действий Суда, отнимавших у них всякую возможность даже в констатировании в будущем пред другим судебным местом этих неправомерных действий; из объяснений помощников присяжных поверенных видно, что такой образ действий Суда был признан высшим Судом неправильным, и Суд в другом составе обратил дело по возбужденным защитниками вопросам к доследованию, а это, конечно, должно всякого еще более убедить в том, насколько требования защитников были законны и справедливы, уход их из залы заседания – естествен и вполне понятен. На основании изложенного, Совет определил: помощников присяжных поверенных дисциплинарной ответственности не подвергать. (Мск. 06/07-72, ч. 2).

[679] Обращаясь к обсуждению действий тех присяжных поверенных, которые подали коллективное заявление об отказе от защиты на том основании, что принимали участие в собирании фактов и сведений для уличения подсудимых, Совет признал эти причины заслуживающими уважения. На основании 402 ст. Учр. Суд. Уст., присяжный поверенный не может быть в одно и то же время поверенным обеих спорящих сторон и переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой и защищать, таким образом, интересы то одной, то другой стороны, быть сегодня обвинителем и гражданским истцом, а завтра – защитником. Так смешивать положения и так менять позиции по делу являлось бы поступком непозволительным с точки зрения закона и недопустимым с точки зрения всякого честного человека. Интересы обвиняемого и обвинителя должны быть разграничены ясно. Смешение таких положений, всегда при этом оскорбляющих оставленного доверителя, дает основания думать, что присяжный поверенный воспользовался сведениями, полученными им в то время, когда он поддерживал интересы первого доверителя. Во всей своей деятельности присяжный поверенный должен поступать так прямо и ясно, что не должно быть никакого заблуждения, никаких сомнений относительно того, чьи интересы он берет под свою защиту, и ни в каком случае не впадать в противоречие со своими собственными мнениями, к которым он первый, прежде всего, должен относиться с уважением; участие в деле, в котором он не может вполне поддерживать интересы своего доверителя в силу каких бы то ни было личных или других отношений к лицам, участвующим в деле, или к самому делу, не может быть признано участием правильным, а положение его в деле нормальным. Правда, самые преступные события только еще шли, но находились ни в стадии судебного, ни в стадии предварительного следствия, но это нисколько не меняет дела, как не изменяет дела и то обстоятельство, что присяжные поверенные не имели от лиц, пострадавших в этом деле, доверенности. И при отсутствии формального представительства и в то время, когда судебное дело находится еще только в стадии возможного возникновения, законом не воспрещены советы лиц с теми присяжными поверенными, которым эти лица пожелают поручить защиту своих интересов в будущем. Если отношения между доверителем и поверенным во время предварительного следствия, дознания или ранее этого не могут быть признаны противозаконными, то, очевидно, они возлагают на защитника интересов пострадавшего от преступления лица те же нравственные обязательства, какие он принимает на себя и после

формального заявления об избрании его защитником своих интересов. С момента возникновения событий, с самого начала оных, все, живущие в городе присяжные поверенные стали на сторону пострадавших, будущих гражданских истцов в деле, были вполне солидарны с ними, считали их положение требующим защиты не только с точки зрения закона и Суда, но с точки зрения справедливости, помогали им советами, направляя их с жалобами в разные места и к разным лицам. При этом следует отметить и то, что в этом случае чувство сострадания к потерпевшим и возмущение беспримерными в истории произволом и насилиями заставило их выйти за пределы необходимого для всякого судебного деятеля хладнокровия, перейти на положение уже не адвоката, а на положение стороны в процессе. Участие при таких обстоятельствах в процессе в качестве защитников тех лиц, к которым они не питали ничего, кроме личной неприязни, и против которых собирали материалы для обвинения, не могло быть полезным ни для правосудия, ни для обвиняемых. Невозможно требовать, чтобы один и тот же человек с одинаковым рвением и усердием производил обвинительный и защитительный розыск. Искренности такого защитника не поверит ни один обвиняемый. (Мск. 07/08-24, ч. 3).

[680] Совет признал присяжного поверенного виновным: 1) в том, что он истребовал вознаграждение за защиту подсудимого, которого обязан был защищать безвозмездно, по назначению, 2) в том, что он, приняв от подсудимого векселя и получая сам по этому документу деньги, не принял никаких мер к тому, чтобы эти уплаты были зачтены векселедержателем. (С.-Пб. 76/77-26).

[681] Оглашение в Суде отказа подсудимых от назначенного им защитника и вслед за тем участие его в деле, уже в качестве защитника по соглашению, является деянием, совершенно недопустимым и набрасывающим на присяжного поверенного тень, как на лицо, руководимое исключительно соображением корысти. То обстоятельство, что присяжному поверенному поручены были защиты по многим делам, слушавшимся в ту же сессию Суда, нисколько не оправдывает превращения доверителей, защита коих на них возложена Судом, в доверителей по соглашению. (С.-Пб. 10/11-442).

[682] Совет по просьбе присяжного поверенного освободил его вследствие болезни от обязательных защит по уголовным делам, а потому выступление затем в судебных заседаниях в качестве защитника по соглашению не может быть признано совместимым с

его званием и заслуживает порицания. Почувствовав облегчение в здоровье, позволившее ему выступить защитником, и желая оказать помощь подсудимым, присяжному поверенному надлежало это сделать через посредство председательствующего в уголовном отделении, предложив Суду свою помощь в качестве защитника по назначению, а не выступать, помимо председательствующего, в качестве защитника по соглашению. (С.-Пб. 09/10-532).

[683] Требование с подсудимого вознаграждения при согласии заменить дарового защитника представляется весьма серьезным нарушением обязанностей поверенного. (С.-Пб. 90/91-122).

[684] Совет выводил и выводит обязательность защит по назначению Суда из положения, занимаемого присяжною адвокатурой, и тех обстоятельств ее перед страною и обществом, в силу которых она пользуется известными привилегиями. Во всех тех случаях, когда присяжными поверенными не представлялось уважительных причин их неявки в судебные заседания или своевременного извещения Суда о невозможности явиться к исполнению обязанностей, Совет подвергал виновных дисциплинарной ответственности. (Мск. 83/84-30).

[685] Неявка присяжного поверенного на уголовную защиту без законных к тому причин ни в каком случае не может быть извинима деловою озабоченностью или иными обстоятельствами. (Мск. 02/ 03-64, ч. 1).

[686] Принимая на себя обязанность защитника, адвокат должен помнить, что он исполняет едва ли не самую важную общественную обязанность, возложенную на него законом. Последствия небрежного отношения к делу могут быть чрезвычайно тяжкими для подсудимого. Неявка на защиту может повлечь отсрочку заседания и продолжение предварительного заключения. Отсутствие защиты может отозваться на участи подсудимого более тяжким приговором. (Мск. 03/ 04-89, ч. 3).

[687] Особым постановлением Совет освобождал присяжных поверенных, достигших 60-летнего возраста, которые заявили о том ходатайство, от обязательного ведения уголовных и гражданских дел по назначениям. (С.-Пб. 07/08-42).

[688] Совет постановил: известить всех присяжных поверенных циркулярами, что они безусловно обязаны являться в суд к часу, назначенному для открытия заседания, по делу, в котором назначены защитниками; в случае же невозможности вести защиту подсудимых по назначению Суда в указанное повесткою время обязаны по возможности немедленно и не позже трех дней от получения повестки о назначении их защитниками подсудимых уведомить тот Суд, от которого назначение последовало, о такой невозможности. Неуведомление в течение трех дней о невозможности принять защиту должно считаться принятием ее, и затем уже на самом присяжном поверенном будет лежать обязанность заменить себя товарищем по корпорации, если бы по непредвиденным обстоятельствам он был лишен возможности исполнить обязанности защитника. (С.-Пб. 93/94-20).

[689] Случаи назначения на один и тот же день доклада дел, производящихся в разных Судах или отделениях Суда, неизбежны в практике каждого присяжного поверенного; единственным средством выхода из затруднения поспеть к докладу дел является заблаговременно заявленная председательствующим просьба о назначении такой очереди доклада, которая устраняла бы одновременное слушание дел, и, как известно Совету, такие просьбы, заблаговременно заявленные, не оставляются председательствующими без уважения, или же, наконец, выдача передоверия. (Мск. 899/900-114, ч. 1; С.-Пб. 08/09-316).

[690] Совет нашел, что присяжный поверенный не может подлежать дисциплинарной ответственности, так как не явился на защиту по болезни и принял меры к замене себя другим защитником; что помощник присяжного поверенного, имея надобность уехать из Суда по другому своему делу, должен был заявить об этом непосредственно председательствующему и получить от него согласие на доклад дела не ранее определенного времени. (Мск. 93/94-141,ч. 2; 88/89-3; 92/93-7).

[691] Принимая во внимание, что присяжный поверенный опоздал явиться к началу судебного заседания по делу вследствие болезни, и что он не мог уведомить заблаговременно Судебную Палату о своей болезни, Совет постановил: присяжного поверенного дисциплинарной ответственности не подвергать. (Мск. 899/900-111, ч. 1).

[692] Защитник непременно обязан явиться к самому открытию заседания, независимо от того, которым по очереди дело поставлено к слушанию в объявлении о назначенных делах, так как порядок слушания дел по разным соображениям может быть изменен, а неявка защитника может повлечь за собой отсрочку заседания, сопряженную с неудобствами для участвующих в деле лиц и свидетелей. (С.-Пб. 76/77-20).

[693] Желание подсудимого обойтись без защитника может служить поверенному лишь основанием к ходатайству у председателя суда об освобождении от назначенной защиты, а не оправданием неявки его в судебное заседание. Присяжный поверенный, коль скоро на уголовную защиту он назначен Судом, а не приглашен самим подсудимым, обязан явиться в заседание, независимо от мнения, высказываемого по этому предмету вне заседания самим подсудимым, от которого зависит о своем желании защищаться лично, без защитника, заявить Суду в день заседания. (Харьк. 88/89-127).

[694] Не имея возможности одновременно исполнить двух лежавших на нем обязанностей, защитника по назначению и защитника по соглашению в другом городе, присяжный поверенный должен был немедленно по получении ордера Суда о назначении его защитником заявить Суду о невозможности для него выполнить обязанности ввиду предстоящего дела, принятого им ранее. (Харьк. 88/89-115).

[695] Присяжному поверенному заблаговременно было известно о назначении двух уголовных дел, по которым он должен был выступить защитником в разных городах на одно и то же число; не рассчитывая на возможное и случайное перенесение одного из дел на другое число, присяжный поверенный обязан был немедленно передать одно из дел, с согласия доверителя, другому лицу, а при несогласии на это со стороны доверителя немедленно отказаться от дела и возвратить столь же немедленно полученный гонорар. (Мск. 05/06-153).

[696] В случае довольно продолжительной отлучки своей присяжный поверенный должен своевременно озаботиться об уведомлении Суда об отказе от защиты. (Харьк., 06/07-94).

[697] Не имея возможности лично явиться к исполнению обязанностей защитника, присяжный поверенный должен принять все

меры к замене себя другим защитником: получить согласие подсудимого на такую замену и довести своевременно до сведения Суда. (Мск. 92/93-5; 88/89-119; 90/91-5).

[698] Если присяжный поверенный не мог по болезни явиться в заседание Судебной Палаты, он обязан был представить о том свидетельство врача. При назначении защитником замена себя товарищем возможна лишь по соглашению с подсудимым или же с разрешения председателя Палаты и то лишь заблаговременно, дабы канцелярия Палаты могла оповестить об этой замене подсудимого. (Мск. 08/09-300).

[699] Ошибка в дне слушания дела не может считаться законным основанием к извинению неявки. (Мск. 97/98-54).

[700] Если защитник и поверенный вступают в дело по приглашению заинтересованного лица, без всякого со стороны Суда вмешательства, то неявка поверенного в Суд может быть предметом жалобы лишь со стороны доверителя, а раз последний претензий не заявляет, то, стало быть, это было сделано с его ведома и согласия. (Мск. 06/07-60, ч. 2; 84/85-43).

[701] Принимая во внимание, что с согласия подсудимого защитником его вместо присяжного поверенного являлся помощник присяжного поверенного, который был допущен Судом к участию в деле, Совет определил: неявившегося присяжного поверенного дисциплинарной ответственности не подвергать. (Мск. 96/97-5).

[702] Нет оснований подвергать дисциплинарному взысканию присяжного поверенного, не явившегося на защиту, если он передал ордера на защиту подсудимых заблаговременно помощнику присяжного поверенного, по просьбе последнего, и не уведомил об этом Суд, вследствие установившегося порядка не уведомлять Суд при передаче ордеров помощникам; ответственным же является помощник присяжного поверенного, принявший ордер и не явившийся на защиту. (Мск. 01/ 02-23, ч. 1).

[703] Присяжный поверенный, выезжая из города на продолжительное время, обязан заявить Совету о своем отъезде. Не исполнив этой обязанности, он не может оправдывать свою неявку на защиту отсутствием в городе. (Мск. 85/86-50).

[704] Совет находит, что жалоба доверителя относительно неявки присяжного поверенного в заседание Палаты по его делу не заслуживает уважения, так как присяжный поверенный ввиду своего отсутствия в городе заменил себя другим присяжным поверенным, на основании данной ему доверенности. (Мск. 95/96-72, ч. 2).

[705] Принимая во внимание: 1) что как по свойству своих обязанностей, так и в силу прямого требования закона (ст. 356 Учр. Суд. Уст.) всякий присяжный поверенный должен иметь определенное местожительство, откуда вытекает обязанность его заявлять о всякой перемене своего адреса и о более или менее продолжительных отлучках из места постоянного своего жительства; 2) что присяжный поверенный крайне небрежно отнесся к этой своей обязанности, не известив Совет ни о выбытии своем из квартиры, ни о новом адресе, ни об отлучке своей из Москвы в течение нескольких месяцев; и 3) что последствием такой небрежности с его стороны была неявка его на защиту по 2 уголовным делам, ордера о назначении которых не были ему доставлены, за неразысканием его, – Совет постановил: подвергнуть его строгому взысканию. (Мск. 94/95-12 и 8 ч.1; 90/91-23).

[706] По справке в курьерской книге Суда оказалось, что в принятии повестки на имя присяжного поверенного расписался дворник. Имея в виду, что неявка присяжного поверенного на судебное заседание произошла по неполучению им лично повестки о заседании, Совет не считал возможным поставить эту неявку в вину защитнику, но, вместе с тем, Совет выразил требование присяжному поверенному о введении такой системы приема повесток от Суда, при которой вручение их становилось бы ему известным. (Мск. 84/85-46; 85/86-45).

[707] Повестка о назначении присяжного поверенного защитником была получена кем-то из его домашних в его отсутствие, так что он и не знал об этом назначении. Совет нашел, что неявка в судебное заседание не может быть оправдываема отсутствием порядка в приеме и передаче посылаемых присяжному поверенному Судом повесток и других бумаг, а потому Совет подверг его взысканию. (Мск. 88/89-13).

[708] Принимая во внимание, что, принадлежа к сословию уже около 20 лет, присяжный поверенный все время безукоризненно выполнял все налагаемые на него его званием обязанности и нико-

гда не подвергался никаким дисциплинарным взысканиям что случай неявки на защиту произошел с ним в первый раз, и что он сам так искренно сожалеет о нем, Совет, в уважение всех изложенных обстоятельств дела, нашел справедливым ограничиться тем, что поставил присяжному поверенному на вид необходимость большего внимания при исполнении своих обязанностей. (Мск. 98/99-82, ч. 1).

НАБЛЮДЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ЗА НАХОДЯЩИМИСЯ У НИХ В ПРОИЗВОДСТВЕ ДЕЛАМИ И КАНЦЕЛЯРИЕЙ

[709] Присяжный поверенный проявляет неосторожность, поручая заведование своими профессиональными делами и кабинетом человеку, не имеющему ничего общего с сословием присяжных поверенных, для которого чужды интересы сословия, его честь и достоинство. Присяжный поверенный, по характеру своей деятельности и по закону, и по положению в обществе является лицом, которому вверяются как разнообразные жизненные интересы обращающихся к нему лиц, так и их материальные интересы. Охраняя доверие к себе, а вместе с этим, и доверие ко всему сословию, присяжный поверенный не только сам лично не должен нарушать этого доверия, но должен озаботиться, чтобы и сотрудники его и лица, заменяющие его в его отсутствие по делам, были людьми, стоящими выше подозрений и связанными с ними не только деловыми отношениями, но понимающими и охраняющими своим поведением интересы и доброе имя целого сословия. Доверие к присяжному поверенному переносится и на лицо, его заменяющее. Посторонние лица, входя в кабинет поверенного и встречая там его заместителя, вправе рассчитывать, что этот заместитель – не случайное лицо, но лицо, действующее как бы по доверенности самого поверенного, как его alter ego. Наиболее соответствующим к такой роли заместителя лицом могут быть или товарищ по профессии или помощник присяжного поверенного, или лицо, особо близкое присяжному поверенному, а не постороннее. (Мск. 09/10-180, ч. 3).

[710] Совет не мог не поставить на вид присяжному поверенному, что практикуемый в его канцелярии порядок недопустим. Его «служащим», т.к. не его сотрудникам из сословия присяжной адвокатуры, он не должен предоставлять права принимать бумаги и выдавать бланки его доверенности до его личного ознакомления с поручаемым ему делом. (С.-Пб. 09/10-284).

[711] За выбор лица к себе в должность письмоводителя и за его действия от имени его патронов должны отвечать эти последние. (Мск. 08/09-182, ч. 3).

[712] Совет нашел, что помощник присяжного поверенного проявил в деле небрежность, которая не может не быть поставленною ему в вину. Уехав из Петербурга, он оставил свои дела под наблюдением письмоводителя – лица, не имевшего права ведения судебных дел, причем сам не припомнит, давал ли он последнему поручение позаботиться о принесении апелляционной жалобы. Таким образом, следует считать доказанным, что интересов своего доверителя он не соблюл в достаточной мере. (С.-Пб. 08/09-336).

[713] Нежелание присяжного поверенного вести переговоры с посторонним лицом, нежелание иметь его у себя в квартире или в кабинете и заявление об этом лицу, явившемуся к нему в квартиру без приглашения и возымевшему желание без такого же приглашения находиться в его кабинете, ничего в себе предосудительного не заключают. (Мск. 02/03-38, ч. 2).

[714] Беспорядочность делопроизводства, дающая доверителям основательный внешний повод заподозревать члена сословия в профессиональном проступке, не может быть не поставлена в вину присяжному поверенному. (Мск. 08/09-291, ч. 3).

[715] Не отрицая того, что принесенный на приговор Суда апелляционный отзыв был подан не через Окружной Суд, как это следует по закону, а непосредственно в Судебную Палату, присяжный поверенный объясняет этот недосмотр ошибкою переписчика, который адресовал пакет с отзывом, подлежавший отсылке по почте в Палату. Приводимое в оправдание допущенного им недосмотра обстоятельство не может быть принято в уважение, так как на нем, как поверенном, лежала обязанность лично следить за правильным процессуальным ходом сего дела; неисполнение этой обязанности, независимо от дисциплинарной ответственности, которой он должен подлежать за допущенный им недосмотр, вместе с тем лишает его права и на вознаграждение за ведение сего дела. (Мск. 91/92-46).

[716] Совет признал ведение дел присяжным поверенным беспорядочным, если он не может знать наверное, ответил он на письмо или нет. (С.-Пб. 90/91-49).

[717] Присяжный поверенный в деловых сношениях своих, как с доверителями, так и с посторонними лицами, должен внимательно относиться к составляемым по его поручению другими лицами письмам и бумагам, ибо как бы ни было внимательно лицо, получающее поручение составить письмо или бумагу, оно нередко может допустить и фактические ошибки и придать письму не тот характер, какой желал бы видеть в этом письме поручающий присяжный поверенный, а потому как бы ни было просто по содержанию порученное для составления письмо, присяжный поверенный обязан не ранее отправить его, как убедившись в правильности его составления. (Мск. 07/08-137, ч. 3).

[718] Удаляясь из места своего постоянно жительства, присяжный поверенный должен как сделать распоряжение о скрытии получаемых деловых писем, так и позаботиться о безостановочном ходе своих текущих дел. (С.-Пб. 10/11-383).

[719] Если составленное письмоводителем письмо подписано присяжным поверенным без предварительного его прочтения, то это доказывает недопустимую небрежность его в профессиональных обязанностях. (С.-Пб. 10/11-558).

[720] Присяжный поверенный должен ставить на своих деловых письмах дату их написания. (С.-Пб. 90/91-67).

[721] Присяжный поверенный не должен ставить себя в такое положение, чтобы не мог найти своих дел и книг, и производство по делам и книги всегда должны быть у него в порядке и под рукою, чтобы не было задержек в наведении необходимых справок. Только исключительные обстоятельства могли бы оправдать отсутствие их. (Мск. 09/10-237, ч. 3).

[722] Всякий поверенный и всякий деловой человек должен вести свои дела так, чтобы всегда иметь возможность сказать и доказать хотя бы в общих чертах, что и кому он писал; безразлично, конечно, каким способом этот результат достигается: с помощью ли копировальной книги для отправляемых писем, исходящего реестра или каких-либо других отметок. (Харьк. 10/11-209).

[723] Ссылка присяжного поверенного на то, что у него не было точных данных о полученной им сумме свидетельствует о край-

ней небрежности ведения дела, так как он обязан был вести записи таким образом, чтобы в каждый данный момент иметь возможность дать полный отчет в полученных деньгах. (С.-Пб. 09/10-584; Мск. 91/92-81).

[724] Допущение беспорядка в канцелярии присяжного поверенного Совет признает нарушением профессиональных обязанностей. (Мск. 08/09-161, ч. 3).

[725] Присяжный поверенный должен быть внимательным и осторожным при выдаче справок, имеющих деловой характер. (С.-Пб. 97/98-127).

[726] Совет не мог не обратить внимания на небрежное отношение помощника присяжного поверенного к обязанностям своим по сохранению вверенных ему документов, вследствие чего утратились присланные по делу документы. На основании изложенного, Совет постановил: помощника присяжного поверенного подвергнуть взысканию.

Сохранение в целости документов, переданных лицом, обращающимся за юридическою помощью, и беспрепятственное их возвращение этому лицу, по его требованию, есть, несомненно, одна из существенных обязанностей присяжного поверенного. Обязанность эта вовсе не обусловливается наличностью формальной доверенности, а вытекает из самого положения, занимаемого присяжным поверенным из присущего и необходимого к ним доверия со стороны нуждающихся в их помощи. Извинением присяжного поверенного в утере документов не может служить указание его на то, что за ними очень долгое время не приходили, ибо небрежный способ хранения оставленного у него доверителем документа есть само по себе неправильное со стороны его действие, а если присяжный поверенный тяготился хранением этого документа у него без цели, то ничто не мешало ему отослать его собственнику. (С.-Пб. 08/09-314).

[727] Не подлежит никакому сомнению, что самое тщательное хранение доверяемых доверителями бумаг составляет прямую обязанность каждого адвоката, но также несомненно и то, что нет основания для наложения на него взыскания, если утрата документов произошла вследствие несчастного случая. (Мск. 02/ 03-157, ч. 2).

ОТНОШЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ К ДОВЕРИТЕЛЯМ

[728] Присяжный поверенный все свои отношения к доверителю всегда должен облекать в такую форму, чтобы они были для доверителя вполне понятны во всех подробностях. В частности, когда присяжный поверенный перестает быть, по его сознанию, поверенным данного лица, он должен или убедиться, что и его бывший доверитель уже не считает его своим поверенным или довести до сведения своего доверителя в категорической форме, что не считает себя его поверенным. (Мск. 09/10-243, ч. 3).

[729] Занимая почтенное положение юрисконсульта, присяжный поверенный может внушать к себе только чувство особого уважения. Если адвокаты необходимы и полезны обществу своим активным участием в сфере судебного представительства, то они могут быть еще более полезны ему своевременно принимаемыми ими мерами юридической профилактики; сколько ненужных процессов было бы предупреждено, сколько состояний и добрых репутаций было бы сохранено, если бы советы и помощь адвоката даны были прежде, чем ожидаемые события наступали, или известные действия намечались. Само собой разумеется, что деятельность присяжного поверенного такого профилактического характера может быть уместной и в то же время наиболее продуктивной только тогда, когда между ним и его доверителем устанавливается такая близкая и тесная связь, при которой полное доверие и уважение с одной стороны исключают всякую возможность самого предположения о назойливом предложении собственных услуг или навязывании непрошеных советов – с другой. Если понятия, выражаемые словами доверитель и патрон, могут ассоциироваться в нашем представлении, то связь, их соединяющая, получает наиболее полное свое выражение именно в тех отношениях, какие возникают между доверителем и его постоянным юрисконсультом. Почтенный тип такого присяжного поверенного, истинного патрона своих доверителей, достаточно ярко обрисовался уже на фоне нашей современной общественной жизни. Атмосфера самого полного доверия и уважения, окружая его в доме доверителя, ставить его в такое положение, при котором действия характера частного и профессионального так переплетаются между собою, что отделить один от других представляется иногда совершенно невозможным. С таким юрисконсультом советуются по вопросам юридическим, его же зовут на совещание и по вопросам интимной жизни семьи. Он предостерегает доверителя во всех тех случаях, когда находит это нужным, устраняет или примиряет возникающие в его семье несогласия и не покидает ее, если

какая-либо гроза разражается над нею. В таком важном акте, как совершение духовного завещания, без содействия и помощи юрисконсульта обыкновенно уже и не обходятся; пункт за пунктом обсуждает он вместе с завещателем проект его посмертных распоряжений и затем придает им окончательную редакцию. Самые близкие к завещателю лица не могут поэтому знать его истинные цели и намерения лучше, чем это знает его поверенный. (Мск. 900/901-34, ч.3).

[730] Должность юрисконсульта возлагает на присяжного поверенного обязанность содействовать доверителю своими познаниями и трудом в разрешении юридических вопросов, в ведении исковых и других дел и в наблюдении за делопроизводством по юридической части, если такое наблюдение ему было предоставлено. При таком понимании положения юрисконсульта для присяжного поверенного обязательны к исполнению лишь такие поручения, которые соответствовали бы юрисконсульским обязанностям, а не всякое поручение доверителя, которое может оказаться действием несогласным ни с призванием присяжного поверенного вообще, ни с положением юрисконсульта, в частности. (С.-Пб. 91/92-193).

[731] Совет признал присяжного поверенного виновным в том, что при заключении условия он допустил явную небрежность, не выразив вполне точно и определенно, исполнение каких именно обязанностей он на себя принял; надо всегда, чтобы было ясно видно, чего вправе требовать одна сторона, и что обязана делать другая. (С.-Пб. 96/97-115).

[732] Если своевременный ответ на запрос и вообще внимательное отношение к делу и вежливость в обращении с доверителями составляют профессиональную обязанность поверенного, то тем более эта обязанность должна быть соблюдаема по отношению к лицам, пользующимся печальным «правом» бедности, экономически лишенным возможности свободного выбора поверенного, и в силу этого с предубежденным недоверием относящимся к назначенному защитнику. Рассеять это предубеждение и внушить доверие к себе такое же, какое доверитель питает к поверенному по собственному избранию, – таков долг присяжного поверенного. (Одес. 907-156).

[733] Следует признать, что раз между доверителем и поверенным образовались такие отношения, что поверенный считал за лучшее постоянно уклоняться от исполнения поручений своего до-

верителя, то для поверенного было бы достойнее порвать вовсе свои отношения к доверителю и возвратить данную им доверенность. (Мск. 87/88-200).

[734] Обязанности, принятые на себя по делу поверенным, определяются не текстом доверенности, а особенным соглашением его с доверителем. (Мск. 91/92-107)

[735] Присяжному поверенному следует воздержаться от обещаний закончить дела и добиться положительного результата по ним к определенному дню; момент окончания дела зачастую совершенно не зависит от воли поверенного, а между тем, такие обещания вызывают в доверителях преувеличенные надежды и ожидания и приводят к недоразумениям. (Мск. 08/09-79, ч. 3).

[736] Не существует такого «адвокатского обычая», по которому доверитель, позволивший себе дерзкое поведение против патрона, утрачивает право на дальнейшее судебное покровительство, – особенно в тех случаях, когда идет речь об исполнении патроном своих обязанностей по отношению к доверителю. (Мск. 92/93-31, ч. 2).

[737] Совет обратил внимание на то, что присяжный поверенный не сумел выйти из трудного положения, в которое его поставил доверитель, с надлежащим достоинством. Оставаться поверенным, когда уже выражено прямое недоверие со стороны доверителя, появляться за пюпитром в Суде не с целью отправления своих обязанностей в качестве поверенного, а для того, чтобы сохранить за собою право взыскивать вознаграждение, это значит, ронять достоинство адвоката. (Мск. 07/08-193, ч.3).

[738] Совет считает долгом отметить, что в случаях несогласия с доверителями члены сословия должны возможно скорее выяснять свои с ними отношения и не доводить до жалоб в Совете. (Мск. 09/10-61, ч. 3).

[739] Близость отношений к доверителю не освобождает присяжного поверенного от лежащих на нем профессиональных обязанностей и тем более не может служить оправданием полного бездействия. (Харьк. 06/07-79).

[740] Присяжный поверенный не должен подчиняться неправильным требованиям доверителей, а обязан исполнять только те из них, которые не противны нравственности и имеют законное основание. (С.-Пб. 88/89-67).

[741] По своему профессиональному и общественному положению, в связи с тем образовательным цензом, который является необходимым условием для звания присяжного поверенного, сей последний не должен ставить себя в такое унизительное для каждого образованного человека положение, в силу которого, – подчиняясь желаниям и взглядам доверителя или лица, обратившегося к нему за советом и помощью, – он впадает в неприличный тон, допускает оскорбительные выражения и предъявляет ходатайства, не только не имеющие законного основания, но даже представляющие собою явный абсурд. Являясь советником и руководителем в делах, требующих его участия, присяжный поверенный обязан указать заблуждающемуся доверителю неправильность принятого им взгляда, разъяснить ошибки и предостеречь его от резких выходок и оскорбительных выражений, а не брать на себя труда их изложения и проведения в деле. Необразованный и грубый человек может выражать свои желания в неприличной форме и стремиться предъявлять невозможные по закону требования, но присяжный поверенный ни в каком случае не должен служить его покорным орудием и, забывая свое умственное развитие и нравственное достоинство, становиться на одну с ним почву, говоря тем же языком, держась одинакового с ним образа мыслей и заявляя по его воле такие ходатайства, нелепость которых не может не быть очевидной для каждого юриста. (Мск. 92/93-13).

[742] Ссылка присяжного поверенного на волю доверителя указывает на слабое сознание им того положения, что закон, долг и совесть в его профессии выше воли доверителя. Такая оригинальная особенность присяжного поверенного во взглядах на элементарные понятия о законности и нравственности может служить лишь к увеличению, а не к смягчению его вины. (Мск. 92/93-50, ч. 2; Харьк. 04/05-88).

[743] Неизвинительным заблуждением со стороны присяжного поверенного является положение о невозможности угрожать дозволительным по законам Империи действием и об обязательности для поверенного возбуждать уголовные обвинения при наличности прямого о том требования со стороны его доверителя. Ни логика, ни

теория уголовного права отнюдь не установляют такого положения, что угрожать можно только незаконным или недопустимым деянием, и уголовным кодексам известно преступление – шантаж, где угроза законным обращением к Суду входит в самый состав преступного деяния; уважающий себя и правильно понимающий свои обязанности адвокат ни в одном из порученных ему дел не может стать простым орудием в руках доверителя, механическим проводником и исполнителем его желаний, а обязан строго оценивать их не только со стороны их законности, правильности и доказанности, но и со стороны их нравственной опрятности и добропорядочности, и отказаться от поддержания тех из них, которые не согласны с его убеждениями. Если таково общее правило, то отступления от него являются особо тяжкими и неизвинительными для адвоката в тех делах, когда он принимает на себя возбуждение обвинения кого-либо в деянии уголовном, каковые обвинения, порою, при недобросовестности доверителя, завершаются для первоначального обвинителя скамьей подсудимых за клевету, а при этом недостаточно осмотрительный адвокат становится в одно из самых неприятных и тяжелых положений, для оправдания которого у него не остается ничего, кроме, во всяком случае, нелестной для его репутации ссылки на свою неопытность, заблуждение и обман со стороны доверителя. Только глубокое убеждение адвоката в правоте доверителя-обвинителя, основанное на лично проверенных, по возможности, объективных данных, может, по мнению Совета, оправдать для адвоката риск выступления обвинителем по доверенности, но даже и в этих случаях осторожный адвокат заботливо предупредит своего доверителя о законной ответственности за всякую неправдивость и увлечение и ограничит свое участие редактированием нужных бумаг, прошений и жалоб, предоставив подписание и подачу их самому доверителю. (Мск. 01/ 02-45, ч. 1).

[744] Присяжный поверенный, обязанный всеми законными мерами охранять справедливые интересы доверителя своего, не может и не должен ставить себя в положение машинального исполнителя требований, формально неправильных и по существу несправедливых. Находя требование доверителя о привлечении к делу третьих лиц или ответчиков не имеющим ни фактического, ни юридического основания, присяжный поверенный не мог не отказаться от дальнейшего участия в деле. Действуя так, он не нарушал своих профессиональных обязанностей, а лишь охранял достоинство носимого им звания. (Мск. 95/96-189, ч.2).

[745] Совет полагает, что присяжный поверенный вовсе не обязан, вопреки своему нравственному чувству, пользоваться всеми представляющимися по делу средствами защиты, ссылаясь на то, что этого требует веритель. (С.-Пб. 89/90-76).

[746] Уступчивость желаниям своего доверителя представляется несовместимою с достоинством присяжного поверенного, который, в силу своего звания и присяги, обязан служить правде и справедливости, а не быть послушным исполнителем воли доверителя. Если присяжный поверенный считал своего верителя правым, но обиженным по делу, то должен был доказывать правоту по означенному делу и не прибегать к обходным способам – запугать своего противника и таким образом понудить его к невыгодной сделке. (С.-Пб. 89/90-85).

[747] Зависимость присяжного поверенного от доверителя совершенно недопустима; нельзя присяжному поверенному подписывать по требованию доверителя составленные последним бумаги, раз присяжный поверенный относится скептически к их содержанию или изложению; нельзя члену сословия, по желанию доверителя, предъявлять такие исковые требования, в серьезность и основательность которых он сам плохо верит. (Мск. 07/08-98, ч. 3; 09/10-423, ч. 3).

[748] Адвокат призывается руководить на пути закона своим доверителем. Он может ему помогать своим знанием, опытом и т.п., но отнюдь не должен отождествляться со своим доверителем и, тем более, не должен нести всякого рода службу, какая бы по обстоятельствам дела ни представлялась. В настоящем случае помощник присяжного поверенного решил, что для его доверителя выгодно будет, чтобы он занял дом и фактически там водворился. Своей особой он должен был символически изображать владение своего доверителя. В этом усердии сказалось служение уже чисто физическое. (Мск. 10/11-69, ч. 3).

[749] Совет неоднократно разъяснял, что присяжные поверенные не могут свою услужливость к доверителям простирать до забвения собственного достоинства. Не доверитель должен указывать поверенному, как ему надлежит действовать, а, наоборот, поверенный должен или разъяснить доверителю неисполнимость и неуместность его требований, или отказаться от ведения его дела, если

последний будет настаивать на требованиях, несовместимых со званием адвоката. (Мск. 10/11-260, ч. 3).

[750] Если свидетельские показания, данные в заседании, убедили присяжного поверенного в правоте противника и в правильности постановленного оправдательного приговора, то ему надлежало отказаться от дальнейшего ведения дела, а никак не выражать готовности писать апелляционный отзыв, заведомо неосновательный и бессодержательный. Подача такого отзыва не отвечает достоинству присяжного поверенного. Желание успокоить раздраженного неудачей доверителя не оправдывает действий, выходящих за пределы профессиональных обязанностей и доходящих до недостойной присяжного поверенного угодливости. (Мск. 900/901-103).

[751] Присяжный поверенный – не слуга своего доверителя и должен делать только те заявления Суду, которые он считает целесообразными. (Мск. 06/07-140, ч. 2).

[752] При полном доверии к своему доверителю относительно сообщаемых им фактов все-таки не исключается возможность того, что при ближайшем ознакомлении со сделкою, состоявшеюся между сторонами, присяжный поверенный мог и не разделить взгляда на права его, вытекающие из данной сделки. Неся, во всяком случае, нравственную ответственность за правильность своих действий, присяжный поверенный обязан относиться с крайнею осмотрительностью ко взглядам доверителя на возникающие по делу вопросы, которые могут возбудить спор, а потому полное отсутствие такой осмотрительности со стороны присяжного поверенного, по мнению Совета, заслуживает порицания и не может быть оставлено без взыскания. (Мск. 90/91-139).

[753] Присяжный поверенный не обязан быть только передатчиком того, что сообщает ему его доверитель, и, скрепляя бумаги для суда и для противника своею подписью, отвечает за верность подписываемых им бумаг. (С.-Пб. 91/92-250).

[754] Составляемая присяжным поверенным для своего доверителя жалоба признана судом «явно оскорбительной». Не входя в виду этого в рассмотрение ни самой жалобы, ни приговора Суда, Совет считал необходимым остановиться на самом факте составления адвокатом для своего доверителя такого прошения или такой

жалобы, в которых могут быть усмотрены «явно оскорбительные» выражения, влекущие за собою уголовное наказание.

В этом отношении Совет не мог не признать такого рода действия поверенного предосудительными, и то обстоятельство, что жалоба подана не от имени самого поверенного, а верителя, только усугубляет вину поверенного. Жалоба была составлена присяжным поверенным, т.е. таким лицом, которому он не мог не доверять. Присяжные поверенные не могут не знать, что в подаваемых в судебные места прошениях и жалобах не должны быть помещаемы не только «оскорбительные» (ст. 283 Улож. о нак.), но и «укорительные» (ст. 266 Уст. Гр. Суд.) выражения. Составление поэтому для своего доверителя таких прошений, которые могут повлечь для них весьма тяжелые как материальные, так и моральные последствия, является для адвоката правонарушением, роняющим доверие общества к присяжной адвокатуре. (С.-Пб. 10/11-435).

[755] Совет нашел, что присяжному поверенному должно быть вменено в вину составление доверителю его такого прошения в резких выражениях, за которое доверитель был присужден к тюремному заключению. (Мск. 07/08-292, ч. 3).

[756] Приняв на себя ведение дела, присяжный поверенный не должен выходить за пределы лежащих на нем обязанностей, как представителя правовых интересов своего доверителя. Связывая себя посредничеством по займу денег для доверителя, он тем самым создает ненормальные отношения между собою и своим доверителем, не имеющим ничего общего с его профессиональною деятельностью. Такие отношения, в видах охранения достоинства сословия, нежелательны и не должны быть допускаемы членами его по отношению к доверителям. (Мск. 899/900-110, ч. 2).

[757] Постановка бланка на векселе доверителя признается Советом за действие неосмотрительное и для присяжного поверенного неуместное. Ставя бланк на векселе доверителя, присяжный поверенный вносит в свои отношения к нему элемент, чуждый обязанностям поверенного и нежелательно осложняющий первоначальные отношения. Поверенный становится кредитором своего же доверителя; свобода действий как того, так и другого ограничивается вновь возникшими отношениями; создается повод для нареканий, нежелательных как в личных, так и в сословных интересах. (Мск. 94/95-59, ч. 2; 92/93-3, ч. 3).

[758] Если присяжный поверенный по своим личным отношениям к верителю и находит возможным обращаться к нему с просьбою об одолжении денег взаймы, то он не должен допускать неопределенности в отношениях и смешения своих личных счетов с расчетами, вытекающими из ведения порученного ему дела. Взысканные деньги он должен сдать или получить от своего верителя письменное разрешение на удержание денег для того или иного назначения. (С.-Пб. 09/10-376).

[759] Двойственность отношений к своему доверителю – как поверенного и кредитора – может служить источником недовольства и нареканий со стороны последнего. Смешение профессиональных обязанностей с личными денежными отношениями к доверителю безусловно недопустимо с точки зрения адвокатской этики. (Мск. 10/11-7, ч. 3).

[760] Выдача векселей своему доверителю по каким-либо не профессиональным отношениям должна быть признана нежелательным явлением. Не имея оснований вменить это обстоятельство в профессиональную вину присяжному поверенному, Совет лишь отмечает это ненормальное явление. (Мск. 09/10-63, ч. 3).

[761] Представляется неуместным и недопустимым для присяжного поверенного заем из таких сумм, которые получены им по делам доверителей: такого рода займы легко могут создать внешний повод для совершенно нежелательных предположений. (Мск. 09/10-157, ч. 3).

[762] Совет неоднократно высказывался о нежелательности совмещения роли поверенного и должника по отношению к доверителю. Такое совмещение ставит поверенного по отношению доверителя в некоторые обязательные отношения, и последний не может пользоваться той самостоятельностью и независимостью, которые необходимы по существу положения поверенного по отношению доверителя. (Мск. 900/901-149; 09/10-520, ч. 3).

[763] Помощнику присяжного поверенного Совет поставил на вид несоответствие с достоинством адвоката той роли, которая была им выполнена в деле устройства займа между его доверителями. (Мск. 900/901-231, ч. 2).

[764] Принимая на себя ведение судебного процесса, поверенный не должен вступать с доверителем в такие договорные соглашения, при которых он становится не только поверенным, охраняющим и защищающим интересы своего доверителя на суде, но и участником в материальных выгодах самого процесса. (Харьк. 88/89-106).

[765] Выдача поверенным денежных авансов доверителю, оформляемая в векселях, по мнению Совета, вносит в отношения поверенного к жалобщику коммерческий расчет и, тем самым, исключает возможность видеть в этих отношениях похвальное желание поверенного оказать помощь и временную поддержку своему нуждающемуся доверителю. (Харьк. 88/89-107).

[766] Взятие присяжным поверенным долгового обязательства вместо договора о гонораре, тогда как, на самом деле, никакого долгового обязательства не существует, предосудительно не только потому, что такое обязательство, как безденежное, незаконно, но еще и потому, что при этом совершенно затемняется действительный источник происхождения обязательства, т.е. договор о будущей защите, что дает в руки адвоката опасное оружие против доверителя, не давая в то же время доверителю никакой гарантии в том, что адвокат не злоупотребит приобретением документов, и что он до конца и вполне добросовестно выполнит все свои профессиональные обязанности. В данном случае, вина усиливается еще тем, что присяжный поверенный взял от доверителя бланки, что, при злоупотреблении ими и выполнении их на имя третьего лица, могло поставить доверителя в совершенно беззащитное положение на случай предъявления иска по векселям. (С.-Пб. 94/95-136).

[767] Присяжный поверенный, производя взыскания с доверителя по своим документам и продолжая оставаться его поверенным, тем самым, допускает ни в каком случае недопустимое смешение отношений кредитора и поверенного, должника и доверителя, состоя одновременно представителем интересов по отношению к тому, кто являлся для него представителем интересов своих, как противной стороны. (Мск. 08/09-258, ч. 3).

[768] Предложение просителю оставить квартиру не может быть поставлено в вину присяжному поверенному, так как предъявленное просителем требование в резкой форме вполне понятным

делало желание со стороны присяжного поверенного прекратить с ним всякие сношения. (Мск. 02/03-62, ч. 2).

[769] Сам доверитель был виновником принятых по отношению к нему помощником присяжного поверенного мер: придя в чужую квартиру, он, несмотря на приглашение хозяина этой квартиры оставить ее, не желал добровольно уйти. Всякий гражданин, а, следовательно, и помощник присяжного поверенного, вправе оберегать свой домашний очаг и защищать от посягательства на его неприкосновенность. Это – естественное право, и помощник присяжного поверенного имел законное основание стать на его защиту. Если доверитель считал действия своего поверенного неправильными, то он знал, где надо искать удовлетворения; вместо этого он допустил насилие, оставаясь на чужой квартире. (Мск. 07/08-160, ч. 2)

[770] Что касается отказа присяжного поверенного принять доверителя в воскресный день, то в этом нельзя видеть нарушения ни профессиональных обязанностей, ни долга вежливости, так как нельзя требовать от присяжного поверенного, чтобы он принимал своих доверителей в любой день и час, какой они найдут для себя удобным. (С.-Пб. 09/10-357).

[771] Не признавая присяжного поверенного обязанным доставлять на дом имеющиеся у него чужие бумаги и имея в виду, что жалобщик ни лично, ни чрез уполномоченное лицо в приемные часы присяжного поверенного за бумагами не являлся, Совет постановил жалобу оставить без последствий. (С.-Пб. 82/83-47).

[772] Совет отрицает вполне обязанность присяжного поверенного по делам его доверителей являться к ним по первому их требованию. Присяжный поверенный обязан установить время, когда он доступен для своих доверителей на дому; посещать даже последних для передачи им бумаг или для деловой беседы, – это – любезность, настаивать на которой никак доверитель не вправе. (Мск. 85/86-76).

[773] Несомненно, деловой кабинет присяжного поверенного – вовсе не такое место, доступа в которое вправе было бы требовать всякое постороннее лицо, не состоящее в деловых отношениях с присяжным поверенным и не имеющее в виду вступить в таковые. И, конечно, принимая доверителя или лицо, имеющее с его доверителем деловые сношения, адвокат отнюдь не обязан допускать в

свой кабинет еще и спутников этих лиц, не имеющих никакого отношения к предмету деловой беседы: это – лишь право, но не обязанность присяжного поверенного. И уже во всяком случае, допуская в свой кабинет такое постороннее третье лицо, присяжный поверенный имеет несомненное право выяснить предварительно, кто именно является таким посетителем, и каков мотив этого посещения. Наконец, присяжному поверенному принадлежит несомненное право ограждать себя от непроизводительной затраты времени и труда и полагать предел таким деловым посещениям и беседам, которые уклоняются от надлежащего русла. (Мск. 09/10-154, ч. 3).

[774] Хотя поверенный обязан быть терпеливым и снисходительным к доверителю, но этим он не ставится в необходимость подвергаться оскорблениям и имеет полное право требовать удаления оскорбителя из квартиры, а в случае неисполнения сего требования удалить его силою. (С.-Пб. 84/85-43).

[775] Совет нашел, что оставление без ответа письма от имени неграмотной, притом составленного в резких выражениях, не может быть поставлено в вину присяжному поверенному, но так как интересующие доверительницу сведения о деле изложены в объяснении присяжного поверенного Совету, то представляется целесообразным выписку из этого объяснения сообщить ей. (Мск. 96/97-76).

[776] Из объяснения присяжного поверенного оказывается, что он уже 6-7 лет переписывается со всеми доверителями путем печатных писем на машине Ремингтона с печатными же подписями. Совет находит подобный способ деловой переписки нежелательным и не соответствующим цели деловой переписки; не говоря уже об условиях вежливости и приличии, требуемых от всякой переписки, деловые письма имеют еще документальное значение, и с этой точки зрения, письмо с печатною подписью равносильно письму без всякой подписи, ибо не дает доверителю никакой уверенности в том, что оно исходит от его поверенного, и что, следовательно, содержание его соответствует действительному положению его дела. (Мск. 95/96-69, ч. 2).

[777] Совет признал присяжного поверенного виновным в оставлении деловых писем своего доверителя без ответа. (Мск. 899/900-51, ч. 2).

[778] Совет нашел, что письмо присяжного поверенного, имевшее, очевидно, целью восстановить доверие доверителя, написано в тоне, унижающем его автора. Заискивающий тон и старание стать «хорошими приятелями» указывают на то, что присяжный поверенный или забыл или не понимает, к чему обязывает его достоинство носимого им звания. (Мск. 07/08-365, ч. 3).

[779] По условиям своей профессиональной деятельности и правилам приличия присяжный поверенный не может оставлять без ответа обращенные к нему запросы о том, может ли он принять к своему производству дело; в особенности оставление без ответа такого запроса является неправильным, когда, как в данном случае, дело может требовать немедленного принятия мер к обеспечению интересов обратившегося к присяжному поверенному лица. Возражение присяжного поверенного, что ему не были присланы марки на ответ, не может служить оправданием, так как расход на оплату хотя бы открытого письма представляется слишком незначительным, чтобы мог служить препятствием к выполнению присяжным поверенным упомянутой его профессиональной обязанности. Известный расход на письменные сношения с доверителями является общепринятым и неизбежным в деятельности присяжного поверенного. (С.-Пб. 09/10-469).

[780] Совет не может по обстоятельствам дела поставить в вину присяжному поверенному отказ его от получения письма. Такой редко употребляемый способ посылки заказных писем, какой счел возможным применить его доверитель, надписав на конверте «выдать по повестке», действительно связан с большими неудобствами для получателя. Помимо того, требование, чтобы письмо было сдано под личную расписку, предполагает в адресате человека, способного запереться в получении заказного письма. Такое предположение является оскорбительным для адресата, тем более, что в данном случае никаких оснований для предположения не могло быть. Хотя присяжный поверенный должен стараться без замедления получать адресованную ему корреспонденцию и вообще быть очень внимательным в своей деловой переписке, составляющей по большей части важный материал в его производстве, но, само собой разумеется, он не обязан подчиняться при получении писем капризам лиц, имеющих с ним сношения. (Мск. 03/ 04-261, ч. 2).

[781] Сообщения вообще должны быть правдивы, а относительно сроков и очень точны, и не поверенного будет вина, если до-

веритель, несмотря на точное указание сроков, их пропустит. Сообщать же ближайшие сроки, однако, не соответствующие правде, это только вселять сомнения у доверителя о знании сроков своим поверенным. (С.-Пб. 10/11-422).

[782] Присяжный поверенный ни при каких обстоятельствах не должен нарушать оказываемого ему доверия, а тем более, прибегать к обману, ибо полное доверие общества является условием, без которого немыслимо самое существование сословия; член сословия должен понимать, что подобный поступок не только порочит его, но бросает тень на всю корпорацию, подрывает авторитет сословия и дает до некоторой степени законное основание к нареканиям и нападкам на него. (Харьк. 10/11-267).

[783] Найдя необходимым вследствие стесненного положения помогать доверителю во все время течения процесса, обещав эту помощь, присяжный поверенный обязан был исполнить это обещание и без выдачи письменного обязательства. Выдав таковое, он дал основание к предположению, что обещание его помогать вызывалось не желанием облегчить стесненное его положение, а желанием удержать у себя его дело. (Мск. 90/91-123).

[784] Выдача денег увечным в счет будущего взыскания, к сожалению, довольно распространенная, не может не отзываться самым печальным образом на отношениях между поверенным и доверителем, примешивая к ним отношения совершенно другого порядка – кредитные. И с юридической точки зрения, такие выдачи едва ли допустимы, так как имеют некоторые признаки скрытой покупки претензий, воспрещенной 400 ст. Учр. Суд. Уст. (Мск. 07/08-200, ч. 3).

[785] Конечно, следует избегать сомнительных положений и в тех случаях, когда доверитель требует возвращения ему доверенности, не выступать его поверенным, чтобы не дать повода к роняющим достоинство звания нареканиям. Совет нашел неуместным заявление присяжного поверенного в заседании Совета о том, что его поступок вызван был действиями жалобщика, «о которых, в его интересах и не желая ему вредить, он излагать не будет». Такое заявление, конечно, требует пояснений, так как в этом случае присяжный поверенный должен или действительно умолчать или же сказать. Бросать же такое замечание – это значит бросать тень на жа-

лобщика. Такой способ защиты Совет не может признать отвечающим достоинству звания. (Мск. 08/09-5, ч. 3).

[786] Общение на трактирной почве с лицами, которых сами же присяжные поверенные аттестуют злостными должниками и фиктивными кредиторами, посредничество при займе денег несостоятельным должником, причем и в этом случае сделка совершается в трактире, – все это действия, несовместимые с достоинством сословного звания, говорящие о недостатке нравственной разборчивости, об отсутствии элементарного, обязательного такта. (Мск. 07/08-346, ч. 3).

[787] Приглашения доверителей в трактир следует решительно отклонять. Пребывание в ресторане, общая еда и питье сближают людей, но это не та близость, которая желательна между адвокатом и его доверителем. Трактирная атмосфера создает фамильярность отношений, редко способствующую укреплению нормальных отношений доверителя к своему поверенному. (Мск. 08/09-193, ч. 3).

ХРАНЕНИЕ ВВЕРЕННОЙ ТАЙНЫ

[788] В какой мере обязан адвокат хранить доверяемые ему доверителем тайны, и не должен ли он раскрывать их в тех случаях, когда того требует от него судебная власть, хотя бы «в целях правильного осуществления правосудия и раскрытия истины»? Ст. 403 Учр. Суд. Уст. говорит: «присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оного и даже после окончания дела». В ст. 704 Уст. Уг. Суд. изображено: «не допускаются к свидетельству: 1)… ; 2) священники – в отношении к признанию, сделанному им на исповеди; 3) присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых – в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дел». Сопоставление обеих приведенных статей естественным образом приводит к вопросу о том, в каком соотношении находятся они между собой, и не служит ли вторая из них как бы некоторым ограничением первой? Категорический характер ст. 403 не оставляет никакого сомнения в том, что ею устанавливается безусловная обязанность присяжного поверенного хранить всякую тайну, которую только доверяет ему его доверитель; ничем не ограничивая самого понятия тайны, закон не ограничивает и сферы ее неприкосно-

венности. Термин «дело», как выражение общее, охватывает собою все разнообразие правовых отношений и интересов, охрану которых доверитель поручает присяжному поверенному, вне всякой зависимости от того процессуального порядка, какой по условию и характеру данных отношений будет необходим; таким образом, ведет ли адвокат гражданское дело или принимает участие в процессе уголовном, доверенные ему доверителями тайны должны быть одинаково священны. Никакая перемена в отношениях присяжного поверенного к доверителю, – за устранением ли от дела, или за окончанием его, – не может влиять на обязанность его хранить вверенную тайну. Присяжный поверенный не может выдавать тайн своего доверителя и в том случае, когда по делу последнего его вызывает в качестве свидетеля судебная власть.

Рассматриваемое положение нашего закона находится в полном соответствии с тем, что выработано теорией и давно усвоено практикой всех культурных стран мира. Еще римские юристы особыми инструкциями обращали внимание председательствующих в судах, чтобы они ни в каком случае не позволяли адвокатам принимать на себя роли свидетелей по таким делам, в которых они выступали защитниками: Mandatis cavetur ut praesides attendant, ne patroni, in causa, cui patrocinium praestiterunt, testimonium dicant.[3] Интересы общественные, не менее возвышенные, чем интересы правосудия, противятся такому порядку, по которому лицо, обладающее чужою тайной в силу своего особого профессионального положения, было бы обязано свидетельствовать о ней хотя бы перед тем же правосудием; противятся такому порядку интересы гуманности, если речь идет о враче, узнавшем чужую тайну при оказании помощи страждущему, интересы религии, если говорят о священнике, выслушавшем признания кающегося, интересы защиты, если дело касается тайны совещания с адвокатом. Правосудие должно уважать долг, лежащий на представителях всех этих профессий, так как этот долг есть социальная необходимость. Таким образом, не законом, а самою силой вещей праву Суда ставятся здесь известные границы. Отсутствие прямого закона восполняется в данном случае практикой французского кассационного Суда. Еще решением 2 января 1826 г. Суд этот объявил, что «адвокат не может, без нарушения специальных обязанностей своего звания и подобающего ему доверия доверителей, давать показания о фактах и обстоятельсвах, доверенных ему в силу носимого им профессионального звания; в этом отноше-

[3] Дигесты, 22.5.25. Аркадий, он же Харизий, в единственной книге «О свидетелях». Мандатами (принцепсов) установлено, что наместники должны смотреть за тем, чтобы адвокаты не давали свидетельских показаний по делу лица, чьи интересы они защищали.

нии у него нет иных правил, кроме его совести, и он должен воздерживаться от всяких ответов, давать которые воспрещает ему совесть». Нарушение профессиональной тайны всегда трактовалось, как уголовно-наказуемый проступок, подвергавший виновного ответственности по ст. 378 Code penal. Согласно этой статьи, медики и вообще все те, которым по их положению или званию доверяются тайны, виновные в разоблачении таковых приговариваются к заключению в тюрьме на время от одного месяца до полугода и к штрафу от 100 до 500 франков. Хотя закон этот не упоминает об адвокатах, но французский суд, не обинуясь, применяет его и к ним.

Многочисленные руководства по адвокатской этике и правилам адвокатского поведения вполне согласуются между собой во взглядах по данному вопросу. «Не подлежит никакому сомнению», говорит Молло, «что вера в святость тайны составляет одно из существеннейших условий адвокатуры. Адвокат, юрисконсульт нужны согражданам для охранения и защиты их имущества, чести и жизни. Закон и государство утверждают их в этом высоком назначении; но, чтобы достойно его выполнить, им, прежде всего, необходимо доверие доверителя: его не может быть там, где нет уверенности в сохранении тайны, без которой немыслима ни профессия адвоката, ни ее отправление. Всякое сообщение, сделанное доверителем адвокату с глазу на глаз, конфиденциально, и потому должно оставаться тайной. Поэтому я утверждаю, что у адвоката нельзя вынуждать таких показаний, которые ему известны только по его адвокатскому званию; поэтому, если его вызовут в качестве свидетеля, он должен явиться из уважения к Суду, но должен отказаться от дачи показаний. В случае приведения к присяге, налагающей обязанность показать всю правду, должно принести присягу с оговоркой»[4]. «Нельзя принудить адвоката», читаем мы в другом популярном руководстве, «давать показания ни по гражданскому, ни по уголовному делу о том, что он узнал в качестве юрисконсульта-советчика; что сталось бы с учреждением защиты, если бы подсудимый был уверен в том, что откровенная беседа с защитником не будет обращена против него? Кто вообще станет советоваться с адвокатом, не имея уверенности в том, что тайны его жизни никогда не будут разоблачены? Кто, наконец, согласился бы поступить в сословие адвокатов, если бы правосудие требовало от них, наперекор долгу совести, раскрывать вверяемые им тайны? Итак, если адвокат вызван Судом для допроса в качестве свидетеля, он должен принять присягу с оговоркою, что не станет отвечать на такие вопросы, которые

[4] Mollot. Regles de la profession d·avocat, § 108

прямо или косвенно будут направлены к разоблачению вверенных ему тайн; и пусть никогда не забывает он, давая свои показания, что единственным судьей, который решает вопрос о том, что можно и чего нельзя показывать по делу, является его совесть; тою же совестью руководствуется он даже и в том случае, если его доверитель соглашается на разоблачение, ибо закон тайны имеет значение общее, как гарантия довлеющего профессии доверия»[5]…

Что касается взгляда Правительствующего Сената по вопросу об обязанности присяжных поверенных хранить доверяемые им тайны, то решения по делу Салтыкова (1868 г. № 575) и по делу Попова (1894 г. № 3) эту обязанность только подтверждают… В решении по делу Попова, выражено: «достоинство уголовного судопроизводства определяется, между прочим и главным образом, свойством средств, которые закон разрешает или предписывает употреблять для достижения главной цели правосудия – обнаружения действительного виновного в каком-либо преступлении или проступке, и что было бы совершенно несогласно с таким достоинством правосудия пользоваться для его целей источниками, явно не надежными или опасными для общественной нравственности, а к таким источникам, несомненно, принадлежат … показания против подсудимого, соединенные с нарушением тайны». Вряд ли можно более ярко выразить ту высокую мысль, какая заключается в приведенных словах Правительствующего Сената. Святое дело правосудия не терпит таких недостойных и нечистых, по выражению А.Ф.Кони, приемов и способов добывания судебной истины, как понуждение свидетеля к раскрытию вверенных ему по его званию тайн. «Судебная власть достаточно вооружена средствами розыска и исследования, чтобы не нуждаться в таких доказательствах для обличения действительно виновных». Только при таком направлении своей деятельности и может Суд стоять на высоте поставленных ему великих задач – «право править слово истины». Основание, по которому тайна совещаний требует самого полного и безусловного признания, коренится в нравственной природе человека, в законах его духа. Во все времена и у всех народов вероломство вызывало к себе чувства всеобщего негодования и омерзения, кладя на виновного несмываемое пятно срама и позора. Если, пронесясь сквозь строй веков, чувства эти остались до наших дней в существе своем неизменными, то эволюция могла сделать их только более интенсивными, более чуткими ко всякому отклонению от заложенного в нашу душу естественного закона правды. Нарушение доверия и измена противны этому зако-

[5] G. Duchaine et E. Picard. Manuel pratique de la profession d·avocat, partie IV, §§ 27 и 28

ну, а если это так, если общественное мнение считает бесчестным разглашение таких обстоятельств, которые сообщены были кому-нибудь под условием тайны, «под честное слово», то что же сказать о том случае, когда нарушение доверия идет со стороны такого лица, самое доверие к которому обусловливалось особенностью его положения, его общественной ролью? Наш древний Номоканон, говоря о священнике, который разоблачал тайны исповеди, определял, что «сицевому» надлежит «ископати язык созади». Не менее тяжкому, в нравственном, разумеется, смысле, наказанию подлежал бы и присяжный поверенный, преступивший заповедь своей профессиональной тайны…

Итак, доверенные присяжному поверенному тайны должны считаться священными; никогда, никому и ни при каких условиях он не должен выдавать их, хотя бы был приглашаем к тому самой судебной властью. (Мск. 899/900-127-141, ч. 1).

[789] Желание доверителя хранить в тайне то или другое обстоятельство нельзя игнорировать и в таком случае, если бы это желание, по мнению самого поверенного, и не оправдывалось бы никакими разумными соображениями. Правда, не всегда бывает легко решить вопрос, есть ли в данном случае какая-либо тайна или нет; но уже одного сомнения в этом отношении вполне достаточно для того, чтобы решить вопрос в положительном смысле. Отношения между адвокатом и лицом, обратившимся к нему за советом, возлагают на первого те же нравственные обязательства, какие он принимает на себя после принятия на себя обязанностей защитника уже по возникшему делу. Тайна, вверенная ему во время консультации, не менее священна, чем и тайна, вверенная ему по возникновении дела и после вступления его в дело в качестве официального защитника. Против раскрытия той и другой говорят одинаковые соображения: необходимость оградить лицо, являющееся за советом к адвокату, и его доверие к последнему, освободить адвоката от выбора между нарушением этого доверия и лжеприсягой его, как свидетеля. Отношения лица, являющегося за советом к адвокату, предполагают полную откровенность и правдивое сообщение всех обстоятельств дела. Такая откровенность немыслима без уверенности, что все, сообщенное адвокату, останется известным только ему одному и ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах не может быть обнаружено. Требовать от присяжного поверенного свидетельских показаний о том, что он узнал в качестве человека известной профессии, и что может повредить лицу, обратившемуся к нему за советом, значило бы впадать в прямое противоречие с назначением адвоката и

ставить последнего в положение, невыносимое для всякого честного человека. (Мск. 06/07-179, ч. 2; 09/10-594, ч. 3).

[790] 403 ст. Уч. Суд. Уст., установляя, что присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оного и даже после окончания его, вовсе не исключает возможности для присяжного поверенного быть свидетелем на Суде в уголовном деле своего доверителя и не дает ему права устранить себя от общей гражданской обязанности и являться на Суд в качестве свидетеля, если такая явка вызывается интересами правосудия. К такому заключению необходимо придти, независимо от буквального смысла ст. 403 учреждения еще и по тому соображению, что присяжный поверенный заранее и не может знать, о чем он будет спрошен на Суде. Между тем, на Суде ему могут быть предложены вопросы, относящиеся к таким обстоятельства, которые, не касаясь предмета тайн, сообщенных ему доверителем, в то же время могут иметь значение для выяснения судебной истины. Эта обязанность присяжных поверенных встречает для себя ограничение только в ст. 403, ограничение, заключающееся в том, что раз присяжный поверенный явился на Суд в качестве свидетеля по делу своего доверителя, то он должен исполнить требование этой статьи и сообразоваться в своих показаниях с тем, что сообщил ему доверитель как тайну, и что сам присяжный поверенный, по своему убеждению, считал таковою. (Харьк. 88/89-124).

[791] Безусловное освобождение защитника от обязанности давать свидетельские показания по делу своего доверителя или представлять относящиеся к этому делу документы не вытекает ни из буквального смысла, ни из духа действующих законов. Ст. 709 Уст. Угол. Суд. установляет, что никто не может быть допрошен в качестве свидетеля совместно с исполнением по тому же делу обязанностей защитника подсудимого; но Правительствующий Сенат истолковал эту статью не в том смысле, чтобы лицо, принявшее на себя обязанности защитника, не могло быть спрошено в качестве свидетеля, а, наоборот, в том смысле, что лицо, подлежащее спросу в качестве свидетеля, не может принять на себя или сохранить за собою обязанность защитника (реш. угол. кассац. Департамента по делу Салтыкова 1868 г. № 575). Другое толкование этой статьи едва ли и возможно, так как, по справедливому замечанию Правительствующего Сената, свидетель есть лицо необходимое, которое не может быть никем заменено, а один защитник может быть заменен

другим. Ст. 403 Учр. Суд. Уст. возлагает на присяжного поверенного обязанность не оглашать тайн своего доверителя не только во время производства дела, но и в случае устранения от оного и даже после окончания дела. Хотя эта статья помещена в главе о присяжных поверенных и говорит только о них одних, она, без сомнения, может и должна быть применяема, по аналогии, ко всякому поверенному или защитнику; но она касается только тайн доверителя, а не всего, что поверенный может знать по делу, которое ему вверено, и потому не составляет основания к безусловному отказу от свидетельства. То же самое следует сказать и о ст. 704 Уст. Уг. Судопр. по 3-му п., которой не допускаются к свидетельству присяжные поверенные и другие лица, исполнившие обязанности защитников подсудимых, в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дел. Освобождение защитника от свидетельства ограниченно и здесь известным предметом и не имеет, следовательно, безусловного характера. Соображения эти высказаны Советом еще в журнале его от 22 сентября 1873 г. (С.-Пб. 93/94-19).

[792] Коснувшись взаимных отношений сторон в деле, Одесский Совет высказал следующий взгляд по содержанию 403 ст. Уч. Суд. Уст. Хотя, по своему буквальному смыслу 403 ст. воспрещает поверенному оглашение тайн своего доверителя, но обязанности звания и потребности профессии заставляют придать этой статье более широкое внутреннее содержание. Миссия адвоката заключается не только в ведении, но и в предупреждении процессов или в мирном завершении их до окончательного определения суда, а для этого необходим откровенный взаимный внесудебный обмен мнениями и доказательствами между поверенными противоположных сторон. «Но, – говорит знаменитый французский адвокат, одно время старшина парижского совета и впоследствии прокурор, Шэ д'Эстанж, – раз, однако, миролюбивые попытки остались безуспешны, память о них должна быть совершенно уничтожена, и пред судьей, в заседании ли суда или вне его, ни одно слово, ни один намек не должны выдать ненарушимого секрета» (Discours et plaidoyers de M. Chaix d'Est-Ange par Constant. Paris, 1887 г., т. I, цитировано по Чалхушьяну – Идеалы французской адвокатуры. С.-Пб. 1891 г. стр. 17). И в самом деле, этот секрет доверен противнику, как поверенному, в целях профессиональных, для склонения сторон к миру, и обнаружение такого секрета будет нарушением вверенной тайны, в том же смысле, в каком 541 ст. Угол. Улож. гласит: «обязанный по своему

званию хранить в тайне доверенное ему сведение и т.д.» (Одес. 908-191).

[793] Присяжный поверенный не только не обязан, но даже не имеет права давать справки по порученным ему делам посторонним лицам. (Иркут. 07/08-178).

[794] Совет признал заслуживающими решительного порицания действия помощника присяжного поверенного, выразившиеся в том, что, желая оправдать себя перед Советом, он позволил огласить сведения, полученные им лишь в качестве поверенного бывшей его доверительницы, и представил в Совет копии протокола свидетельских показаний по ее делу, слушавшемуся в Суде при закрытых дверях, причем копии эти получил из Суда, когда уже не состоял ее поверенным. Получение документа таким путем свидетельствует о непозволительной неразборчивости в средствах помощника присяжного поверенного. (Мск. 01/ 02-211, ч. 2).

[795] Присяжный поверенный в иске против бывшего своего доверителя не может пользоваться, как доказательством, такими письмами своего доверителя, в которых содержатся тайны, сообщенные доверителем присяжному поверенному, как поверенному, ибо представление в публичный и гласный Суд в качестве доказательства такого письма было бы равносильно оглашению тайн доверителя, воспрещенному 403 ст. (Мск. 83/84-28; 84/85-57; 97/98-125).

[796] Против обвинения в недонесении о месте нахождения обвиняемого присяжный поверенный приводит в свое оправдание то заслуживающее, по мнению Совета, внимания соображение, что если донос для частного человека есть вообще деяние неблаговидное, то тем более он неблаговиден для присяжного поверенного, и особенно по отношению к бывшему доверителю, каким именно обвиняемый и был по отношению к присяжному поверенному. (Мск. 87/88-110).

[797] На присяжном поверенном не лежит по закону обязанность содействовать конкурсному управлению в поимке несостоятельного. Если присяжный поверенный, будучи защитником подсудимого, обвиняемого в совершении преступления, не вправе выдавать своего доверителя посредством сообщения вверенных ему тайн (ст. 403 Учр. Суд. Уст.) даже Суду, то тем менее основания конкурсному управлению требовать от поверенного такой предупреди-

тельности, чтобы он по отношению к лицу, даже не обвиняемому ни в каком преступлении, явился к роли доносителя и сыщика. (Харьк. 88/89-144).

[798] Указание того установления, где находится в производстве спорное дело по наследственным долговым документам, не может быть отнесено к числу такого рода фактов, коих обнаружение перед казенной палатой противоречило бы выраженному в 403 ст. Учр. Суд. Уст. правилу. Исполнение требований казенной палаты заключавшихся в даче справки , не может на самом деле рассматриваться как акт, требовавший особого соглашения с доверительницею или же выходящий за пределы принятых на себя по судебному делу обязанностей. Что же касается сомнения относительно компетенции казенной палаты требовать от поверенных сведений, находящихся в делах, порученных им тяжущимися, то обращение казенной палаты к наследнику, или по ссылке его к его уполномоченному, за справкою о положении дела, естественно, должно вытекать из существа возложенной на нее по закону обязанности. Будучи, таким образом, вполне закономерным, требование казенной палаты подлежало исполнению со стороны присяжного поверенного. (Мск. 90/91-14).

[799] На основании сделанных прокурорскому надзору заявлений бывшего подсудимого о содержании происходивших между ним и его защитником объяснений, против последнего предъявляются обвинения в тяжких нарушениях долга, пятнающих его честь и достоинство носимого им звания. Единственным средством для его оправдания, для восстановления истины, является правдивое изложение бывшим защитником того, что действительно происходило во время этих объяснений его с подзащитным, а потому защитнику не может быть возбранено прибегнуть к этому средству, хотя бы это было связано с разглашением «тайны доверителя», если этот доверитель решился, под покровом этой тайны, заявить на него ложное обвинение. (С.-Пб. 09/10-294).

СООБЩЕНИЕ ДОВЕРИТЕЛЯМ ОТЧЕТА И СВЕДЕНИЙ ПО ДЕЛАМ

[800] Адвокат независим, он свободен, но деятельность его открытая; он постоянно находится под общественным контролем. Ему нечего стыдиться того, что от него требуют отчета, он всегда

готов и всегда его может всякому доверителю и во всякое время представить. Уклоняться от этой простой обязанности, – это значит идти вразрез с основными положениями нашей деятельности. (Мск. 07/08-320, ч. 3).

[801] Обязанность присяжного поверенного дать своему доверителю отчет по ведению дела представляется не только гражданскою по силе ст. 2326, т. X, ч. 1, но является, вместе с тем, одною из важнейших профессиональных обязанностей присяжного поверенного, поэтому уклонение от дачи отчета есть, несомненно, профессиональный проступок. (С.-Пб. 09/10-588).

[802] Совет много раз разъяснял, что отношения присяжных поверенных к своим доверителям должны быть ясны до очевидности, и отчет по делу поверенный должен быть готов представить всегда, в каждую данную минуту, денежный в особенности. (Мск. 06/07-207, ч. 2; 900/901-57).

[803] В денежных отношениях к доверителю поверенные должны быть безупречно корректны, дабы избегнуть нареканий, столь легко рождающихся на этой почве. В этом отношении ничто не оправдывает присяжного поверенного. Если бы даже он считал себя вправе зачесть всю полученную сумму в вознаграждение, то и тогда он не имеет никакого основания уклоняться от представления точного отчета о том, сколько им получено денег и сколько израсходовано. (Мск. 03/ 04-143, ч. 2).

[804] Уклонение от дачи отчета, и притом вопреки постановлению Совета, дает повод к самым тяжелым нареканиям и заслуживает одно из самых серьезных взысканий. (Мск. 07/08-372, ч. 3).

[805] Признав, что промедление в представлении отчета объясняется сложностью работы по составлению его, благодаря массе мелких взысканий, Совет определил: присяжного поверенного дисциплинарной ответственности не подвергать. (Мск. 96/97-80).

[806] Присяжный поверенный не может быть признан обязанным представлять перед каждым членом торгового дома в отдельности отчет, своевременно данный одному из членов торгового дома, от которого им была получена доверенность. (Мск. 93/94-78, ч. 2).

[807] Обязанность присяжных поверенных своевременно извещать их доверителей о последовавших в порученных им делах изменениях, продолжительных приостановках таких дел или полном их, по тем или иным причинам, прекращении представляется весьма существенной, и отступления от этой обязанности всегда осуждались Советом. (Мск. 03/ 04-187, ч. 2).

[808] Извещение доверителя о ходе его дела входит в обязанность поверенного, и уклоняться от исполнения этой обязанности под предлогом неполучения от доверителя денег на оплату почтовых расходов поверенный, назначенный по праву бедности, не вправе, так как расходы эти настолько незначительны, что невозможно предположить, чтобы кто-либо из присяжных поверенных не имел средств их произвести. (Мск. 899/900-46, ч. 2).

[809] Присяжные поверенные обязаны сообщать доверителям о положении порученных им дел не на основании предположений, а по действительному их положению. Неточность и неопределенность в выражениях может подать повод к обвинению присяжного поверенного в намеренном сокрытии от доверителя истинного положения порученного ему дела, обвинению, несовместимому с достоинством присяжной адвокатуры, почему присяжный поверенный в сношениях с доверителем должен придерживаться определенности выражений, чтобы не дать даже повода к тяжким обвинениям. (Мск. 900/901-220; Харьк. 09/10-244).

[810] Сообщение доверителю заведомо неверных сведений о положении порученного ему дела представляется совершенно недопустимым в отношении между присяжным поверенным и доверителем. (Мск. 10/11-589; 06/07-215, 220, 274, ч. 2).

[811] Дача доверителю неверных сведений о положении порученного дела, с целью отвлечь его внимание от допущенной медленности, является весьма серьезным проступком, роняющим достоинство присяжного поверенного и наносящим ущерб тому доверию, которое лежит в основании деятельности поверенного. (С.-Пб. 09/10-566; Мск. 900/901-182, ч. 3).

[812] Присяжный поверенный игнорированием писем своего доверителя и недачей сведений о положении дела, несомненно нарушает свой профессиональный долг. Ненормален такой порядок, в силу которого доверитель впервые узнает о положении своего дела

из объяснения присяжного поверенного по дисциплинарному производству. (Мск. 08/09-130, ч. 3).

[813] Утомление делом может дать повод к тому, чтобы отказаться от дальнейшего его ведения, но никак не служит основанием для того, чтобы, имея дело на руках, не давать о нем сведений доверителю. (Мск. 03,04-7, ч. 2).

[814] Присяжный поверенный при возвращении доверенности должен сообщить доверителю о том, где именно или при каком производстве находятся документы. (Мск. 07/08-112, ч. 3).

[815] То обстоятельство, что дело производилось не в том городе, где проживает сам присяжный поверенный, не снимает с него ответственности в несообщении доверителю сведений по делу. Или не надо принимать к своему производству таких дел, за которыми нельзя в должной мере следить, или, уж раз дело принято, необходимо принять и меры к тому, чтобы быть достаточно осведомленным о его положении. (Мск. 08/09-176, ч. 3).

[816] Совет не может вменить присяжному поверенному в обязанность непременно отвечать на всякое письмо доверителя, если бы даже оно значения никакого не имело и не содержало бы ничего такого, на что ответа не было бы дано в прежней переписке. (Мск. 05/06-12).

[817] Если присяжный поверенный обязан отвечать своему доверителю на вопросы его о положении порученного ему дела, то отнюдь вовсе не следует, чтобы он должен был удовлетворить всем капризам этого доверителя и отписывать ему по нескольку раз об одном и том же. (Мск. 02/03-150, ч. 2).

[818] Нельзя ставить поверенному в вину несообщения сведений своему доверителю о деле, когда, сдавши дело на руки поверенному, он сам не интересуется его судьбою. В особенности справедливо это, когда самое дело никакого движения за все это время не имело. (Мск. 90/91-78).

[819] При обсуждении действий, совершенных присяжным поверенным десятки лет тому назад, Совет, как суд дисциплинарный, говоря вообще, встречает значительные, а иногда и непреодолимые затруднения при необходимости проверить те или другие

данные, имеющие важное значение для дела. Все эти неудобства вполне сознаны Высочайше учрежденною Комиссией, ныне работающей над изменением и дополнением Судебных Уставов Императора Александра II, проектировавшей новую 375 ст. Учр. Суд. Уст., по которой «дисциплинарное производство не может быть начато против присяжного поверенного, если после совершения действия или упущения, подлежащего рассмотрению в дисциплинарном порядке, прошло более 5 лет. Не считая себя, однако, вправе, хотя бы и навстречу новому ожидаемому сословием закону, уклониться от обсуждения действий присяжного поверенного только на том основании, что со времени совершения этих действий прошло более 16 лет, Совет находит, что единственный упрек, какой мог бы в свое время быть сделан присяжному поверенному, – это упрек в излишнем доверии, которое он оказал своей доверительнице, оставив в ее руках свою расписку при возвращении ей документа. (Мск. 97/98-93).

[820] Совет, принимая во внимание, что со времени совершения обжалованных действий присяжного поверенного прошло свыше 10 лет, и что заявление жалобщика о том, что в течение столь продолжительного срока он не имел никаких сведений по его делу, представляется неправдоподобным и доверия не заслуживает, постановил присяжного поверенного ответственности не подвергать. (Мск. 01/ 02-109, ч. 2; 07/08-30, ч. 2).

[821] Что касается требования от присяжного поверенного письменных доказательств в удостоверение заявления отказа от ведения дела спустя 10 лет после окончания дела, то Совет нашел, что таковое не может быть исполнено, так как присяжные поверенные не имеют возможности по истечении десятилетнего срока со времени окончания производства по делу сохранять относящиеся к нему бумаги. (Мск. 92/93-11).

УДЕРЖАНИЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ДОВЕРИТЕЛЯМ ДОКУМЕНТОВ

[822] Удержание документов, вопреки воле доверителя, составляет нарушение профессиональных обязанностей поверенного, подлежащее строгому взысканию. (Мск. 900/901-200).

[823] Присяжный поверенный, не получающий долгое время необходимых для начатия дела документов, должен возвратить доверителю бумаги и не может в течение многих лет держать их у себя. (Мск. 09/10-137, ч. 3).

[824] Присяжный поверенный, считающий документы принадлежащими нескольким своим бывшим доверителям вместе, поступает правильно, если не возвращает тех документов только некоторым из них. (Мск. 02/03-140, ч. 2).

[825] Совет не может согласиться с мнением присяжного поверенного о праве его удержать документы должника впредь до уплаты следуемого ему вознаграждения. Вопрос этот подвергался неоднократно всестороннему обсуждению Совета, и в целом ряде своих определений, составивших уже ныне сословную традицию, Совет указывал на недопустимость подобных действий. Документы составляют собственность доверителя; удерживать их, вопреки желанию доверителя, – значит действовать самоуправно, нарушить то доверие, в силу которого документы именно и оказались в обладании присяжного поверенного. Несомненно, что очень часто создаются крайне невыгодные последствия для присяжного поверенного, тем не менее, долг присяжного поверенного обязывает его немедленно возвратить все документы и доверенность, коль скоро того требует доверитель; для защиты же своих интересов он может обратиться в гражданский Суд. (Мск. 08/09-113, ч. 3; 08/09-67).

[826] Доверитель имеет по закону право во всякое время прекратить данное поверенному поручение и потребовать возвращения переданных ему документов. Такое требование подлежит немедленному исполнению со стороны поверенного, насколько таковое в его власти, а задержание принадлежащих доверителю бумаг, в видах обеспечения причитающегося поверенному вознаграждения за его труд или хотя бы даже в целях установления факта одностороннего прекращения поручения доверителем, представляется действием, недопустимым для присяжного поверенного. (С.-Пб. 09/10-402; Мск. 83/84-44; 84/85-163).

[827] Удержание документов в обеспечение своего гонорара – поступок неправильный со стороны присяжного поверенного даже в том случае, если доверитель отказывается уплатить вознаграждение. (Харьк. 88/89-105; Мск. 95/96-26, ч. 2; 97/98-137; 02/ 03-12).

[828] Документы по делу представляют собственность верителя, хотя бы они были добыты по его доверенности поверенным; неуплата употребленных расходов дает лишь право на иск о вознаграждении их, но не на удержание документов. (С.-Пб. 81/82-72; 90/91-50; Мск. 09/10-81, ч. 3).

[829] Поверенный не имеет права передавать вверенные ему документы другому лицу, кроме своего доверителя или того лица, которое будет ему доверителем указано и уполномочено. (Харьк. 82/83-110; Мск. 97/98-80).

[830] Присяжный поверенный не возвращал жалобщице документов, оправдывая свои действия фактом получения этих документов не от жалобщицы непосредственно, а через другое лицо, но такая точка зрения не может встретить одобрения со стороны Совета, ввиду очевидного права у жалобщицы требовать возвращения своих документом, переданных через другое лицо, так как это обстоятельство – передача документов другим лицом с целью дать ему, как поверенному жалобщицы, полномочия на ведение дела и нужные для этого бумаги никаких ограничений не создает для прав жалобщицы. (Мск. 06/07-83, ч. 2).

[831] Присяжный поверенный, не возвратив документов, поставил их собственнику в необходимость вести с ним процесс и, доказывая в апелляционной жалобе неправильность приговора, обязавшего его возвратить те самые документы, которые он предлагал получить, подорвал всякое уважение к себе, как к адвокату. (Мск. 77/78-36).

[832] Присяжный поверенный, устраненный доверителем или сам отказавшийся от дальнейшего ведения дела, не может быть признан обязанным брать из Суда представленные к делу в качестве доказательств документы и возвращать их доверителю. (Мск. 88/89-42; 899/900-1, ч. 2; 01/02-125, ч. 2; 02/ 03-62, ч. 2).

[833] На обязанности присяжного поверенного лежит тщательное хранение вручаемых ему бумаг, и утрата их должны считаться проступком, влекущим за собою дисциплинарное взыскание. (Мск. 09/10-303, ч. 3).

[834] Присяжный поверенный обязан ходатайствовать о получении из Суда нового исполнительного листа взамен утратившегося,

причем отправка доверителю столь важного документа, как исполнительный лист, должна иметь соответствующую отметку в деле. (Мск. 92/93-31, ч. 2).

[835] Возвращать доверителю бумаги наложенным платежом совершенно не подобает члену сословия, если бы даже почтовые учреждения и допускали такой способ пересылки. В равной мере не следовало требовать непременно личной явки за получением документов и тем обрекать свою доверительницу на излишний и непроизводительный расход, тогда как бумаги можно было переслать ей заказным письмом или ценным пакетом по описи. (Мск. 08/09-72, ч. 3).

[836] Совет не нашел возможным обвинить присяжного поверенного в невозвращении векселей собственнику их, так как сам жалобщик в течение 13 лет не интересовался судьбою врученных поверенному векселей настолько, чтобы или дать последнему возможность предъявить иск по ним, или же потребовать возвратить их обратно. (Харьк. 88/89-215).

УДЕРЖАНИЕ ДЕНЕГ

[837] Присяжный поверенный обязан немедленно уведомить своего доверителя о получении взысканных денег и немедленно выслать ему таковые без всякого со стороны доверителя особого требования. (Мск. 01/ 02-14, ч. 2; 08/09-327, ч. 3; 189, ч. 3).

[838] Неправильное удержание поверенным сумм, полученных для доверителя, является одним из самых тяжелых случаев нарушения доверия; оно подобно прямой измене доверителю и отличается от нее только тем, что на место противника, коему выдаются доверительские интересы, поверенный ставит себя самого. (Мск. 03/ 04-233, ч. 2).

[839] Присяжный поверенный, получив деньги, должен немедленно выслать их своему доверителю; болезнь не должна мешать ему в этой высылке, каковую он должен поручить другому лицу. (Мск. 07/08-171, ч. 2).

[840] Передача денег доверителю частями, хотя вся сумма получена сразу, является действием неправильным и может вызвать

подозрения и нарекания на присяжного поверенного со стороны доверителя. (Мск. 06/07-149, ч. 2).

[841] Присяжный поверенный не вправе удерживать деньги доверителя, данные ему для определенного назначения, если бы даже у него были какие-либо неоконченные с доверителем расчеты по проведенным делам, а должен немедленно, по первому требованию доверителя, возвратить их ему обратно. (Мск. 09/10-600; 88/89-133)

[842] Значительное промедление в расчете с доверителями граничит с произвольным удержанием денег. Присяжный поверенный не только замедлил расчет, но он не счел нужным поспешить с ним даже после того, как доверительы принесли в Совет жалобы. Такое продолжительное и упорное промедление в денежных расчетах с доверителями возбуждает вопрос о применении высшей меры дисциплинарного взыскания. (Мск. 06/07-268, ч. 2; 90/97-46; 06/07-236, ч. 2).

[843] Присяжный поверенный, получив по доверенности деньги доверителя, обязан немедленно передать их своему доверителю. Он может удержать лишь произведенные им расходы и вознаграждение по таксе или в том размере, который определен письменным договором (ст. 395 Учрежд. Суд. Устан.). Если нет письменного договора, то удерживать гонорар сверх таксы можно лишь в том количестве, на которое изъявляет согласие доверитель. Удержание же всякой другой суммы сверх того является само по себе неправильным и, кроме того, роняет достоинство адвоката. Присяжный поверенный имеет полную возможность оградить свои интересы составлением письменного договора перед принятием дела. Удержание денег без такого договора представляется произволом и может возбуждать весьма нежелательные подозрения, будто деньги доверителя задерживаются на самом деле без всякого основания, а спор о гонораре – лишь предлог, чтобы прикрыть предосудительное пользование доверительскими деньгами. (Мск. 03/ 04-199, ч. 2; 900/901-25; 95/96-11, ч. 2; 06/07-241).

[844] Удерживать передачу взысканных в пользу доверителя денег под предлогом нежелания верителя правильно рассчитаться не может быть допустимо. В таких случаях поверенный вправе удержать лишь причитающееся ему вознаграждение и обязан немедленно возвратить верителю остальную сумму. (С-Пб. 08/09-369; Мск. 88/89-133).

[845] Самовольное распоряжение чужими, находившимися на руках деньгами заслуживает строгого порицания. (С-Пб. 81/82-34).

[846] Если задержание доверительских денег длилось только несколько месяцев, то и этот срок представляется значительным. Отказ жалобщицы от обвинения может служить только доказательством произведенного перед заседанием Совета расчета, но не устраняет обвинения в совершенном нарушении профессиональных обязанностей. (Мск. 09/10-331, ч. 3).

[847] Невозможность немедленной передачи документов или денег свидетельствует о том, что присяжный поверенный сделал из них ненадлежащее употребление. Такое деяние совершенно несовместимо со званием помощника присяжного поверенного. (Мск. 08/09-310, ч. 3; 07/08-374, ч. 3).

[848] Присяжный поверенный получил деньги доверителей и таковые оставил у себя; подобные действия составляют тяжкое нарушение обязанностей звания и не могут быть терпимы. Присяжный поверенный, употребивший во зло доверие тех лиц, которые к нему обращаются, не может оставаться в сословии. (Мск. 90/91-70; 900/901-23, ч. 3).

[849] Рассмотрев дело и признав растрату доверительских денег установленной, Совет нашел, что достаточно было бы одного позорного компромисса, в который вступил присяжный поверенный со своим доверителем, предложив ему гарантировать себя от растраты обменом прежней, полной доверенности на новую, ограниченную, чтобы признать связь его с присяжною адвокатурою порванной навсегда; но действия присяжного поверенного не ограничились одним только этим поступком, – они пошли далее и притом в таком направлении, которое предусматривается уже ст. 1681 и 1711 Улож. о нак. Ввиду этого Совет должен был бы применить к присяжному поверенному п. 5 ст. 368 Учр. Суд. Уст., т.е. предать его уголовному суду, но так как это уже сделано независимо от настоящего дисциплинарного производства, то Совету остается только согласно п.4 ст. 368 исключить его из сословия. (Мск. 03/ 04-62, ч. 2; 900/901-118).

[850] Коренное условие деятельности и даже самого существования сословия присяжных поверенных – это общественное до-

верие. Вне этого не может быть и присяжной адвокатуры. Посему лицу, посягнувшему на это доверие, нарушившему его в самом корне, растратившему доверенные ему в силу носимого им звания чужое имущество и деньги, не может быть места в рядах сословия. Совет не может придти к иному выводу. Какое бы чувство снисхождения ни возбуждало в Совете объяснение товарища, совершившего растрату и преданного за таковую уголовному суду, тем не менее, долг перед сословием и обществом обязывает Совет, определяя последствия такого деяния, оградить сословие от подобных заслуженных нареканий и посему применить высшую меру дисциплинарной кары – исключение. (Мск. 07/08-424; 90/91-124).

[851] Крайне предосудительно, прямо недопустимо для присяжного поверенного, получающего чужие деньги по доверенности, в силу оказанного ему доверия, злоупотреблять таковым и вынуждать своего доверителя вместо денег брать вексель, насильно, так сказать, заставлять оказывать себе кредит и тем самым вводить чуждый существу отношений доверителя и поверенного элемент займа, и притом и свободного. За такого рода деяния присяжный поверенный заслуживает весьма строгого взыскания. (Мск. 07/08-376, ч. 3; 06/07-286, ч. 2).

[852] Если присяжный поверенный поставлен в необходимость занимать деньги у доверителей, то на его прямой обязанности лежит облечение этих займов в такую форму, которая не оставляла бы сомнения в том, что деньги, полученные по делу, действительно, даны доверителем взаймы, а не произвольно удержаны поверенным. (Мск. 90/91-66).

[853] Ссылка присяжного поверенного на постигшее его несчастье, т.е. на утрату доверительских денег, не может ни в каком случае служить оправданием его действий в отношении к своей доверительнице. Принимая утрату денег за совершившийся факт и имея в виду ограниченность средств присяжного поверенного, не дозволявшую ему немедленно вознаградить свою доверительницу за утрату, как обстоятельство, смягчающее вину, – Совет не может не признать его виновным в сокрытии от доверительницы своей действительной причины неполучения ею денег и в сообщении ей ложных сведений по делу, хотя и при вышеуказанных смягчающих обстоятельствах. (Мск. 91/92-57).

[854] Если доверитель почему-либо не считает возможным принять от своего поверенного взысканные в его пользу деньги, то поверенный обязан, во избежание всяких нареканий и недоразумений, деньги эти ему переслать, а не оставлять у себя продолжительное время. (С.-Пб. 08/09-365; Мск. 97/98-57).

[855] Если признать, что по обстоятельствам дела представлялось целесообразным положить ценности доверителя на текущий счет, то следовало открыть этот счет не на свое имя, а на имя его доверителей. Придерживаться в профессиональной адвокатской деятельности такого порядка действий в отношении доверительских ценностей – это значит, прежде всего, поступать по закону и освободить себя и носимое звание от незаслуженных упреков. (Мск. 10/11-49, ч. 3).

[856] Передавая доверительские деньги на хранение частному лицу, присяжный поверенный этим самым допустил неправильный поступок, уже потому неизвинительный для присяжного поверенного, что при некоторой степени недоверия к его объяснению такой образ действий его мог бы легко навлечь на него нарекание. (Мск. 900/901-168).

[857] Совет подверг взысканию присяжного поверенного, не исполнившего постановления Совета об уплате денег жалобщику. Если ему неизвестен был адрес доверителя, то он мог внести деньги в Совет для того, чтобы снять с себя упреки в задержании денег. (Мск. 08/09-149, ч. 3).

ВЕДЕНИЕ РАСХОДОВ ПО ДЕЛАМ ДОВЕРИТЕЛЕЙ

[858] Расходы по процессу должны падать на то лицо, которому принадлежит процесс, а не на его поверенного, если о том нет специального условия. (Мск. 98/99-51, ч. 2; 02/03-76, ч. 2; 85/86-99).

[859] Если присяжный поверенный не обязался вести на свой счет дело, то, по общему правилу. доверитель должен вносить деньги своему поверенному на расходы по делу. (Мск. 06/07-61, ч. 2; 92/93-5, ч. 2).

[860] Нельзя требовать, чтобы присяжные поверенные, принимая по просьбе своих доверителей дела в другом городе, ездили

на свой счет, за исключением тех случаев, когда между ними состоялось особое по сему предмету соглашение. (Мск. 03/ 04-51, ч. 2).

[861] Присяжный поверенный не обязан расходовать по делу свои средства на поездки и на перевод документов. (Мск. 899/900-122, ч. 2).

[862] Совет признал, что небрежность расходования денег доверителя без письменных на то доказательств составляет легкомысленное отступление от коренных правил, обязательных для всякого человека, занимающегося чужими делами, и в особенности для лица, которое избирает этот род занятий своею профессией. Конечно, случается, что между доверителем и поверенным существует полное доверие, и передача денег и документов совершается без расписок, но Совет не может допустить, чтобы отношение поверенного к деньгам доверителя было таково, чтобы поверенный не мог не только доказать расписками, сколько им израсходовано за счет доверителя, но даже составить по первому требованию полный письменный отчет о взятых суммах. (С.-Пб. 76/77-77).

[863] Присяжный поверенный должен вести точный счет получаемых им верительских денег так, чтобы в каждый момент иметь возможность дать своему верителю полный отчет. (С.-Пб. 09/10-550).

[864] Адвокат обязан дать надлежащий отчет доверителю с указанием, на что истрачены его деньги. При этом безразлично, желает ли доверитель в виде такого отчета получить документ, необходимый ему для гражданского оборота, или же он просто желает удовлетворить свое любопытство. Раз адвокат принял от доверителя деньги на расходы, он должен объяснить, куда он их истратил. (Мск. 05/06-199).

[865] Хотя отчет в израсходовании денег для присяжного поверенного обязателен, но нельзя не принимать во внимание особых условий в некоторых частных случаях, где оказывается иной раз невозможным представить удостоверение о действительности самого расхода, или при бесспорности расхода – о размере его, как например, при поездках или при уплате денег за разные мелкие послуги и т.п. (Мск. 92/93-86, ч. 2).

[866] Незаписывание расходов по каждому делу, а затем определение их по усмотрению поверенного и, как выразился помощник присяжного поверенного, «по справедливости» является совершенно произвольным, а тем более является неправильным отнесение на счет доверителей в какой-то пропорциональной доле содержание канцелярии и помощников, то есть не только прямых расходов по такому или другому делу, а каких-то расходов накладных, как об этом объяснил в Совете помощник присяжных поверенного. (С.-Пб. 09/10-510; Мск. 01/02-106, ч. 2).

[867] Обязанность удовлетворить лиц, оказавших присяжному поверенному содействие по делу, лежит на нем одном и не может быть перенесена на доверителей без их на то согласия. Точно также не оправдывается внесенный в отчет расход на извозчиков для разъездов по городу; вообще отнесение таких расходов на счет верителя оправдывалось бы только в том случае, если бы с полной точностью было выговорено в условии. (Спб. 85/86-99).

[868] Если доверитель был своевременно уведомлен о решении судьи, о принесении апелляционной жалобы и о том, что ему следовало внести пошлины, то при таких обстоятельствах нельзя ставить в вину присяжного поверенного, что он не внес пошлин из своих средств, результатом чего было возвращение апелляционной жалобы. (Мск. 90/91-72; 85/86-130).

[869] Естественно желание каждого лица, доверившего ведение своего дела, знать о положении его. Принимая ведение дел, присяжный поверенный должен понимать, насколько для доверителей, особенно неимущих, интересно и важно знать, в каком положении находятся дела, скоро ли они кончатся, и когда они получат деньги, а потому он обязан извещать их о положении дела. Оправдание присяжного поверенного, что доверитель не дал ему ничего на почтовые расходы, нельзя признать заслуживающим какого-либо внимания, ибо и в таком случае поверенный обязан давать своему доверителю отчет и сведения о положении дела. Обязанность уведомлять доверителя вытекает из самого факта принятия на себя ведения дела, независимо от того, выдал ли ему доверитель на почтовые марки или нет. (Мск. 08/09-323, ч. 3).

РАСЧЕТ С ДОВЕРИТЕЛЯМИ

[870] Совет неукоснительно требовал от присяжных поверенных, чтобы они всегда удостоверяли производимые ими расчеты с доверителями расписками. Никто не станет отрицать, конечно, что между адвокатом и доверителем, как вообще между людьми, могут быть такие отношения, которые исключают всякую мысль о каком-либо недоверии; может случиться и так, что иной раз требование расписки покажется кому-нибудь даже оскорбительным; с этим надо считаться, раз это бывает на самом деле. Всецело принимая в таких случаях риск своего доверия на самого себя, присяжный поверенный заранее должен уже быть готовым нести на себе всегда все невыгодные последствия этого риска, и если доверие его оказалось опрометчивым, он обязан немедленно исправить свой промах и заменить расписку соответствующим эквивалентом. Присяжный поверенный должен знать, что неисполнением этой своей обязанности он дает вполне основательный повод к построению самых обидных предположений, крайне оскорбительных для его личной чести и для чести того сословия, к которому он принадлежит. (Мск. 01/02-86, ч. 2; 98/99-78, ч. 2; 90/91-144).

[871] Аккуратность в денежных расчетах с доверителями должна быть существенным свойством присяжного поверенного; вследствие этого все расчеты присяжного поверенного с доверителями должны быть ведены с такою точностью, которая дозволяла бы во всякое время привести их в известность, ибо только при соблюдении этого правила возможно для присяжного поверенного обеспечить себя от всяких несправедливых нареканий, которые, как учит опыт, нередко возбуждаются заинтересованными лицами. (Мск. 88/89-56; 97/98-86; 900/901-239, ч. 2).

[872] Взятие присяжным поверенным расписки в получении полного удовлетворения, без точного обозначения суммы полученного доверителем, является действием неосторожным, могущим навлечь подозрение и нарекание. (Мск. 05/06-118).

[873] Взятие присяжным поверенным от своей доверительницы (в особенности безграмотной) расписки об окончательном расчете по делу без обозначения суммы передаваемых денег и удержанного гонорара Совет признает действием, в высшей степени неблаговидным. (Мск. 91/92-52; 95/96-61, ч. 2).

[874] В расписках, которые берут поверенные от доверителей, необходимо точно и совершенно определенно, во избежание всяких

недоразумений и нареканий, указывать, сколько именно получено в счет гонорара, удержано в возмещение расходов, удержано в возмещение данных заимообразно денег и т.д. (Мск. 10/11-44, ч. 3; 08/09-289, ч. 3; 05/06-163; 10/11-190, ч. 3).

[875] Присяжный поверенный, производя расчет с неграмотной женщиной и выплачивая крупную сумму, не должен ограничиваться взятием с нее домашней расписки за подписью случайно находившегося в квартире лица, а должен уплатить деньги под расписку, засвидетельствованную установленным в законе порядком, и тем гарантировать себя от всяких нареканий. Независимо от сего, в денежных расчетах и относящихся к этим расчетам бумагах присяжный поверенный должен соблюдать строгую точность и определенность; в особенности же, эта точность необходима в отношениях с людьми неопытными и неграмотными, дабы не могло оставаться никакого сомнения, что они достаточно сознательно отнеслись к тем или иным своим действиям. Передавая деньги доверительницу и составляя от ее имени расписку, присяжный поверенный должен был в этой расписке совершенно точно указать те суммы, которые он удерживает из полученных денег. Между тем, в расписке точно указана лишь сумма удержанного вознаграждения, а затем имеется глухое указание на удержание полученных от присяжного поверенного временных субсидий и расходов без обозначения их цифры. Подобная форма расписок может давать повод к нареканиям на присяжного поверенного и к недоразумениям по поводу правильности расчета. (Мск. 09/10-513; 05/06-186; 10/11-190).

[876] Выдавший расписку в получении денег должен был озаботиться распиской и при их уплате; резкость формы, в которой было предъявлено требование о возвращении денег, не может служить основанием к удержанию того, что должно быть возвращено. (Мск. 02/03-337, ч. 2).

[877] На обязанности поверенного лежит точно определить свои отношения и основания расчетов с доверителем, а также право на удержание из первых взысканных денег; в случае незаключения письменного условия и возникших затем недоразумений все невыгодные от сего последствия падают на поверенного, не предупредившего сих недоразумений ясным и точным определением оснований и порядка расчета. (С.-Пб. 88/89-48; Мск. 95/96-31, ч. 2).

[878] Продолжительность деловых отношений и взаимное доверие, которыми присяжный поверенный связан с доверителем, не может исключать необходимости исполнения известных формальностей в деловых отношениях его к последнему, что в особенности должно являться необходимым в денежных расчетах с неграмотным. (Мск. 05/06-155).

[879] Присяжный поверенный должен воздерживаться от передачи всех полученных денег одному доверителю, когда половина их следует другому доверителю, невзирая ни на то, что эти доверители мать и сын, и что последний принял на себя ответственность перед матерью за все свои действия. (Мск. 08/09-13, ч. 2).

[880] Представляется неправильной передача денег не доверительнице, а ее отцу. Бывают исключительные случаи, когда приходится вручать небольшие суммы родственникам ввиду того, что сами доверители, по болезни или по другим причинам, не могут получить денег. В данном случае такой причины не было. Передавая деньги ее отцу, присяжный поверенный ничем не был гарантирован, что он аккуратно передаст их его доверительницу. Поставив при расчетах между собою и доверительницей третье лицо, присяжный поверенный самую правильность расчета, а следовательно, и свою репутацию, сделал зависимой от добросовестности этого лица. (Мск. 07/08-326, ч. 3).

[881] Способ расплаты с доверителем векселями вообще недопустим, так как может дать повод к тяжким сомнениям, бросающим в глазах общественного мнения тень на присяжного поверенного и вместе с тем и на все сословие. (Харьк. 07/08-120).

[882] Операция расчета присяжного поверенного с его доверительницею – навязывание ей вместо наличных денег процентных бумаг, принятие при таком способе расчета расписки в получении всей суммы наличными деньгами, и заем, быстро следующий за расчетом, отличается предосудительным характером. Не менее предосудительно продолжительное уклонение от какого-либо платежа по долгу. (Мск. 899/900-67, ч. 2).

[883] Поверенный не может ставить своего доверителя в зависимое положение должника, противоречащее существу свободных отношений между адвокатом и доверителем. Неправ присяжный поверенный, если он при расчете удерживал долг себе, оформленный

векселем на имя жены. Тем более он неправ, если при расчете, без ведома и согласия доверителя, из полученных для него денег погашал чужой долг. Присяжный поверенный может удержать из суммы, полученной для доверителя, лишь то, что должен ему доверитель в вознаграждение и в возмещение расходов, но не может удерживать чужих долгов. (Мск. 07/08-158, ч. 3).

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ПО ДЕЛАМ

[884] Единственно прочной гарантией, оберегающей профессиональное достоинство адвоката от притязаний доверителей, которые иногда могут быть и неосновательными, является письменное условие (о гонораре). (Харьк. 06/07-148).

[885] При отсутствии письменного условия между присяжным поверенным и доверителем сомнения относительно содержания заключенного между ними соглашения о гонораре должны быть истолкованы против поверенного, от которого зависело своевременно оградить свои интересы. (С-Пб. 09/10-484).

[886] Совет обращает внимание на нежелательность таких условий о вознаграждении, которые дают возможность различных толкований, и, принимая во внимание, что неясность редакции должна быть поставлена более в вину присяжному поверенному, составляющему его, чем его контрагенту – доверителю, Совет при таких обстоятельствах не может не рекомендовать наименьшего ригоризма в требованиях, предъявленных к доверителю относительно размера вознаграждения. (Мск. 06/07-55, ч. 2; 0/08-170, ч. 3).

[887] Совет нашел, что присяжный поверенный не обязан возвращать договора, так как это обязательство выдано ему и должно у него храниться, как доказательство: согласно п. 10 таксы, в случае прекращения уполномочия, данного присяжному поверенному, без достаточного к тому повода со стороны последнего, присяжный поверенный имеет право на получение вознаграждения сполна. (Одес. 907-108).

[888] Во избежание недоразумений и споров, условия присяжных поверенных с их доверителями должны быть составляемы с возможно большею ясностью; при отсутствии ясно и точно выраженного условия о вознаграждении, присяжный поверенный должен

довольствоваться суммою, присужденною судом с противной стороны в вознаграждение за ведение дела; «если в условии перечислены действия, которые присяжный поверенный обязан совершить за известное вознаграждение, то за совершение действий, условием не предусмотренных, присяжный поверенный имеет право на особое вознаграждение». (П.В.Макалинский «С.-Петербургская присяжная адвокатура»). (Мск. 98/99-138, ч. 2; С-Пб. 09/10-358).

[889] Договором поверенного с доверителем устанавливаются не только право первого на получение условного вознаграждения, но и известные личные отношения между договаривающимися, исключающие возможность передачи такого договора, как обыкновенного долгового обязательства, третьему лицу, почему уступка в погашение своих денежных расчетов права на взыскание вознаграждения по договору должна быть признана несовместною с достоинством носимого присяжным поверенным звания. (Мск. 85/86-107).

[890] Если доверитель отказался от помощи присяжного поверенного без всякой вины со стороны последнего, то труд поверенного не может остаться без справедливого вознаграждения. (Мск. 05/06-62).

[891] Присяжный поверенный, изыскавший деньги в пользу своего доверителя, вправе удержать при передаче их последнему всю ту сумму, которая законно ему следует. (Харьк. 82/83-93; Мск. 98/99-141, ч. 2).

[892] Присяжный поверенный вправе удержать деньги из первых взысканных в пользу доверителя денег, так как законом это не воспрещается, а при желании доверителя получить присужденные повременные платежи, пенсию непосредственно, а не через поверенного, такое удержание является, кроме того, и единственным средством для поверенного получить свой гонорар с доверителя. (Иркут. 07/08-189).

[893] Если в момент заключения договора стороны приняли на себя обязанности – поверенный вести дело, а доверитель – заплатить вознаграждение, размер которого определялся в процентах, то затем каждая сторона по своему произволу может отказаться только от своих прав, но не может сложить с себя своих обязанностей; с этой точки зрения, заключив мировую сделку и не пожелав, таким обра-

зом, дальше вести дело, доверитель освобождал поверенного от некоторой части его труда, но этим произвольным действием он не мог сложить с себя своей обязанности заплатить условленное вознаграждение полностью, и так как труд поверенного от начала процесса до решения Суда не расценен по частям, то, по мнению Совета, поверенный вправе получить то вознаграждение, которое причиталось бы ему, если бы дело в Суде дошло до решения. Вывод этот находится в полном соответствии с параграфом 10 таксы вознаграждения присяжных поверенных, по каковой статье, в случае окончания дела миром, вознаграждение уплачивается, как за оконченное дело в той инстанции, в которой мировая сделка застала дело. (Харьк. 07/08-203).

[894] Если поверенный производил все судебные и другие расходы из собственных средств, то при отсутствии письменного договора о вознаграждении за ходатайство он вправе получить судебные и за ведение дела издержки в том количестве, в каком они присуждены с противной стороны; посему удержание судебных и за ведение дела издержек, полученных присяжным поверенным с противной стороны, не может быть рассматриваемо как нарушение доверия и прав доверителя. (Мск. 90/91-95).

[895] Присяжный поверенный неправ, утверждая, что оценка его труда может быть произведена только им самим, а никак не доверителем. Вознаграждение определяется двусторонним соглашением, и одна сторона не может иметь больше прав, чем другая, при этом соглашении. Сумма вознаграждения, по закону, должна определяться письменным договором или таксою. Когда же нет договора, такса неприменима, и взаимного согласия сторон к установлению размера вознаграждения не последовало, то остается лишь гражданский суд для разрешения спорного вопроса. Самовольное же удержание необусловленного вознаграждения представляется действием неправильным. (С.-Пб. 09/10-372).

[896] Неопределенность недопустима при заключении с доверителем договора о гонораре. Из этого договора должно быть совершенно ясно, в каком размере вознаграждается труд адвоката, и сколько предназначено на расходы. Всякая неясность может давать повод думать, что она допущена умышленно, с целью скрыть от доверителя истинный размер как гонорара, так и расходов. Во всяком случае, такая неясность дает повод к спорам и пререканиям, нежелательным в денежных отношениях между адвокатом и доверителем.

Адвокат может обусловить, что он ни в каком случае не обязан вернуть полученную часть вознаграждения. Если адвокат получает деньги на расходы, он получает их не для себя; он должен их тратить только на расходы по делу доверителя. Если часть этой суммы остается в его пользу, она идет не на расходы, а на вознаграждение адвокату. Но в договоре это прямо должно быть выражено. Если же адвокат пишет, что известная сумма дается на расходы бесповоротно, то невольно напрашивается вывод, что он или хотел скрыть от доверителя, что часть этих денег на самом деле – его гонорар, или же хотел таким способом уклониться от необходимости указать доверителю какие-нибудь расходы, которые он хочет сохранить втайне. И то и другое недопустимо. (Мск. 05/06-198).

[897] При отсутствии письменного условия о гонораре и при руководстве в определении размера его таксою нет решительно никакого основания применять постановления означенной таксы исключительно к ведению присяжными поверенными прямых исков и отказывать в применении их к ведению исков встречных. Не говоря уже о том, что правил, обязывающих присяжных поверенных вести бесплатно встречные иски, не содержится ни в таксе, ни в других узаконениях, нормирующих адвокатскую деятельность, нельзя не придти к отрицательному решению по данному вопросу и по общим правовым соображениям, не допускающим бесплатного пользования чужим трудом, и по тем данным, которые даются практикой, опытом, а свидетельствуют о том, что судебная борьба сторон или их представителей по встречным искам бывает не менее трудной и сложной, чем таковая по искам прямым, и что удачный исход такой борьбы обогащает тяжущегося, помимо результата самого процесса по существу, и присужденными в его пользу с противной стороны судебными и за ведение дела издержками. (Мск. 02/ 03-20, ч.2).

[898] При отсутствии письменного условия, поверенный может требовать и искать со своего доверителя вознаграждение в размере, не превышающем определенного в таксе. Но из смысла 2 п. 396 ст. Учр. никак не следует, чтобы поверенные не могли вступать в словесные соглашения с доверителями, и чтобы вознаграждение, определенное таким словесным соглашением, не могло превышать того, какое определено таксою. Отсюда несомненно, что 2 п. 396 ст. Учр. Суд. Уст. не может предписывать отобрание от поверенного всей той части его вознаграждения, которая получена им сверх таксы, в силу словесного договора с доверителем (1528 и 1530 ст. зак. гр.). (Харьк. 86/87-117).

[899] Если письменного договора о вознаграждении между сторонами заключено не было, то, по 6 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст., на обязанности Совета, при споре о размере вознаграждения, лежит определить размер такового по таксе. На основании Высочайше утвержденной таксы вознаграждения присяжных поверенных (прил. к ст. 396 Учр. Суд. Уст.) вознаграждение это поставлено в зависимость от цены иска и суммы, присужденной судом. Действительно поступившая сумма на удовлетворение присужденного взыскания не может иметь влияния на причитающееся присяжному поверенному по таксе вознаграждение, и вознаграждение это должно быть определено как с основного иска, так и со встречного; то обстоятельство, что в счет присужденного взыскания, впоследствии по состоявшейся миролюбивой сделке, против которой жалобщик не возражал, получено было менее, чем присуждено Судом, не может иметь влияния на размер его вознаграждения. (Мск. 899/900-20, ч. 2).

[900] Хотя никакого письменного условия между сторонами заключено не было, тем не менее, принимая во внимание, что иск был предъявлен, и хотя в иске этом было отказано, присяжный поверенный имеет право получить свое вознаграждение и в случае проигрыша дела, довольствуясь только 1/4 частью того вознаграждения, которое причиталось бы ему в случае выигрыша дела (п. 12 таксы). (Мск. 03/04-74, ч. 2; 01/02-20, ч. 3; С.-Пб. 88/89-53).

[901] Когда обусловливается вознаграждение «за ведение дела», то, очевидно, предполагается ведение дела в судебных учреждениях и притом в исковом порядке. Если же дело не дошло до судебного процесса, то ни вознаграждение по таксе, ни вознаграждение, условленное «за ведение дела», не может быть приурочиваемо, а следовательно и взыскиваемо за подготовительное к процессу действие. На этот случай может быть выговорено особое вознаграждение и притом соответствующее действительному труду и затратам. (Сарат. 05/06-148; Харьк. 90/91-128; Мск. 77/78-29).

[902] Неявленное нигде обязательство, подписанное за неграмотную жалобщицу другим лицом, не может служить законным доказательством права на удержание всего определенного этим условием вознаграждения, и потому расчет, за отсутствием облеченного в законную письменную форму условия, должен быть совершен по таксе. (С.-Пб. 90/91-72).

[903] Удержание вознаграждения в количестве большем, чем условлено, составляет поступок, несовместный с достоинством звания присяжного поверенного. (Мск. 85/86-100).

[904] Условие об удержании себе присяжным поверенным в вознаграждение процентов, присужденных доверителю, нежелательно, ввиду могущих быть нареканий и указаний на то, что ради увеличения своего вознаграждения поверенный нарочно затягивает дело. (Каз. 08/09-33).

[905] Десятилетняя сложность периодических платежей применяется лишь к оценке иска для исчисления пошлины судебных издержек и определения подсудности, и не может быть применяема к процентному исчислению гонорара, пока противное в договоре не изложено. (Одес. 910-54).

[906] В действующей таксе вознаграждение выражено буквально, что «присяжный поверенный получает вознаграждение соразмерно цене иска». (Мск. 98/99-203).

[907] Если цена иска была определена самою истицею в 2400 руб., а признана окончательным судебным решением в 1800 руб., то определение следуемого помощнику присяжного поверенного вознаграждения должно быть произведено по соразмерности с этими суммами; посему указание жалобщицы на то, что ей присуждены лишь повременные платежи, а не капитальная сумма, составляющая цену ее иска, представляется лишенным законных оснований. Применяя же таксу, Совет находит, что претензия помощника присяжного поверенного, определявшего свое вознаграждение в 180 руб., даже несколько уменьшена против того, что ему следовало бы по таксе: Суд. Палата признала иск в сумме 1800 руб., отказав в остальной его части, т.е. в сумме 600 руб.; за ведение дела в двух инстанциях помощнику присяжного поверенного следовало: с присужденных 1800 руб. – 180 руб. и с отвергнутых 600 руб. – 15 руб. (пп. 1 и 13 таксы), а всего 195 руб. Удержав следуемые деньги, помощник присяжного поверенного лишь воспользовался тем правом, какое принадлежало ему по закону. Устраняя по сему всякую дисциплинарную ответственность, Совет не может, однако, не указать, что по самому существу тех обязанностей, которые лежат на присяжных поверенных, ответственность их далеко не предопределяется одною только формой. Бывают такие права, пользоваться кото-

рыми предосудительно, и человек формально правый может глубоко возмущать общественную совесть. Совет строго покарал одного присяжного поверенного только за то, что ссылкою на давность он отводил от себя ответственность по такому долгу, святость которого должна стоять все всяких вопросов для каждого порядочного человека. Рассмотрев действия помощника присяжного поверенного с этой точки зрения, Совет должен признать, что, при данном положении жалобщицы, произведенный им поворот всех взысканных в ее пользу денег в счет собственного вознаграждения нарушал самую обыкновенную житейскую справедли-вость; в горьких словах жалобщицы, что адвокат ее вел и выиграл дело только для себя самого, должен слышаться ему крайне обидный, но и вполне заслуженный упрек. Бедность имеет свои права, которые признаются за ней самим законом. Самый иск о содержании, при тех более чем скромных его размерах, уже достаточно ярко свидетельствовал о степени ее нужды. Совет неоднократно высказывал, что, принимая на себя такие дела лиц неимущих, как иски об алиментах, о вознаграждении за смерть и увечье и т.п., присяжные поверенные и их помощники в своих отношениях к этой категории доверителей должны соблюдать особую осторожность, тем более в вопросах о гонораре, чтобы не подать поводов к нареканиям, могущим повредить чести и доброму имени сословия. Эта именно идея лежала, между прочим, в основе того циркуляра о максимальном вознаграждении по делам увечных, который Совет разослал присяжным поверенным своего округа. (Мск. 98/99-204).

[908] Всякое поручение, принимаемое присяжным поверенным по соглашению с доверителем, должно быть оплачено вознаграждением, если не доказано противное, поручение об укреплении имения, относящееся до производства частного, не может быть определено временною таксою (прилож. VI к ст. 396 примеч. Учр. Суд. Устан.); к делам подобного рода более подходит определение размера вознаграждения 4 ст. таксы. (Мск. 87/88-52).

[909] По ст. 397 учр. С.У., те присяжные поверенные, которые ведут дела лиц, пользующихся правом бедности, по назначению от Совета, имеют право взыскивать за ведение дела в свою пользу. (Мск. 98/99-205, ч. 2).

[910] Право на удержание взысканных с противной стороны судебных издержек принадлежит, как единственное вознаграждение

за труд, поверенному даже такого лица, за которым право бедности признано судебным постановлением. (Харьк. 10/11-235).

[911] Нет ничего предосудительного в заключении условия о вознаграждении в зависимости от исхода дела, так как такой порядок вознаграждения соответствует интересам верителей и установлен отчасти и таксою вознаграждения присяжных поверенных; размер вознаграждения не может подлежать критике Совета, если он составляет результат свободного соглашения сторон, при котором естественно должны были быть приняты в соображение и индивидуальные качества присяжного поверенного и особенности порученного ему дела. (С.-Пб. 90/91-137).

[912] Присяжный поверенный не должен заключать таких договоров о своем вознаграждении за ведение дела, в которых самый размер вознаграждения оставался бы неопределенным с точностью и ставился бы в зависимость от таких обстоятельств, которые не имеют никакого отношения к труду поверенного по ведению дела. Определять свое вознаграждение в зависимости от времени продолжения судебного процесса тем более неудобно, что самая продолжительность ведения дела может быть в некоторой степени поставлена в зависимость от воли и желания поверенного. (Харьк. 06/07-144).

[913] Совет не признал правильным заключение условий, которые судьбу дела и вознаграждения ставят юридически в полную зависимость от благоустроения поверенного, и притом в форме печатного бланка, при чтении которого внимание читающего не останавливается на отдельных выражениях, имеющих тем не менее, весьма существенное значение. (С.-Пб. 82/83-78).

[914] Присяжный поверенный, виновный в пропуске апелляционного срока, не имеет права на получение какого-либо вознаграждения, а потому обязан возвратить немедленно полученный гонорар. (Мск. 899/900-40, ч. 2).

[915] Помощник присяжного поверенного, не имея сведений о ценности наследственной массы, выговорил себе крайне высокое вознаграждение в сумме 35%, причем «стоимость имущества, сказано в условии «определяется самим помощником присяжного поверенного», далее говорится в условии: «вознаграждение уплачивается, в чем бы ни выражалось участие его в деле». Поверенный полу-

чает плату не за то, что он поверенный, а за труд свой, и гонорар должен быть пропорционален ему. И размер гонорара, и определение стоимости имущества самим присяжным поверенным, и установление обязанности уплатить гонорар полностью, вне зависимости от степени участия его в процессе, представляются Совету недопустимыми. (Мск. 05/06-191).

[916] Присяжный поверенный может и при существовании уже договора о вознаграждении вступить в новый договор о дополнительном вознаграждении, хотя бы и во время, близкое к окончанию порученного ему дела. Такое дополнительное условие о предоставлении присяжному поверенному добавочного вознаграждения, сверх прежде условленного, само по себе ничего предосудительного для достоинства звания присяжного поверенного не представляет и может быть нередко вызвано обоюдным сознанием доверителя и поверенного необходимости увеличить условленное вознаграждение в интересе справедливости уже после того, как при ведении дела окажется, что прежде условленное вознаграждение не соответствовало предположениям сторон. (Мск. 83/84-26).

[917] Если доверитель по незнанию преувеличивал опасность, грозившую ему, а под влиянием этого взгляда готов был заплатить по обязательству, выданному в предположении серьезного гражданского спора, то помощник присяжного поверенного, понимавший значение происходившего, не должен был ни заключать договора, не выяснивши положения дела, ни, тем более, получать вознаграждение, явно несоответствующее размерам его труда. (Мск. 07/08-296, ч. 3).

[918] Заключение договоров о вознаграждении с условием ведения дела на всех своих расходах при неимении на это средств, в надежде на то, что их можно будет приобрести путем займа, составляет такое легкомысленное отношение к своим обязанностям, которое должно быть поставлено в вину присяжному поверенному. (Мск. 94/95-17, ч. 1).

[919] Отношения доброго знакомства не дают еще права пользоваться безвозмездно профессиональными знаниями присяжных поверенных. (Мск. 08/09-132).

[920] Сообщение доверителю неверных сведений, для того, чтобы достигнуть получение следовавшего ему гонорара, представ-

ляется поступком неприличным. (С.-Пб. 90/91-151; Мск. 02/03-2, ч. 2).

[921] Совет не отрицает за поверенным права защищать свои интересы при стремлении доверителя уклоняться от платежа гонорара, но он не может допустить, чтобы присяжный поверенный, пользуясь доверенностью, совершал от имени своего доверителя такие действия, целью которых является обеспечение своих личных интересов, а не интересов доверителя. (Мск. 07/08-405, ч. 3).

[922] Совет, признавая, что по условиям мирового соглашения, присяжный поверенный принял на себя обязанность выйти из состава конкурса и вообще прекратить всякую борьбы с Правлением Общества, находит, что присяжный поверенный может получить вознаграждение за свой труд, но вводить в условие соглашения отказ от борьбы и выход из конкурса не отвечает достоинству носимого им звания. (Мск. 03/04-361, ч. 2).

[923] Присяжный поверенный, не будучи обязанным возвращать из полученного им гонорара ни одной копейки, сам пообещал доверителю возвратить определенную сумму. Совет находит, что обещание присяжного поверенного – закон для него. Так должно быть, и в этом должны быть уверены все, кому приходится обращаться к членам присяжной адвокатуры или соприкасаться с ними. Если обещание не исполнено, все объяснения излишни и бесплодны, оправдание невозможно. (Мск. 06/07-111, ч. 2; 07/08-238, ч. 3).

[924] Помощник присяжного поверенного представил в Сенат документ, выданный ему доверителем; в тексте этого документа о гонораре и притом в самой существенной его части – в сумме обязательства, принятого на себя доверителем, оказались слова или цифры, затертые и затем закрашенные цветными чернилами; теми же чернилами на том же месте проставлено: «5%», что вслед за подписью доверителя и оговорено самим присяжным поверенным. Прежде всего, присяжный поверенный должен знать, что всякие исправления и оговорки в обязательстве могут быть делаемы только тем лицом, которое выдает это обязательство, а не тем, которое его принимает. Если вопреки этому правилу исправление в обязательстве сделал сам помощник присяжного поверенного, и притом сделал так, что разобрать первоначальный текст не представляется никакой возможности, то этим самым он дал повод предполагать, что в документе было нечто такое, что делало его неудобным. Такое обра-

щение с документом обнаруживает прием, совершенно не совместный с достоинством того звания, к которому приготовляет себя помощник присяжного поверенного. (Мск. 900/901-178, ч. 2).

[925] Присяжный поверенный, получив 50 р. за выход в заседание, сопряженный с поездкою в другой город, исполнил свою обязанность, а затем уже от доверителя зависело войти в новое соглашение с присяжным поверенным. (Мск. 92/93-7, ч. 2).

[926] Совершенно невозможно допустить, чтобы труд присяжного поверенного по ведению дела оплачивался по системе вознаграждения за каждый выход его в суд, такое же условие, по которому доверитель обязывался оплачивать еще и каждое посещение квартиры судебного пристава, представляется прямо невероятным; подобных условий с доверителями присяжные поверенные никогда не заключают и заключать не могут, если они дорожат достоинством носимого ими звания; люди практического опыта хорошо понимают, что при исполнительном производстве адвокат может посещать судебного пристава произвольное число раз – и для подачи разного рода заявлений и просто для справок по делу; условие, по которому доверитель обязывался бы оплачивать каждое подобное посещение адвокатом квартиры судебного пристава, открывало бы широкое поле для самых оскорбительных предположений и всяких инсинуаций по адресу адвоката; очевидно, что ставить себя в такое положение присяжные поверенные не могут. (Мск. 02/03-107, ч. 1).

[927] Не может быть не поставлено в вину присяжному поверенному включение в сумму своего вознаграждения за ведение дела еще вознаграждения третьему лицу и суммы наследственных пошлин. Если это лицо оказало какую-либо помощь доверителю по делу о наследстве, и он считал себя обязанным вознаградить его, то мог выдать ему обязательство от себя. Включая вознаграждение его в свое вознаграждение, присяжный поверенный давал основание к упрекам в чрезмерности своего вознаграждения. Никакими соображениями не оправдывается и принятие на свой счет уплаты наследственной пошлины. Этим он не оказывал своему доверителю никакой помощи, так как при неимении денег на уплату пошлины можно было исходатайствовать отсрочки платежа, а не увеличивать свой гонорар суммою пошлины. Заслуживает порицания и получение векселей с доверителя при расчетах. Присяжному поверенному следовало, чтобы не стеснять своего доверителя, отсрочить уплату ча-

сти гонорара, а не ссужать его этою суммою под векселя сроком по предъявлении. (Мск. 03/ 04-274, ч. 2).

[928] Присяжный поверенный получил дело в числе других 15-ти дел; все эти дела он передал другим поверенным на условиях получения им половины гонорара в свою пользу; Совет не может одобрить ни того, что присяжный поверенный имел доверенность и состоял, таким образом, формальным и вместе с тем безответственным за судьбу дела поверенным, ни того, что он, получая доверенности, передавал дела другим своим товарищам с условием уплаты ему половины гонорара, так как положение поверенного, лично не участвующего, в ведение дела и не совершающего никаких судебных действий, а только являющегося посредником по передаче дел и по сношениям с доверителями, как бы многосложны таковые ни были, имеет в себе некоторые признаки обязанностей, не имеющих ничего общего с теми обязанностями, которые обыкновенны с представлением об обязанностях присяжного поверенного. (Мск. 07/08-5, ч. 3).

[929] Несомненно, присяжному поверенному, ввиду предъявления иска в другом округе, в интересах своего же доверителя, нужно было обратиться за помощью к товарищу из того округа, где предстояло вести дело. Но в таком случае им следовало или обоим удовольствоваться одним общим вознаграждением, выговоренным в свою пользу присяжным поверенным в 10%, либо отказаться от дела. Возможен был и третий исход: пригласить другое лицо за особое вознаграждение; но это возможно было сделать не иначе, как с письменного согласия своего доверителя. (Мск. 07/08-52, ч. 3).

[930] Если у присяжного поверенного нет доказательства того, что он имел право приглашать себе платных сотрудников за счет доверителя, то расходы по сему предмету представляются несправедливым возлагать на доверителя. (С.-Пб. 09/10-481).

[931] Взятие с доверителя заемного обязательства вместо обычного условия о вознаграждении не может быть допускаемо. Право адвоката на вознаграждение обусловливается выполнением им всех принятых на себя перед доверителем обязательств, а в известных случаях он может быть присужден даже к возвращению уже полученного им гонорара. Взятие с доверителя вместо условия о вознаграждении заемного обязательства, принудить своего доверителя к платежу денег, хотя бы сам он и не исполнил своих обя-

занностей, а доверителя ставит в совершенно беззащитное по отношению к поверенному положение. (Мск. 87/88-161; С.-Пб. 97/98-151).

[932] Взятием векселя вместо условия присяжных поверенных допущена фикция, и притом фикция в такой форме, которая особенно опасна для доверителей, ибо может поставить последнего в совершенно беззащитное положение, так как вексель является таким долговым документом, который может свободно переходить из руки в руки и против которого, особенно в руках третьих лиц, невозможны возражения о безденежности. (Мск. 08/09-47, п. 4; 08/09-187, ч. 3).

[933] Чрезвычайно нежелательна, и с профессиональной точки зрения не может быть никоим образом одобрена, ликвидация отношений поверенного к доверителю в форме выдачи доверителю взамен следуемых ему денег долговых обязательств. (Мск. 09/10-310, ч. 3)

[934] Странным является требование присяжным поверенным вознаграждения за доставление места по благотворительному учреждению и в монархических организациях, так как такого рода деятельность за плату, характера чисто комиссионного, не только не соответствует достоинству присяжного поверенного, но и вообще недопустима, ибо она мотивируется не стремлением содействовать подысканию занятий, а именно наживою от успеха рекомендации, причем достоинства рекомендуемого могут отступать и часто отступают на второй план. (Мск. 08/09-298, ч. 3).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ

[935] Присяжному поверенному не следует прибегать к средствами для гарантии своего вознаграждения как потому, что вообще всякая гарантия вносит на первых же порах отношений доверителя к поверенному характер недоверия, почему не может быть поощрена, так и в частности, когда гарантия влечет за собою взыскание с доверителей суммы, во много раз большей, сравнительно с тою, которая гарантируется. (Мск. 899/900-44, ч. 2).

[936] Совет считает прямым требованием своего долга войти в рассмотрение по существу вопроса о том, может ли присяжный по-

веренный, заключая с доверителем письменное условие о размере своего гонорара, обязывать его неустойкой в случае неуплаты им гонорара в срок. Самая возможность постановки этого вопроса свидетельствует о чрезвычайной необычайности такого явления, как неустойка, поражающая доверителя при оказавшейся его неисправности в платеже следуемого присяжному поверенному вознаграждения. Необычайность же явления, в свою очередь, указывает на несоответствие его тем моральным воззрениям, коих, в виде общего правила, всегда придерживались присяжные поверенные в сфере их практической деятельности. Очевидно, неустойка, карающая доверителя за его неисправность в денежных с адвокатом отношениях, ни в современных правах сословия, ни в преданиях его прошлого не находит ни малейшей опоры, почему и встречается, как необыкновенно редкое по своей исключительности явление. Самый факт такой неустойки, с точки зрения корпоративной этики, представляется чем-то анормальным, шокирующим нравственное чувство членов корпорации. (Новочерк. 04/05-52).

[937] Хотя во всяком условии с доверителем может быть предусматриваем случай вознаграждения поверенного при окончании дела миром без его участия, но назначение на этот случай громадной неустойки без точного обозначения, поглощается ли право поверенного на получение гонорара уплатою неустойки, представляется неприличным. Неприлично также воспрещение под страхом неустойки всякого вмешательства доверителя в ведение дела, без малейшего определения характера этого вмешательства и его последствий. (С.-Пб. 86/87-100; 85/86-81; Мск. 900/901-191, ч. 2).

[938] Совет находит недопустимым введение в гонорарный договор неустойки. Идея неустойки противоречит самой сущности отношений, как они должны сложиться между поверенным и его доверителями. Доверие – есть цемент, связывающий адвоката и его доверителя; неустойка же создается, наоборот, мыслью о недоверии, предположением, что договор исполнен не будет. (Мск. 05/06-233; 08/09-269, ч. 3; С.-Пб. 97/98-143).

[939] Совет не может признать правильным обязание увечных неустойкою на случай передачи дела другому поверенному, так как при прекращении доверенности без всяких законных поводов присяжный поверенный может отыскивать причитающееся ему вознаграждение в силу закона, независимо от договорных отношений. (Мск. 02/03-124, ч. 2)

[940] Способ обеспечения своего вознаграждения получением от доверителя векселя представляется неправильным, так как установленные таким путем отношения поверенного к доверителю не могут не вызывать со стороны последнего недоразумений и нареканий, нежелательных в интересах сословия. (Мск. 94/95-12, ч. 3).

[941] Не согласуется с тем характером, который присяжный поверенный должен придавать своим отношениям к доверителю, обеспечение себя договором, в котором доверитель лишает себя права передавать дело другому лицу, прекращать дело миром без согласия присяжного поверенного, а также как бы то ни было мешать ему начать, вести и окончить порученное дело, в противном случае обязуется уплатить условленное вознаграждение как за окончательно выигранное дело с той суммы, какую присяжный поверенный будет требовать. (Мск. 87/88-59; 09/10-176).

[942] Принимая во внимание, что присяжный поверенный не мог не понимать, что уничтожение доверенности, выданной поверенному доверителем, или же окончание им дела миром, хотя бы против желания поверенного, ничего общего с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 173, 174 и 181 Уст. о нак. нал. мир. суд. , не имеют; что посему помещение в договор приведенных выражений об уголовной ответственности, со ссылкою на статьи закона, было, без сомнения, сделано в расчете на то, что доверители, как люди мало развитые, опасаясь предполагаемой личной ответственности, ни в каком случае не решатся разойтись с присяжным поверенным, что употребление подобных «усиленных» приемов для удержания за собою дела представляется несовместным с достоинством присяжного поверенного, Совет нашел, что присяжный поверенный, прибегающий к подобным приемам, не может быть терпим в сословии. (Мск. 95/96-53, ч. 2).

АВАНС ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ

[943] Если в условии о гонораре не говорится, чтобы аванс при окончательном расчете не подлежал зачету в общую сумму гонорара, то он должен подлежать зачету. Понятие «аванс» вполне установившееся: это – та часть гонорара, которая дается адвокату вперед, до окончания им дела, обыкновенно одновременно с поручением ему дела. Считаясь с этим представлением об авансе, по-

мощник присяжного поверенного не должен был удерживать лишних денег, не засчитывая аванса. (С.-Пб. 09/10-383).

[944] В случае понесенного поверенным труда и расходов и ввиду неокончания дела не по его вине, а вследствие отобрания от него доверенности, деньги, данные ему в вознаграждение за его труд, не подлежат возвращению, хотя бы поверенным было только заготовлено прошение. (Харьк. 06/07-171).

[945] Совет находит, что нет оснований понуждать поверенного к возвращению уплаченного вперед гонорара, если он не мог довести дела до конца по вине самого доверителя, не пожелавшего обжаловать решение Суда. (Мск. 08/09-136; Одес. 907-108).

[946] Вознаграждение, уплаченное вперед без всякой оговорки за труды присяжного поверенного, при помощи которого жалобщик надеялся достигнуть благополучного исхода дела, не подлежат при проигрыше дела возвращению. (С.-Пб. 97/98-95; Мск. 90/91-45).

[947] Присяжный поверенный не обязан возвращать гонорара по делу, им окончательно выигранному и проигранному впоследствии его доверителем, вследствие вновь открывшихся обстоятельств. (С.-Пб. 96/97-98).

[948] Справедливость требует, чтобы гонорар, полученный поверенным от доверителя в виде аванса за ведение дела, был возвращен ему обратно, если фактического ведения дела в действительности не было, так как гонорар назначается поверенному за труд, затраченный на ведение дела, а не за бездействие, по чьей бы вине последнее ни случилось. (Иркут. 07/08-122; Мск. 90/91-157).

[949] Присяжный поверенный, получив вознаграждение за условленный по соглашению с доверителями труд, обязан или выполнить этот труд или возвратить вознаграждение. Присяжный поверенный, ограничивая свой труд составлением от имени доверителей прошения, должен доказать, что именно им сделано в интересах своих доверителей. (Иркут. 07/08-104; Мск. 05/06-64).

[950] Совет считает недопустимым для присяжного поверенного удерживать верительские деньги в зачет таких претензий его к своему верителю, которые не могут быть в каждый данный момент с полною бесспорностью установлены. В настоящем случае претензия

присяжного поверенного на вознаграждение не основывалась ни на таксе, ни на письменном договоре, а потому далеко не носила бесспорного характера. (С.-Пб. 09/10-552).

ЧРЕЗМЕРНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

[951] По мнению Совета, неправилен размер условленного присяжным поверенным с жалобщиками вознаграждения 33 1/3% за ведение дела в охранительном порядке об утверждении в правах наследства и его форма – 1/3 доля всего наследственного имущества. Пользуясь принадлежащим по закону правом по собственному усмотрению оценивать свой труд, присяжные поверенные не должны забывать, что достоинство носимого ими звания и общие интересы всего сословия требуют от них при этом большой осмотрительности и соответствия назначаемого вознаграждения количеству и качеству предстоящего им труда, с одной стороны, а с другой – соответствие уплачиваемого доверителем вознаграждения достигнутому им, благодаря помощи адвоката, результату. Если такая осмотрительность, обязательная, по мнению Совета, во всех случаях установления условий о гонораре, предупреждает вполне нежелательные в общих интересах сословия нарекания в своекорыстии, то в делах с малообразованными, порой безграмотными доверителями она предупреждает самую возможность появления таких тяжких для присяжного поверенного обвинений, как «вовлечение в невыгодную сделку». (Мск. 01/02-95, ч. 2; 95/96-61, ч. 2; 899/900-102, ч. 2; Харьк. 08/09-312).

[952] Пользуясь предоставленной законом свободой установления в договорах со своими доверителями размера вознаграждения их труда, присяжные поверенные не могут и не должны допускать злоупотреблений таковой: назначение гонорара в размере, не соответствующем ни количеству и качеству предстоящего по делу профессионального труда, ни свойству и характеру дела – иск алиментов в пользу оставленной сожительницы и малолетних детей ее – не может не ронять достоинства, довлеющего члену присяжной адвокатуры, и не вызывать совершенно справедливых нареканий в обществе, устранять и предупреждать которые составляет прямую обязанность членов сословия, дорожащих его честью и добрым именем и правильно понимающих характер его служения делу правосудия. (Мск. 07/08-408, ч.3).

[953] Совет нашел, что исключительно высокий (для охранительного дела) гонорар (25%), полученный от жалобщицы присяжным поверенным, находит объяснение и оправдание в исключительном характере самого дела о наследстве, которое получило свое разрешение на основании местного наследственного обычая, разыскание и удостоверение которого, а равно и собирание документом, устанавливающих родственные связи наследников с умершей, требовало большой, сложной и продолжительной работы, неоднократных поездок и весьма значительной затраты делового времени. Но Совет не может признать правильным и согласным с содержанием договора, не вполне ясно формулированного, произведенное присяжным поверенным удержание условленного гонорара с суммы входящих в состав наследства долговых обязательств, не только еще не реализованных, но и невыясненных в отношении их благонадежности. (Мск. 07/08-104, ч. 3).

[954] Совет признал виновным помощника присяжного поверенного в том, что он совершал договор, неопределенность указаний которого дает основание и право утверждать, что эта неясность была намеренной, имеющей целью временно скрывать от доверителя имя наследодателя; договор этот, кроме того, заключает условие об уплате гонорара в размере половины всего наследственного имущества, а установление гонорара в таком необычно большом размере не может не вызвать со стороны Совета порицания. (Мск. 07/08-259, ч. 3).

[955] Совет нашел, что отказ присяжного поверенного от дальнейшего ведения дела по передоверию от частного поверенного не только не может быть поставлен ему в вину, но, получив сведения, что это лицо приняло ведение дела за вознаграждение в 50%, присяжный поверенный должен был отказаться от ведения дела по его передоверию. (Мск. 97/98-142).

[956] Совет не признал вознаграждения преувеличенным, так как высота вознаграждения обусловливалась тем, что присяжный поверенный принимал на себя все издержки по делу и расходы на поездки; дело же при самом начале представлялось спорным, требующим труда и расходов, и соглашение о вознаграждении было результатом добровольного соглашения. (Мск. 90/91-123; 08/09-62, ч. 3).

[957] Размер вознаграждения в 20% с полученного рубля, определенный в письменном обязательстве жалобщика и, по условиям ведения дела вне постоянного места жительства адвоката, на его расходах, при цене иска в 1000 руб., нельзя признать чрезмерным. (Мск. 01/02-98, ч. 2).

[958] Помощник присяжного поверенного, назначая гонорар за ведение дела, порученного ему, не мог предвидеть тех осложнений, которые впоследствии повели к необходимости вести это дело в исковом порядке, а потому некоторое увеличение вознаграждения вполне оправдывается означенным осложнением при ведении дела. (Мск. 02/03-316, ч. 2).

[959] Усиленные расходы, вызванные спешностью, дают лишь право на возмещение таковых, а не на увеличение вознаграждения. Если присяжный поверенный нашел возможным оказать денежную помощь своему доверителю, то получение денежного вознаграждения за эту помощь совершенно не отвечает тем отношениям, кои должны существовать между поверенным и доверителем. (Мск. 95/96-128, ч. 2).

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРИ ВЕДЕНИИ ДЕЛ ОБ УВЕЧЬЯХ

[960] Московский Совет 6 ноября 1908 г. заслушал доклад о вознаграждении присяжных поверенных и помощников за ходатайство по делам о возмещении за смерть и увечье (ст. 683 X т. Зак. Гр.). Находя, что присяжные поверенные и помощники в своих отношениях к этой категории доверителей должны соблюдать особую осторожность, чтобы не подать поводов к нареканиям, могущим повредить чести и доброму имени сословия. Совет постановил: «объявить циркулярно по округу, что в делах о возмещении за смерть и увечье по ст. 683 т. X ч. 1 при заключении условия о вознаграждении следует гонорар исчислять не свыше 10% с присужденной суммы». (Мск. 97/98-14).

[961] Московский Совет запретил отправление обязанностей поверенного за то, что присяжный поверенный в нарушение постановления Совета от 6 ноября 1908 г., коим вознаграждение поверенных за труд по делам потерпевших увечье лиц не может превышать 10% с присужденной Судом в их пользу суммы, установил по делам доверителей своих, отыскивающих вознаграждение за причиненное

им увечье, особый вид договора, которым вознаграждение его за труд определяется 10% с суммы заявленного иска, причем такое вознаграждение удерживается им в свою пользу, независимо от того, действительно ли был предъявлен им иск от потерпевшего в трудоспособности доверителя, или последний был вознагражден помимо Суда добровольным с ним соглашением. В некоторых случаях присяжный поверенный вовсе не предъявлял исков к железным дорогам, а ограничил свой труд соглашением с Управлениями дорог, от которых и получил следующие его доверителям деньги, удержав из них в свою пользу вознаграждение с цены заявленного иска, т.е. с указанной в заявлениях потерпевших суммы, так как ни исков, ни цены последних в действительности заявлено не было. Такой способ определения своего вознаграждения представляется, прежде всего, несправедливым, так как не соответствует вовсе количеству и качеству понесенного им по означенным делам труда. Затем, определяя вознаграждение с цены иска, для предъявления которого, по объяснению присяжного поверенного, зачастую нет достаточных оснований, он, тем самым, в явное нарушение своих профессиональных обязанностей, вводит доверителя своего в заблуждение относительно принадлежащего последнему права на вознаграждение за причиненное ему увечье. Независимо от сего, Совет не мог не обратить внимания на объяснение присяжного поверенного о принятом им способе возмещения издержек по делам доверителей, потерпевших увечье, каковые издержки покрываются по делам менее вознаграждаемых и не имеющих никаких средств за счет более состоятельных и получающих большее вознаграждение, путем увеличения своего вознаграждения за труд по делам последних. Такой расчет, очевидно, ведет к полному игнорированию интересов каждого доверителя в отдельности, допуская произвол в распоряжении средствами последнего. (Мск. 01/ 02-56, ч. 2).

[962] Присяжный поверенный в объяснении своем Совету признал, что, кроме условленных по договору десяти процентов вознаграждения, получил с увечного еще сверх этого известную сумму «в виде благодарности и в возмещение расходов». Такое получение излишних денег, вопреки постановлению Совета от 6 ноября 1898 г., не может быть оправдано ни тем, что доверитель был очень доволен исходом дела, ни тем, что эти деньги были уплачены добровольно, так как никакие настроения доверителя по поводу благополучного окончания дела не могут служить оправданием к получению чрезмерного вознаграждения, хотя бы и добровольно упла-

чиваемого доверителем в виде дара. (Мск. 02/ 03-64, ч. 2; Каз. 09/10-197).

[963] Циркулярное постановление Совета о максимальной 10% норме вознаграждения формально касается лишь железнодорожных увечных дел. Но присяжный поверенный должен сам сознавать, что вознаграждение в размере 25% по какому бы то ни было делу о вознаграждении за увечье или смерть, хотя бы оно распределялось и между несколькими поверенными, недопустимо. (Мск. 08/09-122, ч. 3; Харьк. 06/07-91).

[964] Получения гонорара в размере 15% по делу об увечье Совет не может одобрить, но и не может поставить этого присяжному поверенному в особую вину, ввиду совершения этого действия за пределами округа, где действие циркуляра лишено силы. (Мск. 05/06-118).

[965] В общем собрании присяжных поверенных С.-Пб. округа 9 февраля 1897 г. постановлено, чтобы присяжные поверенные при ведении дел о вознаграждении за смерть или увечье определяли свой гонорар не свыше установленного таксою вознаграждения присяжных поверенных размера. (С.-Пб. 96/97-30; 10/11-318).

[966] С.-Петербургский Совет постановил сообщить циркулярно всем присяжным поверенным и помощникам присяжных поверенных округа С.-Петербургской Судебной Палаты утвержденные Общим Собранием присяжных поверенных 23 апреля 1904 года правила.

Во исполнение сего Совет сообщил присяжным поверенным С.-Пб. округа и их помощникам нижеследующие правила:

1) Гонорар присяжным поверенным и их помощникам за ведение дел о вознаграждении за вред, понесенный вследствие увечья или смерти при эксплуатации железнодорожных и пароходных предприятий, а равно и предприятий, означенных в законе 2 июня 1903 г., определяется на основании таксы (прил. к прим. к ст. 396 Учр. Суд. Уст.) с тем, что он ни в каком случае не должен превышать 10% с суммы, присужденной доверителю или выговоренной в его пользу по мировому соглашению;

2) При получении доверителем вознаграждения в виде повременных платежей, означенный в п. 1 гонорар исчисляется по расчету 10-летней сложности повременных платежей и может быть удерживаем из первых, получаемых по судебному решению или миро-

вому соглашению, денег, с тем, однако, условием, чтобы в пользу поверенного удержано было не более ? всей полученной суммы. Засим из дальнейших, получаемых доверителем, платежей может быть удерживаема в пользу поверенного, до полного расчета гонорара, одна половина. В случае лишения доверителем поверенного возможности получать дальнейшие платежи, поверенному предоставляется взыскать сполна недоплаченный ему гонорар. (С.-Пб. 08/09-86).

[967] Выговаривая себе за ведение дел о взыскании вознаграждения за потерю здоровья или лишения жизни при эксплуатации железнодорожных и пароходных предприятий вознаграждение в размере 10% с присужденной или получаемой по мировому соглашению суммы, присяжный поверенный поступил неправильно. Такое условие находится в противоречии с правилами, установленными Общим Собранием 24 апреля 1904 г., в силу которых присяжные поверенные и их помощники вправе получать по означенным делам вознаграждение лишь по таксе, но не свыше 10% с взысканной или полученной по мировому соглашению суммы. Эта последняя оговорка устраняет указываемую в объяснении присяжным поверенным возможность получения на основании таксы вознаграждения в размере, превышающем 10%. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что во всех делах, в которых цена иска или присужденная сумма превышает 2000 руб. или в которых мировое соглашение или вошедшее в законную силу решение состоялись в первой инстанции, гонорар, исчисляемый из 10%, всегда будет выше, чем при расчете по таксе. (С.-Пб. 09/10-422).

[968] Присяжный поверенный выговорил себе, помимо 10% вознаграждения, еще вознаграждение за поездки. В заботах об обеспечении увечных от слишком больших потерь при оплате за труд по ведению дел, Общее Собрание присяжных поверенных установило максимальную норму вознаграждения за ведение дел, очевидно, включая в это вознаграждение и гонорар за участие в производстве отдельных судебных действий вне того города, в котором живет поверенный. Едва ли не большая часть исков за увечье требует допроса свидетелей или экспертизы, или получения документов в местах, отдаленных от места расположения Суда, в котором иск предъявлен. Если допустить право присяжных поверенных назначать за выезд произвольное вознаграждение, то оно легко послужит поводом к обходу означенного постановления Общего Собрания, ибо под видом такого вознаграждения будет скрыто взимание вообще возна-

граждения, значительно превышающего определенную норму. Не достигнет своей цели означенное постановление в таком случае еще и потому, что Общее Собрание определением нормы вознаграждения стремилось обеспечить получение увечными наивозможно большей части тех убытков, на которые они имеют право и которые предназначены для обеспечения им средств к существованию. Между тем, при требовании уплаты вознаграждения отдельно за ведение всего дела и отдельно, и притом в произвольном размере, за выезды по делу, подобное вознаграждение может поглотить значительную часть присужденной за увечье суммы вместо того, чтобы служить средством существования лишенного трудоспособности увечного. В громадном большинстве случаев интересы увечных и не требуют непременного участия в выездах тех поверенных, которые ведут дело в Суде, в котором предъявлен иск. Участие в таких действиях других судов по поручению Суда, в котором производится дело, может поручаться местным адвокатам за вознаграждение, которое должно быть включено в 10% общего вознаграждения по делу и вместе с ним не превышать установленной Общим Собранием нормы. Если же для пользы дела адвокат, ведущий дело, находит нужным лично выехать, он может сверх 10% общего вознаграждения удерживать только понесенные расходы по поездке. (С.-Пб. 10/11-523; 10/11-329).

[969] На точном основании правил о вознаграждении присяжных поверенных и их помощников по делам о вознаграждении за вред, понесенный вследствие смерти или увечья, утвержденных постановлением Общего Собрания присяжных поверенных 23 апреля 1904 г., вознаграждение по таковым делам не должно ни в каком случае превышать таксового вознаграждения, причем это последнее, в свою очередь, не должно превышать 10% суммы, присужденной истцу или выговоренной в его пользу по мировому соглашению. Буквальный текст этих правил не оставляет сомнения в том, что в делах о вознаграждении за смерть или увечье вознаграждение не может быть определяемо по взаимному соглашению с доверителем и не подлежит удержанию даже по таксе, если по размеру своему, на основании этой таксы оно будет выше 10% суммы, присужденной истцу или выговоренной в его пользу по мировому соглашению.

Правила эти, как установленные Общим Собранием присяжных поверенных, подлежат безусловному исполнению, ибо они исходят от надлежащего органа сословного управления и являются потому обязательными для всех присяжных поверенных и их помощников, как условие их принадлежности к сословию, ибо по су-

ществу своему они выражают собою взгляд сословия на обязанности присяжных поверенных и их помощников не как частных лиц, а именно как членов сословия присяжной адвокатуры; а потому упомянутые правила, доколе они не отменены в установленном порядке, подлежат исполнению, как выражение сословного взгляда на отношения поверенного и его доверителя в определенном круге дел. Такое значение правил 1904 г. исключает всякую возможность отступления от них для членов присяжной адвокатуры и влечет за собою недействительность всякого рода соглашений с доверителями, в какой бы то ни было мере или виде направленных к отступлению от них, почему, хотя бы доверитель и не возражал против взятого с него, вопреки этих правил, членом присяжной адвокатуры вознаграждения, тем не менее, самый факт получения такового сам по себе является нарушением профессиональной обязанности присяжного поверенного и его помощников.

Хотя в этих правилах нет положительно указания на то, имеет ли право член присяжной адвокатуры на требование вознаграждения за исполнительные действия или за ведение мировых переговоров, но отсутствие этого указания не дает основания к признанию права на таковое вознаграждение, так как установленный этими правилами порядок получения вознаграждения в случаях присуждения истцу повременных платежей показывает, что вознаграждение за ведение дела обнимает собою и вознаграждение за исполнение; иначе не было бы основания устанавливать предельную норму удержания определенного правилами 1904 г. вознаграждения из повременных платежей.

Применяя изложенные соображения к обстоятельствам настоящего дела, Совет нашел, что дело по иску рассматривалось только в 1-й инстанции и осталось необжалованным со стороны ответчика, почему на точном основании таксы присяжный поверенный имел право получить 2/3 от полного по таксе вознаграждения. (С.-Пб. 08/09-281).

[970] Чрезмерность получаемого вознаграждения по делам об увечье стала, к сожалению, обычным явлением. Вследствие взимания чрезмерных вознаграждений к увечным делам присосалась подпольная адвокатура, в качестве маклеров, доставляющих присяжным поверенным и их помощникам за вознаграждение увечные дела, и такое положение дел ложится тяжелым бременем на увечного или семью погибшего, так как львиная доля присужденных денег поступает в пользу поверенного и маклера. Чтобы пресечь эти печальные явления, унижающие сословие присяжных поверенных,

призванное служить правосудию и своими знаниями и опытом охранять интересы доверителей, Новочеркасский Совет присяжных устанавливает правила о вознаграждении за ведение дел увечных и считает нарушение этих правил или обход их серьезным нарушением обязанностей присяжного поверенного. По этим основаниям Совет положил установить следующие правила: 1) гонорар присяжных поверенных и их помощников за ведение дела о вознаграждении за вред, понесенный вследствие увечья или смерти при эксплуатации железнодорожных и пароходных предприятий, а равно трамваев и предприятий, означенных в законе 2 июня 1903 г., определяется на основании таксы (прил. к прим. к ст. 396 Учр. Суд. Уст.) с тем, что он ни в каком случае не должен превышать 10% с суммы, присужденной доверителю или выговоренной в его пользу по мировому соглашению. Такою суммою считается капитал, проценты и издержки за ведение дела. (Далее приводятся правила, тождественные с правилами С.-Пб. Совета, изложенными в отчете С.-Пб. Совета за 1908-1909 гг., стр. 86). (Новочерк. 07/08-45; 05/06-46).

[971] Совет нашел, что хотя закон, устанавливая таксу, нормирующую труд присяжных поверенных по ведению гражданских дел, и не возбраняет особые по сему предмету соглашения присяжных поверенных с их доверителями, но отсюда, конечно, не следует, что присяжный поверенный не может считать себя не связанным никакими этическими требованиями в деле определения гонорара за свой труд. Не говоря уже о том, что алчность и неразборчивость в средствах наживы не делает чести вообще кому бы то ни было, следует признать, что они в особенности не могут быть совместимы с званием присяжного поверенного по самой сущности лежащих на нем обязанностей. Адвокатура есть род общественного служения. Призвание адвоката состоит не в достижении личного материального благополучия, а в оказании юридической помощи нуждающимся, в защите их прав и интересов при посредстве Суда. В деле выполнения этой священной миссии адвокат по необходимости должен поступаться в известных случаях своими личными выгодами в интересах доверителей, ибо этого требует самое свойство адвокатуры, как общественной службы. В особенности эта обязанность лежит на присяжном поверенном в тех случаях, когда к помощи его прибегают люди бедные, заступиться за которых он обязан не только в силу носимого им звания, но и по простому чувству человеколюбия. На основании 41 ст. закона 2 июня 1903 г., не только присяжным поверенным, но и вообще возбраняется заключать условия о гонораре в размере, превышающем таксу, за ведение дел о вознаграждении за

несчастные случаи рабочих и служащих, а равно и членов их семей, в предприятиях фабрично-заводских, горной и горно-заводской промышленности. В тех же соображениях и Совет округа Казанской Судебной Палаты со своей стороны разъяснил и циркулярно уведомил присяжных поверенных Округа, что при ведении дел по закону 2 июня 1903 года они обязаны строго держаться нормы процентного вознаграждения, установленного законом, и преподал некоторым правила этики, желательные к соблюдению при ведении дел бедных (отчет Совета за 1906-1907 г., стр. 82-90). Таким образом, не подлежит сомнению, что за присяжным поверенным не может быть признано право, по крайней мере, в известных случаях, определять размер следуемого ему вознаграждения в зависимости лишь от своего личного усмотрения, не считаясь ни с требованиями этики, ни с сущностью тех специальных обязанностей и задач, к выполнению которых призвана адвокатура. (Каз. 10/11-197).

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПО ДЕЛАМ УГОЛОВНЫМ

[972] Совет нашел, что, вследствие установившихся в нашем обществе взглядов и по принятой практике, адвокатский гонорар нередко определяется не только потерею необходимого для защиты дел времени и трудом, но и большею или меньшею успешностью защиты, т.е. исходом дел; такое раздробление гонорара представляется естественным, ибо для доверителя важно не количество потраченного адвокатом времени и труда, а результат ходатайства или защиты. Посему Совет не усмотрел ничего предосудительного в заключении условия о получении добавочного гонорара в случае оправдания или понижения наказания. (С.-Пб. 82/83-65).

[973] Совет считает нужным остановиться на том обстоятельстве, что договором было определено добавочное и притом весьма крупное вознаграждение в зависимости от той меры наказания, которая постигнет подсудимого. Постановление размера вознаграждения в зависимости от меры наказания, по мнению Совета, следует признать нежелательным со стороны присяжных поверенных, ибо такой способ вознаграждения назначает защитнику как бы премию за случайные последствия уголовного дела – делает его самого лично заинтересованным в этих последствиях, нарушая характер общественного служения, присвоенный уголовной защите. Ввиду того обстоятельства, что, как известно Совету, такой способ определения вознаграждения встречается на практике присяжных поверенных,

принимающих на себя уголовные защиты, с другой же стороны, Совету еще не представлялось случая высказывать по этому предмету какого-либо руководящего воззрения, Совет постановил поэтому жалобу N оставить без последствия. (Мск. 88/89-26).

[974] Совет считает неправильным назначение вознаграждения за защиту в зависимости от оправдания подсудимого. Совет неоднократно указывал, что подобная постановка условия о гонораре за защиту является недопустимою со стороны присяжного поверенного. Не встречая препятствий к определению присяжными поверенными своего вознаграждения по гражданским делам в связи с копеечным результатом дела, как то установлено при отсутствии договора и самим законом (Прил. VII к ст. 396 Учр. Суд. Уст. прим. пункты 12 и 13), вследствие совпадения в этих делах материальных интересов поверенного и его доверителя, Совет находит невозможным оценивать с той же точки зрения и роль защитника в уголовном процессе. Являясь членом общества и служителем правосудия, присяжный поверенный не может быть непременно заинтересованным в оправдании всякого подзащитного и, конечно, не может заранее знать, сможет ли он при известных обстоятельствах, которые могут обнаружиться на Суде, не идя против своей совести, настаивать на оправдании подсудимого. По основному началу гражданского процесса, Суд не собирает доказательств, и поэтому постановка гражданского иска, представление тех или иных доказательств или возражений стоит в полной зависимости от опытности и знания сторон и их поверенных и тем самым влияет на исход дела, тогда как при разрешении уголовных дел, преследуемых в порядке публичного обвинения, принцип невмешательства Суда в собирание доказательств совершенно отсутствует, исход дела не может быть поставлен только в зависимость от действий сторон, поэтому и нельзя предвидеть заранее возможность, а равно и желательность оправдания подсудимого, а следовательно, нельзя принимать на себя и обязанность добиваться оправдания его во что бы то ни стало и ставить свое вознаграждение в связь с обстоятельством, от воли защитника не зависящим. Такой способ вознаграждения защитника, как это было уже разъяснено Советом, делает защитника лично заинтересованным в последствиях уголовного дела, а равным образом вселяет в подсудимом совершенно ложное представление о роли и обязанностях защитника в уголовном процессе. (Мск. 09/10-256, ч. 3; 93/94-104, ч. 2; 97/98-147).

[975] Должен ли быть возвращен поверенным гонорар, полученный по делу, если доверитель, без всякого повода со стороны поверенного, отказался от помощи последнего, причем поверенный уже приготовился к защите? По мнению Совета, поставленный вопрос разрешается отрицательно как с точки зрения закона, так и профессиональной этики. По закону (такса вознаграждения присяжным поверенным), который относится, правда, к гражданским делам, но в принципиальной части может быть применен по аналогии и к уголовным делам, – в случае прекращения доверителем полномочия, данного присяжному поверенному на ходатайство по делу, без достаточного к тому повода со стороны последнего, присяжный поверенный имеет право на получение вознаграждения сполна. С точки зрения адвокатской этики, присяжный поверенный также имеет право на это. Присяжный поверенный, приняв защиту, затратил время и труд на приготовление к ней. Он обдумал дело и совершил ту невидную, неподдающуюся учету подготовительную работу, которая часто решает все дело, и в сравнении с которой заседание в Суде часто является лишь незначительной затратой энергии, тем финалом, который только завершает, увенчивает предшествующий труд. Главная масса труда им уже затрачена. Очевидно, что он имеет право на все вознаграждение, выговоренное по делу, если доверитель отказался от его помощи без всякого повода с его стороны. К сказанному следует добавить еще, что поверенный, приняв известное дело, уже связан им и часто должен отказываться от других дел, которые могут помешать выступлению в Суде по уже принятому производству дела. Это соображение также должно быть принято во внимание при разрешении вопроса о необходимости возвращения гонорара. (Харьк. 10/11-146; Одес. 908-115; С.-Пб. 91/92-223).

[976] Окончательно выяснить вопрос о гонораре и деньгах на расходы следует раньше, а не за несколько дней до слушания дела, так как в короткий срок вряд ли доверитель может отыскать другого поверенного. (Мск. 08/09-151, ч. 3).

[977] Совет нашел, что присяжный поверенный имел право в случае неисполнения условий о вознаграждении отказаться от защиты и удержать полученные вперед деньги за изучение дела и потерю времени. Но отказ от защиты присяжный поверенный должен был сделать заблаговременно, чтобы доверитель мог обратиться за помощью к другому защитнику. Отказавшись от защиты лишь накануне слушания дела и оставив доверителя без защиты, присяжный поверенный поступил неосмотрительно, а потому едва ли имеет

право на удержание полученных им вперед денег. (С.-Пб. 08/09-286).

[978] Обязан ли присяжный поверенный возвратить часть полученных за защиту денег, если он лично на защиту не явился, а заменил себя другим поверенным, выполнившим эту защиту? Вопрос этот не может быть решен иначе как в отрицательном смысле. От самого жалобщика зависело: принять помощь помощника или отказаться от нее, причем в последнем случае он имел бы несомненное право получить от присяжного поверенного все уплаченные ему деньги, но жалобщик воспользовался этой помощью, чем и выразил свое согласие на замену его помощником. При таких условиях возвращение денег жалобщику не имеет для себя никаких оснований. (Новочерк. 05/06-96).

[979] Присяжный поверенный объяснил, что адвокат, защищавший арестантов, был присланный им помощник, что деньги, полученные с арестантов, отданы тому помощнику, и что защита была успешна. Совет нашел, что присяжный поверенный, приняв на себя обязанности, не может удерживать полученные за защиту деньги. (Мск. 77/78-31).

[980] При неисполнении со стороны обвиняемого условий о своевременности извещения и уплаты вознаграждения присяжный поверенный не может быть признан обязанным заботиться о замене себя другим лицом. (Мск. 93/94-54, ч. 2).

[981] Присяжный поверенный, отказавшись от защиты просительницы по своему усмотрению, должен возвратить ей все полученные от нее деньги, ибо ни заключенное с нею условие, ни правило, установленное в § 2 таксы для присяжных поверенных не дают ему права на получение в таком случае какого-либо вознаграждения за отдельные его действия по делу, от ведения которого он сам отказался. (С.-Пб. 76/77-61).

[982] Обсуждая в одном случае соответствие условленного гонорара с затраченным присяжным поверенным трудом, Одесский Совет нашел, что присяжный поверенный не отвергает утверждений жалобщицы, что она женщина бедная, и что с заключением ее в тюрьму ее дети остались без призора и материальной поддержки. При сознанной «невескости» кассационных доводов, при крайнем «невежестве», неспособной оценить истинное достоинство предла-

гаемого ей средства защиты и, наконец, при заключении «договора» о гонораре в тюрьме, когда смятенное состояние духа подсудимой вызывало в ней готовность на всякие материальные жертвы ради миража надежды, и склонность к переоценке обещанной ей юридической помощи – при таких условиях назначение гонорара в триста рублей и получение из них суммы в сто двадцать пять рублей не может не вызвать отрицательного отношения Совета, а для присяжного поверенного представляется нравственно обязательным возможно скорейший добровольный возврат излишне полученных ста рублей. (Одес. 908-205).

[983] Еще в 1875 г. в среде сословия присяжных поверенных были воспрещены всякие условия и сделки защитника по назначению от Суда с подсудимым о вознаграждении за защиту, для устранения предположения, что на способ ведения защиты может иметь какое-либо влияние то обстоятельство, вознаграждается ли она, или нет. (С.-Пб. 90/91-114).

[984] Что касается принятия помощником присяжного поверенного гонорара от подсудимого, защитником которого он состоял по назначению Суда, то такой поступок Совет не может не признать нарушением издавна принятой сословием присяжных поверенных традиции, запрещающей защитникам по назначению получать от подсудимых вознаграждение за защиту. То обстоятельство, что условие о вознаграждении заключено было ранее назначения помощника присяжного поверенного основанием для ходатайства перед председателем Суда об освобождении его от защиты по назначению такого подсудимого, который ранее уже избрал его в установленном порядке защитником по соглашению, и, в случае удовлетворения этого ходатайства, защитник, без сомнения, сохранял бы за собою право на вознаграждение за защиту. (С.-Пб. 09/10-449).

[985] Отношения к подзащитному присяжного поверенного, принявшего на себя добровольно обязанность заменить назначенного Судом защитника, должны быть такими же, как и защитника по назначению, а потому получение вознаграждения за защиту присяжным поверенным или помощником, заменяющим казенного защитника, даже и по соглашению с подзащитным, недопустимо, ибо может подать повод к нареканиям, что замена одного защитника бесплатного другим платным делается намеренно в обход закона, возлагающего на присяжного поверенного бесплатную защиту по назначению Суда. (С.-Пб. 09/10-380).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРОВ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ СОВЕТОМ И ВЗЫСКАНИЕ ЕГО СУДЕБНЫМ ПОРЯДКОМ

[986] При отсутствии письменного договора, на основании 396 ст. Учр. Суд. Уст., действия присяжного поверенного по делу должны быть вознаграждаемы в размере Высочайше утвержденной таксы для присяжных поверенных, и несогласия между поверенным и доверителем относительно размера этого вознаграждения подлежат рассмотрению Совета, ввиду 6 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст. (Мск. 85/86-102; 899/900-103, ч. 2).

[987] Если между присяжным поверенным и доверителем был заключен договор о гонораре в письменной форме, то Совет, за силою 6 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст., не вправе ни определять размер гонорара по своему усмотрению, ни обсуждать вопрос об обязанности возвращать удерживаемые деньги, так как при существовании письменного договора только Суд может разрешить вопрос о праве на удержание гонорара и о соответствии размера оного с количеством потраченного труда. (Мск. 02/03-83, ч. 2).

[988] Обращаясь к просьбе обеих сторон о назначении размера вознаграждения, Совет находит справедливым определить таковое, применяясь к таксе. (Мск. 90/91-62).

[989] Принимая во внимание, что по ст. 11 прил. к ст. 396 Учр. Суд. Уст. вознаграждение присяжному поверенному, отказавшемуся от ходатайства по делу прежде его окончания по уважительной причине, должно быть определено Судом, что спор относительно вознаграждения за труды и советы по другим делам последнего, за невозможностью определить размер вознаграждения по таксе, подлежит также разрешению суда, Совет определил: за силою 1 ст. Уст. Гр. Суд., жалобу на присяжного поверенного оставить без последствий. (Мск. 899/900-27, ч. 2).

[990] При неимении особой таксы вознаграждения за ведение дел в Коммерческих Судах вознаграждение может быть определено только, применяясь к правилам таксы. (Мск. 85/86-64 и 70).

[991] Присяжный поверенный имеет, конечно, право взыскивать с доверителя вознаграждение за ведение дела, когда его не же-

лают платить добровольно, но при предъявлении таких исков нужно быть очень осмотрительным, и гораздо лучше потерять вознаграждение, чем предъявлять иск в таких случаях, когда право на вознаграждение может быть подвергнуто сомнению, хотя бы даже и несправедливому, и отказ в иске представляется вероятным. (Мск. 87/88-153; 01/ 02-101, ч. 2; 03/ 04-93,ч. 3).

[992] Если доверители присяжного поверенного отвергают его право на получение гонорара в определенном им размере, то ему надлежит ограничиться удержанием вознаграждения по таксе или в признанном доверителями размере, а остальные деньги передать доверителям, предъявив к ним иск об остальной сумме вознаграждения, если он признает за собою право на получение таковой. Удерживать же, при отсутствии письменного условия и при наличности спора и возражений со стороны доверителей, гонорар в размере свыше таксы присяжному поверенному безусловно не подобает. (Мск. 09/10-530, ч. 3).

[993] Совет допускает возможность зачета следуемого гонорара, но допускает это в случаях бесспорных и притом по расчету, вполне ясному и доверителю объявленному; в п. 10 таксы касается случаев спорных и допускает получение гонорара лишь по определению Суда, который должен выяснить, на кого падает вина в прекращении доверенности. В таких случаях удержание денег, до определения Суда о праве на удержанную сумму, не может быть сочтено правильным. (Одес. 07-128).

[994] Поверенный не отрицал получения денег для своего доверителя, но отрицал право последнего требовать их, ввиду неокончания, будто бы расчетов по другим делам. Расчеты эти доверитель отрицал, и поверенному должно быть известно, что в таких случаях единственным способом получить следуемое вознаграждение есть обращение к Суду, куда надлежало представить полученные доверительские деньги и обратить на них свое взыскание. Самовольный же зачет, без согласия доверителя, не может быть оправдываем. По таким соображениям, поверенный должен быть признан обязанным возвратить доверителю взысканные им в его пользу деньги, но за удержанием вознаграждения, следуемого именно по этому делу. (Новочерк. 08/09-92).

[995] Что касается до удержания присяжным поверенным следуемого ему гонорара, то по мнению Совета, оно не содержит

нарушений обязанностей поверенного, если удержание сопровождается предъявлением расчета верителю, против которого сей последний не спорит. Иначе представляется вопрос тогда, когда веритель, оспаривая самое основание расчета, требует представления денег, а присяжный поверенный не имеет повода предполагать, что это требование ставится только с целью лишить его вознаграждения. В этом случае, если присяжный поверенный не предоставил себе по условию права удержать свое вознаграждение, он обязан его представить верителю. (С.-Пб. 83/84-81).

[996] Ошибочное и противоречащее закону решение судебных мест не может быть отнесено к вине присяжного поверенного, руководствовавшегося в своих действиях правильным пониманием закона; никакой закон не обязывает присяжного поверенного возмещать своему доверителю суммы, уплаченные сим последним на точном основании 868 ст. Уст. Гр. Суд., стороне, выигравшей дело; взыскание присяжным поверенным условленного по таксе вознаграждения за свой труд, при отсутствии особого письменного соглашения, представляется совершенно справедливым. (Мск. 85/86-84).

[997] Вправе ли присяжный поверенный, принявший ведение дела до его окончания и условившийся получить вознаграждение по таксе, требовать такового, после решения дела в первой инстанции в пользу его доверителя, за первую инстанцию, не ожидая вступления состоявшегося решения в законную силу? Вопрос этот может быть разрешен только в отрицательном смысле. Совокупный смысл постановлений, содержащихся в таксе, не оставляет сомнения в том, что определяемое ею вознаграждение имеет в виду оконченное ходатайство по делу. Нормально такое окончание имеет место во второй инстанции, решение которой вступает в законную силу; поэтому такса начинается с определения вознаграждения за ходатайство в двух инстанциях. Хотя в таксе этой и содержатся постановления, определяющие вознаграждения присяжных поверенных и за ходатайство их в одной первой инстанции, но самые эти постановления показывают, что они имеют применение только тогда, когда ходатайство в обеих инстанциях представляется невозможным. Так, п. 9 таксы определяет вознаграждение присяжному поверенному за ходатайство по делу, окончившемуся прекращением по отводу, причем прямо указывает, что вознаграждение поверенного стоит в зависимости от того, в какой инстанции «дело получило окончание», из чего ясно следует, что до тех пор, пока дело «не получило еще окончания», никакого вознаграждения быть не может. Пункт 10-й

таксы устанавливает, что присяжный поверенный вправе получать вознаграждение и за ведение дела в первой инстанции в том случае, если его полномочие прекращено его доверителем без достаточного основания, ибо таким действием сам доверитель лишает поверенного возможности довести дело до конца. Совсем иначе, однако, разрешается вопрос в том случае, когда сам поверенный отказывается без уважительных причин от своих обязанностей, не окончив дела. В этом случае, как указывает вторая часть пункта 11 таксы, поверенный не получает никакого вознаграждения. Только в виде исключения первая часть указанного 11 пункта определяет, что если поверенный был вынужден отказаться от ходатайства по делу прежде его окончания по тяжкой болезни, необходимости отъезда или другой уважительной причине, то он вправе претендовать на вознаграждение, но и то лишь в половинном против таксы размере. Таким образом, согласно таксе, присяжный поверенный вправе получать вознаграждение по таксе лишь тогда, когда он окончит дело, или когда доверитель сам не дает ему окончить дела; по неоконченному же делу и при отказе присяжного поверенного без всякой уважительной причины присяжный поверенный никакого вознаграждения по таксе требовать не вправе… Переходя от этих общих соображений к обстоятельствам дела, Совет нашел, что присяжный поверенный не вправе был, выиграв дело в одной лишь первой инстанции, требовать уплаты ему вознаграждения, не ожидая вступления решения в законную силу, а поэтому неудовлетворение доверительницей такого требования не давало ему ни права отказываться от дальнейшего ведения ее дела, ни права отыскивать это вознаграждение судебным порядком. Рассматривая вопрос о праве присяжного поверенного на получение гонорара по делу, по коему письменного условия между ним и тяжущеюся заключено не было, Совет не признает за присяжным поверенным права на получение какого-либо гонорара, а потому признал, что присяжный поверенный обязан возвратить неправильно взысканный с нее гонорар. То обстоятельство, что присяжный поверенный обратился к гражданскому Суду и добился судебного в свою пользу решения, не может, по мнению Совета, служить препятствием к тому, чтобы вопрос о праве присяжного поверенного на гонорар был разрешен Советом, который не только вправе, но и обязан в порядке надзора указать присяжному поверенному на неправильность его действий и обязать его к исправлению этой неправильности. Такого рода практика всегда им применяется в отношении вопроса о соблюдении присяжным поверенным правил о вознаграждении, установленных законом 2 июня 1903 года и постановлением Общего Собрания присяжных поверенных от 23 апреля 1904

года. Усмотрев при разборе дошедших до его сведения дел, что присяжный поверенный вышел при определении своего гонорара из норм, указанных в упомянутом законе и постановлении Общего Собрания, Совет, даже и помимо жалобы потерпевшего, в силу принадлежащего ему права надзора разъясняет присяжным поверенным неправильность действий и обязывает их к исправлению замеченных им неправильностей. Таким же образом и здесь Совет почитает себя обязанным, усмотрев неправильные действия со стороны присяжного поверенного, указать ему на таковые и обязать его к их исправлению. По этому делу Совет постановил подвергнуть присяжного поверенного взысканию и обязать его возвратить взысканные им с доверительницы по исполнительному листу деньги. (С.-Пб. 09/10-515).

ОТНОШЕНИЕ К СУДУ И ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ

[998] Одним из основных правил для членов сословия является их безусловная обязанность при всех сношениях с Судом, а тем более в публичных его заседаниях, оказывать последнему неизменное уважение и полную сдержанность и корректность, отнюдь не дозволяя себе ничего такого, что могло бы умалять достоинство Суда и дискредитировать его пред находящейся в зале заседания публикой. Присяжный поверенный, дозволив себе грубое и резкое нарушение этого правила, заслуживает строгой меры взыскания. (Мск. 07/08-277, ч. 3).

[999] Совет всегда настойчиво рекомендовал членам сословия соблюдать в своих отношениях к Суду и его представителям самую строгую корректность и внимательно следить за тем, чтобы в их словах и действиях не было ничего такого, что могло бы подать повод к обвинению в недостаточном уважении к Суду. (Мск. 08/09-212, ч. 3; 84/85-41; 87/88-186).

[1000] Убеждения сами по себе не подлежат контролю Совета, они остаются на совести каждого. Но это лишь до тех пор, пока убеждение не претворилось в действие, в поступок. В области профессиональной всякий поступок, а в других сферах деятельности поступки, колеблющие общественное доверие к присяжному поверенному, подлежат рассмотрению Совета, как выразителя взглядов всего сословия. Слова адвоката, сказанные перед Судом, и бумаги, поданные в Суд, это – его действия, наиболее важные и серьезные,

больше всего затрагивающие интересы общественные и частные. Они не подлежат цензуре в том смысле, что никто не вправе дать указания присяжному поверенному, как надо в таком-то случае писать или говорить. Но все сказанное или написанное в случае надобности подлежит рассмотрению в товарищеском Суде с целью выяснения, не погрешил ли автор против обычных правил поведения. Думать иначе – это значит устранить из компетенции Совета большую часть в деятельности адвоката, и притом наиболее важную. (Мск. 05/06-241).

[1001] Представляя одну из важнейших основ общественной жизни, судебная власть сообщает своим носителям столь высокое положение, что уважение, с которым каждый обязан относиться к судье, не должно зависеть от степени правильности действий последнего при исполнении им своих обязанностей. В чем бы ни заключалась допущенная судьею неправильность, и отчего бы таковая ни происходила, необходимое по отношению к судье уважение обязывает сторону, констатируя эту неправильность, воздерживаться от замечаний, укоряющих самого судью. Это воздержание, обязательное для каждого, обращающегося к Суду, тем более обязательно для присяжного поверенного, профессионально занимающегося ведением судебных дел и долженствующего поэтому с особенною тщательностью избегать в обращении с Судом всего, что не отвечает его высокому достоинству. Неуместное по ненадобности замечание, как укоряющее судей, недопустимо в судебной бумаге, независимо от того, имеются ли для него какие-либо основания или таковых не имеется. (Мск. 900/901-80).

[1002] Если присяжные поверенные обязаны быть корректными и относиться к Суду и прокуратуре с должным уважением, то, с другой стороны, они в праве желать и для себя такого же отношения от Суда и прокуратуры, как лица, преследующей с ними одну цель: помогать правосудию в достижении истины. Третировать же присяжных поверенных публично, без повода с их стороны, роняя носимое ими звание, и затем, вызвав в них естественное в каких случаях волнение и неспокойствие духа, их же обвинять в неосторожном выражении, было бы явлением ненормальным и по отношению к присяжным поверенным и несправедливым. (Новочерк. 07/08-93).

[1003] “Добрые отношения” в сфере служебных отношений иметь место не могут и не должны: адвокат обязан всячески избегать того, чтобы пользоваться хорошими неофициальными отноше-

ниями к членам магистратуры при исполнении своих профессиональных обязанностей, и вообще он поступит лучше, если свои отношения к составу Суда, при котором состоит, ограничит строго деловыми сношениями. (Каз. 10/11-4; Мск. 94/95-10, ч. 1).

[1004] Какую бы недоброжелательность к защитнику председатель не проявлял, как бы незаконны и даже оскорбительны для защитника его замечания и распоряжения ни были, присяжный поверенный обязан сохранять довлеющие его званию самообладание и достоинство и не дозволять себе выходить из пределов приличия и строгой корректности; он должен помнить, что закон предоставляет ему вполне достаточные средства для борьбы, чтобы не прибегать к рискованным способам самозащиты, это – занесение каждого незаконного или оскорбительного распоряжения или замечания председателя в протокол и затем обжалование их в установленном порядке. Конечно, возможны и такие прискорбные случаи, когда столкновение председателя с защитой принимает характер, несовместимый с личным и профессиональным достоинством защитника; поставленный в такое положение присяжный поверенный может сделать только одно – заявить Суду о невозможности продолжать отправление своих обязанностей и удалиться из зала заседаний. (Мск. 02/03-77, ч. 1; 84/85-41).

[1005] Одна из обязанностей адвоката – говорить и доказывать на Суде одну только правду и не прибегать ни к каким обманам для введения суда в заблуждение, хотя бы для достижения и справедливой цели. (С.-ПБ. 81/82-76).

[1006] Одно из существеннейших условий деятельности присяжного поверенного – это доверие Суда к сословию, спокойное убеждение судьи, что присяжный поверенный в своей деятельности не допустит никакой сознательной неправильности, что если ошибка по человеческому несовершенству и допустима, то она будет немедленно исправлена, присяжный поверенный примет все меры к тому, чтобы загладить свой промах, не подвести Суд. Только при таких условиях взаимного доверия и уважения возможна совместная работа магистратуры и адвокатуры на почве служения великому делу правосудия. Сорокалетние традиции прошлой деятельности адвокатуры дали нам право гордиться этим доверием Суда, в сознании, что оно честно заслужено. Вот почему нужно в особую вину поставить присяжному поверенному, что он по оплошности совершил ошибку и не принять всех мер к тому, чтобы немедленно выве-

сти судью из неудобного положения, загладить, быть может, и невольный, но свой вред. (Мск. 07/08-399, ч. 3).

[1007] Облеченный званием присяжного поверенного, должен быть осторожным в своих объяснениях пред Судом, если он дает объяснения о таких данных, которые по делу еще не были установлены. Звание присяжного поверенного, придавая его словам особый авторитет, призывает его не затемнять обстоятельств дела такими данными, которые им неисследованы, и которых даже не было в действительности, и тем мешать великому делу правосудия. (Каз 08/09-25; Мск. 07/08-396).

[1008] В сношениях своих с Судом присяжный поверенный всегда должен помнить, что каждое удостоверение его перед Судом должно быть непреложно верно, что всякое обещание, данное Суду, должно быть продумано и выполнено, одним словом, каждый присяжный поверенный должен поставить себя в такое положение перед Судом, чтобы каждое категорически выраженное им утверждение чего-либо или данное им перед Судом слово имело безусловную ценность и внушало судье непоколебимое доверие к тому, что присяжный поверенный категорически утверждает или отрицает. Присяжный поверенный, основательно вызвавший у Суда к себе недоверие и не постаравшийся рассеять его или указать смягчающие его вину обстоятельства, не должен уже выступать перед Судом в носимом им звании. (Мск. 08/09-96, ч. 4).

[1009] Нарушение обещания, данного должностному лицу, является настолько несоответствующим достоинству присяжной адвокатуры, что заслуживает серьезного взыскания. (Мск. 09/10-503, ч. 3).

[1010] Указание на неправильность не есть порицание. Порицание – это нравственное осуждение, мнение о предосудительности поступка. Признание же его неправильным указывает лишь на несоответствие с требованием закона, но не касается моральной стороны поведения, не осуждает его. В современном процессе стороны весьма широко пользуются прерогативой оспаривать правильность действий судебных органов. Значительная часть объяснений сторон сводится к тому. Жалобы частные, апелляционные, кассационные и всякие другие посвящаются критике решений и распоряжений Суда, но никто в этом не усматривает порицания или осуждения. Свободная критика действий судебных органов в формах общепринятых, в

пределах, законом указанных, вытекающая из желания оградить нарушенные интересы доверителя, это – обязанность поверенного и один из устоев процесса по Судебным Уставам. (Мск. 03/ 04-34; 77/78-52).

[1011] Присяжный поверенный по своей обязанности поставлен в необходимость обжаловать подлежащим судебных местам неправильные, а иногда и противозаконные действия низших инстанций или должностных лиц. Характеристика такого рода действий при сохранении приличных форм выражения не может быть поставлена в вину кому бы то ни было, а тем более присяжному поверенному, защищающему интересы порученного ему дела. Указывая на беззаконие и злоупотребления и называя вещи своим именем, присяжный поверенный лишь исполняет свой прямой долг, который возложен на него законом, и к которому судебные места должны относиться с благодарностью, памятуя, что все лица и учреждения, входящие в состав судебного ведомства, поставлены для того, чтобы преследовать одну и ту же цель – правильное отправление правосудия на почве закона и справедливости (Мск. 87/88-20; 01/02-12, ч. 1; 90/91-9).

[1012] Грубые и неуместные выражения и обороты не могут выходить из-под пера присяжного поверенного, обязанного относиться к Суду с должным уважением. Составляя апелляционную жалобу, можно указывать на ошибки, противоречия, непоследовательность, заключающиеся в судебном решении, на несоответствие его с законами или с обстоятельствами дела, словом – критиковать его всесторонне, отнюдь не выходя из границ приличия и не употребляя выражений, для Суда оскорбительных. (Мск. 900/901-7, ч. 3; 94/95-20; 97/98-127; 91/92-15).

[1013] Апелляционная жалоба должна содержать в себе критику и разбор, с соблюдением, конечно, приличия и уважения к судебной власти, решения Суда, а не личных мнений и знаний судей. (Харьк. 84/85-149; С.-Пб. 90/91-102; Мск. 77/78-42).

[1014] Помещенные присяжным поверенным в жалобе слова «извращать», «извращение», «уклоняется» – вполне отвечают общепринятым в судебной практике выражениям и находят себе место даже в решениях Правительствующего Сената. Избежать этих именно выражений он не мог, так как целью всех его прошений и жалоб было установить допущенное Съездом по его мнению извра-

щение обстоятельств дела и добиться от Съезда прямого и определенного ответа на вопрос о сути представленных им объяснений. (С.-Пб. 07/08-99; Мск. 93/94-4 ч. 1).

[1015] Присяжный поверенный может просить о возбуждении против Суда, решившего дело, дисциплинарного или уголовного преследования лишь в крайних случаях, при наличности неоспоримых для того данных, с указанием их и доказательств своего заявления; одно указание на несоответствие решения с законом может служить основанием для отмены его, но не для обвинения судьи в неправосудии. (С.-Пб. 90/91-100).

[1016] Даже в личных частных отношениях угроза недопустима и считается крайне неприличной. В отношениях же официальных, все равно, будут ли то сношения с частными или должностными лицами, угроза граничит с оскорблением. Угрожающий, заявляя просьбу, тут же выражает сомнение в том, что она будет исполнена, и требует исполнения не во имя долга и закона, но под страхом личной ответственности, а это крайне обидно, потому что изображает должностное лицо способным действовать лишь под угрозой наказания или отмены его действий высшей инстанцией. (Мск. 03/ 04-99, ч. 2; 06/07-126, ч. 2).

[1017] Совет глубоко убежден, что отношения всех лиц судебного ведомства, а в том числе и присяжных поверенных, основаны на взаимном доверии и уважении, а это влечет за собою в силу совместной деятельности на общем поприще целый ряд взаимных уступок. Так, судебный пристав не обязан справляться об адресе того или другого присяжного поверенного, хотя и той же Судебной Палаты, адрес которого известен и канцелярии Палаты, так как список присяжных поверенных в ней имеется, и Совету, где имеется адресная книга присяжных поверенных; в то же время и присяжный поверенный не обязан принимать от судебного пристава адресованную ему повестку Суда, где бы он его ни встретил. А между тем, в силу тех взаимных отношений, которые установились у нас вообще, а в частности, у присяжных поверенных с судебными приставами, повестка вручается повсюду – в коридорах Суда, в его канцеляриях и телеграфной конторе, вручается не только самим присяжным поверенным, но и их помощникам, товарищам, сотрудникам для передачи. В силу этих условий совместной деятельности, созданных самою жизнью, Совет находит, что хотя присяжный поверенный обязан сообщить свой адрес Суду по каждому принятому делу, но Со-

вет не может поставить ему в вину то, что он, не сообщив своего адреса по забывчивости или по другой причине, потом в свое оправдание будет указывать, что он надеялся, рассчитывал на любезность судебного пристава, что последний справится, где он в действительности живет, и направит туда адресованную ему повестку. (Мск. 03/04-8).

[1018] Уклонение со стороны присяжного поверенного от объяснения причин, по коим он не может, не желает или не считает себя обязанным исполнить определение Суда о назначении его присяжным попечителем, не может быть терпимо, так как присяжный поверенный во всех своих действиях должен оказывать полнейшее и безусловное внимание к предписаниям судебной власти, и если находит таковое неправильным, должен в установленном порядке ходатайствовать об отмене или изменении такового, но не имеет основания своим молчанием или бездействием давать повод к предположению оказания хотя бы малейшего невнимания к Суду. (Мск. 96/97-12; 85/86-18; 95/96-16, ч. 1).

[1019] Может ли быть поставлена в вину присяжному поверенному дача своим доверителям совета об отказе от совершения известного действия, требуемого хотя бы и определением Суда, но которое по свойству своему не может быть принудительным и, по мнению присяжного поверенного, представляется явно нарушающим закон? На такой вопрос должен быть дан ответ отрицательный. Всякое судебное решение подлежит беспрекословному исполнению, правильно ли оно или нет. Для решений, почитаемых стороною неправильными, существует законный путь – обжалование. Но безусловное подчинение решению Суда связано необходимо с одним существенным признаком – возможностью принудительного исполнения его при помощи исполнительных судебных органов. Область гражданских отношений имущественных и личных есть по преимуществу область отношений свободных, непринужденных.. Гражданский Суд не может принудить к исполнению договора, имеющего предметом личные действия; такие случаи не могут быть предметом судебного решения, а потому присяжный поверенный, дающий своему доверителю совет о необязательности для него такого требования, несогласного с законом, не нарушает обязанностей его звания. (Мск. 94/95-16, ч. 1).

[1020] Присяжный поверенный не обязан сообщать присутственным местам или должностным лицам сведения о делах порученных ему доверителями. (Мск. 77/78-39).

[1021] Отказ присяжного поверенного представить свои объяснения на жалобу председателю Окружного Суда неправильным не представляется, так как, за силою п. 2 ст. 367 Учр. Суд. Уст., дисциплинарный надзор за присяжными поверенными предоставлен Совету, которому принадлежит и оценка достоверности подаваемых жалоб. (Мск. 899/900-71, ч. 2).

[1022] Обсуждение основательности или неосновательности заявлений тяжущихся об устранении судей относится к предметам ведомства Суда; заявленный присяжным поверенным отвод против судьи по внешней форме изложения не представлял ничего неприличного. При таком положении дела в поведении присяжного поверенного нельзя усмотреть чего-либо, несогласного с достоинством носимого им звания. (Мск. 92/93-16).

[1023] Присяжный поверенный ни при каких обстоятельствах не может совершать действий или бездействий, замедляющих правосудие. (Мск. 10/11-2, ч. 3).

[1024] Прибытие присяжного поверенного в судебное заседание в нетрезвом виде являет собою крайне грубый акт нарушения, во-первых, чувства личного достоинства, которым должен быть проникнут каждый из членов присяжной адвокатуры, особенно же при исполнении обязанностей своего звания, и во-вторых, того высокого уважения которое неизменно вызывает в каждом отправление правосудия, Совет с резким осуждением относится к такому поступку. (Мск. 90/91-20; 88/89-89; 95/96-8, ч. 1; 900/901-188; 03/ 04-258; 07/08-263, ч. 3).

[1025] Присяжные поверенные заявили суду о невозможности выступать в качестве защитников вследствие происходивших в городе волнений и манифестаций. Суд признал такие действия присяжных поверенных несовместимыми с достоинством носимого им звания и сообщил Совету, который нашел, что Суд ставит в вину присяжным поверенным, прежде всего, коллективность их заявления, Совет же не усматривает в этом никакой вины. Если всем присутствующим присяжным поверенным предстояла надобность сделать совершенно однородные заявления, то, во избежание излишней

траты времени, поручить сделать кому-либо одному из них составляло их прямую обязанность. Действия людей следует обсуждать с точки зрения их намерений. Присяжные поверенные имели в предмете сделать заявление и выслушать постановление Суда по этому предмету. Несомненно, что делать заявление каждому в отдельности и тем заставлять Суд делать постановления в количестве, соответствующем числу заявлений, – это значило бы только затруднять Суд. При этом нужно иметь в виду, что Суд ставит в вину и демонстративность этого заявления. Но несомненно, что та форма отдельных заявлений, которую Суд считает более дозволенной (вероятно), отличалась бы большей демонстративностью, нежели та, которую избрали присяжные поверенные. Вследствие этого, Совет не нашел в этом действии присяжных поверенных ничего предосудительного и несовместимого с достоинством носимого ими звания. (Мск. 06/07-37, ч. 2).

[1026] Имеют ли присяжные поверенные право входа в канцелярию Суда? Вопрос этот возник вследствие удаления присяжных поверенных из канцелярии, так как вход в нее «посторонним лицам воспрещается». Совет нашел, что присяжный поверенный пришел в канцелярию не для удовольствия и не для занятий какими-нибудь посторонними делами, а для исполнения обязанностей своего звания. Если в Окружном Суде установлен такой порядок по которому лица посторонние входа в канцелярию не имеют, то присяжный поверенный к числу посторонних Суду лиц относим быть не мог, так как, по силе ст. 11 Учр. Суд. Уст., присяжные поверенные принадлежат к тому же судебному ведомству. Убежденный в полной корректности своих действий, присяжный поверенный не мог, конечно, ожидать, что доклад чиновника председателю Суда будет иметь для него последствием удаление из канцелярии. Он полагал, что как ни скромно служебное положение канцелярского чиновника, но раз последний допущен к исправлению должности помощника секретаря и тем самым приобщен уже к судебному ведомству, то для него так же обязательны, как обязательны для председателя, прокурора и вообще всех лиц этого ведомства, правила поведения, рекомендованные г. министром Юстиции в циркуляре его от 15 декабря 1900 года, адресованном гг. председателям и прокурорам судебных мест: «Каждому уважающему себя деятелю Суда должно быть всегда присуще сознание, что Суд – опора и охрана личности и права, и потому должен быть чужд всякого их умаления или угнетения. Во всех своих действиях, как публичных, так и не обставленных гласностью, как по форме, так и по содержанию, Суд обязан подавать всем и

каждому пример доступности и доброжелательства, учтивости и вежливости, спокойствия и сдержанности, умеренности и достоинства. Эти простые, так сказать, элементарные и азбучные требования, говорит знаменательный циркуляр, если и вызывают здесь напоминание, то только для того, чтобы оттенить всю крайнюю предосудительность редких, к счастью, случаев их забвения в нашем ведомстве». (Мск. 01/02-190).

[1027] Присяжный поверенный, приняв на себя начатое уже в гражданских судебных учреждениях дело, нашел возможным после решения дела в смысле, неблагоприятном для его верителей, обращаться к содействию административных властей с тем, чтобы достигнуть секретного воздействия административных властей на председателя Судебного Учреждения, в котором должно было разрешаться дело, или на всех судей вообще, и этим средством, в свою очередь, достигнуть разрешения дела в смысле, который он считал благоприятным для его доверителя. Такое отношение присяжного поверенного к ведению принимаемых им на себя дел решительно не может быть терпимо. В Уставе указан порядок ведения споров, причем основным началом суда является такое состязание сторон, при котором каждой стороне должно быть известно каждое доказательство, каждый довод, представляемый Суду в подтверждение своих прав истцом или ответчиком, и при котором должна быть предоставлена возможность опровергать каждое доказательство и довод. При таком порядке Суда невозможно допустить, чтобы одна из сторон посягала на представление Суду доводов, изложенных в секретных, а потому и неизвестных другой стороне, бумагах, написанных даже не самою стороною, а административными учреждениями. Дозволивший себе такие явно противные судебным уставам действия присяжный поверенный должен быть признан недостойным носить звание присяжного поверенного. (С.-Пб. 91/92-277).

[1028] По вопросу о праве присяжных поверенных рассматривать в суде дела без доверенности Совет высказал следующее: указание на то, что, по силе 271 ст. Уст. Гр. Суд., лица, не имеющие доверенности, не могут рассматривать дела, находящиеся в Суде, не имеет значения, ибо закон этот, не устанавливая такого правила, может быть понят лишь в том смысле, что дела в Суде не вправе требовать для обозрения лица, в них не участвующие. Но если член присяжной адвокатуры, с согласия той или другой тяжущейся стороны, в целях решения вопроса, может ли он принять от нее доверенность, обратится с просьбой, к кому следует, о разрешении ему

просмотреть дело, то такая просьба его противозаконной почитаться не может, ибо он действует в сем случае с разрешения участвующей в деле стороны и, следовательно, в полном согласии с точным смыслом 271 ст. Уст. Гр. Суд. Иное дело, как и чем в этом случае поверенный может доказать наличность разрешения стороны на просмотр ее дела в Суде, – это вопрос, который ближайшим образом подлежит разрешению того лица, от которого зависит допущение поверенного к обозрению дела. Из уважения к званию поверенного, по доверию к личным качествам последнего и при отсутствии сомнения в том, что просмотр дела действительно нужен просителю только в целях решения вопроса о возможности принятия доверенности от того или другого тяжущегося, – разрешение на этот просмотр может быть дано (и в большинстве судебных учреждений дается) и без формальной доверенности, – ничего противозаконного в этом усмотреть нельзя. (Каз. 10/11-3).

[1029] Коль скоро присяжному поверенному Судом официально было отказано выдать копии нужных ему бумаг из производства, то никак не следует уже в обход этого распоряжения обращаться за таковыми частным путем; для этого со времени отказа Суда был один путь – путь обжалования, если таковое распоряжение присяжный поверенный считал неправильным. Конечно, в самом обращении к лицам, служащим в канцелярии, за копиями нет ничего ни незаконного, ни предосудительного. Однако, это допустимо лишь при наличности презумпции, что выдача таковых копий законна, и что она делается как бы с ведома и согласия члена Суда и товарища председателя. Но раз последовало прямое воспрещение выдавать просимые копии, то обращение за ними к писцам канцелярии не должно иметь места. (Мск. 09/10-131, ч. 3; 93/94-16, ч. 1).

[1030] Постановляя не подвергать взысканию присяжного поверенного, Совет принял во внимание, что он, являясь в заседание без знака, не имел намерения оказать неуважение к Суду. (С.-Пб. 90/91-109).

[1031] Совет не мог одобрить проявленное помощником присяжного поверенного пренебрежение к установившемуся обычаю выступать в Суде во фраке; если заказанный им фрак не был готов, то ему следовало отсрочить на некоторое время принятие на себя защиты и выступление в Суде, дабы не начать своей деятельности с нарушения существующих, хотя и чисто внешних и условных, обычаев. (С.-Пб. 09/10-379).

[1032] В интересах правильного и согласного с достоинством отправления членами сословия присяжных поверенных лежащих на них по закону обязанностей, каждый из них в круг профессиональной деятельности должен, как в личных сношениях с должностными лицами, так и в особенности в бумагах, от него исходящих, оставаться в пределах спокойной сдержанности тона, а критическая оценка постановлений коллегиальных учреждений или должностных лиц, будучи направлена к правильному освещению предмета суждения, не должна принимать характера глумления над личностью или учреждением Уклонение членов сословия в отдельных случаях от высказанного начала, нормирующего проявление публичной их деятельности, вызывало всегда порицание со стороны Совета. (Мск. 90/91-18).

[1033] Во имя достоинства сословия, присяжный поверенный, обращаясь с теми или иными ходатайствами к должностным лицам или учреждениям, должен строго держаться рамок законности и не заявлять таких требований или просьб, которые могут встретить справедливый отказ. (Мск. 08/09-228, ч. 3).

[1034] Присяжному поверенному не следует вступать в пререкания с должностными лицами, и, если, по мнению первого, это лицо допустило какую-либо неправильность, то надлежало принести жалобу в законом установленном порядке. (Мск. 08/09-46, ч. 3).

[1035] Совет нашел, что смысл фразы, сказанной присяжным поверенным, заключает в себе неопределенный и оскорбительный намек на порядки в правительственном учреждении. Присяжный поверенный может указывать на неправильные действия, приводить факты, имевшие место, но произносить фразы, бросающие тень на учреждение и заключающие в себе намеки, под которыми скрыта фактическая сторона, – значит инсинуировать. Такого рода действия недопустимы. (Мск. 06/07-194, ч. 2).

[1036] Как бы ни были серьезны поводы к «справедливому негодованию» и «возмущению», данные присяжному поверенному тем или другим лицом или учреждением, последний не должен терять самообладания, известной сдержанности, чувства меры и такта.

Выражения оскорбительные, грубые совершенно недопустимы в письменных сношениях членов сословия с учреждениями и

лицами, хотя бы и по поводу их частных, непрофессиональных дел. (Мск. 02/03-203, ч. 2; 07/08-107, ч. 3; 85/86-18).

[1037] Принимая в соображение, во-первых, что присяжный поверенный в публичном месте, при обращении к официальному лицу позволил себе оскорбительно отзываться о другом официальном лице, причем употребил бранное выражение; во-вторых, что хотя проступок этот, признанный мировым судьею заочным оскорблением, по закону ненаказуем, тем не менее, не может быть признан извинительным для присяжного поверенного; в-третьих, что поведение присяжного поверенного не только на суде, но и в общественных местах должно находиться в полном соответствии с достоинством звания, им носимого; и в-четвертых, что допущенное присяжным поверенным в месте, всем доступном, в присутствии публики нарушение общепринятых приличий заслуживает порицания, – Совет постановил подвергнуть присяжного поверенного взысканию. (Мск. 91/92-16).

[1038] Принимая в соображение, что помощник присяжного поверенного не должен был дозволять себе выходить из границ строгого приличия при своих объяснениях с и.д. смотрителя, на которого закон возлагает охранение порядка в здании Суда; что еще более требуется сохранения приличия в тоне голоса и в выборе выражений при объяснениях с товарищем председателя по обязанностям его должности; что отсутствие самообладания в таких случаях, без особенно уважительных причин, не должно быть терпимо, – Совет нашел, что недостаток полной сдержанности, столь необходимой адвокату, не может быть оставлен без внимания. (Мск. 88/89-152).

[1039] Присяжный поверенный ударил городового при отправлении им обязанностей службы. Такое действие присяжного поверенного не соответствует достоинству носимого им звания, которое требует сохранения полного самообладания присяжным поверенным во всех случаях столкновения личных его интересов с требованиями правительственных должных лиц. В какой бы форме эти требования ни были выражены, как бы они ни казались неправильными и несогласными с законом, присяжный поверенный во всяком случае, не роняя высокого достоинства своего звания, обязан сохранить полное хладнокровие, как бы ни был он раздражен имеющими к нему прямое отношение действиями полиции, не имеет права при-

бегать даже к выражению слишком резких суждений, не говоря уже об оскорблении не только действием, но и словами. (Мск. 85/86-10).

[1040] Совет нашел, что присяжный поверенный, находя действия должностных лиц по охране наследственного имущества его доверителей неправильными, имел право и обязан был их обжаловать, но для ограждения интересов его верителей ему не представлялось надобности прибегать к избранному им способу – путем заявления доводить до сведения г. председателя о допущенных неправильностях лицами судебного ведомства при принятии охранительных мер, тем более, что такая форма защиты интересов доверителей его не только неправильна по существу, но и имеет характер доноса. (Мск. 900/901-93).

ОТНОШЕНИЕ К ТОВАРИЩАМ

[1041] Оказание внимания и содействия товарищу в его затруднительных положениях при исполнении профессиональных обязанностей есть этический долг, обязательность исполнения коего сознается тем чувствительнее, чем выше стоит в духовном развитии среда. (Одес. 910-91).

[1042] Принадлежность к одной профессии дает каждому полное основание обратиться к товарищу, хотя бы он не был ему представлен. Члены адвокатской корпорации должны всегда поддерживать добрые отношения друг с другом, дорожить возможностью широкого обмена мнениями даже с людьми, не только незнакомыми, но живущими в других городах. Одна профессия, одни интересы, одни и те же общественные обязанности призывают нас помогать друг другу. Там, где адвокат видит, что его товарищ на трудном пути профессиональной деятельности ошибается, заблуждается, не знает таких обстоятельств, которые изменили бы его отношение к делу, он не только может, он должен придти на помощь, оказать поддержку и словом и делом. Но обращаясь к товарищу с указаниями по поводу его поведения, надо сделать это со всею осторожностью и деликатностью, чтобы такое обращение не показалось высокомерным поучением, злорадством, порицанием или грубым непрошенным вмешательством, чтобы очевидна была в нем лишь товарищеская благожелательность. (Мск. 03/ 04-431, ч. 2).

[1043] Правильное отправление присяжными поверенными своих обязанностей возможно только тогда, если они будут относиться друг к другу прилично и с уважением; в пылу прений может быть употреблено неловкое или неточное выражение, которое при более спокойном состоянии духа было бы заменено другим, и в этом нельзя видеть желание оскорбить противника, возникающие отсюда недоразумения должны быть представляемы на суд товарищей; немыслимо правильное отправление обязанностей присяжными поверенными, если они по поводу того или другого употребленного на Суде выражения будут подвергаться оскорблениям. (С.-Пб. 87/88-71).

[1044] Члены присяжной адвокатуры в отношениях друг к другу должны соблюдать безусловную вежливость и корректность, ибо уважение к званию присяжного поверенного должно быть руководящим правилом для каждого члена сословия. Особенно нужно быть осмотрительным в выборе выражений по отношению к товарищу, как поверенному противной стороны. Нельзя забывать, что не может требовать уважения к себе та корпорация, внутри которой нет взаимного уважения, члены которой могут бросать друг другу в лицо, не стесняясь местом, грубые и оскорбительные выражения. Еще больше осторожности должны проявлять члены сословия, возбуждая против своего сочлена обвинение в деянии не только позорном, но даже уголовнонаказуемом. (Харьк. 09/10-199; Мск. 92/93-71).

[1045] Совет неоднократно разъяснял в своих определениях, что присяжные поверенные должны с особой осторожностью, с особой заботливостью относиться к чести и достоинству своих товарищей, не допуская легкомысленно, или даже при наличности раздражения, такого отношения к товарище, которое направлено к нанесению ему такого тяжелого оскорбления, как отказ от подачи руки. (Мск. 10/11-90, ч. 3).

[1046] Заявление присяжным поверенным в поданной в Суд бумаге порицания своему товарищу в форме, выходящей за пределы общепринятой сдержанности (заявление такого отвода является «недостойным звания присяжного поверенного») является весьма предосудительным. (Мск. 01/ 02-216, ч. 2; 01/ 02-34, ч. 2).

[1047] Никакая сословная власть не может требовать от подчиненных ей членов сословия, чтобы они питали друг к другу только чувства благорасположения и приязни. Чувства эти только тогда

имеют цену, когда они свободны; обязательное навязывание их содействовало бы порче нравов, а не утверждению общественной нравственности. Свободы выражать свои личные, хотя бы и неприязненные, по отношению к товарищу чувства принадлежит всякому, лишь бы при этом не нарушались житейские приличия, т.е. не допускалось злословия, брани или клеветы. Нежелание выслушивать объяснения товарища не есть злословие, непризнание его за своего товарища не выходит за пределы области субъективных чувств, которые не могут быть никому принудительно ни воспрещаемы, ни навязываемы, потому что иначе нравственное значение товарищества лишилось бы всякого смысла. (С.-Пб. 96/97-92, Мск. 95/96-85).

[1048] Как бы ни был присяжный поверенный раздражен непоследовательностью и, отчасти, неделикатностью по отношению к нему ответчика, из чувства уважения к Суду, к носимому им званию и к личному и профессиональному достоинству своего противника-товарища, он обязан воздержаться от грубых, совершенно неуместных в судебной бумаге и притом крайне оскорбительных утверждений. Указание на то, что, по его личному убеждению, приведенные утверждения справедливы, что это «есть правда», которую всегда и «во всякой» редакции надлежит говорить перед Судом, не считаясь с тем свойством людей, что правда недружелюбно встречается ими, если она не делает им чести, не представляется, по мнению Совета, убедительным. Между той правдой, которая должна быть предлагаема адвокатом Суду, как материал для решения дела, и той, которая, по субъективному мнению адвоката, представляется справедливой характеристикой личности или приемов судебной борьбы противника, нельзя не признать весьма существенного различия. И если первая «правда» вполне уместна, обязательна и почтенна на Суде, то по отношению ко второй нельзя не придти к противоположному заключению, иначе пришлось бы мириться с тем, что судебное состязание адвокатов, вместо довлеющего ему серьезного делового характера, обратится в личные пререкания и препирательства со взаимным поднесением обидных и оскорбительных характеристик и с оправданием себя в таком грубом нарушении обязанностей профессии ссылкою на «правду» всегда «почтенную, уместную и красноречивую». (Мск. 03/ 04-440, ч. 2; 93/94-120, ч. 2).

[1049] В отзывах о своих товарищах по профессии, словесных и письменных, члены сословия присяжной адвокатуры не должны позволять себе выражений оскорбительных или унижающих их до-

стоинство, должны избегать характеристики их образа действий. (С.-Пб. 94/95-111).

[1050] Совет неоднократно высказывал в своих решениях, что присяжные поверенные, щадя достоинство товарища и вместе с ним и сословия даже в тех случаях, когда действительно имеются основания к раздражению, не должны в присутствии посторонней публики третировать товарищей и простирать свою несдержанность до явной грубости и оскорбления товарища. (Мск. 10/11-166, ч. 3; 83/84-78; 88/89-83).

[1051] «Нельзя ожидать от общества уважения к тому сословию, члены которого безнаказанно возводят друг на друга ни на чем не основанные обвинения в самых тяжких профессиональных проступках», «уважение к званию присяжного поверенного должно быть руководящим правилом в оценке действий товарища». Эти максимы уже давно были провозглашены Советом, и присяжному поверенному не знать их непозволительно. (Мск. 02/ 03-286, ч. 2).

[1052] Присяжные поверенные в своих отзывах о действиях своих товарищей не только в жалобах, подаваемых Совету, но и на словах должны быть умеренны и осторожны в выборе выражений, ибо уважение к званию присяжного поверенного должно быть руководящим правилом в оценке действий товарища. Особенно нужно быть осмотрительным в выборе выражений для оценки таких действий товарища, которые относятся к его деятельности, как поверенного противной по делу стороны. (Мск. 84/85-159; 02/ 03-184).

[1053] Если вообще нельзя относиться поверхностно к чужой репутации, подвергая ее заподозрению без достаточного основания, если такое бережное отношение к чужой личности предписывается элементарными правилами культурного человеческого общения, то тем более неуместно и непозволительно так относиться к репутации товарища. Нравственное чутье должно подсказать, что невозможно руководствоваться импульсивными побуждениями при оценке действий товарища, то товарищеские отношения налагают обязанности на каждого из членов сословия относиться с уважением к личности товарища. Это – азбука адвокатской этики. И товарищ, нарушивший эту первую заповедь адвокатского кодекса, без сомнения, подлежит серьезной дисциплинарной каре. (Мск. 08/09-238, ч. 3; 08/09-7, ч. 3).

[1054] Молчаливое выслушивание обидных нареканий не только на товарища, но и на все сословие присяжных поверенных, совместное с доверителем расследование правдивости заявлений товарища, подача жалобы на товарища с целью успокоить рассерженного доверителя, резкое уклонение от объяснений с товарищем, – все это обстоятельства, которых не может не отметить Суд дисциплинарный. Несомненно, что прежде, чем молча выслушивать обидные для товарища нарекания, присяжный поверенный, не уклоняясь от объяснений с товарищем, должен был выяснить себе все происшедшее. Еще неуместнее безмолвное выслушивание нареканий на все сословие, ибо вина одного (если даже в данном случае допустить таковую) не может падать на всех, и неосновательность подобного обобщения не могла не быть очевидной для присяжного поверенного. Сомневаясь в правдивости заявлений товарища, присяжный поверенный должен был, оберегая достоинство сословия, принять меры к разрешению своих сомнений без участия доверителя, не выставляя напоказ недоверия к товарищу. (Мск. 92/93-29, ч. 2).

[1055] Совет нашел поступок присяжного поверенного, подписавшего объявление о воспрещении одному из присяжных поверенных входа в комнату поверенных, неуместным. Объявление это, выставленное на дверях комнаты в здании Суда, могло быть прочитано всяким лицом, посещавшим Суд, а следовательно, заключало в себе публичное порицание действий члена сословия. Но присяжный поверенный не должен был присваивать себе права произносить решение о действиях присяжного же поверенного и налагать на него взыскание. Если действия товарища были предосудительны, то об них надлежало сообщить Совету, от которого и зависело бы постановить о нем свое заключение по надлежащем предварительном расследовании дела. (Харьк. 82/83-77).

[1056] Раньше, чем обращаться к товарищу по сословию с прямым обвинением в некорректном и нетоварищеском поступке, надлежит выяснить происшедшее недоразумение, выслушав объяснения. (С.-Пб. 09/10-490).

[1057] Угроза жалобою в Совет по поводу расчетов в присутствии постороннего лица вместо того, чтобы выяснить недоразумение путем спокойного обсуждения спорных обстоятельств или путем товарищеского посредничества, недостойна звания присяжного поверенного. (С.-Пб. 90/91-91).

[1058] Если для человека, сколько-нибудь дорожащего честью сословия, в которое он готовится вступить, недозволительно легкомысленное отношение к своей собственной личности и репутации, то тем обязательнее для него честное, добросовестное и приличное отношение к личности и чести товарищей. Поэтому обвинение, направленное против членов сословия, в целом ряде вероломных действий, не имеющее за себя ни фактических, ни юридических данных, обвинение, изложенное в резком и неприличном тоне, должно быть признано противоречием указанной профессиональной обязанности члена сословия. (Мск. 86/87-144).

[1059] В отношениях между присяжными поверенными словесное обещание одного из них, данное другому относительно исполнения возложенной на него обязанности, должно считаться для получившего такое обещание достаточным обеспечением того, что обещание будет исполнено. И потому, если бы обещавший что-либо исполнить за своего товарища, по случайному стечению обстоятельств, не мог сдержать своего слова, то для оказавшегося неисправным по вине своего товарища неисправность эта не может быть признана подлежащей какой-либо ответственности. А потому Совет нашел, что присяжный поверенный, положившийся на слово своего товарища, не может подлежать ответственности. (Мск. 83/84-45).

[1060] Присяжный поверенный позволил себе глубоко не этический поступок, выразившийся в том, что он сообщал заведомо неверные сведения о положении дела товарищу, передоверившему ему ведение этого дела. Такого рода поступок со стороны профессионального деятеля, для которого чувство правды должно быть особенно дорого, заслуживает, по мнению Совета, одной из высших форм дисциплинарной репрессии. (Харьк. 09/10-197).

[1061] Придавая ложную окраску фактам и излагая перед Судом неверные данные, с целью навлечь на товарищей судебное преследование, присяжный поверенный совершает такой профессиональный проступок, который не может быть оправдан ни стремлением оградить доверительские интересы, ни возможностью заблуждения в своем праве и в справедливости сделанных указаний. (С.-Пб. 90/91-98).

[1062] Разглашение о товарище вымышленных, предосудительных фактов следует признать поступком в высшей степени не-

достойным и вызывающим одно из самых строгих дисциплинарных взысканий. (Мск. 92/93-33, ч. 3; С.-Пб. 10/11-581).

[1063] Стремление оскорбить и унизить своего младшего товарища в публичном заседании Совет считает недопустимым. Подобный образ действий не может быть допустим на Суде не только в отношении товарища по профессии, но и в отношении всякого частного лица – противника по делу. Личные нападки в Суде, по справедливому указанию Бенедикта, «дискредитируют неприкосновенность свободы адвокатского слова, а между тем, в этой-то свободе лежит единственный залог достойного исполнения защитой ее задач». (Одес. 910-100).

[1064] Если субъективная оценка товарища по профессии перед доверителями – вопрос острый, при котором легко перейти должные грани, легко незаметно выступить из тех пределов корректности, той особой щепетильности, которая должна быть особенно присуща адвокату в оценке личности своего товарища по профессии, нередко конкурента, то, с другой стороны, критическое отношение не к личности, а способу ведения дела, избранной в процессе тактике, от которой может зависеть тот или иной исход дела, есть не только «святая святых», не только право каждого защитника чужих интересов, но есть его долг, профессиональная обязанность, сообразно внутреннему своему убеждению и пониманию, всеми силами содействовать правильной постановке процесса и разрешению его в благоприятном для доверителя исходе. (Каз. 10/11-188).

[1065] Совет нашел, что принимать на себя роль судьи, решающего вопрос о количестве вознаграждения, следующего поверенному за его труды по делу, присяжный поверенный права не имел и что принятую им на себя обязанность посредника он мог исполнить только бескорыстно и притом должен был ограничиться только советом или предложением товарищу уменьшить условленное вознаграждение. (Мск. 97/98-215).

[1066] Присяжные поверенные должны относиться с большой осторожностью к обвинению своих товарищей перед Советом, зная, как тяжело для дорожащего своим достоинством поверенного всякое обвинение и, тем более обвинение необоснованное, незаслуженное, однако, обязывающее его давать отчет и объяснение в своих действиях перед судом своих товарищей. (Мск. 09/10-414, ч. 3).

[1067] Всякий член корпорации должен особенно осторожно относиться к чести товарища и к чести сословия.

Во имя этой чести не только можно, но и должно принести жалобу на преступный или унижающий достоинство звания поступок товарища. Но эта же сословная честь, достоинство носимого звания, требует особенно бережного отношения к чести товарища, обязывает к особой осмотрительности при возведении на товарища какого-либо обвинения.

Соблюдение этого правила, обязательного при обвинении товарища перед Советом, судом товарищей, еще настоятельное при передаче дела уголовному Суду. (Харьк. 10/11-262; Мск. 88/89-20).

[1068] Присяжные поверенные могут оспаривать требования, предъявленные их товарищами по сословию в качестве истцов, но, принимая такие дела, они должны быть весьма осторожны и брать лишь такие дела, в которых неосновательность или чрезмерность иска для них несомненны. Чрезвычайная внимательность по таким делам требуется потому, что, оспаривая исковые требования товарищей по профессии, они подрывают доверие не только к утверждениям противника, но дискредитируют с неменьшею силою присяжную адвокатуру вообще. Такие последствия спора возлагают на присяжного поверенного обязанность быть очень разборчивым в выборе средств для защиты вверенных ему интересов. (С.-Пб. 08/09-328).

[1069] Принадлежность к сословию не дает, конечно, права на безнаказанность, и Совет далек от мысли предписывать членам сословия молчание и тайну перед проступком профессионального товарища. Напротив, борьба сословия с уклонениями, возможными в его среде, как и в каждой общественной организации, всегда была и будет залогом роста и нравственной силы сословия. Но Совет неизменно и настоятельно требует бережного отношения к чести товарища, видит в этом одну из первых обязанностей присяжного поверенного и полагает, что забвение этой обязанности неизбежно ведет к падению сословной чести, сословного достоинства. Не может претендовать на уважение извне та общественная группа, внутри которой, среди членов ее нет взаимного уважения. (Мск. 08/09-495, ч. 3; 09/10-95).

[1070] Вопрос о принятии на себя ведения судебных дел против товарищей по профессии не может подлежать какой-либо определенной регламентации. Находясь в зависимости от всевозможных

не поддающихся учету условий каждого конкретного случая, вопрос этот в то же время является делом личного такта, личных взглядов адвоката. Нельзя не признать, вместе с тем, правильность мнения о том, что адвокат в силу самого назначения своего – служить делу правосудия – не может оставить беззащитным обывателя, имеющего тяжбу с более сильным, вооруженным специальными познаниями противником, по добросовестному убеждению адвоката, нарушившим права его доверителя не в качестве товарища по профессии, а в качестве частного лица.

Конечно, в этих случаях адвокат, принимающий дело против товарища, должен проявить особую осторожность и сдержанность и, только исчерпав все средства и способы к выяснению путем личных переговоров возможности окончания дела мирным путем, обратиться к содействию подлежащего Суда. (Одес. 910-98).

[1071] Вправе ли присяжный поверенный отказать в юридической помощи доверителю под тем предлогом, что ему приходится выступать против товарища по профессии? В этом отношении Совет держится того мнения, что адвокатура есть род общественного служения, и посему оказание юридической помощи лицам, нуждающимся в ней, составляет не только право, но и обязанность адвоката. В деле исполнения этой обязанности адвокат должен быть честен и мужествен настолько, чтобы не поставить защиту своего доверителя в зависимость от лица, которое нарушает право последнего.

Малодушие не к лицу адвокату; в деле защиты правды он должен быть непреклонен так же, как непреклонна сама истина. Служебный долг для него должен быть выше его частных отношений, и потому связи товарищества так же мало дают ему права отказать в юридической помощи нуждающемуся, как мало дружба с подсудимым дает свидетелю право скрывать истину на Суде. (Каз. 10/11-271; Мск. 05/06-167).

[1072] Невозможно допустить, чтобы присяжный поверенный, зная, что его товарищ ведет на Суде известное дело, предлагал бы сам свою помощь его доверителю. Такое положение не может быть позволено с точки зрения профессиональной этики. (Новочерк. 07/08-88; Мск. 07/08-220, ч. 3).

[1073] Принимая к своему производству дела, которые ранее велись другим товарищем, присяжный поверенный, прежде всего, обязан выяснить, насколько ликвидированы отношения его нового доверителя к прежнему поверенному, и только тогда и в зависимо-

сти от полученных данных, может принять дело. (Мск. 09/10-381, ч. 2; 92/93-59, ч. 2).

[1074] Одна из печальных сторон адвокатской деятельности – это необеспеченность вознаграждения за труд, полная зависимость от добросовестности доверителя. Обязательства, которые выдаются доверителями, конечно, до известной степени, гарантируют адвоката, но при желании вознаградить себя за труд присяжному поверенному в высшей степени тяжело идти в Суд с требованием своего гонорара, и в большинстве случаев предпочитают отказаться от вознаграждения, чтобы не предъявлять иск.

Весьма часто, кроме того, бывает, что, использовав одного адвоката, доверитель, не вознаградив первого, идет к другому и т.д.; в таких случаях, конечно, товарищи должны взаимно друг друга поддерживать и защищать от недобросовестной эксплуатации чужого труда; нельзя принимать дела, не убедившись, что расчет с первым поверенным учинен. (Мск. 03/ 04-427, ч. 2; 01/ 02-95, ч. 2; 06/07-141, ч. 2).

[1075] При приглашении присяжного поверенного к ведению определенного дела доверителя, имеющего уже постоянного поверенного, нет основания для последнего за это обижаться на товарища. Отношения доверителя к поверенному свободны, и всякий доверитель волен иметь неограниченное число поверенных для разного рода дел и случаев. Посему, если доверитель, имея постоянного поверенного, приглашает для какого-либо дела другого поверенного, то на последнем не лежит обязанность предупреждать об этом постоянного поверенного, ибо это могло бы повести к ограничению воли доверителя в свободном выборе поверенного. Но, с другой стороны, Совет находит, что поверенный не должен употреблять никаких средств к доставлению себе доверителя, особенно, если доверитель имеет уже постоянного поверенного. По мнению Совета, вновь приглашенный поверенный, зная, что у доверителя есть уже постоянный поверенный, должен отнестись к своему приглашению с особенной осторожностью и щепетильностью, дабы не вызвать у товарища нарекания или подозрения в желании отнять у него доверителя. Посему поверенный должен, прежде всего, убедиться в том, что доверитель приглашает его добровольно по свободному выбору, а отнюдь не по случайному чьему-либо давлению (и притом, необходимо, чтобы приглашение исходило прямо от доверителя, а не от посредствующего лица). (Одес. 907-120).

[1076] Присяжный поверенный или помощник присяжного поверенного, приглашенный по избранию подсудимого защитником после того, как Судом уже был назначен защитник, безусловно, обязан уведомить последнего о своем приглашении, чтобы тем самым избавить своего товарища от напрасной траты труда и времени на приготовление защиты и от необходимости, ввиду предстоящего заседания, освободить себя на целое утро от других занятий. Несообщение или несвоевременное сообщение защитнику от Суда о таком приглашении, несомненно, должно вызывать неодобрение со стороны Совета, обязанного заботиться о поддержании товарищеских отношений. (Мск. 88/89-99).

[1077] Существует установившийся в адвокатской среде обычай, в силу коего товарищ, уведомленный о создавшейся для его противника невозможности выступить по делу, слушает последнее лишь в случаях, не терпящих отлагательства. (Одес. 910-131).

[1078] Вопрос, обязан ли присяжный поверенный, намеренный ходатайствовать перед Судом об отсрочке заседания, предупреждать о том товарища, в деле участвующего, должен быть разрешен в каждом отдельном случае сообразно обстоятельствам и особенностям данного случая. Уважение к труду и личности профессионального товарища, такт, обязательный для каждого из членов сословия, должны указывать путь к надлежащему разрешению упомянутого вопроса. Разнообразие случаев и положений устраняет возможность общего и общеобязательного правила. (Мск. 92/93-29, ч. 2).

[1079] Нравственные и материальные интересы членов адвокатского сословия требуют соблюдения взаимной предупредительности для того, чтобы не ставить товарищей под личную ответственность за опоздание в заседания. При многосложных обязанностях, лежащих на присяжных поверенных, опоздание чаще всего является последствием непредотвратимых случайностей, и если присяжный поверенный будет пользоваться отсутствием товарища для слушания дела без его бытности, и особенно для прекращения дела, не подлежащего возобновлению, то это, с одной стороны, отразится на судьбе неповинных доверителей, а с другой – будет вызывать нарекания и жалобы на присяжных поверенных за небрежность, т.е. будет омрачать честь всего сословия, и, в частности, вызовет частые столкновения, недовольство и ссоры между товарищами. (Одес. 907-139).

[1080] Имеет ли присяжный поверенный, лишенный возможности лично явиться в заседание Суда и желающий вследствие сего достигнуть отсрочки заседания, справедливое основание считать, что для представителя противной стороны, когда таковым является также присяжный поверенный будет обязательно, в силу товарищеских отношений, одностороннее заявленное о сем ходатайство. Совет полагает, что требование добрых товарищеских отношений и приличий не может простираться так далеко, чтобы вести к безусловно положительному разрешению означенного вопроса. Присяжный поверенный, представляющий противную сторону, имея несомненное законное право требовать слушания дела, не обязан непременно жертвовать этим правом и связанными с ним интересами своего доверителя, а может быть, и своими личными удобствами, во внимание к интересам и удобствам своего противника. Посему присяжный поверенный, желающий достигнуть отсрочки заседания по данному делу, должен, прежде всего, сообщить о таковом своем желании представителю противной стороны лично и, лишь получив прямое согласие своего противника на отсрочку, имеет основание считать эту отсрочку обеспеченною под условием соблюдения необходимых для того формальностей. (Мск. 899/900-56, ч. 2).

[1081] Присяжный поверенный не безусловно обязан идти навстречу просьбам товарища-противника об отложении дела или о заслушании дела не в очередь, а лишь в тех случаях, когда исполнение этой просьбы, вызванной серьезными мотивами, в свою очередь, не наносит ущерба интересам доверителя присяжного поверенного и не представляет для него лично почему-либо серьезных неудобств. (С.-Пб. 09/10-478).

[1082] Совет нашел, что присяжный поверенный, прося Суд слушать дело ранее очереди, без предупреждения о том противной стороны, поступил неправильно. Совет нашел в этом нежелательное в членах присяжной адвокатуры бесцеремонное или пренебрежительное отношение к правам противника, заслуживающее порицания. (С.-Пб. 94/95-99; Мск. 91/92-91).

[1083] Присяжный поверенный, сообщив своему товарищу о своем нежелании быть на заседании по делу и адресовав к нему просьбу, не являться также на заседание и затем, явившись на это заседание и пользуясь отсутствием товарища, отсутствие которого было вызвано действиями его же, просил прекратить дело, совер-

шил тем самым проступок, столь тяжкий с профессиональной точки зрения, что он требует со стороны Совета особого рассмотрения. (Мск. 07/08-7, ч. 3; С.-Пб. 84/85-8).

[1084] Совет нашел неправильными действия присяжного поверенного, который, не предупредив товарища и не имея неотложной необходимости уехать из заседания Суда, руководствуясь исключительно соображениями личного удобства, нашел возможным обратиться к Суду с ходатайством о слушании дела вне очереди, и, получив удовлетворение в этом ходатайстве, поставил своего товарища в вызывающее нарекание со стороны доверителя положение, а интересы последнего в опасность, вследствие неполных и односторонних показаний свидетелей, допрошенных в отсутствие поверенного истца. (Мск. 07/08-224, ч. 3).

[1085] По возникшему в судебной практике Совета вопросу о том, вправе ли присяжный поверенный, скрыв от своего доверителя служащий к его пользе документ, полученный им от поверенного противной стороны, возвратить оный последнему, по его просьбе, во имя товарищества, обусловливаемого исключительно одной только принадлежностью обоих поверенных к одному и тому же сословию, – Совет нашел, что не может представляться ни малейшего сомнения в том, что товарищеские отношения между присяжными поверенными, противниками по судебному делу, ничем не должны влиять на интересы сторон, участвующих в деле. Бесспорно также и то, что присяжный поверенный, являясь представителем интересов лица, доверившего ему дело, не вправе поступаться этими интересами ни во имя товарищеских, ни иных отношений, по силе данной им присяги и доверия, ему оказанного. По закону (308 ст. Уст. Гр. Суд.), присяжному поверенному предоставлено обмениваться бумагами по делу без посредства органов Суда, и всякий такой обмен, составляя закономерное действие, не может оставаться без последствий и быть уничтожен по желанию одной из сторон. Вследствие сего, если поверенный противника находит, что полученный документ имеет значение для интересов его доверителя, то он не вправе, без согласия последнего, удовлетворить желание или просьбу своего профессионального товарища, как поверенного другой стороны, о возвращении переданных бумаг. Во имя товарищеских отношений, естественно, присяжный поверенный может совершать лишь действия безразличные для правильного решения рассматриваемого Судом спора и не могущие, во всяком случае, влиять на разрешение спора по существу в направлении, вредном для его доверителя. По-

сему Совет нашел, что присяжный поверенный, отказывая в удовлетворении просьбы своего товарища, противника по делу, о возвращении переданных по 308 ст. Уст. Гр. Суд. документов, поступает совершенно правильно, а потому постановил: разъяснить, что присяжный поверенный, получив от товарища своего, как представителя интересов противной стороны, какие-либо бумаги, относящиеся к производящемуся делу, не вправе во имя товарищеских отношений возвратить оные обратно передавшему, по просьбе последнего, без согласия своего доверителя. (Мск. 92/93-VIII).

[1086] По ст. 308 Уст. Гр. Суд., присяжные поверенные могут показывать друг другу бумаги своих верителей и передавать копии их без посредства судебных приставов, но не обязаны это делать. В силу товарищеских отношений нельзя возлагать на них обязанность предъявлять противной стороне бумаги по делу до заседания Суда, так как это предоставлено вполне усмотрению каждого из присяжных поверенных. (С.-Пб. 89/90-80).

[1087] Предъявленное пред судьею ходатайство о занесении в протокол факта «разговора поверенного истца помощника присяжного поверенного со свидетелем», при отсутствии каких-либо доказательств, что разговор этот имел противозаконный характер, представляется, по мнению Совета, вполне недопустимым и роняющим достоинство носимого членами сословия высокого звания, которое ставит их выше подозрений в том, что они будут пользоваться в судебной борьбе таким незаконным и неряшливым средством, как подучивание свидетеля дать благоприятное для доверителя показание. Бросая публично такое подозрение в лицо молодого товарища, присяжный поверенный не мог не знать его неуместности и не сознавать его оскорбительности, а потому Совет считает его заслуживающим дисциплинарного взыскания. (Мск. 06/07-157, ч. 2).

[1088] Высказывать пренебрежительное отношение к национальности товарища неуместно, и в культурной среде людей интеллигентных и воспитанных это не должно быть допускаемо. (Мск. 03/01-59, ч. 3).

[1089] Несовместно с чувством уважения к товарищам возведение на них ни на чем не основанного обвинения в самом тяжком проступке. Несовместно с уважением к сословию поднесение в дар сословной библиотеке брошюры, на которой жертвователь основывает обвинение в тяжком проступке членов сословия. Такое отно-

шение к товарищам и сословию роняет достоинство звания присяжного поверенного в глазах общества. Невозможно ожидать от общества уважения к сословию, члены которого безнаказанно возводят друг на друга ни на чем не основанные обвинения в самых тяжких профессиональных проступках. (Мск. 84/85-151).

[1090] Заключение договора без участия своего противника непозволительно по отношению к товарищу. Считая противника алкоголиком и не совсем здоровым человеком, т.е. лицом, не вполне способным к охранению своих прав, присяжный поверенный, тем не менее, вел с ним переговоры и убеждал его окончить дело миром в отсутствие его поверенного. Из этого видно, что именно на слабости противника он и основывал свои надежды тогда как важно было присутствие его поверенного. Присяжный поверенный злоупотребил своими знаниями и невежеством контрагента. Заставляя своего помощника писать под диктовку недобросовестный договор, присяжный поверенный, несомненно, деморализовал своего помощника и, вместо преподавания ему основных начал сословного поведения, показал ему развращающий пример злоупотребления своими знаниями. (Мск. 09/10-497, ч. 3).

ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРИСЯЖНЫМИ ПОВЕРЕННЫМИ И ИХ ПОМОЩНИКАМИ

[1091] По мнению Совета, занятия помощника присяжного поверенного в таком случае могут быть признаваемы достаточною подготовкою для вступления впоследствии с сословие присяжных поверенных, когда занятия эти происходят под контролем и руководством тех присяжных поверенных, при которых помощники состоят. Согласно сему, постановлением Совета от 11 декабря 1869 г., хотя и признано за помощниками право принимать на себя ходатайства по делам и помимо присяжных поверенных, при которых они состоят, но с тем, однакоже, чтобы они немедленно сообщали им о каждом принятом таким образом деле. При существовании этого правила, помощник всегда предполагается ведущим дело, если не по поручению, то с разрешения, или, по крайней мере, с ведома своего патрона и под его наблюдением, а при такой тесной связи между присяжным поверенным и его помощниками участие последних в одном и том же деле в качестве противников могло быть равносильным, по своим последствиям, принятию на себя самим присяжным поверенным обязанности поверенного двух спорящих сторон, что

положительно воспрещено законом (402 ст. Учр. Суд. Уст.) и в видах поддержания достоинства адвокатского сословия и доверия к нему со стороны публики не должно быть допускаемо ни в какой форме. Хотя на практике и может случиться, что присяжный поверенный вовсе не знает о делах, начатых или продолжаемых его помощниками, но, тем не менее, и в этих случаях не должно быть допускаемо выступление помощников одного и того же присяжного поверенного противниками в процессе, потому что каждый из помощников имеет право во всякое время обратиться к своему патрону за необходимыми по делу указаниями и советами, и таким образом, присяжный поверенный, при котором эти помощники состоят, мог бы быть поставлен в неестественное положение советника или руководителя обеих тяжущихся сторон, а уже одна такая возможность неизбежно подрывала бы доверие к правильности действий, как помощников, так и самого патрона. По этим соображениям Совет признал, что помощники одного и того же присяжного поверенного не должны являться на Суд в качестве противников. (С.-Пб. 76/77-11, 12; 07/08-175 ч. 3).

[1092] Совет не признал правильным соображения присяжного поверенного о том, что «если он случайно и притом совершенно неожиданно столкнулся со своим помощником, как своим противником, то вопрос о том, кому из дела выступить, представляется вопросом частного соглашения, вполне дозволенного и иногда желательного». Совет признает, что такое соглашение не только не может быть желательным, но безусловно неправильно и отнюдь не должно быть допускаемо. Присяжный поверенный, очутившийся в таком положении, имеет один выход – выйти из дела и отнюдь его не вести даже в том случае, если бы помощник и отказался от ведения дела и притом совершенно добровольно. В противном случае, всегда возможны нарекания в том, что присяжный поверенный оказал давление на своего помощника, заставив его отказаться от дела, и, что особенно серьезно, возможны нарекания в том, что ввиду всегда предполагаемой солидарности и общения между патроном и помощником, подобный отказ нарушает интерес той стороны, которая представлялась помощником. (С.-Пб. 94/95-104).

[1093] Если выступление противниками в одном и том же гражданском деле патрону и помощнику возбраняется, то, конечно, один из них должен отстраниться от ведения дела, но этим лицом должно быть лицо, которое позднее вступило в процесс, совершенно независимо от профессионального ранга. (Харьк. 06/07-222).

[1094] Сотрудничество патрона и его помощника представляется обычным и совершенно нормальным явлением, причем патрон и его помощник по отношению к доверителю, поручившему дело патрону, рассматриваются как одно лицо, и отклонение от себя патроном ответственности пред доверителем за действия помощника, совершенные по его указанию или с его ведома, допущено быть не может. (С.-Пб. 09/10-373).

[1095] Передача дела помощнику не исключает обязанности присяжного поверенного быть всегда в курсе переданного помощнику дела и во всякое время быть в состоянии дать своему доверителю точные сведения о положении дела. (Мск. 09/10-254, ч. 3).

[1096] Останавливаясь на вопросе о том, насколько может быть ответственным присяжный поверенный за действия, совершенные его помощником, Совет нашел, что, так как дело было принято присяжным поверенным, велось по его поручению его помощником, и вознаграждение по делу было получено в пользу присяжного поверенного, то дело это должно рассматриваться как дело присяжного поверенного, и он также должен быть признан виновным, если по делу были допущены какие-либо неправильные действия, и если он со своей стороны не принял мер к предотвращению таких неправильных действий или к исправлению их, если они были произведены вопреки его распоряжениям. (С.-Пб. 09/10-508; Мск. 90/91-27; 899/900-25, ч. 2).

[1097] Помощник, поступая к патрону для практики и обучения, не может считать, что каждое поручение патрона должно быть оплачено. Едва ли эти поручения (подал по поручению патрона в Суд бумаги, вел переговоры с противной стороной) давали помощнику право на вознаграждение, составляя простое исполнение поручения патрона, тем более, что присяжный поверенный оказывал ему со своей стороны также значительные услуги, не только устроив его на службу, но и рекомендуя его разным лицам в качестве поверенного. (С.-Пб. 10/11-367).

[1098] Задержка в уплате помощнику условленного вознаграждения за его труд представляется явлением весьма нежелательным и несоответствующим тому достоинству, которое должен поддерживать присяжный поверенный в своих отношениях к помощнику. (С.-Пб. 10/11-363).

[1099] Совет не мог не обратить внимания на то, что присяжный поверенный, возлагая на помощника своего использование поручения по делу, требующему денежных затрат, не озаботился со своей стороны доставить ему средства для исполнения сего поручения и тем самым поставил его в необходимость прибегнуть к займу нужных ему на расходы по делу денег. Посему Совет определил: поставить на вид патрону недостаточность внимания и заботливости относительно интересов помощника при исполнении данного ему поручения. (Мск. 93/94-136, ч. 2).

[1100] Заменив своего помощника, по просьбе его, и приняв на себя обязанность выступить в веденном этим помощником деле лишь в одном заседании Судебной Палаты, присяжный поверенный не имел основания считать себя поверенным и на время последующего производства этого, для него чужого, дела, а потому без повторения просьбы и не мог явиться в новое заседание Палаты. Что же касается помощника, то Совет нашел, что ему должно быть поставлено на вид, что о возвращении доверенности и дел жалобщику он должен был своевременно сообщать своему бывшему патрону и тем предупредить возможность посылки этому последнему повестки Палаты и возникших отсюда нареканий. (Мск. 07/08-147, ч. 3).

[1101] Помощник присяжного поверенного получил от патрона полномочие на ведение дела. Впоследствии, за отчислением от патрона, он возвратил ему это полномочие, но тем не менее, продолжая поддерживать отношения с доверителем патрона, обратился к нему с предложением уполномочить его на окончание дела миром и, не получив ответа на свое письмо, вторично предложил свои услуги. Совет, находя, что помощник не мог, не нарушая правил адвокатской этики, входить в какие бы то ни было сношения с доверителем бывшего патрона, постановил подвергнуть помощника строгому взысканию. (Мск. 07/08-317, ч. 3).

[1102] Совет постановил: присяжному поверенному поставить на вид дачу необдуманного совета своему помощнику. (Мск. 88/89-119).

[1103] Имея в виду, что присяжный поверенный, зная о получении помощником векселя в уплату следовавшего ему вознаграждения за ведение его дел, не только не обратил его внимания на то, что принятый способ обеспечения своего вознаграждения неправи-

лен, но содействовал в учете полученного им векселя. Совет признал действия присяжного поверенного несогласными с лежавшими на нем обязанностями по отношению к его помощнику и подверг его взысканию. (Мск. 94/95-5, ч. 2).

[1104] Ничего предосудительного не содержится в том обстоятельстве, что несколько присяжных поверенных и их помощников обратились к патрону помощника с письмом. Считая по своему убеждению образ действий помощника неправильным, его товарищи имели полное основание обратить внимание его патрона на такую неправильность, ибо при той нравственной связи, которая соединяет патрона с его помощником, патрон есть первый и ближайший судья своего помощника. (Мск. 900/901-204, ч. 2).

[1105] Между присяжными поверенными и их помощниками редко существуют близкие отношения. Совет не может помешать этому, но не может и терпеть, чтобы присяжный поверенный считал себя вправе преследовать уголовным судом человека, который только что был его помощником, и которого он должен был поддерживать хотя бы примерами и советами. Имея это в виду, Совет признал поступок присяжного поверенного, представлявшего интересы доверителя, в высшей степени неприличным, тем более, что присяжный поверенный принимал на себя передачу пакетов от следователя к квартальному надзирателю, разыскивал квартального, возил его и т.п. Эти действия, совершаемые рассыльными и сыщиками, вовсе несовместны со званием и достоинством присяжного поверенного. (Мск. 77/78-48).

[1106] Совет усмотрел, что, явившись без приглашения в квартиру постороннего лица с целью расследования их родословной по делу об открывшемся наследстве после лица, имени которого помощник притом не знал или не считал себя вправе назвать, – он поставил себя в положение, не соответствующее званию лица, готовящегося поступить в ряды членов присяжной адвокатуры, и что неправильный в этом отношении образ действий его не меняет своего характера в зависимости от того, что исполненное им поручение исходило от его патрона, так как помощник отвечает за свои неправильные действия, хотя бы они поручены были ему патроном. (С.-Пб. 10/11-370).

[1107] Совет признает безусловно обязательным для помощника пребывание в месте постоянного жительства его патрона, под

непосредственным надзором и руководством которого он должен заниматься практикою в течение стажа. (Мск. 95/96-120, ч. 2).

[1108] Местожительство помощника должно быть всегда известно его патрону, а через него и Совету; Совет находит необходимым требовать безусловно от патронов, чтобы они во всякое время могли сообщить ему о месте нахождения их помощников. (С.-Пб. 89/90-18).

ПОВЕДЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ВНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

[1109] Совет не призван и не может простирать свой надзор на деяния присяжных проверенных в сфере жизни личной и домашней и в сфере их отношений семейных и частных. Деяния, хотя бы и предосудительные, в этих сферах совершенные, остаются вне контроля и осуждения Совета, как сословного суда, потому что остаются обыкновенно без огласки и вследствие этого безразличны для репутации человека вообще и для репутации его, как члена известного сословия. Но, как скоро вследствие огласки, приобретенной тем или другим путем, деяние частной жизни члена известной корпорации становится предметом критики общественного мнения, в ущерб доброму имени виновника, так с этого момента и те факты частной жизни не могут оставаться безразличными для корпорации, к которой виновник принадлежит, и потому могут и должны стать предметом оценки сословного суда. Тем более юрисдикции этого суда подпадают такие деяния, которые сразу становятся гласными, благодаря тому, что происходят вне замкнутой сферы домашней и частной жизни; совершаясь публично, деяния эти необходимо должны вызвать оценку и репрессию со стороны сословного суда всякий раз, как, по свойству своему, такие деяния способны разрушить то уважение и то доверие со стороны общества, в котором нуждается и имеет право лицо, облеченное, по званию члена известной корпорации, общественным доверием или правами и обязанностями в сфере общественной или государственной деятельности. (Решение Общего Собрания Кассац. Депар. Сената, 1876 года по делу Родзевича). (Харьк. 82/84-84-85).

[1110] Присяжный поверенный не может подлежать дисциплинарному суду Совета за действия, касающиеся сферы его частной, домашней и хозяйственной жизни, если эти действия не имеют

характера преступного или предосудительного настолько, что лишают присяжного поверенного доверия, свойственного его званию. (С.-Пб. 87/88-25).

[1111] Достоинство всего сословия присяжных поверенных и лично каждого из них безусловно требует, чтобы в отношениях своих к частным лицам, хотя бы и не по обязанностям своего звания, присяжный поверенный сохранял полнейшее самообладание и не лишался бы ровности и спокойствия в объяснениях с частными лицами и в требованиях своих, к ним предъявляемых, как бы несправедливы, несносны и назойливы не были частные лица в своих притязаниях. (Мск. 85/86-180).

[1112] Присяжный поверенный, без нарушения достоинства своего звания, не может в письмах своих по чисто частным отношениям не соблюдать спокойствия в изложении своих суждений и полного приличия в выражениях даже и в том случае, если бы присяжному поверенному приходилось отвечать на письмо, заключающее в себе неправильные намеки на неблаговидность его действий, ибо сдержанность и самообладание в словах и действиях присяжного поверенного должны быть одним из главных руководящих начал его деятельности. (Мск. 83/84-68; 94/95-8, ч. 2).

[1113] Практикою Совета твердо установлено, что присяжные поверенные, как в защите чужих, так и в защите своих прав и интересов должны прибегать только к добропорядочным и законом для того установленным средствам; во взведении же на своих противников каких-либо обвинений они должны быть крайне осторожными. Особенная осторожность требуется при обвинениях политического характера, ввиду важности преступлений этого рода и тех особых полномочий на принятие в порядке административном часто весьма тяжких мер, которыми облечены места и лица, ведающие дела о государственных преступлениях. А так как всякое обвинение должно иметь предметом своим указание на определенное преступное деяние, то заявление о чьей-либо политической неблагонадежности, сделанное на основании частной переписки, заключающей в себе лишь общие, хотя бы и неправильные и превратные суждения и взгляды на вопросы нравственности, религии, общественного и государственного строя, высказанные притом вскользь по поводу тех или других текущих событий, само по себе представляется весьма предосудительным. Когда же такое заявление вызвано не желанием оградить неприкосновенность общественного или государственного

строя и вообще не заботами об общем благе, а стремлением достигнуть личной цели, удалить опасного противника, то это составляет поступок, совершенно несовместимой со званием присяжного поверенного, как подрывающий в корне то уважение, которым он должен пользоваться в обществе. (С.-Пб. 93/94-75).

[1114] Совет не может не выразить своего возмущения по поводу того, что присяжный поверенный, нося звание присяжного поверенного, был настолько неразборчив в своей частной деятельности, что не только вступил в члены общества, по характеру своему клуба, не имевшего ничего общего с общественными интересами, но и принял в нем руководящую роль председателя. Ему небезызвестно было, с какими ярко антиобщественными целями создавались у нас клубы; он не мог не знать, что целый ряд открывшихся с 1905 г. клубов имел характер игровых домов, что для открытия и поддержания таких домов, по самому характеру их деятельности, приходится прибегать к нечистым приемам; не мог не понимать того, что там, где нужны такие приемы, невозможно, неуместно и нетерпимо участие присяжного поверенного. А потому такое участие присяжного поверенного должно вызвать со стороны Совета, как блюстителя чистоты сословия и добрых нравов, суровое взыскание. (Мск. 08/09-32, ч. 4).

[1115] Появление в публичном месте в состоянии опьянения само по себе составляет проступок, допущение же при этом оскорбительных выражений заслуживает порицания. (Мск. 98/99-163, ч. 2; 83/84-19; 89/99-191, ч. 2; 02/3-381, ч. 2).

[1116] Хотя посещение ресторанов и относится к области частной жизни, однако, оно подлежит оценке Совета в тех случаях, когда сопряжено с отправлением профессиональных обязанностей или совершается по поводу исполнения этих обязанностей. В настоящем случае такое посещение совместно с пьяным, невежественным и не совсем здоровым человеком–противником представляет совершенно непозволительный поступок. (Мск. 09/10-498, ч. 3).

[1117] Неплатеж присяжным поверенным в срок по данным им обязательствам не может служить основанием к возбуждению дисциплинарного преследования, ибо и потребность в займе денег и затруднение в производстве в срок расчета представляют из себя явления, сами по себе ничего общего с профессиональным долгом присяжного поверенного не имеющие. Но, тем не менее, и эти явле-

ния могут оказаться осложненными такими предвходящими моментами, которые могут определять и самый заем, а также и уклонение от платежа, как деяния, вообще недопустимые, а, тем более, для присяжного поверенного, поступки коего всегда должны соразмеряться с чувством долга и требованиями закона. Если бы, например, оказалось, что присяжный поверенный укрывается от получения повестки по предъявленному к нему иску или скрывает от описи свое имущество, переводит его на чужое имя и т.п., то, само собою, Совет отнесся бы к такому проявлению со строгим порицанием. Точно также и выдача присяжным поверенным заемных обязательств может быть осложнена фактом покрытия таким путем взысканных доверительских денег, не оказавшихся налицо ко времени расчета. (Мск. 08/09-498, ч. 3; С.-Пб. 09/10-584; Одес. 908-49).

[1118] С точки зрения Совета было бы весьма желательным, чтобы члены сословия в точности исполняли принятые ими на себя общегражданские обязанности. Тем не менее, простирать свою дисциплинарную власть до той границы, дойдя до которой эта власть становится регулятором имущественных отношений между членами сословия и членами общества вообще, Совет не может, так как это завело бы за пределы той власти, которая предоставлена ему по закону. (Мск. 01/ 02-20, ч. 2).

[1119] Задолженность присяжного поверенного есть факт крайне прискорбный, но, однакоже, не такой, который сам по себе мог бы служить достаточным поводом к дисциплинарной ответственности. Было бы лучше, если бы присяжные поверенные не доводили своих кредиторов до судебного понуждения, факт несвоевременной уплаты денег по займам или иным сделкам, факт полной задолженности, вредя лично присяжному поверенному, не всегда может считаться достаточным основанием для вмешательства дисциплинарного суда. (Мск. 88/89-91).

[1120] Присяжный поверенный должен быть точен в исполнении принятых им на себя обязательств как в своей профессиональной деятельности, так и в частной жизни, ибо всякая неисправность в этом отношении может подорвать доверие к нему общества. Поэтому присяжному поверенному следует быть крайне осмотрительным при заключении сделок и не принимать на себя обязательств, исполнить которые он будет не в состоянии. Но раз сделка заключена, обязательство принято, исполнить его, по мере возможности, как бы это ни было невыгодно или даже разорительно, становится де-

лом чести, долгом присяжного поверенного. (Мск. 85/86-237; 84/85-129; 83/84-78).

[1121] Присяжный поверенный должен избегать выдачи таких обязательств, которых он исполнить не может. (С.-Пб. 09/10-553).

[1122] Не отвергая нигде своего долга и своей обязанности уплатить его, присяжный поверенный не только добился того, что в иске с него по одним только формальным основаниям (за пропуском годичного срока для доказательств торговыми книгами) было отказано, но настоял у мирового судьи на взыскании с торгового дома вознаграждения за ведение дела, как за неосновательный иск, и взыскал его с торгового дома принудительным порядком; такое присвоение себе того, что присяжный поверенный обязан был уплатить другому, соединенное с обогащением себя на счет этого последнего, является действием, совершенно несовместимым с представлением о действиях человека, дорожащего репутацией человека честного, действием неопрятным в моральном отношении и в высшей степени предосудительным. (Мск. 06/07-231, ч. 2)

[1123] Присяжный поверенный или не должен давать ручательств и обещаний в решительной и категорической форме, или, если таковые им даны, должен их исполнить. (Мск. 06/07-186, ч. 2; 93/94-136, ч. 2).

[1124] Совет подверг взысканию помощника присяжного поверенного за то, что он, состоя должным за квартиру и оставляя место своего жительства без указания, куда выбыл и когда именно вернется, подал повод думать, что скрывается умышленно, во избежание имеющего быть предъявленным к нему иска. (Мск. 01/ 02-41, ч. 3; 91/92-129).

[1125] Присяжный поверенный выдал в получение денег за землю расписку без оплаты гербовым сбором. Совет нашел, что ответственность за оплату гербовым сбором должна в этом случае лежать на присяжном поверенном как на лице, знающем законы, и совершившем договор с малограмотными людьми. (Мск. 09/10-104, ч. 3)

[1126] Помощник присяжного поверенного пользовался трудом безработного в кредит, уволил его от службы, не рассчитавшись с ним, и только Судом бывший письмоводитель мог осуществить

свое не только юридическое, но и нравственное право на ничтожный заработок. Такие действия позорят сословие. (Мск. 08/09-202, ч. 3).

[1127] Присяжный поверенный, в силу носимого им звания и ради охранения личного достоинства, тесно связанного с его профессиональной деятельностью, не должен допускать в расчетах с лицами, имеющими с ним дело, никаких предосудительных приемов с целью избежать платежа долгов. (Мск. 85/86-176).

[1128] Присяжный поверенный, получив уведомления от Комитета общества для пособия нуждающимся студентам, приглашающие его уплатить долг Комитету или указать способ уплаты, оставил эти приглашения без всякого ответа, а когда по сему предмету со стороны Комитета было предъявлено требование судебным порядком, то оспаривал иск давностью. Такие действия присяжного поверенного, по мнению Совета, заслуживают строгого порицания. Присяжный поверенный, как получивший высшее образование, должен был сознавать свою нравственную обязанность уплатить долг Комитету, пришедшему ему на помощь в трудные дни университетской жизни, тем более, что он должен был знать затруднительность для Комитета, по недостатку средств, в должной степени оказывать материальную помощь молодым людям, стремящимся к высшему образованию. Если вообще оставление обращающихся с запросами без ответа должно быть признано предосудительным, то оставление без ответа трех приглашений Комитета, ввиду особого характера этого долга, должно быть признано непростительною небрежностью. Самое допущение предъявления этого требования судебным порядком должно быть поставлено в вину присяжному поверенному. Объяснение его по сему предмету нисколько даже не смягчает его вины. Указанию его на неимение средств к уплате Совет не может придать существенного значения, ибо, если действительно он не располагал такою сравнительно незначительною суммой, то должен был изыскать средства для уплаты долга. (Мск. 97/98-211).

[1129] Присяжный поверенный фиктивно отметился выбывшим из города с целью избежать взыскания с него по исполнительному листу. Прием этот, как направленный к введению в заблуждение взыскателя и судебного пристава, представляется наименее извинительным для присяжного поверенного, призванного содейство-

вать, а не препятствовать правильному отправлению правосудия. (Мск. 86/87-126; 87/88-88).

[1130] Должно считаться предосудительным для присяжного поверенного уклонение от принятия повестки о предъявленном к нему иске. Если даже допустить, что присяжный поверенный не находился в городе во все те сроки, когда к нему направляли повестку, то все-таки представляется непростительным с его стороны то обстоятельство, что он, будучи осведомлен о предъявленном к нему иске, в течение полугода не явился в канцелярию Суда для добровольного принятия повестки. (Мск. 899/900-68, ч. 2; 83/84-84; 09/10-559, ч. 3).

[1131] Не подлежит сомнению, что вторжение в семейную область суда дисциплинарного может быть допускаемо лишь с крайней осторожностью как ввиду трудности, а иногда и совершенной недоступности, указанной области для исследования, так, главным образом, и потому, что такое вторжение может создать контроль, выходящий за пределы власти и прав профессионального дисциплинарного суда, и может грозить нравственной свободе лица. Однако, нельзя не признать, что и в упомянутой области возможны случаи, когда сословный дисциплинарный суд не может бездействовать. Когда интимная супружеская жизнь становится предметом публичной огласки, когда члену сословия инкриминируются действия, противные требованиям общей, а следовательно, и профессиональной нравственности, когда, таким образом, на глазах всех падает тень на достоинство сословного звания, – Совет не только вправе, но и обязан осуществить присвоенное ему право надзора. Этого требует и личный интерес обвиняемого, и достоинство сословия и нарушенное чувство справедливости. (Мск. 08/09-185; 08/09-82, ч. 3).

[1132] Совет нашел, что просьба г-жи N о понуждении помощника присяжного поверенного давать средства на содержание и воспитание своей дочери не может подлежат рассмотрению Совета за силою 1 ст. Уст. Гр. Суд. Как бы ни была в данном случае справедлива в существе своем эта просьба, и как бы ни было, с другой стороны, велико желание Совета принять какие-либо меры к тому, чтобы понудить помощника присяжного поверенного к исполнению обязанностей, возложенных на родителей 172 и 173 ст. т. X ч. 1 св. Зак. Гр., Совет, к своему сожалению, в настоящем случае ничего не может сделать. По закону, Совет не составляет собою судебного ме-

ста и не имеет права ни разрешать споров о праве гражданском, ни принимать понудительных мер к тому, чтобы члены сословия исполняли свои обще-гражданские обязанности. Вследствие этого Совет, находя, что разрешение вопроса об удовлетворении просьбы г-жи N выходит за пределы предоставленной ему законом власти, определяет: просьбу ее оставить без рассмотрения. Но вместе с тем, устраняя себя от разрешения того вопроса, разрешение которого выходить за пределы его компетенции, Совет считает своим нравственным долгом войти в рассмотрение другого вопроса – вопроса о том, насколько соответствует достоинству человека вообще и достоинству члена сословия в особенности образ действий того лица, которое уклоняется от исполнения обязанностей, возлагаемых на него законом, природой и условиями человеческого общежития?.. Безнравственна бездеятельность при виде чужого страдания; неизмеримо безнравственнее она при виде страданий своих собственных детей. Кто не видит в этом ничего настолько серьезного, что все оправдание такому образу действий находит единственно лишь в указании на отсутствие средств, для того цель, и содержание многих самых священных обязанностей – пустой звук. Такая точка зрения на свои обязанности, перенесенная из области теории на практическую почву, должна возыметь самые пагубные последствия для всякого рода деятельности и парализовать всякое желание вносит в свою жизнь ту серьезность, без которой немыслимо исполнение долга… Если отец сам так или иначе «перебивается», то, прежде всего, он должен был доставить эту возможность перебиваться для своей дочери и для этого использовать все доступные человеку виды не только умственного, но и физического труда. И ни собственные его страдания, ни страдания близких ему в настоящее время людей не могли быть приняты в этом случае во внимание, потому что воспитание своей дочери, удовлетворение необходимых потребностей ее духа и тела есть требование высшее, требование нравственное, превышающее по своему достоинству всякого другого рода страдания в требования… Инстинкт, не охраняемый и не руководимый моральными верованиями, становится бессильным в деле установления достойных правил поведения, и достойное желание отцов осуществить в своих детях то, чего недостает им самим, совершенно, по-видимому более предоставить дочь своей собственной судьбе, нежели быть для нее руководителем той науки, которая наставляет детей обходиться со временем без помощи родителей и воспитывать самих себя… То, что в интересах потомства руководить действиями животного, что угадывает сердцем ребенок, на что дает немедленно практический ответ последний нищий, все это у него от-

сутствует и оправдывается им неимением средств. Обсуждая такой образ действий и оценивая нравственный облик лица, его допустившего, Совет приходит к заключению, что обнаруживший такую степень нравственного падения человек не может быть более терпим в сословии. (Мск. 01/02-34-38, ч. 3).

[1133] Присяжный поверенный, дающий деньги под заклад, берущий себе заложенные вещи и не учиняющий расчета с должником или, по меньшей мере, не дающий себе труда облечь расчет в такую форму, которая не допускала бы никаких нареканий, и, наконец, дающий Совету заведомо неверные объяснения, недостоин оставаться в сословии. (Мск. 93/94-6, ч. 2).

[1134] Присяжный поверенный должен соблюдать одинаковое ровное и вежливое отношение со всеми людьми, независимо от их чина и должности. Непозволительно адвокату делить людей на два разряда: одних, имеющих свободный доступ в его кабинет, а других, обязанных стоять и томиться ожиданием в передней. Всякий, кто приходит к адвокату, должен встретить одинаковый прием, соответствующий его человеческому достоинству, а не чину, званию или состоянию. (Мск. 03/ 04-46, ч. 3).

[1135] Крайне неблаговидно для присяжного поверенного пользоваться неточностями и противоречиями в составленном им самим документе; от него, как от человека, сведущего в законах и опытного в составлении деловых бумаг, всякий вправе ожидать составление документа правильного, ясного, не допускающего сомнения, и потому самые ошибки уже заслуживают порицания, а толкование их в свою пользу легко может вызвать подозрение в намеренном допущении этих ошибок и неясностей. (Мск. 87/88-152).

[1136] Присяжный поверенный счел уместным обратиться к содействию гг. обер-полицмейстера и начальника сыскного отделения для убеждения взыскателя не взыскивать всей той суммы, которая присуждена ему Судом, и на которую выдан ему исполнительный лист. Такой образ действий заслуживает строгого порицания потому, что присяжный поверенный, независимо от исполнения обязанностей своей профессии, по мнению Совета, должен даже и вне круга своих профессиональных обязанностей держать себя с тем достоинством, которое прилично носимому им званию; вступая в сословие, он принял на себя по тексту присяги обязательство исполнять закон и не колебать уважения к Суду; будучи обязан по своему

званию знать, что закон дает право лицу, выдавшему безденежный или не вполне валютный вексель, обращаться к защите Суда, он не пожелал вступить на этот законный путь. (Мск. 87/88-105).

[1137] Совершенно невозможно и непозволительно для присяжного поверенного, обязанного служить делу правосудия, исполнять всякого рода частные заказы, низводя свою деятельность до степени ремесла. (Мск. 01/ 02-118, ч. 2).

[1138] Совет поставил присяжному поверенному в вину опрометчивую короткость отношений его с человеком, в нравственной неблагонадежности которого он имел случай убедиться при первом же деловом столкновении. Совет полагал, что присяжный поверенный заслуживал бы за это строгого взыскания. (Мск. 87/88-111).

[1139] Присяжный поверенный, несмотря на неоднократные понуждения его Сиротским Судом через полицию к исполнению указа, донесений никаких Суду не делал. Сиротск. Суд просил Совет понудить опекуна к исполнению указа сего Суда. Принимая во внимание, во-первых, что опекуны состоят в непосредственной подчиненности тех мест, от которых каждый из них определен (ст. 259, X т., ч. 1) и, во-вторых, что надзор за исполнением опекунами их обязанностей, а равно и взыскания за неисполнение таковых принадлежит, по закону, этим же местам, – Совет постановил присяжного поверенного дисциплинарной ответственности не подвергать. (Мск. 92/93-11).

[1140] Присяжный поверенный, будучи назначен опекуном, не передал полученных им ценностей и уклоняется от дачи отчета. Совет нашел, что такого рода поведение делает дальнейшее пребывание присяжного поверенного в сословии нетерпимым, тем более, что никаких хотя сколько-нибудь извиняющих его обстоятельств не оказывается. (Мск. 03/ 04-47, ч. 3; 96/97-6; С.-Пб. 09/10-610).

[1141] Общее Собрание присяжных поверенных СПб. Округа, состоявшееся 1 марта 1909 года, единогласным постановлением признало несовместимым азартную игру с званием присяжного поверенного и большинством голосов постановило, что за азартную игру в клубах и общественных местах Совет имеет право подвергать членов сословия ответственности в дисциплинарном порядке вплоть до исключения их из сословия. (С.-Пб. 08/09-76).

[1142] Московский Совет не находит возможным предписывать присяжным поверенным совершенное воздержание от игры; столь же невозможным находит Совет и классифицировать игры на азартные и неазартные и указывать, какие игры для присяжных поверенных допустимы и какие нет. Не говоря уже о том, что такая нормировка заставила бы ведаться с целой массой не поддающихся исследованию индивидуальных условий, так как то, что рискованно при одних условиях или для одного, может быть нерискованным для другого или при других условиях, – указанная нормировка явилась бы таким видом опеки, который совершенно несовместим с достоинством полноправного сознательно действующего человека. Совет может лишь выразить самое серьезное и категорическое требование, чтобы и в рассматриваемой сфере присяжные поверенные блюли неприкосновенным свое человеческое и профессиональное достоинство. Люди, призванные быть руководителями и советчиками в самых сложных и запутанных житейских положениях, несомненно, и без специальной Советской указки найдут в себе достаточно нравственной и умственной силы для выполнения приведенного выше требования. (Мск. 900/901-139, ч. 2).

[1143] Совет уже неоднократно высказывался о нежелательности для сословия азартной игры вообще; но, высказывая свой принципиальный взгляд по этому поводу, Совет, однако, не находит возможным с дисциплинарным кодексом вторгаться в сферу частной жизни товарища и как бы создавать опеку; иное дело, когда речь идет не о самом факте игры, а о тех действиях, которые, проистекая из игры, роняют, как в данном случае, честь и достоинство звания, – тогда надзирающая власть Совета должна вмешаться, должна высказать слово осуждения. (Мск. 05/06-222, ч. 2).

[1144] Представление об игроке, ведущем “азартную игру”, несовместимо с представлением о присяжном поверенном, члене сословия, преследующем важные общественные задачи служения правосудию, отстаивания прав личности, развития правосознания страны, улучшения ее законодательства. Еще менее соответствует достоинству носимого присяжным поверенным звания игра в кредит, когда свих денег нехватило, и ему приходилось унижаться до роняющих его достоинство кредитных операций. (Мск. 09/10-543, ч. 3; 05/06-222, ч. 2; 09/09-260, ч. 3).

[1145] Невозможно допустить мысли, чтобы человек, изобличенный в недобросовестной игре в карты, оставался незапятнанным

общественным деятелем в области, ничего общего с картами не имеющий. Нравственный облик его, определенно выяснившийся хотя бы в сфере общественных развлечений, несомненно, должен колебать мнение о нем, как деятеле общественном и даже профессиональном. Едва ли нужно пояснять, какой характер носит игра, когда при проигрыше деньги не уплачиваются. Такие действия по игре не допустимы. Такими действиями игрок, кто бы он ни был, набрасывает слишком густую тень на свою репутацию и вызывает чувство глубокого стыда за себя самого в среде окружающих; тем более, если такие действия допускаются присяжным поверенным: страж законности и корректности позорит себя, забывая, что позор этот падает на него и как на члена корпорации, к которой он принадлежит, а тем самым вызывает нарекания и на всю корпорацию, подрывая ее престиж в глазах общества. (Иркут. 07/08-79; Мск. 08/09-254, ч. 3)

[1146] Совет подверг дисциплинарному взысканию помощника присяжного поверенного, отправившегося с неизвестными ему людьми в неизвестную квартиру для игры в карты, где и был обыгран, признав, что, совершив это, помощник выказал непростительное легкомыслие и неразборчивость при выборе своих знакомств, что и имело следствием крайне печальные для него последствия; Совет не может одобрить такого безразличного отношения к выбору места и повода для знакомств. (Мск. 08/09-141, ч. 3).

[1147] Совет нашел, что биллиардная игра на деньги в публичном месте. Игра, носящая характер азартной, для члена сословия недопустима, и тем более недопустимо делать “долги чести”, а потом не платить их. (Мск. 09/10-489, ч. 3).

[1148] Участие присяжного поверенного от своего имени в публичных торгах на имущество, – на которое им же, как поверенным другого лица, обращено взыскание, – в интересах достоинства корпорации вообще нежелательно, даже после прекращения действия доверенности. Но, во всяком случае, если в такое положение, по каким бы то основаниям ни было, мог быть поставлен присяжный поверенный, для него безусловно необходимо располагать несомненными и точными доказательствами, что обязанности его, как поверенного взыскателя, закончены совершенно. (Мск. 92/92-76, ч. 2).

[1149] Исходя из положений, устанавливающих пределы юрисдикции Совета, и оценивая конкретный случай в деятельности

присяжного поверенного, Совет находит, что рассматриваемая телеграмма послана была им, как председателем Отдела Союза Р.Н., т.е. от определенной политической партии, с просьбой не давать амнистии и сохранить смертную казнь и содержит в себе открыто выраженное credo по вопросам об амнистии, смертной казни и политической задаче правительства в данную минуту, которую можно не разделять и даже скорбеть об ее существовании и осуществлении; но, тем не менее, с точки зрения свободы убеждений и их честности, нельзя относиться к присяжным поверенным с порицанием в смысле репрессии со стороны сословного надзора. Совет с грустью отмечает только проявление в телеграмме явного непонимания, заключающегося в отождествлении смертной казни, как государственного института с кровавыми эксцессами революционеров в области протеста против существующего строя, – отождествлении, равносильном отрицанию научных основ государственности. (Одес. 907-36).

РАЗЪЯСНЕНИЯ СОВЕТОВ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ПО РАЗНЫМ СЛУЧАЯМ, НЕ ВОШЕДШИМ В ПРЕДЫДУЩИЕ ГЛАВЫ

[1150] У присяжных поверенных и их помощников не может быть отнято право, – действуя на поприще общественном и литературном, относиться со свободною критикою к явлениям их сословной жизни и характеризовать, согласно своему личному взгляду и убеждению, настроения, замечаемые ими в жизни сословия. (Мск. 900/901-204, ч. 2).

[1151] Члены корпорации, по мнению Совета, должны относиться друг к другу с уважением, не позволяя себе публично, а тем более печатно, резких отзывов и обвинений в недобросовестных поступках, но, убедившись в неправильности или недоброкачественности действий товарища, обязаны заявить о том корпоративному суду-Совету. Обвинение одним присяжным поверенным другого помимо Совета в печати имеет то невыгодное для всего сословия последствие, что общество легко обобщает подобные единичные обвинения, чем уменьшается уважение ко всей корпорации. Еще в журнальных постановлениях 1 марта 1872 и 17 марта 1875 года Совет высказал: «Всем желательно, чтобы недоразумения, возникающие между присяжными поверенными, были безотлагательно доводимы до сведения Совета без возведения друг на друга преждевременных обвинений, которые, при ближайшем рассмотрении дела,

могут оказаться лишенными достаточного основания». (Мск. 84/85-98).

[1152] Если поверенные сторон, излагая в своих бумагах и в словесных объяснениях Суду обстоятельства дела, основываются на сообщениях, даваемых им их доверителями, то они вообще не могут быть ответственны за неточность или неверность этих сведений, ибо они действуют в этих случаях по доверенности и уполномочию своих доверителей; но если тот же поверенный без всякой ссылки на источник полученного им сведения помещает заметку в печати или дает материал для такой заметки и излагает при этом обстоятельства не только неверно, но даже и несогласно с тем материалом, который ему сообщен доверителем, то он, очевидно, сам и отвечает за эти действия и не может уже затем прикрываться ролью поверенного. (С.-Пб. 10/11-411).

[1153] Печатая свою газетную статью, с целью повлиять на читающую публику, а следовательно, и на судей, присяжный поверенный, должен был понимать незаконность и неприличие способа воздействия на Суд накануне решения дела, способа, мало чем отличающегося от так называемого «забегания с заднего крыльца», – недопустимость какового газетного приема сознана была еще в 1875 году постановлением С.-Петербургского Совета, признавшего, что адвокат, обсуждающий в печати деятельность своих товарищей по корпорации с целью достижения своих адвокатских целей, «прибегает к неблаговидному несудебному средству состязания, которое может быть совсем недоступно противной стороне» и которое противно закону, требующему, чтобы «судьи убеждались по возможности только тем, что пред ними раскроется на Суде». (Макалинский, «С.-Петербургская адвокатура», § 66). (Каз. 08/09-72).

[1154] Присяжный поверенный должен ясно представлять себе, какое значение имеет обвинение, брошенное путем прессы в количестве нескольких сот тысяч в общество. Доведение до всеобщего сведения о поступках данного лица есть мера чрезвычайная, допустимая лишь в самых крайних случаях». (Мск. 10/11-219, ч. 3).

[1155] Совет нашел, что присяжный поверенный, состоя поверенным Правления Общества и дозволив себе сообщить репортеру газеты сведения о делах Общества во вред своему доверителю, совершил серьезное профессиональное нарушение. Ознакомившись с этой заметкой и усмотрев в ней искажение его слов и сообщение

даже неверных сведений во вред своему доверителю, присяжный поверенный допустил еще большее профессиональное нарушение, оставляя это сообщение без опровержения. (Мск. 03/ 04-358, ч. 2).

[1156] Решения присяжных заседателей, как и Суда вообще, подлежат гласному обсуждению, а потому как одобрению, так и порицанию, но при этом справедливо требовать, чтобы выражаемые в таких случаях суждения по форме своей ни в чем не нарушали того уважения, которое должно оказывать в печати органам судебной власти. В особенности адвокату, и притом пишущему по своему делу, приличествует особая сдержанность по адресу Суда, постановившего решение, несогласное с его воззрением на дело. (Мск. 87/88-130).

[1157] Член сословия, совершая сделки по доверенности или от своего имени, не имеет права заключать акта фиктивного, а должен стремиться к тому, чтобы в действительности акт изображал в себе ту сделку, которую он должен оформить. (Мск. 76/77-57; 05/06-220, ч. 2; 87/88-17; 03/ 04-290, ч. 2).

[1158] Звание присяжного поверенного обязывает его уважать и исполнять законы, и потому званию этому противны деяния, направленные в обход закона. Присяжному поверенному обязательно иметь в виду, что, участвуя в совершении фиктивных сделок и удостоверяя таким образом несуществующие в действительности правовые отношения сторон, он, помимо вреда, могущего последовать непосредственно для его доверителя, в случае недобросовестности контрагента, может при известных обстоятельствах вызвать вред и убытки для третьих лиц, в деле не участвовавших. (Харьк. 84/85-112).

[1159] Присяжному поверенному не следует принимать участия в заключении фиктивных сделок даже в тех случаях, когда сделки эти клонятся всецело к пользе его доверителей и вполне согласны с их желаниями. Таковы взгляды Московского Совета в его прошлой деятельности, и ими присяжные поверенные должны постоянно воодушевляться в отправлении своих трудных и сложных обязанностей. (Мск. 03/ 04-235, ч. 2).

[1160] Присяжному поверенному не приличествовало участвовать так или иначе в составлении векселя с целью обращения его ко взысканию, хотя бы и не в своих интересах, а с целью сохранить

при предстоящей продаже имущества должника-родственника нечто в пользу последнего. (Харьк. 82/83-101).

[1161] Создание фиктивного акта для полной замены личностью поверенного одной из сторон в процессе представляет из себя серьезное нарушение профессиональных обязанностей, предусмотренное 400 ст. Учр. Суд. Уст. (Мск. 07/08-412, ч. 3).

[1162] Помощник присяжного поверенного признал, что двукратно составлял фиктивные документы, причем один из них составил так, чтобы при взыскании по нему получалась картина «форменной растраты» там, где в действительности никакой растраты не было, так как в тексте составленного им обязательства им были вписаны «фантастические номера билетов», будто бы данных в залог, в действительности же никогда не существовавших. Таким образом, он нисколько не колебался подвести под уголовную ответственность человека, заведомо уголовного деяния не совершившего. Приведенные факты свидетельствуют о том, что помощник присяжного поверенного совершил ряд безнравственных поступков, а потому оставлять его в рядах присяжной адвокатуры не представляется возможным. (С.-Пб. 09/10-658; Мск. 85/86-185).

[1163] Совет нашел серьезное профессиональное нарушение в том, что присяжный поверенный принял на себя написание текста векселей задним числом, т.е. составление фиктивной сделки, которая, как таковая, может быть оспорена и даже повлечь для участвовавшего в совершении таковой сделки неприятные последствия, бросающие тень на звание присяжного поверенного. Вина усугубляется тем, что он по этим векселям согласился участвовать в конкурсе и при рассмотрении претензии своего доверителя, основанной на этих векселях, вместо того, чтобы устраниться от рассмотрения претензии, признал их беспризорными и отнес их к долгам 1 рода 2 разряда. Хотя присяжный поверенный утверждает, что векселя были выданы взамен других долговых документов, почему он их считал действительными, но присяжный поверенный, дорожа своим званием, не должен совершать таких проступков, которые могут давать основание предполагать недобросовестность и умаляют честь и доброе имя. (С.-Пб. 09/10-598; Мск. 03/ 04-235, ч. 2).

[1164] Принадлежность присяжного поверенного к сословию обязывает его к правдивости его требований которой не соответствует отстаивание перед Судом безвалютных долгов или фиктив-

ных претензий, хотя бы и вынужденное состязанием с другими кредиторами, находящимися в таких же отношениях к должнику. (С.-Пб. 97/98-102).

[1165] Всякого рода фиктивные юридические операции безусловно роняют достоинство сословия, каковы бы ни были мотивы, ради которых к ним прибегают. А в данном случае присяжный поверенный сам, по собственному почину, стал на этот путь фикции; вместо того, чтобы добиться законного акта укрепления на имя доверительницы, путем утверждения ее в правах наследства или по давности, и ввода во владение, он предпочел обратиться к другому, более легкому, но крайне сомнительному способу получения формального крепостного акта, а именно: приняв фиктивные долговые обязательства на свою доверительницу, он к ней же предъявил иск, обратил взыскание на ее имение, а затем приступил к продаже его. (Мск. 08/09-225, ч. 3).

[1166] Присяжный поверенный взял деньги в заем, а выдал расписку в том, что деньги приняты им «на сохранение». Иными словами, он выдал обязательство фиктивное, содержание которого совершенно не соответствует действительному положению вещей. Допущенная фикция является, по обстоятельствам дела, особенно предосудительной. Присяжному поверенному надлежало категорически отказаться от займа на таких условиях и отнюдь не выдавать унизительного для его достоинства обязательства. (Мск. 09/10-521, ч. 3).

[1167] Присяжный поверенный принял от доверителя векселя для получения своего вознаграждения из залога, внесенного доверителем, и притом получил векселей на большую сумму, чем сколько он ему был должен, для того, чтобы при распределении денег получить все, что ему следовало. Кроме того, векселя были выданы на имя третьих лиц. Такого рода действия присяжного поверенного должны влечь за собой одно из самых тяжелых дисциплинарных взысканий – запрещение практики. (Мск. 07/08-369, ч. 3)

[1168] Присяжный поверенный за отсутствием доверителя принял от его должника на свое имя вексель. Совет нашел, что поверенный никогда не должен ставить себя в положение личного кредитора должника своего доверителя. Не говоря уже о том, что такое, хотя бы и временное, приобретение чужих прав может влечь крайне невыгодные последствия для сторон в случае, например,

смерти кого-либо из них, тяжкой болезни, несостоятельности и т.п.; следует заметить, что положение адвоката с такою претензией будет всегда фальшивое, неправдивое и ставит его в непосредственные личные отношения к должнику, что не должно иметь места. (С.-Пб. 92/93-121).

[1169] Перед Советом был поставлен вопрос об отношении сословного суда к факту дуэли между членами сословия. Совет решительно отвергает нормальность того способа разрешения личных столкновений, который называется дуэлью. Помимо того, что этот способ воспрещен законом, он не оправдывается ни нормальными, ни этическими соображениями. Даже на Западе, где дуэль является, если можно так выразиться, развившимся исторически "институтом", она к настоящему времени выродилась в "неизбежную нелепость", в одну из тех условностей, в силу и значение которых люди не верят и исполняют только по традициям, как бессмысленный выродившийся обряд. Таких обрядов много, и исполняются они обыкновенно с серьезным видом даже лицами, внутренне уже привыкшими смеяться "смехом авгуров". От других условностей дуэль отличается исключительно своим кровавым характером. И если потерявшие смысл нелепые обряды не должны пользоваться симпатиями осмысленных культурных людей, то тем с большим осуждением и отрицанием следует относиться к кровопролитному пережитку тех времен, когда ценность человеческой личности и жизни была чрезвычайно низка, а право и культура только нарождались. В России этот "институт" не привился и не получил развития, несмотря на ряд специальных мер к укоренению его в некоторых классах. По-видимому, настроение и идеи нашего общества представляют неблагоприятную почву для этого цветка средних веков. Дуэль или отвергается принципиально, или подвергается таким искажениям, что теряет образ "Суда Божьего" и превращается на русской почве в простую драку или "драку по совести" – наиболее возмутительный вид дуэли, при котором отступает на задний план очистительный обряд, и на первое место выдвигается желание причинить противнику наибольший вред. Конечно, могут быть случаи, когда оскорбление столь глубоко потрясшее человека, вызывает такую жажду мести, что не только законные способы преследования не удовлетворяют, но и дуэль с ее правилами и обстановкой кажется разъяренному человеку комедией, придумываются особо тяжкие изощренные способы дуэли, или происходит простое, ничем не подкрашенное убийство. В таких случаях объективный наблюдатель несовершенства человеческой природы вынужден признать обыкновен-

ную дуэль меньшим злом, чем убийство, но все таки злом. Однако, такие случаи чрезвычайно редки и объясняются почти всегда нервными болезнями или психической неуравновешенностью мстителя, если не умственным расстройством. У нормальных людей действие задерживающих центров и успокоительное влияние времени очень скоро восстановляет нарушенное равновесие и устраняет необходимость экстраординарных действий… как ни странно звучат для нас слова и “праве” на удовлетворение оружием и даже о возможности потери этого необыкновенного “права”, тем не менее действительно существуют в “дуэльных кодексах” термины “дуэлеспособность”, “право на удовлетворение оружием” и т.п. понятия, выработавшиеся в странах, где дуэль обычаем узаконена. И само собой разумеется, что лица, согласившиеся участвовать в дуэли, в качестве ли бойцов или только секундантов, обязаны руководится общепринятыми дуэльными правилами, если хотят дуэли, а не драки и не стрельбы клюквой. Совет не может входить в обсуждение нарушений дуэльного кодекса, не входя в противоречие с безусловно отрицательным взглядом своим на дуэль… Наказуемо ли в дисциплинарном порядке участие в дуэли? Обращаясь к этому вопросу, Совет находит, что установленные законом дисциплинарные наказания, за исключением предусмотренных 4 и 5 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст., носят исправительный характер. И только в тех случаях, когда Совет признает виновного неисправимым и представляющим серьезную опасность для сословия и доверителей, только в этих случаях наступает исключение из сословия. Все остальные взыскания имеют целью поднять и исправить совершившего дисциплинарный грех. Между тем история показывает, что преступления, не осуждаемые обществом, от применения наказания не только не прекращаются, но нередко делаются более частыми под влиянием того “ореола мученичества”, который создается карами. В этом отношении именно дуэль служит лучшим примером. Там, где за нее назначались наиболее суровые наказания, доходившие до смертной казни (напр., во Франции), именно там обычай дуэли оказался наиболее укоренившимся, случаи дуэли наиболее частыми. И наоборот – в Англии дуэлей почти нет, быть может, отчасти в зависимости от прозаического права взыскивать убытки, происшедшие от обращения к этому “благородному” способу “защиты чести”. Россия, сделавшая дуэль привилегированным преступлением, не может жаловаться на развитие этого печального обычая. Судя по этим примерам, можно опасаться, что если бы Совет Присяжных Поверенных начал применять наказания за дуэль, то это могло бы повести к распространению дуэлей среди членов сословия при отсутствии общественного осуждения этого

пережитка. С другой стороны, дисциплинарный суд не может забыть и того основного правила своей деятельности, что наказанию подлежат лишь позорящие поступки. С сожалением необходимо констатировать, что до сих пор русское общественное мнение недостаточно определенно осуждает дуэль. Если у нас нет явного и общего сочувствия дуэлям, то нет и прямого всеобщего осуждения их. Доказательством этого служит, между прочим, и тот печальный факт, что “принципиальные противники дуэлей” читают только маленькой «товарищеской услугой» принятие на себя обязанностей секундантов и охотно забывают о своем «принципе», становясь на чуждую им точку зрения товарища, вызывающего на дуэль. Конечно, также «принципиальные противники» более всего и поддерживают своей слабостью ненужный, отживший обряд. Они же создают и то безразличие, с которым общество относится к дуэлям. Но как бы то ни было, Совет не может признать, чтобы точки зрения общества участие в дуэли признавалось позорящим поступком. Поэтому дуэль необходимо отнести к числу тех действий, которые не могут пока вызывать дисциплинарной кары, хотя бы они и нарушали закон. И так же как в вопросе о религиозных и политических преступлениях, Совет, как представитель сословия, в котором находят себе место лица совершенно различных и иногда враждебных между собой течений, должен стать выше отдельных взглядов и партий и обязан лишь беспристрастно охранять добрые нравы, не стесняя научных, религиозных политических и общественных взглядов членов сословия и заботясь о достоинстве и благе сословия в целом. (Мск. 10/11-123, ч. 3).

[1170] Совет нашел неуместным со стороны помощника присяжного поверенного в разговоре с председателем Суда указывать на возможность вызова его на дуэль. По закону Председательствующий наблюдает за сохранением в судебных заседаниях порядка и, принимая ту или иную дисциплинарную меру по отношению к кому-нибудь из присутствующих, он не выходит из пределов возложенных на него законом обязанностей. Возможность подвергаться вызову на дуэль по поводу мер, принимаемых при управлении ходом заседания в установленных законом пределах, лишало бы председательствующих судебных мест надлежащей свободы и независимости и оказывало бы на них весьма нежелательное давление. (С.-Пб. 08/09-334).

[1171] Способ ведения дела, при котором предполагается вознаграждать каких-то лиц, могущих повлиять на ускорение покупки

имения банком, представляется предосудительным в особенности для пр. пов., который должен все принятые им поручения исполнять исключительно законными средствами. (С.-Пб. 08/09-414).

[1172] Предложение поверенным одной стороны вознаграждения поверенному другой за его предстоящие труды по делу является, во всяком случае, – даже при отсутствии прямого намерения склонить поверенного противной стороны к уклонению от его долга, – нарушением столь элементарных начал адвокатской этики, что дальнейшее пребывание совершившего такой поступок в среде присяжной адвокатуры, по мнению Совета, не соответствовало бы интересам и достоинству сословия. (С.-Пб. 09/10-674).

[1173] Обращение к лицу, долженствующему повлиять на должностных лиц, от коих зависит исход дела, и принятие от доверителя денег для уплаты этому лицу, самое имя которого доверителю, а затем и Совету не сообщается, представляется в высшей степени предосудительным для присяжного поверенного, обязанного добиваться успеха принятых им на себя дел лишь законными средствами. (С.-Пб. 09/10-642; 90/91-134).

[1174] Совет нашел, что помощники присяжных поверенных мели намерение при ходатайстве об открытии для доверителя магазина практиковать незаконные способы осуществления такого ходатайства путем выдачи вознаграждения лицам, занимающим служебное положение и обязанным в силу этого положения и без того содействовать такому открытию, если это было законно исполнимо; такие действия помощников присяжных поверенных Совет находит в высшей степени предосудительными и заслуживающими строгого взыскания. (Мск. 07/08-356, ч. 3).

[1175] Совет нашел, что помощник присяжного поверенного допустил неразборчивое отношение к средствам защиты интересов своего доверителя. Имея перед собой сыскную полицию и поставленный в необходимость, как поверенный, выяснить причины долговременного содержания брата доверителя под стражей при управлении сыскной полиции, он должен был действовать строго официально, не вступая на путь домашних средств помощи своему доверителю путем передачи своей визитной карточки чиновнику сыскной полиции с просьбами частного характера о предоставлении свидания его доверителю с арестованным его братом. Самый факт передачи визитной карточки чиновнику сыскной полиции означает,

без сомнения, желание использовать свое знакомство с ним, частные свои отношения. Все это указывает на то, что помощник присяжного поверенного недостаточно усвоил себе принципы адвокатской деятельности, требующей от члена нашего сословия сознания своего профессионального долга и корпоративной чести. (Мск. 08/09-252, ч. 3).

[1176] Отсутствие свидетельства на ведение чужих дел не должно вредно отзываться на порученных помощнику присяжного поверенного делах. Обнаруживши невозможность возобновить свидетельство, он должен отказаться от ведения дела или, с согласия своего доверителя, передоверить его другому лицу, но не оставлять дела без движения. (Мск. 09/10-305, ч. 3).

[1177] Совет подверг взысканию помощника присяжного поверенного, который принял доверенность и даже выступал один раз по такому делу, вести которое, как помощник присяжного поверенного, не имеющий свидетельства, он был не в праве. (Мск. 08/09-173, ч. 3).

[1178] Помощник присяжного поверенного допустил серьезные профессиональные нарушения, заключавшиеся в том, что принял дело, не справившись ни в законе, ни у патрона своего, для ведения в таких установлениях, где не имел права вести, и что, обнаружив эту ошибку, вместо того, чтобы объяснить ее доверителю или посоветоваться с патроном, или заменить себя поверенным, имеющим право вести дела в этих учреждениях, просил доверителя выдать доверенность на управление его домом, тогда как в действительности домом не управлял. (С.-Пб.10/11-456).

[1179] Предъявление иска без свидетельства в январе не может быть поставлено в вину тому помощнику присяжного поверенного, который в предшествующем году имел свидетельство и намерен был взять его на начинающийся год: практика Окружного Суда установила, что такие лица могут в январе вести чужие дела до взноса причитающихся с них платежей… но главная неправильность помощника заключается в том, что он позволил себе выступить в феврале месяце в заседании Суда со словесными объяснениями. Он не мог не понимать, что Суд допускает его к даче объяснений, считая его имеющим свидетельство; он не мог не понимать, что такой поступок, заключающий в себе элемент обмана Суда, является противозаконным и подрывает доверие Суда ко всему сословию

присяжной адвокатуры. Как бы тяжело не сложились денежные дела адвоката, он не может выступать тогда, когда допущение его к объяснению по делу в заседании Суда является очевидным результатом доверия или ошибки Суда, когда за этим выступлением скрывается обман судебного учреждения. (С.-Пб. 10/11-574; 10/11-417).

[1180] Помощник присяжного поверенного, не имевший свидетельства на ведение дел в мировых учреждениях, на вопрос председательствующего, какое по числу ведет он дело, сообщил, что вел много дел, а потому не может дать подписки. Рассмотрев обстоятельства дела и имея в виду, что он, как помощник присяжного поверенного, обязан был и без напоминания председательствующего к точному соблюдению 406-$_{18}$ ст. Учр. Суд. Устан., Совет подверг его взысканию. (Одес. 1911-72).

[1181] Из содержания публикации, напечатанной присяжным поверенным в “Рижском Вестнике”, усматривается объявление об “общем адвокатском бюро”, т.е. об учреждении конторы, о принятии на себя хождения по делам, запрещенном ст. 2295 т. X ч. I Св. Зак. Гражд. Хотя правило, выраженное в этом законе, не содержится в местных узаконениях, действующих в Прибалтийских губерниях, тем не менее присяжным поверенным неприлично делать то, что запрещено общим законом Империи и только не предусмотрено в местных узаконениях. (С.-Пб. 98/90-145).

[1182] Рассмотрев вопрос об отчислении присяжного поверенного из состава консультации присяжных поверенных, Совет полагает, что юридическая консультация присяжных поверенных, как учреждение, в общественно интересе обязана следить за деятельностью своих членов по подаче юридических советов. Составленная из лиц, принадлежащих к сословию, она обязана заботиться, чтобы деятельность отдельных членов не роняла достоинства звания присяжного поверенного. Нет сомнения, что неправильный совет, данный по делу лицу, обратившемуся в консультацию, вредит столько же консультации, сколько и доброму имени сословия. Посему, раз общее собрание пришло к выводу, что деятельность присяжного поверенного, как консультанта, свидетельствует о низком уровне его знаний, что он вредит частным лицам столько же, сколько доброму имени консультации и сословия, общее собрание было в праве устранить его от дальнейшего участия в консультации. Совет в отчислении присяжного поверенного из состава консультации воспрещения ему практики не видит, а усматривает лишь акт, анало-

гичный действию доверителя, лишившему его доверенности. Насильно поверенным частного лица быть нельзя, ибо договор доверенности есть акт, основанный на доверии. Нельзя насильно принадлежать и к кружку присяжных поверенных, преследующих цели, установленные учреждением консультации, если члены последней утратили доверие к знаниям присяжного поверенного. (Мск. 90/91-32).

[1183] Могут быть случаи, когда при соединении в лице присяжного поверенного качеств поверенного и свидетеля для стороны может быть существенно важным показание присяжного поверенного, как свидетеля, когда для самого присяжного поверенного может возникнуть недоразумение относительно того, не следует ли ему отказаться от обязанности поверенного, чтобы иметь возможность явиться свидетелем, если Суд его допустит до свидетельства, и когда для другого представителя интересов тяжущейся стороны может представляться даже необходимой ссылка на присяжного поверенного, как на свидетеля. Отказаться от пользования таким доказательством, как свидетельское показание присяжного поверенного, может быть в известных случаях совершенно опасно для правильной защиты интересов стороны, а потому в ссылке поверенного истца на поверенного ответчика и отказ последнего от участия в деле в качестве поверенного, ради сохранения за его верителем права воспользоваться его сведениями по делу, как свидетеля, нельзя видеть действия несовместного со званием присяжного поверенного и недостойного его. (С.-Пб. 91/92-260).

[1184] Непозволительно для присяжного поверенного возбуждать ходатайство об освидетельствовании кого бы то ни было и взятии в опеку, не убедившись лично или другими достоверными способами, по крайней мере, в ненормальном его состоянии, хотя бы и недостаточном для признания его сумасшедшим. Не только освидетельствование, но даже и дознание о психическом расстройстве лица сопряжено по большей части с такими нравственными его страданиями и невыгодными последствиями в делах его с другими лицами, что не может не подлежать ответственности тот, кто возбудил такое дознание без оснований, и в особенности, кто возбудил его напрасно. (С.-Пб. 88/89-68).

[1185] Присяжный поверенный должен подлежать дисциплинарной ответственности за то, что по делу, в котором он был поверенным истца, допустил назначение опекуном над имуществом

умершей ответчицы лицо, состоявшее у него к должности письмоводителя по найму, и после такового назначения не отказался от дальнейшего ведения дела и не отказал немедленно лицу, назначенному опекуном, от занятий у него за вознаграждение в должности письмоводителя. В виду того, что опекун является, по закону, защитником прав того имущества, которое он отыскивал в пользу своего доверителя, представляется недопустимым с нравственной точки зрения одновременное добросовестное исполнение одним и тем же лицом и обязанностей ответчика по иску, предъявленному присяжным поверенным, и обязанностей подчиненной последнему, как хозяину, должности письмоводителя. Допущение такого лица быть представителем опытной стороны может подать повод в предположению стачки присяжного поверенного с зависимым от него лицом с корыстною целью. Такой поступок присяжного поверенного, как одно из важнейших нарушений обязанностей звания, должен подлежать одному из высших видов дисциплинарной ответственности сообразно с условиями и обстановкой, при которых совершен этот проступок. (Мск. 85/86-168).

[1186] Участие присяжного поверенного в обыске, производимым полицией, хотя бы в форме простого нахождения при обыске, недопустимо. Обыск производился, несомненно, в порядке дознания, розыска. В этом порядке закон не допускает даже формально присутствия поверенных жалобщиков, а по существу непозволительно участие присяжного поверенного в розыскных мерах полиции ввиду того, что такое участие, по самому характеру этих мер, не соответствует достоинству сословия присяжной адвокатуры. Но присяжный поверенный не только присутствовал при обыске, он принял в нем участие, давая, по собственному признанию, разъяснения о содержании документов, и какие документы подлежат выемке. Все это он делал, скрывая, кто он, и уклонившись от подписи на протоколе обыска. Меду тем, присяжный поверенный должен знать элементарное правило, в силу которого не только присяжный поверенный или его помощник, но всякий, входящий в чужое жилище без согласия хозяина, должен иметь на то твердое право и должен объявить хозяину, кто он, зачем и на каком основании пришел. (Мск. 09/10-603, ч. 3).

[1187] В действиях присяжного поверенного имеется предосудительный поступок; данный присяжным поверенным совет уменьшить цену купчей крепости для уменьшения количества крепостных пошлин, хотя бы и не приведенный в исполнение, унижает достоин-

ство присяжного поверенного, обязанного, по своему положению, прежде всего избегать обхода закона, хотя бы и в интересах своего доверителя. Если присяжному поверенному вменяются в вину проступки, указывающие на его легкомысленное отношение к исполнению принятых им на себя обязанностей, то с особенной строгостью следует отнестись к действиям присяжного поверенного, направленным к умышленному нарушению закона. (Новочерк. 06/07-26).

[1188] В законах, определяющих права и обязанности присяжных поверенных (ст. 283-406 Учр. Суд. Уст.), не содержится никакого указания на порядок принятия к ведению дел и участие в оных тех присяжных поверенных, которые до вступления своего в сословие участвовали в сих делах в качестве лиц должностных по обязанностям занимаемой или прежде служебной должности… Тем не менее Совет полагает, что в ограждение достоинства сословия присяжных поверенных и нравственных принципов, лежащих в основе деятельности адвоката, нельзя игнорировать те предыдущие действия по известному делу лица, впоследствии посвятившего себя адвокатское профессии, которые выясняют его отношения и взгляды на дело за время, предшествовавшее вступлению его в сословие присяжных поверенных. Было бы, конечно, в высшей степени нежелательно, чтобы чиновники, состоящие на государственной службе, умышленно приготовляли себе, пользуясь своим официальным положением, материалы для будущей адвокатской практики. Нельзя также допустить, без ущерба для нравственного уровня сословия, чтобы лицо, прекратившее свою службу, становилось затем по тому же самому делу, действуя уже в качестве присяжного поверенного, в разрез со своими прежними убеждениями и в противоречие с прежним его образом действий. Хотя ст. 402 Учр. Суд. Уст., относясь по прямому ее смыслу к деятельности присяжного поверенного, воспрещает переход по одному и тому же делу с одной стороны на другую, но, без сомнения, указанная перемена не может не быть сочтена предосудительной и в том случае, когда деятельность лица, распадаясь на две части – служебную и официальную, стоит в явном противоречии сама с собою. Если бы, напр., прокурор, являвшийся, в силу служебной обязанности, обвинителем кого-либо в совершенном преступлении, выйдя затем в отставку и вступив в сословие присяжных поверенных, в случае кассации приговора выступил бы в качестве защитника того же подсудимого, которого он прежде сам обвинял. (Мск. 85/86-23).

[1189] Совет назначает после умершего члена сословия хранителя дел не для продолжения их, а лишь для того, чтобы охранить интересы как доверителей умершего, так и наследников умершего присяжного поверенного. Но назначение Советом хранителя никоим образом не может быть истолковано, как поручение продолжать дела, начатые умершим присяжным поверенным. Совет не имеет для этого законного основания, так как поручение дела зависит исключительно от воли доверителя и, кроме того, в назначении Советом того или другого лица, как хранителя, не содержится даже никакой рекомендации. Хранитель должен выяснить положение всех дел, снестись с доверителями, поставить их в курс дела и передать документы или доверителям умершего или вновь избранным поверенным. Может случиться, конечно, что таковым поверенным окажется и хранитель, но это не предполагается само собой. (Мск. 07/08-250, ч. 2; 08/09-110, ч. 3).

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВИЛ АДВОКАТУРЫ

1. ДОСТОИНСТВО АДВОКАТУРЫ:
Обязанность защищать и охранять достоинство сословия и личное, с бесстрашием и энергией – [13]
Обязанность адвоката принять немедленные, решительные и энергичные меры к опровержению обвинения на него – [14, 107, 111]
Все поступки, могущие дурно влиять на нравственную оценку адвоката, роняют достоинство его и сословия, в том числе:
– суждения, противные правилам нравственности – [21]
– поступки в частной жизни – [22, 88]
– поступки, совершенные до вступления в сословие – [29]
– ложное обвинение в безнравственности или предосудительном поступке, грубая критика, брань – [43]
– проступки, прощенные жалобщиком – [60, 61]
– действия при отправлении государственных обязанностей – [89]
– действия в качестве членов конкурсного управления – [91]
Уклонение от явки в сословный орган – [86]
Оскорбительные отзывы о сословии – [101]
Ненадлежащее отстаивание права на независимость, выразившееся в выдаче объяснений неуполномоченному органу – [103]
Уклонение от объяснений сословному органу – [106, 107]
Обязанность немедленного и точного исполнения решений сословного органа – [113, 114]
Сделка с жалобщиком – [122]

Неправдивые, уклончивые, изворотливые объяснения сословному органу – [127]
Состояние на службе:
– частного лица (утрата независимости и свободы располагать своим временем) – [139]
– страховым агентом (погоня за доверителями и реклама – признак деморализации и упадка адвокатуры; принципы коммерческой деятельности несовместимы с адвокатской практикой – [141]
– администрации торгового предприятия – [149, 154]
– промышленного предприятия – [155]
– приказчиком, управляющим доверителя – [157]
Убеждение контрагента сделки (в коммерческих переговорах) в ее солидности – [170]
Комиссионные операции по учету векселей – [173]
Приобретение доверителей и дел через наемную агентуру (посредников) (утрата независимости сословия):
– за плату – [189, 190, 193, 260]
– посредством рекламы, публикаций, циркулярных писем – [191, 211, 213, 214]
– передоверие от ходатаев – [197]
Предложение своих услуг по ведению дел – [202, 208, 225]
Действия по розыску наследников дали основание смотреть на адвоката как на лицо, ведущее выгодное предприятие – [205]
Саморекламирование – [219, 220]
Принятие дел, противных доброй нравственности – [229]
Принятие заведомо неосновательных, безнадежных дел – [248, 251]
Принятие от доверителя обеспечения соглашения – [266]
Оставление доверенности после исполнения поручения – [282]
Исполнение обязанностей поверенного после отзыва доверенности или вопреки воле доверителя – [284]
Выдача адвокатом доверенности на ведение дела лицу, непригодному для подобного назначения – [309]
Принятие взамен вознаграждения права на взыскание судебных издержек с процессуального противника – [326]
Приобретение претензии своего доверителя – [329]
Принятие дела от одного из торговых товарищей к другому – [346]
Угрозы и нравственное давление на процессуального противника с целью понуждения к заключению мирового соглашения – [358]
Незнание законов – [360]
Не подкреплять надлежащими доказательствами предъявляемые исковые требования – [391, 490]

Розыск адвокатом сокрытого имущества вместо обращения к содействию власти – [422]
Подрыв доверия посредством представления неверной копии документа – [434]
Советовать доверителю незаконные, нечестные средства борьбы – [450]
Принятие мер к умышленному замедлению судебного процесса – [452]
Измышления и изворотливость при ведении дела – [453]
Допрос свидетелей с нарушением закона и общепринятого порядка («сбивать свидетеля с толку») – [468]
Ведение процесса без уважения к противнику, нечестными приемами борьбы – [484]
Введение в заблуждение посредством недостаточно точного и ясного определения условий сделки – [506]
Воздействие на свидетелей, поучение их к даче показаний – [554, 555]
Ложное указание местожительства свидетелей – [555]
Посещение квартиры процессуального противника – [556]
Совместное представление интересов тяжущихся – [558]
Участие в обыске (подчинение воле своего доверителя) – [566]
Продолжение ведения дела при получении писем оскорбительного характера – [578]
Защита подсудимого по обстоятельствам, уличающим другого подсудимого, от защиты которого адвокат отказался – [625]
Передача денег подсудимому, находящемуся под стражей – [631]
Употребление грубых и оскорбительных выражений по адресу противников в судебной борьбе – [639]
Употребление неуместных фраз и оборотов в письменной речи; развязный тон судебной речи – [641]
Низведение слова до личных нападок – [643]
Глумление над потерпевшим – [646]
Сравнение уголовного приговора с выгодной сделкой – [651]
Отправление обязанностей защитника несмотря на грубое и неприличное обращение с ним судьи – [652, 672]
Участвовать в защите без должной подготовки к делу – [670]
Отправлять обязанности поверенного вопреки воле доверителя с целью сохранить право на вознаграждение – [737]
Уступать желаниям доверителя, впадать в неприличный тон, допускать оскорбительные выражения, заявлять абсурдные ходатайства, привлекать к делу лиц без достаточных оснований – [741, 744, 746, 749, 750]

Посредничать по займу денег для доверителя – [756, 763]
Заискивание перед доверителем – [778]
Выступать поверенным, когда доверитель требует возвращения доверенности – [785]
Общение с должниками в трактире – [786]
Сокрытие от доверителя истинного положения порученного дела – [809, 811]
Удержание денег доверителя сверх произведенных расходов и вознаграждения – [843, 903]
Незаключение письменного условия о гонораре – [884]
Уступка права на взыскание вознаграждения в погашение денежных расчетов – [889]
Отказ от судебной борьбы как одно из условий мирового соглашения – [922]
Исправление в документе о гонораре – [924]
Требование о выплате вознаграждения за каждый выход в суд – [926]
Комиссионная деятельность (доставление места за вознаграждение) – [934]
Удержание за собой дела посредством запугивания доверителя уголовной ответственностью – [942]
Требование чрезмерного вознаграждения – [951, 952]
Выход из пределов приличия и строгой корректности в ответ на недоброжелательность и оскорбительные замечания судьи – [1004]
Нарушение обещания, данного должностному лицу – [1009]
Прибытие в судебное заседание в нетрезвом виде – [1024]
Отходить от спокойной сдержанности тона в личных сношениях и в исходящих бумагах, глумление над личностью или учреждением – [1032]
Заявлять требования и просьбы, не основанные на законе – [1033]
Оскорбительный отзыв об официальном лице в публичном месте – [1037]
Нанесение оскорбления действием или словами – [1039, 1045, 1049, 1050]
Грубые утверждения в судебных бумагах – [1048]
Молчаливое выслушивание обидных нареканий на товарища и сословие, расследование правдивости заявлений товарища, подача жалобы на товарища с целью успокоить доверителя, уклонение от объяснений с товарищем – [1054]
Обвинение товарища (в незаконных средствах судебной борьбы, в тяжком проступке) – [1087, 1089]

Участие в одном деле со своим помощником в качестве противников – [1091]
Задержка в уплате вознаграждения за труд помощника – [1098]
Совершение действий, присущих рассыльным и сыщикам – [1105]
Утрата самообладания в объяснениях с частными лицами, в том числе письменных – [1111, 1112]
Предосудительные приемы в расчетах с целью избежать платежа – [1127]
Совершение действий, противных требованиям общей, а следовательно, и профессиональной нравственности – [1131]
Уклонение от исполнения обязанностей, возлагаемых законом, природой и условиями человеческого общежития – [1132]
Убеждение взыскателя не взыскивать всей присужденной суммы – [1136]
Неумеренность в азартных играх, игра в кредит – [1142, 1144]
Участие в публичных торгах на имущество, во взыскании которого участвовал как поверенный – [1148]
Участие в фиктивных юридических операциях – [1165, 1166]
Предложение вознаграждения поверенному другой стороны – [1172]
Участие в обыске – [1186]
Совершение действий, направленных к умышленному нарушению закона (совет уменьшить цену купчей для уменьшения пошлины) – [1187]
Участие в деле, в котором участвовал как должностное лицо до вступления в сословие – [1188]

2. ЧЕСТЬ АДВОКАТУРЫ:
Корпоративный надзор – средство к водворению и поддержанию между поверенными чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности перед правительством и обществом – [3, 5, 20]
Обязанность защищать честь, достоинство и привилегию сословия – [13]
Присяжный поверенный должен беречь свою честь и ограждать ее от клеветнических нападок – [14]
Сословие, в котором чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности составляют необходимейшие условия самого его существования – [16]
Поступки, совершенные в сфере частной жизни, могут оказаться несовместимыми с достоинством и честью члена сословия – [22]
Совет вправе высказываться по поводу поступков лиц, вступивших в корпорацию – [29]

Всякое деяние адвоката, раз оно колеблет достоинство адвоката, должно быть предметом суждения, задача которого – блюсти сословную честь – [32, 39]
Совет вправе давать общие принципиальные этические правила – [80]
Совет не может допустить со стороны отдельных присяжных поверенных дурных и оскорбительных отзывов о целом сословии – [101]
Чувство корпоративной чести и сознание солидарности с сословием требуют от каждого члена корпорации возможного содействия в правильной жизни адвокатского сословия – [120]
Присяжные поверенные, практикующие отдачу доверительских денег взаймы, оскорбляют честь сословия – [171]
Соглашение с ходатаем о ведении всех дел по его передовериям, лишает адвоката той свободы, которая необходима для охранения достоинства и чести корпорации – [197]
Необоснованное обвинение направлено против лица, принадлежавшего к составу присяжной адвокатуры – [490]
При ведении дел лиц, пользующихся правом бедности, присяжные поверенные должны быть особенно аккуратными и осторожными – [515]
Помещенные в прошении оскорбительные для чести присяжного поверенного выражения могут служить достаточным поводом для присяжного поверенного к отказу от ведения дела – [534]
Скрытый поверенный несостоятельных должников – [546]
Не нарушать ни общих законов, ни правил нравственности и чести, не прибегать к предосудительным средствам – [592]
Неосторожное отношение к вопросам личного достоинства и чести – [645]
Невозможность продолжать защиту, если способ обращения с защитником со стороны председателя является грубым и неприличным – [652, 672]
Единственным средством для оправдания от обвинения в тяжких нарушениях долга, пятнающих честь и достоинство носимого адвокатом звания является правдивое изложение того, что действительно происходило, а потому защитнику не может быть возбранено прибегнуть к этому средству, хотя бы это было связано с разглашением «тайны доверителя» – [799]
Присяжные поверенные должны всегда удостоверять производимые ими расчеты с доверителями расписками – [870]
Принимая на себя дела лиц неимущих присяжные поверенные в своих отношениях к этой категории доверителей должны соблюдать особую осторожность – [907]

Назначение гонорара в размере, не соответствующем ни количеству и качеству предстоящего по делу профессионального труда, ни свойству и характеру дела не может не вызывать справедливых нареканий в обществе – [952, 960]
Присяжные поверенные должны с особой осторожностью, с особой заботливостью относиться к чести и достоинству своих товарищей – [1045, 1058, 1067, 1069]
Пользоваться отсутствием товарища для слушания дела и особенно для прекращения дела, не подлежащего возобновлению, будет омрачать честь всего сословия – [1079]
Если обязательство принято, исполнить его становится делом чести, долгом присяжного поверенного – [1120]
Те действия, которые проистекают из азартной игры, роняют честь и достоинство звания – [1143]
Присяжный поверенный не должен совершать таких проступков, которые могут давать основание предполагать недобросовестность – [1163]
Принципы адвокатской деятельности требуют от члена сословия сознания своего профессионального долга и корпоративной чести – [1175]

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ, ЗАДАЧИ, ИДЕАЛЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ, ОБЯЗАННОСТИ, ПОЛОЖЕНИЕ, ПРИЗВАНИЕ:
Адвокатура не средство для кормления, но высокое общественное служение – [6]
Чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности пред правительством или обществом составляют необходимейшие условия существования сословия – [16]
Не только профессиональная, но и всякая другая общественная деятельность адвоката, даже его частная жизнь могут дать повод ко вмешательству дисциплинарной власти Совета – [20]
Адвокат должен нести личную ответственность за совершенный проступок – [30]
Всякое деяние адвоката, раз оно колеблет достоинство адвоката, должно быть предметом суждения органа, главная задача которого – блюсти сословную честь – [32]
Нежелательно, чтобы адвокаты принимали частное, прямое и непосредственное участие в деятельности коммерческой – [144]

Деятельность правозаступника есть не только профессиональная, но и гражданская обязанность, требующая полной свободы и независимости от всяких посторонних воздействий – [162]
Адвокат должен принимать меры к тому, чтобы вверенные ему дела, документы и деньги не могли бы оставаться без присмотра – [179]
Участие адвоката в делах по поручению нелегальных ходатаев в высокой степени предосудительно – [189]
Отсутствием нравственной брезгливости можно объяснить то унизительное положение, в какое ставит себя адвокат, покупая за деньги протекцию и покровительство – [192]
Последствия сближения понятий адвоката и торговца – [216]
Звание адвоката должно служить гарантией не только общей добропорядочности, но и особенной корректности – [273]
Деятельность адвоката должна быть чужда какой бы то ни было эксплуатации – [276]
Общее правило содействия адвоката доверителю требует, чтобы участие это было гласное – [283]
Адвокат не приказчик, не торговый корреспондент, к которому можно с чем угодно обращаться – [423]
Дела по назначению Совета адвокаты обязаны вести сами лично – [526]
Обязанность присяжного поверенного вести дела по праву бедности покоится на принципе общественного служения адвоката – [527]
Положение адвоката дает ему право на доверие к нему, но в то же время налагает нравственную обязанность, чтобы это доверие было всегда и во всем оправдано – [573]

4. ДОВЕРИЕ:
Корпоративная дисциплина – [5]
Доверие к каждому слову адвоката – [11]
Суждения, противные правилам нравственности, грубое незнание основных юридических положений – [21]
Неправильности и проступки адвоката не могут остаться безразличными для Совета – [60, 61]
В представляемых адвокатом копиях бумаг не должно быть извращения подлинников – [128]
Занятия торговлей – [144, 149]
Исполнение адвокатом полицейских функций – [162]
Получение денег дважды по одному документу – [172]
Удержание части средств по денежному документу – [173]
Исчезновение вместе с документами доверителя – [178]

Участие адвоката в предприятии нелегального ходатая (принятие от него дел) – [189]
Приемы искусственного привлечения доверителей путем разного рода рекламы, публикаций и т.п. – [191]
Обращение адвоката к незнакомому лицу с предложением услуг – [198]
Источником доверия может быть личное знакомство, отзывы, известность – [210]
Распространение объявлений, носящих характер реклам – [217]
Деятельность адвоката должна быть направлена на ограждение и восстановление права законными средствами – [242]
Принятие вещного обеспечения соглашения с доверителем – [266]
Уклонение адвоката от гласного участия в деле – [283]
Утрата доверия влечет прекращение доверительских отношений – [284]
Уничтожение доверенности есть выражение недоверия к поверенному – [306]
Совершение действий, идущих вразрез с интересами доверителя, без согласия на такие действия – [349]
Ведение дела или подача совета без ознакомления как с предметом дела, так и с законами – [360]
Непредставление документов в течение длительного времени – [390]
Утверждение о фактах без их проверки – [458]
Участие в деле в качестве не адвоката, а посредника–устроителя сделки – [553]
Только при соблюдении требования добросовестности и правдивости объяснений адвокат может снискать доверие и уважение Суда – [593]
В силу доверия защитнику охраны интересов подсудимого Закон не может связывать его теми или иными формальными требованиями – [629]
Тайна свидания должна служить исключительно законным целям судебной защиты – [631]
Адвокат может заменить себя товарищем, если обвиняемый согласится на это – [659]
Освидетельствование адвоката, заявляющего о своей болезни во время слушания дела, через врача – [675]
Доверие к адвокату переносится и на лицо, его заменяющее – [709]
Сохранение в целости документов доверителя – [726]
Тесная связь между адвокатом и доверителем исключает возможность предположения о назойливом предложении собственных услуг – [729]

Оставаться поверенным после выражения недоверия со стороны доверителя – [737]
Составление прошений в оскорбительных и укорительных выражениях – [754]
Ни при каких обстоятельствах адвокат не должен нарушать оказываемого ему доверия, а тем более, прибегать к обману – [782]
Адвокат не может давать показания по таким обстоятельствам дела, о которых он получил сведения только по этому доверию – [788]
Освободить адвоката от выбора между нарушением доверия и лжеприсягой его, как свидетеля – [789]
Дача доверителю неверных сведений о положении порученного дела – [811]
Удерживать документы вопреки желанию доверителя – [825]
Удержание адвокатом сумм, полученных для доверителя – [838, 848]
Растрата доверенных адвокату имущества и денег – [850]
Заставлять доверителя оказывать себе кредит – [851]
Небрежность расходования денег доверителя без письменных на то доказательств – [862]
Удостоверять расчеты с доверителями расписками – [870]
Удержание судебных и за ведение дела издержек не может быть рассматриваемо как нарушение доверия – [894]
Адвокату не следует прибегать к средствами для гарантии своего вознаграждения – [935]
Неустойка в гонорарном договоре создается с мыслью о недоверии, предположением, что договор исполнен не будет – [938
Адвокат должен принять все меры к тому, чтобы загладить свой промах, не подвести Суд – [1006]
Каждое категорически выраженное адвокатом утверждение должно иметь безусловную ценность и внушать судье непоколебимое доверие – [1008]
Отношения адвокатов, основаны на взаимном доверии и уважении – [1017]
Не выставлять напоказ недоверия к товарищу – [1054]
Адвокат не вправе поступаться интересами доверителя – [1085]
Недопустимость участия адвоката и его помощника в одном и том же деле в качестве противников – [1091]
Деяния частной жизни адвоката – [1109, 1110]
Точность в исполнении принятых на себя обязательств – [1120]

5. НЕЗАВИСИМОСТЬ:

Всякое нападение на сословие есть нападение лично на адвоката и наоборот – [13]
Без самоуправления немыслимы независимость и свобода адвокатуры – [20]
Независимость адвокатуры не допускает совмещения с занятием какой–либо платной должности – [103]
Сословная организация обеспечивает независимость адвоката – [109]
Заведование торговыми предприятиями подвергает риску независимость и самостоятельность адвоката – [154]
Деятельность адвоката требует полной свободы и независимости, в том числе и со стороны доверителя – [162]
Кабинет адвоката открыт для доверителей; они стоят в непосредственных отношениях – [189]
Руководство лишь своими юридическими и этическими воззрениями – [348]
Совмещая роли поверенного и должника по отношению к доверителю, адвокат не может пользоваться самостоятельностью и независимостью – [762]

6. ЗАДАЧИ:
Организовать среду людей, которые действовали бы в интересах общества и правосудия – [4]
Не только ведение процессов, но и их предупреждение – [7]
Служение правде – [11, 588]
Подготовлять своими разъяснениями правильное решение – [13]
Исполнять законы по крайнему разумению адвоката – [21]
Проявлять искусство, талант, находчивость – [55]
Правильно постановлять иск, ясно и убедительно излагать состязательные бумаги – [59]
Не писать и не говорить ничего, что могло бы клониться к ослаблению общества, семейства и доброй нравственности – [229]
Ставить обвинение с умеренностью и тактом – [230]
Во всяком случае не принимать на себя ведение дел по взысканиям, предъявленным в заведомо преувеличенном размере – [235]
Никогда не поддерживать недобросовестных требований и отклонять от себя всякое сомнительное дело – [237]
Предупреждать столкновения формального закона со справедливостью – [238]
Ограждение и восстановление права законными средствами – [242]
Не принимать к производству явно безнадежного дела – [243]

Убедиться в основательности требований доверителя – [247]
Ограждать доверителей от юридически неправильных действий – [248]
Не быть лишь составителем деловых бумаг, по указу, безотносительно к их содержанию и значению – [252]
Не принимать составление кассации без повода – [270]
Избегать всего, что может вовлечь адвоката в судебные споры по поводу профессиональной деятельности – [326]
Поверенные приглашаются для того, чтобы правильно составить и редактировать договоры – [356]
Убеждать суд в правоте доверителя представлением по делу доказательств, надлежащею группировкою таковых, указанием на соответствующие законы и представлением юридических выводов и соображений – [486]
Адвокат не может являться на суде слепым орудием своего доверителя – [490]
Деятельность адвоката не ограничивается лишь формальным представительством, но к области ее относятся также дача советов и составление деловых бумаг – [494]
Задача защитника подсудимого на суде не ограничивается произнесением защитительной речи и заявления относительно применения наказания – [608]
Ограждение и восстановление интересов частных лиц, нарушенных чьим–либо преступным деянием – [651]
Неприкосновенность свободы адвокатского слова – [1063]
Служение правосудию, отстаивание прав личности, развитие правосознания страны, улучшения ее законодательства – [1144]

Прибавление: Из речи адвоката Шарля Лашо в защиту Тропманна (обвинявшегося в убийстве восьмерых человек; преступление это взволновало и возмутило всю Францию, и когда общество узнало о том, что защиту принял Лашо, негодование не знало предела): «... Те, которые говорят, что есть преступления, настолько гадкие, и преступники, настолько ужасные, что невозможно делать попыток просить для них ни малейшего снисхождения в применении наказаний, – ошибаются, смешивая в благородном негодовании своем правосудие с гневом и мщением. Они не понимают, что, возбужденные глубоким состраданием жалостью к многочисленным жертвам, они требуют, таким образом, дозволения, совершить социальное преступление, самое опасное из всех: приносить в жертву закон. Я понимаю иначе обязанности защиты, законодатель пожелал, чтобы рядом с обвиняемым, каково бы ни было его преступление, стоял за-

щитник, справедливая и честная речь которого остановила бы, если возможно, волнения толпы, столь же благородные, сколько и ужасные, ибо они могут задушить истину.

Закон спокоен, господа; он никогда не знает увлечений, хотя бы самых благородных; он говорит самому себе, что истина может быть открыта, если будут ее отыскивать обвинение и защита совместно. Он знает, что наступит час, когда нужно забыть ужасы преступления. Он знает, что не все заключается жертвах и что следует также бросить взгляд на обвиняемого; что долг правосудия и судьи – изучить человека, его природу, его влечения, его ум, его нравственное состояние. Он говорит тогда адвокату: “Ты будешь в суде, ты будешь там со своей совестью”. – Это первое слово настоящего торжественного заседания, произнесенного председателем, когда он напомнил защитнику, что все что он скажет об обвиняемом, должно исходить из его совести. Право защиты, свободу защиты, законодатель вверяет профессиональной чести адвоката, примиряя, таким образом, законные права общества с правами не менее священными защиты, и будьте вполне уверены, господа, что, являясь пред вами, мы честно стараемся объяснить истину так, как мы ее понимаем.

Господа, я с вами буду искать истину, как я ее понимаю, и не буду защищать той, которую обвиняемый нам представляет. Полагаете ли вы, что я пришел сюда повторить все, что он сказал? Какое же мнение составили бы себе о моей профессии? О, она была бы низким ремеслом, если бы заключалась в повторении за обвиняемым всего, что он, хорошо ли или плохо заучивши, говорит в свою защиту. Будьте покойны, господа, я буду защищать этого человека так, как долг защиты мне повелевает. Я жил уже с ним; и его допрашивал, он говорил со мной; прежде чем быть его адвокатом, я был его судьей. Не мне принадлежит вынести вердикт; но я сделаю оценку всему, и посреди этих страшных сцен, моя обязанность сказать вам, что я думал об этом деле.

Защита принадлежит мне, я ее хозяин; и здесь я не эхо обвиняемого». Григор Чалхушьян. Идеалы французской адвокатуры. СПб., 1891, стр. 25-26.

7. ОБЯЗАННОСТИ АДВОКАТОВ:

Серьезное знание законов и умение разобраться в них – [9]

Оставаться носителями идеи права и законности и уважения к чужим правам – [10]

Защищать честь, достоинство и привилегию сословия – [13]

Адвокат должен беречь свою честь и всеми силами ограждать ее от клеветнических нападок – [14]
Обязанность не только не совершать действий, направленных к разрушению сословной организации присяжной адвокатуры, но всемерно способствовать укреплению последней и поддержанию органов ее, которые служат законно выразителями интересов всей адвокатской корпорации – [102]
Блюсти и оберегать доверие к достоинству своего звания – [266]
Удостовериться в правдивости события, о котором он должен заявить – [464]
Относиться к личности своего противника с крайней осторожностью и полной корректностью – [485]
Вести дело по праву бедности, хотя бы оно представлялось ему невозможным к выигрышу, так как только Суд может определить его основательность – [523]

8. НЕДОПУСТИМЫЕ СИСТЕМЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ:
Долговое обязательство вместо договора о гонораре – [766]
Определение вознаграждения в зависимости от времени продолжения судебного процесса – [912]
За каждый выход в суд – [926]
Вексель (долговой документ) – [932, 933]
Введение в гонорарный договор неустойки – [938]
Назначение вознаграждения за защиту в зависимости от оправдания подсудимого – [974]
Запрет защитнику по назначению получать от подсудимых вознаграждение за защиту – [984]

Прибавление 1. «В отношении вознаграждения представляется нам в высшей степени странное явление. Весьма часто встречаются такого рода условия, что доверитель уплачивает вознаграждение только в том случае, когда дело окончится в его пользу, то есть если его иск будет удовлетворен или если он будет оправдан по делу. Почему же может ставиться такое условие, на чем оно основывается? Ведь время потрачено, человек работал, знания и способности применены, благоприятный или неблагоприятный результат тут, собственно говоря, явление совершенно случайное, с деятельностью адвоката ничего общего не имеющее. Понятна плата за сделанную работу, за достигнутый результат в таком деле, как дело портного или сапожника: сделал он заказанные костюм или обувь – получает плату; не сделал или плохо сделал – платы нет. Здесь есть осязае-

мый результат, здесь возможна однозначная оценка результата. С деятельностью адвоката совсем не то: дело сделано, сделано все, что можно было сделать, – и вознаграждения нет; его нет из–за того, что у других сложился совершенно иной взгляд на дело и они не согласились с доводами данного лица. Зависи, таким образом, в своем разрешении от взгляда посторонних де лиц эта сделка граничит с венчурными сделками, сделками на риск. Хотя в иных случаях такая сделка может служить для доверителя гарантией, что если человек берется за дело, то, стало быть, рассчитывает добиться его благоприятного исхода, а не для того, чтобы, возбудив ложный иск, перетянуть из чужого кармана в свой несколько рублей. Но ведь это относится не ко всем случаям таких сделок. Какое объяснение для подобной сделки по отношению к адвокату ответчика или обвиняемого? Вышеизложенное соображение тут неприменимо: не будет участвовать в деле адвокат со стороны ответчика или обвиняемого – дело пройдет без него и будет так или иначе решено; не адвокат тут возбудил дело, не по его взглядам и убеждениям оно начато. В первом случае заявление адвоката можно формулировать в такой форме: я предъявляю иск, нахожу возможным это сделать, соображения мои правильны, правильность их гарантирую тем, что если с ними не согласятся, то я при неблагоприятном исходе дела ничего не получаю – пусть пропадает мой труд. Во втором случае, напротив, можно лишь сказать: дело началось, оно может кончиться и без меня, но я буду в нем участвовать, и если оно будет решено иначе – последствия другие. Здесь прямо ставка: один ставит деньги, другой ставит свой труд, третьи лица решают, кто должен потерять. Это буквально лотерея или пари, это – сделка к тому же незаконная, подлежащая запрещению». Возмездность в адвокатуре. «Русский адвокат», 1999, № 3

Прибавление 2. «С особенной строгостью французские Советы относятся к так называемому договору quota litis, т.е. к определению вознаграждения адвоката известным процентом, известной частью ценности предмета, о котором идет спор. Размер вознаграждения, вообще говоря, не должен зависеть от результата процесса. Адвокат не должен выговаривать себе право на удержание вознаграждения из суммы, которая будет присуждена его клиенту. Пока процесс не окончен и, следовательно, клиент находится в некоторой зависимости от адвоката, адвокату запрещено занимать у своего клиента деньги, продавать ему или покупать от него что-либо и вообще вступать с ним в какие бы то ни было сделки по имуществу». Константин Константинович Арсеньев. Заметки о русской адвокатуре. Автограф, Тула, 2001, стр. 94

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сословие: организация, обязанности, правила, обычаи и традиции, органы, контроль – [2, 3, 4, 5, 11, 13, 15, 16, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 39, 42, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 68, 79, 87, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 120, 122, 123, 132, 133, 135, 136, 138, 143, 146, 148, 149, 152, 156, 165, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 183, 187, 189, 195, 207, 210, 212, 213, 214, 216, 217, 219, 238, 239, 241, 242, 248, 256, 262, 264, 266, 273, 308, 314, 321, 326, 329, 352, 361, 364, 389, 422, 434, 437, 446, 463, 468, 490, 500, 514, 515, 528, 546, 552, 554, 566, 593, 597, 631, 635, 652, 653, 657, 660, 661, 662, 665, 672, 708, 709, 710, 714, 738, 747, 756, 757, 782, 786, 788, 819, 825, 835, 848, 849, 850, 870, 881, 907, 936, 940, 942, 951, 952, 960, 969, 970, 983, 984, 998, 999, 1000, 1006, 1032, 1033, 1036, 1044, 1047, 1049, 1050, 1051, 1053, 1054, 1055, 1056, 1058, 1067, 1968, 1069, 1078, 1079, 1085, 1087, 1089, 1090, 1091, 1109, 1111, 1114, 1118, 1126, 1131, 1132, 1133, 1136, 1140, 1141, 1143, 1144, 1147, 1149, 1150, 1151, 1157, 1164, 1165, 1169, 1172, 1175, 1179, 1182, 1186, 1188, 1189]

Достоинство адвокатуры (звания, профессии, сословия) – [5, 13, 14, 21, 22, 29, 32, 43, 60, 61, 86, 88, 89, 91, 101, 102, 103, 106, 107, 111, 113, 114, 122, 127, 139, 141, 149, 154, 155, 157, 170, 173, 189, 190, 191, 193, 197, 202, 205, 208, 211, 213, 214, 219, 220, 225, 229, 233, 248, 251, 260, 266, 267, 282, 284, 309, 326, 329, 346, 358, 360, 361, 391, 422, 434, 450, 452, 453, 468, 484, 490, 506, 554, 555, 556, 558, 566, 578, 625, 631, 639, 643, 646, 651, 652, 670, 672, 737, 741, 744, 746, 749, 750, 756, 763, 778, 785, 786, 809, 811, 843, 884, 889, 903, 922, 924, 926, 934, 942, 951, 952, 1004, 1009, 1024, 1032, 1033, 1037, 1039, 1045, 1048, 1049, 1050, 1054, 1087, 1089, 1091, 1098, 1105, 1111, 1112, 1127, 1131, 1132, 1136, 1142, 1144, 1148, 1165, 1166, 1172, 1186, 1187, 1188]

Доверие – [5, 11, 21, 32, 60, 61, 88, 108, 109, 128, 144, 149, 162, 172, 173, 178, 189, 191, 198, 210, 217, 242, 266, 283, 284, 306, 334, 349, 360, 390, 434, 458, 468, 535, 553, 562, 573, 593, 629, 631, 635, 659, 675, 676, 709, 726, 729, 732, 737, 752, 754, 778, 782, 788, 789, 811, 819, 820, 825, 838, 848, 850, 851, 856, 862, 870,

878, 894, 935, 938, 1000, 1006, 1008, 1017, 1028, 1054, 1068, 1085, 1091, 1109, 1110, 1120, 1179, 1182]

Честь адвокатуры – [3, 5, 13, 14, 16, 20, 22, 29, 32, 39, 80, 101, 120, 171, 197, 490, 515, 534, 546, 592, 645, 652, 672, 799, 870, 907, 952, 960, 1045, 1058, 1067, 1069, 1079, 1120, 1143, 1163, 1175]

Общественное служение, идеалы, деятельность, значение, обязанности, положение, призвание – [6, 11, 16, 20, 30, 32, 144, 162, 179, 189, 192, 216, 273, 276, 283, 423, 526, 527, 573]

Задачи – [4, 7, 11, 102, 139, 171, 174, 497, 589, 608, 650, 651, 971, 1063, 1144]

Независимость – [13, 20, 103, 109, 154, 162, 189, 348, 762]

Право на отказ от принятого дела (кроме дел по праву бедности) – [81, 138, 249, 251, 290, 296, 298, 379, 400, 411, 413, 450, 465, 510, 521, 524, 534, 558, 576-587, 593, 597, 654, 659, 664, 668, 669, 672, 673, 676, 679, 695, 696, 744, 749, 750, 813, 929, 955, 977, 981, 1176]